146 1/34.

1 6 1/54

Сэръ Генри Сомнеръ Мэнъ

ДРЕВНІЙ ЗАКОНЪ И ОБЫЧАЙ

1047

Изслѣдованія

по исторіи древняго права

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Аммона и В. Дерюжинскаго

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Максима Ковалевскаго

Изданіе редакціи Юридическаго Вѣстника

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.

1884

1461/34

ДРЕВНІЙ ЗАКОНЪ И ОБЫЧАЙ.

Сэръ Генри Сомнеръ Мэнъ

ДРЕВНІЙ ЗАКОНЪ И ОБЫЧАЙ

146 1/34 1047

Изслѣдованія

по исторіи древняго права

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

А. Аммона и В. Дерюжинскаго

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Максима Ковалевскаго

Изданіе редакціи Юридическаго Вѣстника

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5.

1884

32442
16-II-1925

СОДЕРЖАНІЕ.

Главы.	Стр.
I. Священные законы Индусовъ	1
II. Религія и право	20
Примѣчаніе: Изображенія колеса	37
III. Культъ предковъ	39
IV. Культъ предковъ и наслѣдованіе	59
Примѣчанія: A. Patria potestas у Индусовъ	92
B. Поліандрія	94
V. Престолонаслѣдіе и Салическое право	95
VI. Король въ его отношеніи къ древнѣйшему гражданскому правосудію	122
VII. Теоріи первобытнаго общества	147
Примѣчаніе: Андаманскіе островитяне	176
VIII. Восточно-Европейскія семейныя общины	180
Примѣчаніе: Родъ	218
IX. Распаденіе феодальной собственности во Франціи и Англіи	226
Примѣчаніе: Деревенскія общины и помѣстья	253
X. Классификаціи собственности	259
XI. Классификаціи правовыхъ нормъ	280
Указатель	301

Предисловіе автора.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ авторомъ предлагаемой книги уже были изданы, подъ заглавіемъ „Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ“ и „Древнѣйшая исторія учрежденій“, два курса лекцій, читанныхъ имъ въ тѣ годы, когда онъ имѣлъ честь занимать кафедру юриспруденціи въ Оксфордскомъ Университетѣ. Настоящее сочиненіе также представляетъ собою рядъ лекцій, читанныхъ въ разное время въ Оксфордѣ, при чемъ первоначальная форма изложенія подвергнута въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существеннымъ измѣненіямъ.

На предлагаемыхъ страницахъ авторъ продолжаетъ идти по тому же пути, какого онъ держался и въ предыдущихъ своихъ изслѣдованіяхъ: цѣлый рядъ по-нынѣ существующихъ учрежденій онъ старается поставить въ связь съ первобытными или по крайней мѣрѣ съ очень древними обычаями и тѣми идеями, которыми были проникнуты эти послѣдніе. Въ первыхъ четырехъ главахъ, пользуясь драгоцѣннымъ изданіемъ „Священныхъ книгъ Востока“, переведенныхъ на англійскій языкъ подъ наблюденіемъ профессора Макса Мюллера, онъ старается пролить нѣкоторый свѣтъ на ту тѣсную связь древнѣйшаго права съ древней религіей, которая выступаетъ въ юридическихъ системахъ многихъ обществъ, игравшихъ большую роль въ развитіи современной цивилизаціи. Въ слѣдующихъ главахъ онъ трак-

туетъ о другомъ факторѣ, также весьма сильно вліявшемъ на первоначальныхъ ступеняхъ развитія права—о царской и королевской власти. Въ дальнѣйшихъ частяхъ книги авторъ изслѣдуетъ различныя формы собственности и землевладѣнія, а также и нѣкоторыя юридическія концепціи и классификаціи, продолжающія держаться и въ наши дни, но происхожденіе свое ведущія отъ очень отдаленныхъ временъ. Въ силу соображеній, указанныхъ въ началѣ VII главы, послѣднія части своего сочиненія авторъ предварилъ разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ теорій первобытнаго общества.

ГЛАВА I.

Священные законы индусовъ.

Изученіе священныхъ нарѣчій Индіи, подарившее міръ современною наукой филологіи и современной теоріей расы, началось съ изученія священныхъ индусскихъ законовъ. Сэръ Вильямъ Джонсъ, который хотя и не былъ безусловно первымъ изъ англо-индійскихъ санскритистовъ, но прежде другихъ познакомилъ Западъ съ существованіемъ на Востокѣ санскритскаго языка и литературы, кажется не подозрѣвалъ, занимаясь въ Англіи Востокомъ, о существованіи сокровища, которое ему суждено было открыть. Повидимому, онъ скорѣе искалъ ключа къ познанію Востока въ двухъ живыхъ и широко распространенныхъ языкахъ—арабскомъ и персидскомъ. Но онъ принялъ мѣсто судьи въ новоучрежденномъ бенгальскомъ судѣ, гдѣ парламентскимъ актомъ для споровъ между туземцами было сохранено примѣненіе ихъ собственныхъ законовъ и обычаевъ во всѣхъ вопросахъ о наслѣдствѣ и договорахъ; при этомъ во всѣхъ индійскихъ судахъ съ давняго времени практиковался призывъ въ послѣдніе мульвіевъ и пундитовъ, т. е. туземныхъ знатоковъ мусульманскаго и индусскаго права — съ цѣлью получить отъ нихъ объясненія касательно юридическихъ правилъ, исключительными вѣщателями которыхъ выставляли себя эти эксперты. Въ перепискѣ своей Вильямъ Джонсъ неоднократно выражаетъ недовѣріе (можетъ быть, не всегда основательно) къ добросовѣстности

и честности туземныхъ совѣтниковъ при судахъ. «Я не могу помириться съ мыслью», пишетъ онъ въ сентябрѣ 1785 г., «что въ своей дѣятельности я обязанъ ежечасно полагаться на то толкованіе индусскаго права, которое будетъ угодно дать пундитамъ, нерѣдко выдающимъ свои собственные домыслы за постановленія древняго закона.» Поэтому онъ рѣшился познакомиться лично съ источниками права, на основаніи которыхъ пундиты яко-бы давали свои юридическіе совѣты. Арабскій языкъ былъ уже ему знакомъ, и потому Вильямъ Джонсъ не нуждался въ чужой помощи при изученіи мусульманскаго права; но для того, чтобы одолѣть совершенно неизвѣстный ему языкъ, на которомъ было изложено индусское законодательство, онъ нашелъ необходимымъ посѣщать, во время вакацій, различныя приходящія и пришедшія въ упадокъ школы, гдѣ санскритскій языкъ еще преподавался, и организовалъ около себя кружокъ индусскихъ ученыхъ для содѣйствія въ своихъ занятіяхъ. Планъ улучшенія англо-индійскаго судопроизводства, который въ концѣ концовъ представился ему, заключался въ составленіи на англійскомъ языкѣ Дигестъ индусскаго и мусульманскаго права, съ помощью которыхъ можно было бы избѣжать дальнѣйшаго содѣйствія пундитовъ и мульвіевъ въ интерпретаціи туземныхъ законовъ. Къ чести тогдашняго управленія Индіи, во главѣ котораго стоялъ лордъ Корнваллисъ, надо отнести ту готовность, съ какою было принято предложеніе Вильяма Джонса руководить этимъ предпріятіемъ; его туземные эксперты, значительно увеличенные въ числѣ, были приняты на англійскую службу. На надгробномъ памятникѣ Джонса, воздвигнутомъ Флаксменомъ въ церкви «Университетской Коллегіи» въ Оксфордѣ, мы видимъ его въ обществѣ туземныхъ ученыхъ, съ обнаженною головой, на открытомъ воздухѣ и среди тропической растительности.

Отъ этихъ то туземныхъ индусскихъ учителей Вильямъ Джонсъ и узналъ о существованіи въ странѣ, только что подпавшей британскому владычеству, древняго языка, старшаго брата классическихъ языковъ, столь чтимыхъ на Западѣ, а также о цѣломъ циклѣ поэмъ, могущихъ справедливо быть срав-

ненными съ гомеровымъ эпосомъ и аттическою драмою, и наконецъ о законахъ, вдвое болѣе древнихъ, нежели законодательство Солона и Двѣнадцати Таблицъ въ Римѣ. Теперь, когда Индія стала предметомъ ежечасныхъ разговоровъ, когда въ Англіи постоянно вспоминаютъ о ней по поводу пограничныхъ войнъ, парламентскаго бюджета, опіума и сѣраго полотна — невозможно представить себѣ, съ какимъ глубокимъ интересомъ была во всей Европѣ встрѣчена литературная сторона помянутыхъ открытій. Но Вильямъ Джонсъ былъ болѣе юристъ, нежели ученый, и ничто, повидимому, не заинтересовало и не изумило его въ такой степени, какъ увѣреніе его учителей, что на древнемъ языкѣ, изучаемомъ имъ, уцѣлѣли писанные законы — какъ утверждалось — священнаго происхожденія, глубокой древности и равно обязательные для всѣхъ индусовъ. На счетъ наиболѣе древнихъ изъ этихъ узаконеній разсказывалось, что они были открыты людямъ Ману, божественнымъ существомъ, имя котораго таинственнымъ образомъ связывается съ созданіемъ міра; при этомъ помянутые законы объявлялись признаннымъ основаніемъ всего индусскаго права и индусскихъ учрежденій, источникомъ всѣхъ гражданскихъ обязательствъ для болѣе нежели ста милліоновъ человѣкъ. Книга была дѣйствительно на лицо, и переводъ ея, подаренный Джонсомъ свѣту, подъ заглавіемъ «Институціи индусскаго права, или предписанія Ману, согласно толкованіямъ Куллука», былъ первымъ плодомъ его трудовъ по составленію предположенныхъ имъ Дигестъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ, кажется, разсматривалъ это сочиненіе, какъ стоящее къ помянутымъ проэктированнымъ Дигестамъ приблизительно въ томъ же отношеніи, въ которомъ находились римскія Институціи къ знаменитымъ Дигестамъ императора Юстиніана.

Для меня является несомнѣннымъ, что объясненія, которыя Вильямъ Джонсъ даетъ въ предисловіи къ своему переводу, представляютъ собою не болѣе, какъ раціонализированное переложеніе сообщеній его туземныхъ наставниковъ, принадлежавшихъ, повидимому, къ той школѣ индусскихъ ученыхъ, которая окружала Ману особымъ почетомъ. Вильямъ Джонсъ ви-

дитъ въ этой личности (которая въ трактатѣ, носящемъ его имя, сидитъ «опершись на руку и устремивъ все вниманіе на одинъ предметъ, высшее божество») реальное человѣческое существо и дѣйствительнаго автора приписаннаго ему законодательства. Вильямъ Джонсъ сравниваетъ его съ критскимъ Миносомъ и египетскимъ Меномъ, отчасти основываясь на созвучіи именъ. Какъ я только что сказалъ, онъ видитъ аналогію между этою книгой законовъ и римскими Институціями Юстиніана и въ то же время относитъ ее къ такой отдаленной эпохѣ, какъ 1280 г. до Р. Х. При современной разработкѣ вопроса, впрочемъ немыслимой безъ предварительныхъ работъ Джонса, высказанныя имъ положенія нуждаются въ поправкѣ. Несомнѣнно, что если предписанія Ману должно сравнивать съ какою-либо книгой, извѣстной англичанамъ, то это будетъ книга, гораздо болѣе имъ знакомая, нежели римскія Институціи, а именно книга Левитъ: ибо книга Ману хотя и содержитъ много законовъ, но по существу своему есть сводъ ритуальныхъ предписаній, опредѣляющихъ должностныя обязанности жрецовъ и вѣрующихъ въ обыденной жизни; и этому соединенію закона съ религіей весь циклъ индусскихъ сочиненій, куда принадлежитъ и книга Ману, обязанъ нѣсколькими характерными чертами, на которыхъ я желаю остановиться. Не нужно при этомъ полагать, что упомянутое соединеніе свойственно лишь индусамъ. Нѣтъ буквально ни одной системы писаннаго права, отъ Китая до Перу, которая при первоначальномъ возникновеніи не включала бы въ себѣ суммы религіозныхъ предписаній и ритуальныхъ правилъ. О римскомъ правѣ думали, что въ немъ свѣтская и понтификальная юриспруденція съ древнѣйшей эпохи были совершенно обособлены. Но то немногое, что дошло до насъ отъ законовъ Двѣнадцати Таблицъ, содержитъ въ себѣ не мало такого, что можетъ быть отнесено именно къ религіозному ритуалу *).

*) Таблица X: Rogum ascea ne polito.... Mulieres genas ne radunto.... Homine mortuo ne aurum addito. Т. е. — Костеръ для сожиганія умершихъ не слѣдуетъ строгать топоромъ.... Женщины пусть не тер-

Цицеронъ говоритъ (De Legibus: 2, 25, 64), что различныя правила, содержащіяся въ десятой изъ римскихъ Таблицъ, были списаны съ греческихъ оригиналовъ. Послѣдніе онъ приписываетъ Солону и объясняетъ, что цѣлію ихъ было ограничить расходы при древнемъ похоронномъ ритуалѣ.

Мнѣнія Вильяма Джонса произвели большое впечатлѣніе какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ. Одинъ изъ результатовъ, полученныхъ благодаря имъ, я долженъ пройти замѣчаніемъ далеко не равнымъ его практической важности. Англо-индійскіе суды получили отъ основанной Джонсомъ школы санскритистовъ убѣжденіе, внушенное учеными браминами, что священные законы, имѣющіе начало въ книгѣ Ману, пользуются признаніемъ и являются обязательными въ глазахъ всѣхъ индусовъ. Понятіе, составившееся объ этомъ предметѣ въ умѣ англійскихъ судей и раздѣляемое англійскимъ парламентомъ, сводится очевидно къ тому, что священные индусскіе законы близко соотвѣтствуютъ англійскому общему праву (common law) и представляютъ конечную подкладку всѣхъ житейскихъ правилъ, признаваемыхъ индусами. Только весьма недавно начали замѣчать, что это мнѣніе имѣетъ за себя очень шаткое основаніе, ибо является вполнѣ вѣроятнымъ, что до конца прошлаго столѣтія массы индусскаго населенія даже и не слыхали о Ману [1]), зная мало или и вовсе не зная никакихъ юридическихъ правилъ, опиравшихся, какъ полагали въ концѣ концовъ, на его авторитетъ. Новѣйшія изслѣдованія показали, что сфера примѣненія религіознаго законодательства была гораздо ограниченнѣе той, какую предполагали прежде. Нѣсколько лѣтъ назадъ, по моемъ возвращеніи изъ Индіи, я въ книгѣ «О деревенскихъ общинахъ на Востокѣ и Западѣ» (стр. 52, 53) высказалъ мнѣніе, къ которому привелъ меня лич-

---

заютъ своихъ лаптъ (по умершемъ).... Трупъ умершаго да не украшается золотомъ.

[1]) Хорошій знатокъ санскритской литературы сообщаетъ мнѣ, что въ памятникахъ не юридическихъ почти не упоминается о Ману, одни законодательные своды приводятъ выдержки изъ свода Ману: но онѣ принадлежатъ другой редакціи, а не той, которая дошла до насъ.

ный разспросъ англо-индійскихъ судей. «Заключеніе» — говорилъ я — «къ которому пришли лица, обладающія, по моему, очень высокимъ авторитетомъ, состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что кодифицированный законъ — Ману и его толкователей — включалъ въ себѣ гораздо менѣе постановленій обычнаго права, нежели думали прежде, и что самыя эти постановленія, при ихъ письменной записи, подверглись весьма значительному измѣненію со стороны браминскихъ толкователей, постоянно переиначивавшихъ ихъ духъ, а иногда и самое содержаніе. Не будетъ ошибкою сказать, что дѣйствующее въ Индіи право, наравнѣ съ рядомъ мѣстныхъ обычаевъ, представляетъ и такіе, которые издавна подверглись письменной записи, и которымъ приписывается особое божественное происхожденіе; эти послѣдніе, въ силу сейчасъ сказаннаго, обнаруживаютъ большое вліяніе на остальные обычаи и несомнѣнно вытѣснили бы ихъ, еслибы не было тому противодѣйствія.» Этотъ выводъ въ послѣднее время нашелъ себѣ подкрѣпленіе, благодаря болѣе систематическому изученію вопроса. Въ Индіи есть провинція, именуемая Пенджабъ, страна Пяти Рѣкъ, которая ранѣе другихъ была заселена арійскими индусами, послѣ того какъ послѣдніе спустились изъ своей первоначальной родины на индійскія равнины. Право и учрежденія этой провинціи въ послѣднее время были обстоятельно разработаны въ оффиціальныхъ отчетахъ («Punjab Customary Law», edited by C. L. Tupper, Calcutta, 1881). Въ ряду результатовъ большой важности, достигнутыхъ этимъ путемъ, надо указать на обнаруженіе въ Пенджабѣ учрежденій, весьма близкихъ по характеру къ тѣмъ, какія существовали тамъ до эпохи ихъ интерпретаціи со стороны браминовъ. Слѣды религіозныхъ идей, глубоко повліявшихъ на развитіе извѣстнаго намъ индусскаго права, здѣсь оказываются необыкновенно слабыми, и немногія вещи могутъ быть болѣе поучительны для археолога права, нежели сравненіе обычнаго права Пенджаба съ тѣми предписаніями, что были выработаны въ браминскихъ школахъ восточной Индіи. Обычное право Пенджаба обнаруживаетъ въ нѣкоторыхъ своихъ постановленіяхъ особенно близкое сходство съ древнѣйшимъ римскимъ правомъ.

Имѣются также данныя для утвержденія, что арійское вліяніе, въ то или другое время проявившееся въ южной части индійскаго полуострова, было весьма поверхностно [2]). Южные индусы слыли всегда плохими индусами; но истина заключается здѣсь, повидимому, не въ томъ, что они по небрежности нарушали индусскіе священные законы, а въ томъ, что ни сами они, ни ихъ предки, никогда не знали этихъ законовъ во всей ихъ полнотѣ.

Нѣсколько другихъ воззрѣній, не раздѣляемыхъ теперь наиболѣе учеными санскритистами, также впервые были высказаны Вильямомъ Джонсомъ въ предисловіи къ его изданію. Древность происхожденія Ману была сильно преувеличена. Настоящій возрастъ этой книги неизвѣстенъ; въ исторіи индусской литературы почти нѣтъ достовѣрныхъ датъ; но теперь законы Ману считаются относительно новыми — почти самымъ новымъ изо всего обширнаго цикла санскритскихъ произведеній письменности, болѣе или менѣе трактующихъ о законѣ. Этотъ выводъ полученъ благодаря критерію, впервые примѣненному профессоромъ Максомъ Мюллеромъ и нынѣ признаваемому санскритистами весьма убѣдительнымъ. Книга Ману написана стихами, стихъ-же есть одно изъ средствъ для облегченія памяти при заучиваніи неизвѣстныхъ и весьма мало употребляемыхъ сочиненій. Но есть еще другое средство, служащее той же самой цѣли: это—афоризмъ или пословица. Въ Англіи до сихъ поръ многое изъ народной мудрости сохраняется или въ старинныхъ стихахъ, или въ старинныхъ поговоркахъ; и достовѣрно извѣстно, что въ средніе вѣка многіе законы и немало медицинскихъ правилъ было сохранено въ профессіональной средѣ, благодаря именно этимъ двумъ пріемамъ. Очень многое изъ древняго германскаго права

---

2) Большаго вниманія заслуживаютъ двѣ книги I. H. Nelson'a: A View of the Hindu Law as administered by the High Court of Madras и The Scientific Study of the Hindu Law, особенно первая. Можетъ быть сомнѣніе относительно того, исправимы ли теперь практическія неудобства, обозначенныя въ книгѣ, и если исправимы, то какими способами ихъ нужно устранять; но на счетъ ихъ существованія, я полагаю, не можетъ быть никакого разумнаго повода сомнѣваться.

сохранилось въ формѣ краткихъ изрѣченій, и вѣроятно латинскія юридическія максимы, хорошо извѣстныя англійскимъ правовѣдамъ и приводимыя ими иногда, какъ квинтэссенція мудрости, изложены были въ этомъ видѣ для удобства ихъ запоминанія. Врачъ-практикъ нѣкогда сосредоточивалъ весь запасъ своего профессіональнаго знанія въ небольшомъ сборникѣ предписаній, изложенныхъ въ стихотворной формѣ и связанныхъ съ именемъ Салернской школы, отъ которой дошло до насъ любопытное собраніе медицинскихъ прецептовъ, начинающееся мрачнымъ предостереженіемъ: «contra vim mortis non est medicamen in hortis». Во времена Вильяма Джонса существовало стихотворное сокращеніе «Судебныхъ рѣшеній», собранныхъ лордомъ Кокомъ, и онъ серьезно замѣчаетъ, что если-бы стихъ былъ болѣе гладокъ и законодательныя предписанія болѣе точно формулированы, то можно было бы этотъ сборникъ рекомендовать каждому студенту для употребленія. Санскритскіе законодательные своды излагаются иногда въ афористической прозѣ, иногда въ стихахъ, а иногда въ формѣ, смѣшанной изъ того и другаго; правило же, установленное Максомъ Мюллеромъ, состоитъ въ томъ, что въ Индіи своды, въ которыхъ законодательныя предписанія излагаются въ формѣ пословицъ, древнѣе тѣхъ сводовъ, которые излагаютъ ихъ стихами. Когда путеводная нить была такимъ образомъ открыта, явилось много доказательствъ тому, что книга Ману, цѣликомъ состоящая изъ стиховъ, гораздо болѣе нова, нежели индусскіе сборники законовъ въ родѣ Апастамба и Гаутама [3]), всецѣло написанные афористическою прозой, и даже далеко новѣе книгъ, подобныхъ Вишну и Васишта [4]), написанныхъ частью прозой, частью стихами. «Во всей Ведійской (т. е. ин-

---

3) Апастамба и Гаутама переведены въ томѣ II. Max Müller's Sacred Books of the East,—Васишта въ IX томѣ, Баудгайана тамъ же, а ея важнѣйшія главы въ West and Bühler's Digest of Hindu Law. Это сочиненіе считается учеными индусами за необыкновенно древнее, но наличный текстъ находится въ весьма недостовѣрномъ состояніи, какъ можно видѣть изъ предисловія д-ра Бюлера. Вишну перевелъ Джолли, томъ V Sacred Books.

4) Тамъ же.

дусской письменной) литературѣ»,' говоритъ Максъ Мюллеръ, «нѣтъ ни одного сочиненія, которое, подобно Ману, состояло-бы изъ правильныхъ эпическихъ стиховъ «слока» (sloka), и постоянное употребленіе этого размѣра есть характеристичный признакъ послѣ—Ведійскихъ произведеній». Такимъ образомъ Ману, при всей своей широкой извѣстности въ наше время, принадлежитъ къ индусскимъ апокрифамъ. Сомнѣваются также теперь и въ томъ, что мы обладаемъ этой книгой въ ея первоначальной формѣ. Д-ръ Джолли, въ предисловіи къ Вишну, говоритъ о «многочисленныхъ и очевидныхъ доказательствахъ» въ пользу того, что она подвергалась измѣненіямъ и полной переработкѣ въ слѣдующія столѣтія.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ литературныхъ изслѣдованій и соображеній явилось то, что ни одной книгѣ не приписывалось столь различныхъ датъ ея происхожденія, какъ это было съ книгою Ману. В. Джонсъ относитъ ея появленіе къ 1280 г. до Р. Х., Шлегель къ 1000 г. до Р. Х., Эльфинстонъ къ 900 г. до Р. Х., Монье Вильямсъ приблизительно къ пятому вѣку до Р. Х., Максъ Мюллеръ не ранѣе, какъ къ 200 г. до Р. Х. Но высокій авторитетъ покойнаго д-ра Бёрнелля приводится теперь въ пользу такой поздней даты первоначальнаго текста, какъ 400 г. по Р. Х., а теперешнюю его редакцію приписываютъ XI-му или даже XIV-му столѣтію нашей эры (См. Nelson, Scientific Study of Hindu Law, стр. 37). Такимъ образомъ считалось сомнительнымъ, принадлежитъ-ли это странное твореніе къ баснословной эпохѣ взятія Трои или же къ историческому времени битвы при Баннокбернѣ. Сама книга однако претендуетъ быть современною сотворенію міра, и я полагаю, что правовѣрный индусъ былъ обязанъ защищать ея безконечно глубокую древность. Въ то же время ея смѣлая претензія на божественное происхожденіе превзойдена теперь нѣкоторыми сочиненіями, объявляющими себя еще старѣе, ибо такъ называемый кодексъ Вишну говоритъ о себѣ, что онъ былъ диктованъ однимъ изъ лицъ индусской Троицы богинѣ земли.

Если бросить взглядъ на всю эту священную юридическую литературу индусовъ, то невозможно не признать ложно-

сти новѣйшихъ теорій на счетъ ея происхожденія. Ни одинъ трактатъ, и еще менѣе всѣ они вмѣстѣ—не являются произведеніемъ единичнаго лица или индивидуальнаго разума. Литература эта представляетъ собою постепенный ростъ школъ ученыхъ браминовъ, которыя еще и теперь можно найти въ Индіи Это—сообщества или корпораціи людей, преданныхъ священнымъ изученіямъ. Можетъ быть, ближайшую аналогію ихъ работѣ слѣдуетъ искать въ трудахъ Бенедиктинцевъ. Впрочемъ это сравненіе не должно идти слишкомъ далеко. Понятіе объ обязательномъ целибатѣ было, повидимому, неизвѣстно древнимъ индусамъ. Каждая школа или съ самаго начала была настоящею семьей, или, если первоначально она и была простымъ собраніемъ добровольныхъ учениковъ, сидящихъ у ногъ учителя, то впослѣдствіи стремилась устроиться по образу семьи, какъ единственной извѣстной формы постояннаго сообщества. Все различіе одной школы отъ другой сводилось къ тому, что въ своемъ ученіи онѣ слѣдовали разнымъ авторитетамъ или, выражаясь примѣнительно къ современнымъ понятіямъ, придерживались разныхъ руководствъ; переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію. школа пополнялась отчасти добровольными приверженцами, отчасти-же наслѣдственнымъ путемъ. Этотъ двойной процессъ ясно отражается на текстѣ одного изъ древнѣйшихъ индійскихъ сводовъ, на Апастамба. Ученикъ, желающій начать изученіе священныхъ книгъ, долженъ идти къ человѣку, «въ семьѣ котораго оно наслѣдственно, который самъ обладаетъ знаніемъ и благочестиво слѣдуетъ закону» (Апастамба, I. i., 1, 11). Въ другомъ мѣстѣ ученику предписывается смотрѣть на учителей своего учителя, какъ на своихъ предковъ (Апастамба, I. i., 7, 12). Этотъ взглядъ на отношенія ученика и учителя и до сихъ поръ не исчезъ въ Индіи. Индусы доселѣ допускаютъ «преемственную связь учителя и ученика и видятъ въ школѣ своего рода духовную семью» (Dr. Bühler. loc. cit.), И согласно буквѣ закона, признаваемаго индійскими судами, хотя, быть можетъ, и не согласно съ дѣйствительной практикой, учитель и ученикъ продолжаютъ еще быть наслѣдниками другъ друга, точно также какъ это было въ отдаленные дни Апастамба, гдѣ постановляется, что, въ случаѣ отсутст-

вія болѣе близкихъ родственниковъ, «наслѣдуетъ духовный наставникъ, а при отсутствіи духовнаго наставника, ученикъ долженъ взять себѣ имѣніе умершаго и употреблять его въ пользу покойника, на религіозныя дѣла, или можетъ и самъ пользоваться имъ» (II. VI. 14. 3).

Аналогичное явленіе встрѣчается въ исторіи двухъ народовъ, представляющихъ мало общаго съ индусами со стороны своей умственной жизни. Объясненіе, даваемое Гротомъ эпопеямъ Гомера (II. 176—178), сводится къ тому, что послѣднія обязаны своимъ происхожденіемъ не одному человѣку, но роду или клану Гомеридовъ, для которыхъ Гомеръ былъ дѣйствительнымъ или мнимымъ предкомъ, давшимъ имъ свое имя, «божественнымъ или полу-божественнымъ эпонимомъ или прародителемъ, именемъ и славою котораго поглащалась личность любаго изъ членовъ рода». «Гомеръ не историческое лицо, но божественный или героическій прародитель Гомеридовъ; въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, греческій умъ соединялъ идею культа съ памятью о родоначальникѣ». Еще болѣе близкая аналогія встрѣчается въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, въ древней юридической литературѣ ирландцевъ. «Ученое вскормленіе», писалъ я въ болѣе раннемъ сочиненіи (Early History of Institutions, p. 242), «было учрежденіемъ, близко связаннымъ съ существованіемъ юридическихъ школъ бригоновъ, и обусловливало собою рядъ отношеній между бригономъ-преподавателемъ и его воспитанникомъ, принятымъ имъ въ домъ для обученія. Хотя насъ можетъ удивить, что связь между учителемъ и ученикомъ являлась особенно священною для древнихъ ирландцевъ и такъ близк походила на естественное отношеніе отца къ дѣтямъ, однакс трактаты бригоновъ не оставляютъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Въ нихъ ясно выражено [5]), что воспитателю принадлежитъ таже patria potestas, что и физическому отцу, и хотя ученый воспитатель-отецъ и учитъ даромъ, однако имѣетъ по-

[5]) Ученый воспитатель-отецъ былъ въ то же время свидѣтелемъ и судьей по отношенію къ воспитаннику-сыну, какъ отецъ былъ относительно дѣтей, а церковь относительно лицъ, сидящихъ на ея земляхъ (Ancient Law of Ireland, II. 349).

жизненное право на часть собственности своего воспитанника-сына. Такимъ образомъ бригонъ и его ученики составляли не школу въ нашемъ смыслѣ, а настоящую семью. Тогда какъ обыкновенный воспитатель обязанъ по закону дать извѣстное обученіе своимъ воспитанникамъ—сыновьямъ начальниковъ въ верховой ѣздѣ, стрѣльбѣ изъ лука, плаваньи и шахматной игрѣ, а дочерямъ ихъ въ шитьѣ, кройкѣ и вышиваньи—бригонъ обучалъ своихъ воспитанниковъ высшему знанію, вводилъ ихъ въ сокровищницу народной мудрости. Онъ получалъ плату, но эта плата была назначена для него по закону. Она принадлежала ему въ силу его профессіи и не опредѣлялась путемъ частной сдѣлки».

Въ общемъ объясненіе, даваемое Максомъ Мюллеромъ, принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ, какія представлены были въ новѣйшее время. Индусскіе священные своды возникали постепенно, при дѣятельномъ участіи со стороны браминскихъ семей, естественныхъ или искусственныхъ. «Большое число этихъ сочиненій», говоритъ Максъ Мюллеръ въ письмѣ, впервые напечатанномъ въ Morley's Digest, [6]) «слѣдуетъ приписать тому факту, что не существовало одного кодекса Кальпа-Сутрасъ, обязательнаго для всѣхъ браминскихъ семей, но что различныя древнія семьи имѣли свои собственныя Кальпа-Сутрасъ. Эти сочиненія встрѣчаются еще въ значительномъ числѣ въ англійскихъ библіотекахъ, но нѣтъ сомнѣнія, что многія изъ нихъ потеряны. Въ дошедшихъ до насъ сводахъ цитируются Сутрасъ, не извѣстныя Европѣ, потеря которыхъ признается самими браминами». Что касается до Манава-Дгарма-Шастра, книги Ману, переведенной Вильямомъ Джонсомъ и, по увѣренію туземныхъ ученыхъ, лежащей въ основаніи всего индусскаго священнаго права, то это—поздняя редакція юридической доктрины Манава, рода или клана, названнаго такъ по имени Ману, неоднократно упоминаемаго въ санскритской литературѣ и о которомъ авторъ дошедшей до насъ редакціи говоритъ какъ о лицѣ, отличномъ отъ мифическаго Ману, встрѣчающагося въ текстѣ другихъ, болѣе древнихъ источниковъ.

[6]) См. стр. 1 предисловія къ Апастамба, томъ II. Sacred. Books of the East.

Еслибы мифическій Ману даже и составилъ книгу законовъ, что сомнительно, то онъ, конечно, не облекъ бы ея въ ту стихотворную форму, какую имѣетъ дошедшій до насъ сводъ.

Тотъ порядокъ научныхъ занятій, какого придерживались составители индусскихъ сводовъ, начиная съ древнихъ, можетъ быть, весьма древнихъ Апастамба и Гаутама—и кончая поздпимъ сводомъ Ману и еще позднѣйшимъ Нарада, вѣроятно еще практикуется и теперь тѣми изъ индусовъ, религіозныя убѣжденія которыхъ всего устойчивѣе; въ прошломъ же онъ строго соблюдался во всѣхъ областяхъ мышленія. Основное его положеніе состояло въ томъ, что священная или вдохновенная литература, будучи разъ признана существующею, должна содержать въ себѣ всякое знаніе. Индусы не только признавали, что священное писаніе содержитъ въ себѣ откровенную истину, но и что нѣтъ истины, которая бы не заключалась въ писаніи. Уже довольно рано индусскіе ученые, повидимому, стали сознавать трудность послѣдовательнаго проведенія этого основнаго взгляда. Подъчасъ священныя книги противорѣчили одна другой; подъчасъ въ нихъ нельзя было найти обоснованія для ходячихъ доктринъ и незапамятной религіозной практики. Чтобы выйти изъ затрудненія, издавна стали предполагать потерю древнихъ частей священныхъ книгъ. «Если вы спросите», говоритъ Апастамба, «почему то или другое правило, установленное арійцами, предполагаетъ существованіе ведическихъ постановленій, то я отвѣчу, что всякаго рода прецепты были изложены въ браманическихъ книгахъ, но часть послѣднихъ нынѣ утеряна, и прежнее ихъ существованіе можетъ быть доказано только удержавшимся обычаемъ. Нельзя однако предполагать существованія въ Ведахъ извѣстнаго постановленія каждый разъ, когда соблюденіе существующаго обычая для насъ желательно; поступающій такимъ образомъ достоинъ ада» (I. IV. 12. 10). При помощи такихъ толкованій, изъ которыхъ иныя и доселѣ употребительны, браминамъ удалось удержать свое основное воззрѣніе на истину, какъ всецѣло заключенную въ священномъ писаніи; и мы замѣтимъ, что такая теорія, упорно державшаяся, пока систематическое мышленіе являлось еще въ зародышѣ,

налагала свою печать и на отношенія практической жизни. По мѣрѣ прогрессивнаго движенія человѣческаго разума, накопленія наблюденій и развитія способности къ отвлеченію, зарождающаяся философія и наука выводятся изъ священнаго писанія, хотя въ то же время ихъ развитіе сдерживается основными воззрѣніями ихъ начинателей—жрецовъ. Но по мѣрѣ возростанія этой литературы, благодаря прибавленіямъ, дѣлаемымъ къ ней позднѣйшими толкователями, она постепенно спеціализируется, и предметы, которые излагалась прежде вмѣстѣ, въ формѣ неопредѣленныхъ общихъ положеній, излагаются въ отдѣльности другъ отъ друга. Въ исторіи права такая спеціализація ведетъ прежде всего къ отдѣленію другъ отъ друга двухъ областей—того, что человѣкъ долженъ *дѣлать*, отъ того, что онъ долженъ *знать*. Большая часть религіозной литературы, понимая подъ этимъ словомъ и сказанія о сотвореніи вселенной, объ устройствѣ неба, ада, міра или міровъ, о природѣ боговъ, относится къ послѣдней области, къ области того, что человѣкъ долженъ знать. Изложеніемъ же того, что человѣкъ долженъ дѣлать, занимаются юридическіе трактаты въ тѣсномъ смыслѣ, являющіеся такимъ образомъ краткими указателями того, какъ долженъ поступать индусъ, желающій вести совершенный образъ жизни. Они содержатъ въ себѣ гораздо болѣе ритуала, нежели положительнаго права, говорятъ гораздо болѣе объ осквернепіи, причиняемомъ прикосновеніемъ къ нечистымъ вещамъ, нежели о преступленіи, и гораздо болѣе о правилахъ покаянія, нежели о наказаніяхъ. Ихъ задача—руководить жизнью правовѣрныхъ индусовъ трехъ высшихъ кастъ отъ рожденія до смерти и дать точныя указанія на счетъ того, какъ индусъ долженъ изучать священныя книги въ юности, какихъ правилъ онъ долженъ держаться какъ домохозяинъ, и наконецъ какъ на склонѣ лѣтъ онъ долженъ искать спасенія въ жизни религіознаго аскета или отшельника — ибо индусы полагаютъ, что таковъ долженъ быть удѣлъ старости. [7]).

---

7) Ученику, прошедшему черезъ новиціатъ, можно сразу сдѣлаться аскетомъ, но правильное теченіе жизни есть то, которое указано въ текстѣ.

Это замѣчательное распредѣленіе жизни встрѣчается во всемъ циклѣ священныхъ юридическихъ трактатовъ и исчезаетъ лишь тогда, когда они дѣлаются чистыми книгами законовъ. Одинъ только браминъ учитъ, вся же молодежь трехъ высшихъ кастъ, браминовъ, кшатріевъ и вайсіевъ, собирается у его ногъ ради наставленія въ священномъ ученіи; неизвѣстно еще, судя по нѣкоторымъ даннымъ, всегда ли исключалась отсюда низшая и наиболѣе презираемая изъ кастъ, судры. Это—періодъ ученичества. Когда онъ оканчивается, обученный индусъ возвращается въ свою семью и къ гражданскимъ обязанностямъ. Тогда онъ—домохозяинъ. Но съ началомъ старости названныя книги предписываютъ (соблюдалось ли это на практикѣ, мы не знаемъ), чтобы онъ удалился отъ активной жизни и окончилъ свои дни пустынникомъ или аскетомъ, слѣдуя кодексу самоотреченія, опредѣющаго всѣ частности его быта. Очевидно, что всѣ тѣ указанія, какія священные законы индусовъ содержатъ въ себѣ для исторіи права, слѣдуетъ искать въ тѣхъ предписаніяхъ, которыя опредѣляютъ образъ жизни человѣка во второй періодъ, какъ домохозяина. Первый періодъ, ученичество, замѣчателенъ тѣмъ, что объясняетъ тайну вліянія священной литературы на обширныя части индусской расы, и того почтенія, какое оказывалось преподавателямъ священнаго ученія, браминамъ. Ибо образованіе молодыхъ индусовъ не ограничивалось изученіемъ священныхъ текстовъ и доктринъ; оно было также и школою почитанія, доходившею почти до низкаго раболѣпства, предметомъ котораго были въ равной степени литература и ея наставники, и которое внушалось системою правилъ, съ необыкновенною ловкостью запечатлѣваемыхъ въ незрѣлыхъ умахъ. Третій же періодъ жизни, періодъ аскетизма, повидимому, является въ цѣломъ наиболѣе непонятнымъ для современнаго читателя этихъ книгъ, и потому онъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, прежде нежели настоящая глава будетъ закончена. Обязанность вести аскетическую жизнь и правила, которымъ нужно слѣдовать при этомъ и которыя можно найти во всѣхъ индусскихъ трактатахъ, весьма подробно излагаются въ 6-й главѣ Ману. «Проведши часть жизни какъ

домохозяинъ», написано тамъ, «дважды рожденный человѣкъ (второе рожденіе дается изученіемъ Ведъ) долженъ удалиться для жительства въ лѣсъ; да укрѣпитъ онъ въ себѣ вѣру и да умертвитъ онъ плоть свою. Когда отецъ семьи замѣтитъ, что мускулы его дѣлаются слабы и волосы сѣдѣютъ, и увидитъ уже потомство дѣтей своихъ, то пускай онъ ищетъ убѣжища въ лѣсу, лишенный всякой пищи, употребляемой въ городахъ, и всѣхъ своихъ хозяйственныхъ принадлежностей, пускай онъ удалится въ одинокій лѣсъ, поручивши своимъ сыновьямъ заботу о своей женѣ, или сопутствуемый ею, если она предпочтетъ слѣдовать за нимъ.... Пускай онъ постоянно предается чтенію Ведъ, терпѣливый ко всѣмъ крайностямъ... Пускай онъ сноситъ словесные упреки съ терпѣніемъ; да не увлекаютъ страсти его слабаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойнаго тѣла и да не вступитъ онъ во вражду съ чѣмъ либо живущимъ... Съ гнѣвнымъ человѣкомъ да не будетъ онъ въ свою очередь гнѣвенъ; обиженный, пускай онъ говоритъ кротко; да не произноситъ онъ праздныхъ словъ.... Наслаждаясь размышленіями о Верховномъ Духѣ, сидя погруженный въ эти размышленія, не нуждаясь ни въ чемъ земномъ, не имѣя никакого посторонняго сообщества, пускай онъ живетъ въ этомъ мірѣ, заботясь о загробномъ блаженствѣ.... Тыква, деревянная чашка, глиняная посуда или корзина, сдѣланная изъ тростника, какъ объявилъМану, сынъ Самосущаго—самая подходящая утварь для принятія пищи людей, преданныхъ Богу».

До сихъ поръ еще въ Индіи престарѣлые люди обыкновенно удаляются отъ міра и законъ, какъ онъ примѣняется британскими судами, во многихъ мѣстахъ принимаетъ мѣры на тотъ случай, если индусъ изберетъ аскетическій образъ жизни и перестанетъ принимать участіе въ свѣтскихъ дѣлахъ. Въ этомъ обычаѣ нѣтъ собственно ничего удивительнаго, если вспомнить тотъ страшный рядъ испытаній, которыя преданный приверженецъ браманизма привыкъ ожидать при наступленіи смерти. Не смотря на это, есть однако основаніе думать, что удаленіе стариковъ отъ практической жизни принадлежитъ къ болѣе древней эпохѣ, нежели индусская бо-

гословская система, и что оно существовало независимо отъ послѣдней, какъ свѣтскій обычай, во многихъ древнихъ обществахъ. Отеческая власть, существованіе которой въ качествѣ древняго закона или обычая засвидѣтельствовано въ столь многихъ обществахъ, столько же построена на силѣ, сколько и на кровномъ началѣ; и есть не мало признаковъ, что при отсутствіи силы патріархальный авторитетъ исчезаетъ. Въ индусскомъ наслѣдственномъ правѣ смерть вовсе не есть необходимое условіе для наслѣдованія; совершенно такое же общее явленіе есть наслѣдованіе вслѣдствіе удаленія отъ мірской жизни, при чемъ домохозяинъ можетъ, покидая свою семью, раздѣлить имущество между дѣтьми—мало того, дѣти (хотя это и очень спорный вопросъ) въ правѣ принудить его къ такому удаленію. Сверхъ того, имѣются доказательства, что когда болѣе обширныя сообщества индусскихъ родственниковъ, нераздѣльныя семьи, находились въ древнѣйшемъ состояніи сравнительно съ тѣмъ, въ которомъ мы застаемъ ихъ теперь, то они признавали три класса лицъ, вполнѣ безпомощныхъ и потому зависимыхъ отъ всего общества: это—дѣти, незамужнія дочери и вдовы, и наконецъ старики. «Старцы» (seniors), нерѣдко упоминаемые ирландскимъ правомъ бригоновъ и состоящіе, какъ принято думать, изъ лицъ, которыхъ семья должна кормить—несомнѣнно дряхлые люди.

Дѣйствительно, есть поводъ думать, что въ какой-либо періодъ человѣческой исторіи въ положеніи стариковъ произошелъ переворотъ, можетъ быть, сходный съ тѣмъ, какой въ наши дни совершается по отношенію къ женщинамъ. Существуютъ обильныя свидѣтельства, что племена, долго и сильно угнетаемыя врагами или вообще стѣсненныя въ жизненныхъ средствахъ, убивали своихъ сочленовъ—негодныхъ, по старости, ни для работы, ни для войны. Еще и теперь показывается мѣсто, съ котораго одна дикая славянская раса принуждала своихъ стариковъ бросаться въ море. Болѣе жестокіе дикари во многихъ странахъ міра употребляли часто своихъ стариковъ въ пищу. Однако, не смотря на это, древніе памятники многихъ обществъ, особенно арійскаго говора, показываютъ

намъ старость—облеченною высочайшимъ авторитетомъ и почетомъ. Фриманъ (въ своей книгѣ «Comparative Politics», стр. 72, 73) приводитъ длинный списокъ почетныхъ названій различныхъ классовъ и учрежденій, которыя указываютъ на цѣну, нѣкогда придававшуюся прогрессирующими обществами сужденію стариковъ. Въ этомъ спискѣ встрѣчается сенатъ, γερουσία (спартанскій сенатъ), δημογέροντες (то же самое у Гомера) πρέσβεις (посланники), эльдорменъ, эльдеръ, пресвитеръ, монсеньеръ, сеньеръ, сиръ, сэръ и шейкъ; Фриманъ кончаетъ это перечисленіе Старикомъ Горы. Такое большое число титуловъ, свѣтскаго и церковнаго характера, само по себѣ доказываетъ глубину того чувства, какое внушала старость, и говоритъ, что уваженіе къ ней было одною изъ ступеней въ ходѣ цивилизаціи.

Существуетъ разсказъ объ одномъ новозеландскомъ племенномъ начальникѣ, который на вопросъ о судьбѣ одного изъ его соплеменниковъ, давно извѣстнаго вопрошателю, отвѣчалъ: «онъ такъ много давалъ намъ хорошихъ совѣтовъ, что мы милостиво предали его смерти.» Этотъ отвѣтъ, если онъ только былъ когда-либо данъ, отражаетъ въ себѣ оба воззрѣнія, какихъ варварскіе народы въ разное время придерживались по отношенію къ престарѣлымъ людямъ. На первыхъ порахъ старые люди являются безполезными, тягостными и несносными, и съ ними поступаютъ соотвѣтственно этому. Но въ болѣе поздній періодъ, по мѣрѣ того, какъ развивается сознаніе цѣны мудрости и опытности, стариковъ окружаютъ высшимъ почетомъ. Ихъ долгая жизнь признается однимъ изъ средствъ сохранять опытъ. Способность рѣчи, отличающая человѣка отъ животныхъ, и умѣнье писать, которымъ общества, способныя къ цивилизаціи, отличаются отъ осужденныхъ на вѣчное варварство, суть простые способы расширенія, сравненія и передачи опытовъ, благодаря чему человѣчество находится въ состояніи имѣть болѣе знанія, неже ли то, какое можетъ быть пріобрѣтено каждымъ въ его единичной жизни. Тѣмъ не менѣе, личная жизнь всегда является первоначальнымъ источникомъ опытности, и рано или поздно люди должны были понять, что чѣмъ дольше живетъ

человѣкъ, тѣмъ значительнѣе его вкладъ въ общую сокровищницу знаній. Таково, повидимому, наиболѣе вѣроятное объясненіе той широкой власти, которая, при младенческомъ состояніи цивилизаціи, удѣлялась собраніямъ стариковъ, независимо отъ ихъ физической силы или военнаго мужества. Вѣроятно она возникла среди обществъ, не знавшихъ письма, которое могло бы научить ихъ необходимому, и въ то же время сознававшихъ, что важныя свѣдѣнія, нужныя для самаго ихъ существованія, далеко не исчерпываются среднею краткостью жизни. Почти повсюду въ передовыхъ частяхъ древняго міра мы находимъ, что старики, организованные въ собранія, обладаютъ обширною сферой публичной власти, и переживаніемъ этихъ идей является минимумъ возраста, составляющій условіе для засѣданія въ искусственныхъ верхнихъ палатахъ, которыя были устроены въ большей части цивилизованнаго Запада, какъ бы въ подражаніе англійской палатѣ лордовъ. Но эти новыя верхнія камеры имѣютъ какъ разъ обратныя функціи сравнительно съ тѣми, какими обладали въ древности собранія, первоначально—какъ видно изъ ихъ наименованія—дѣйствительно состоявшія изъ стариковъ. Верхняя палата въ наше время имѣетъ только право veto относительно законодательной дѣятельности нижней, которой принадлежитъ иниціатива; древніе же сенаты, въ ихъ первоначальномъ видѣ, во всѣхъ случаяхъ предварительно рѣшали, какія мѣры должны быть предложены народному собранію, и если они сами и издавали законы, то ихъ постановленія относились къ спеціальнымъ областямъ государственныхъ дѣлъ, какъ, напр., къ религіи и финансамъ. Въ цѣломъ, это были скорѣе административныя, нежели законодательныя учрежденія. Ближайшую аналогію этому чрезвычайно важному контролю надъ законодательною властью, находившемуся когда-то въ ихъ обладаніи, нужно искать въ неопредѣленной, но весьма ощутительной на дѣлѣ власти, которою пользуется англійскій кабинетъ, благодаря фактической монополизаціи въ своихъ рукахъ законодательнаго почина.

ГЛАВА II.

Религія и право.

Наиболѣе древнія изъ книгъ, содержащихъ въ себѣ священные законы Индусовъ, бросаютъ, по моему мнѣнію, мало свѣта на самое происхожденіе закона. Какая нибудь система обрядовыхъ дѣйствій, какіе нибудь обычаи и обыкновенія должны были имѣть мѣсто и до времени его появленія, и очень вѣроятно, что эта система была близка къ той, которая встрѣчается и понынѣ между Индусами Пенджаба и которая подверглась лишь самому незначительному вліянію браманизма. Съ чѣмъ эти книги знакомятъ, такъ это—не съ началомъ самаго закона, а съ происхожденіемъ правовѣдовъ. Онѣ даютъ намъ возможность видѣть, какъ первоначально глядѣлъ на законъ классъ ученыхъ спеціалистовъ; а классъ этотъ и состоялъ изъ правовѣдовъ, бывшихъ прежде всего жрецами. Признаки древняго тожества названныхъ двухъ профессій сохранились въ наиболѣе старинныхъ писанныхъ постановленіяхъ различныхъ народовъ, каковы Кельты, Римляне и Греки. Никто, напр., не пойметъ древняго римскаго юриста, съ его упорной приверженностью къ текстамъ, характеризовавшею его профессію въ теченіе столь многихъ вѣковъ, съ его методою замыкать факты въ незыблемыя формулы—если не признать, что юрисконсультъ произошелъ отъ понтифа или жреца. Въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. юристъ, открыто принадлежащій къ духовенству, являлся противникомъ законовѣда, признававшаго себя міряниномъ; и Англія есть единственная страна, въ которой, благодаря особому те-

ченію ея правовой исторіи, нельзя усмотрѣть, чтобы канонистъ оказывалъ столько же вліянія на ходъ юридическаго развитія, какъ и легистъ или цивилистъ. Еслибы Римская Имперія передала только свою административную систему западной Европѣ, не завѣщавши ей связнаго собранія или кодекса свѣтскаго права, то еще весьма сомнительно, не сохранило ли бы общее право Запада и понынѣ въ себѣ отраженія религіозныхъ идей, на столько же яснаго, какъ и отраженіе жреческихъ понятій браминовъ въ индусскомъ правѣ.

Прежде всего необходимо разсмотрѣть, какимъ образомъ жреческій характеръ браминскихъ авторовъ юридическихъ сборниковъ обусловливалъ ихъ взгляды на *поведеніе*—слово, которое должно было употребляться первоначально предпочтительно передъ словомъ «законъ». Говоря коротко, этотъ взглядъ вообще опредѣлялся вѣрованіями во всѣ загробныя воздаянія. Эти воздаянія состояли изъ различныхъ испытаній, изъ коихъ нѣкоторыя соотвѣтствуютъ непосредственной наградѣ или карѣ, въ небесахъ или въ аду, признаваемыхъ западными религіями. Но индусскія вѣрованія касательно загробной жизни человѣка и буддистское ученіе, которое въ существенныхъ чертахъ развилось изъ нихъ, отъ западныхъ представленій отличаются тѣмъ, что переселеніе душъ имѣетъ въ нихъ такое же важное значеніе, какъ и прямыя награды и наказанія, а также и тѣмъ, что награды и кары во всѣхъ своихъ формахъ признаются не вѣчными, но временными по своему существу. Въ мою задачу не входитъ разсмотрѣніе того, каковы были древнѣйшія вѣрованія Индусовъ, и еще менѣе того, въ какомъ отношеніи религіозныя идеи, отпечатлѣвшіяся въ дошедшихъ до насъ книгахъ, находятся къ нынѣ существующей религіозной доктринѣ. Въ сочиненіяхъ, о которыхъ я говорилъ, т. е. въ древнихъ юридическихъ руководствахъ, вѣра достигла опредѣленной ступени развитія, которая сама по себѣ можетъ стать предметомъ изученія. Индусская теологія, съ весьма отдаленныхъ временъ, повидимому, считала, что вселенная подвергалась нѣкогда разрушенію и вновь была создана, и что ей снова предстоитъ разрушеніе и возсозданіе; но въ теченіе громадныхъ промежутковъ времени, лежащихъ между этими разрушеніями и об-

новленіями, совокупность бытія признается неистребимой и не способной ни къ приращенію, ни къ уменьшенію. Сумма жизни, въ частности. вѣчно постоянна. Эта сущность, назовемъ мы ее жизнью или душею, подобна непрерывному потоку, протекающему черезъ всю одушевленную или, выражаясь шире, черезъ всю органическую природу; но она постоянно возвращается къ своему первоначальному источнику, никогда не кончая и вѣчно начиная. Этотъ потокъ жизни раздѣляется на части или частицы, временно удерживаемыя во внѣшнихъ формахъ, но постоянно переходящія изъ одной формы въ другую, не теряя своего тожества. Люди, животныя, святые, мудрецы и самые боги по существу не разнятся между собою. Та же самая жизнь или душа проходитъ черезъ всѣхъ нихъ, облекаясь въ одинъ образъ за другимъ. Само бытіе не прекращается, но его послѣдовательныя ступени срочны и преходящи. Если человѣкъ, запятнанный нечистотою, умираетъ, то его духъ проходитъ черезъ рядъ чистилищъ: изъ послѣдняго по времени онъ улетаетъ, чтобы облечься въ одинъ животный образъ за другимъ и, наконецъ, находитъ себѣ воплощеніе въ человѣческомъ тѣлѣ, при чемъ послѣднее на первыхъ порахъ является слабымъ и болѣзненнымъ. Но послѣ вторичнаго рожденія (даваемаго изученіемъ писанія), добродѣтельный по смерти удаляется прямо на небо, гдѣ запасъ его добродѣтели удерживаетъ его долгое время; но запасъ этотъ постепенно уничтожается до тѣхъ поръ, пока какой-либо остатокъ не принесетъ его обратно на землю, чтобы вновь появиться среди счастливыхъ и могучихъ. «Люди всѣхъ кастъ, если они исполняютъ назначенныя имъ обязанности, пользуются на небѣ высшимъ и непрерывнымъ блаженствомъ. Потомъ, если человѣкъ, исполнявшій свои обязанности, вернется на эту землю, онъ, въ силу остатка своихъ заслугъ, родится въ знатной семьѣ, получаетъ красоту лица, хорошее сложеніе, силу, способность къ ученію, мудрость, богатство и даръ исполнять законы своей касты или сословія. Такимъ образомъ онъ живетъ счастливо въ обоихъ мірахъ, перекатываясь, подобно колесу, изъ одного міра въ другой» (Апастамба, II. I. 2. 2 и 3). Даже боги въ небесахъ, которые разсматриваются какъ немного бо-

лѣе, нежели особенно добродѣтельные люди — даже и они со временемъ исчерпаютъ запасъ своихъ заслугъ и выйдутъ изъ состоянія блаженства. «Благодаря браминамъ», говоритъ Вишну (XIX. 22), «боги обитаютъ въ небесахъ».

Колесо, помянутое въ предыдущемъ отрывкѣ, изъ Апастамба, есть излюбленный символъ у этихъ писателей. Они представляютъ бытіе въ видѣ круглаго колеса. Религіозныя изображенія, представляющія кругъ жизни съ ея различными частями, съ небомъ вверху, адомъ внизу и съ человѣческими и животными существами по бокамъ, общи всему востоку; хотя они не безъизвѣстны Индусамъ, но чаще встрѣчаются у буддистовъ *), которые, должно быть, заимствовали этотъ символъ у болѣе древняго индуизма и, повидимому, придаютъ ему особое духовное значеніе. Въ буддистскихъ изображеніяхъ колеса Будда нарисованъ внѣ его окружности, въ благословляющей позѣ. Онъ одинъ избѣжалъ тягостнаго цикла бытія и одинъ стоитъ въ Нирванѣ, въ сторонѣ отъ боговъ и людей. Признаніе такой возможности несомнѣнно явилось бы въ глазахъ правовѣрныхъ Индусовъ атеистическимъ. Восторженное религіозное чувство принимаетъ у нихъ форму мечты о Брамѣ, безконечномъ, самосущемъ, «безсмертномъ и непорочномъ», который «облекается въ матеріальную форму и есть жизнь всѣхъ живыхъ существъ», который «подобенъ городу, раздѣленному на множество улицъ». Мѣстами они выражаются объ этомъ предметѣ весьма возвышенно.

Я буду имѣть случай показать въ ближайшей главѣ, что одна религіозная система большой древности, отразившаяся въ этихъ книгахъ, стоитъ совершенно особнякомъ отъ вѣрованій, изложенныхъ мною. Очень можетъ быть, что эти вѣрованія сложились въ свою очередь изъ другихъ, болѣе древнихъ, и что непосредственная награда и кара, также какъ и косвенное воздаяніе и наказаніе путемъ переселенія душъ, первоначально не принадлежали къ одной и той же религіозной доктринѣ. Впрочемъ, о небесахъ и адѣ, равно какъ и о переселеніи душъ, упоминается уже въ древнѣйшихъ изъ юридиче-

*) См. примѣчаніе въ концѣ этой главы: «Изображенія колеса».

скихъ трактатовъ, хотя коротко и слегка. Въ болѣе новыхъ сочиненіяхъ (при чемъ, однако, нѣкоторыя изъ нихъ не столь позднаго происхожденія, какъМану) эти предметы занимаютъ большое мѣсто и были весьма расширены при помощи мрачнаго и фантастическаго воображенія. Небеса, какъ случается нерѣдко въ религіозныхъ ученіяхъ, представлены лишь въ блѣдномъ очеркѣ; но адъ, или—какъ его собственно нужно называть—чистилища (такъ какъ они по существу своему—преходящи) описаны въ мелочныхъ подробностяхъ. Всѣхъ ихъ двадцать два, при чемъ въ каждой примѣняется какая-нибудь новая разновидность физическаго или нравственнаго мученія. Было бы, я полагаю, заблужденіемъ думать, что всѣ онѣ созданы фантазіей одного человѣка, подобно кругамъ Дантова Ада. Онѣ относятся скорѣе къ различнымъ ступенямъ развитія понятія о наказаніи. Такія мѣста возмездія, какъ двадцать первая область этого чистилища, гдѣ души скитаются по лѣснымъ дебрямъ, въ которыхъ листву замѣняютъ острые мечи, или девятнадцатая, гдѣ онѣ блуждаютъ по дурнымъ и неровнымъ дорогамъ, вѣроятно болѣе древни, нежели первая область, или мѣсто тьмы, и четвертая область, мѣсто рыданій, или наконецъ мѣста, гдѣ жгутъ, жарятъ, давятъ, какъ это представлено въ десятой, одиннадцатой и двѣнадцатой областяхъ. Эти послѣднія едва ли возникли ранѣе того момента, когда свѣтскою властью введены были обыкновенные виды уголовныхъ каръ, на первыхъ порахъ крайне жестокія. Застѣнки и другіе мѣста для пытокъ оказывали очень сильное вліяніе на представленія о загробныхъ карахъ, какъ это можно видѣть, сравнивши то, что осталось отъ нѣкоторыхъ изъ камеръ—напр., въ вольномъ городѣ Нюренбергѣ — съ рисункомъ, въ которомъ одинъ живописецъ XIV-го вѣка воплотилъ господствовавшія въ то время представленія о чистилищѣ и адѣ.

Пребываніе грѣшной души въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ наказанія, какъ я уже сказалъ, всегда срочно; продолжительность этого пребыванія выражена языкомъ, приноровленнымъ къ астрономическимъ величинамъ. Если, напр., будетъ убитъ кѣмъ либо браминъ, то сколько пылинокъ окрасится его кровью на знойной почвѣ Индіи, столько же тысячелѣтнихъ періодовъ дол-

женъ убійца провести въ аду. (Ману, XI. 20). Сроки для наказаній опредѣляются Буддистами съ еще большею щедростью; въ этомъ отношеніи они, повидимому, ушли еще дальше Индусовъ. Страшныя буддистскія изображенія адскихъ мученій достаточно хорошо извѣстны. Они въ большинствѣ случаевъ китайскаго происхожденія и вѣроятно являются лишь преувеличеніемъ (но не болѣе. какъ преувеличеніемъ) уголовныхъ каръ, дѣйствительно примѣнявшихся съ незапамятныхъ временъ въ великой Китайской Имперіи и подвластныхъ ей государствахъ, гдѣ, какъ кажется, испоконъ вѣка придавали большое значеніе устрашающему вліянію наказаній.

Рядъ чистилищъ въ концѣ концевъ пройденъ, и душа или жизненное начало покидаетъ ихъ съ тѣмъ, чтобы начать процессъ переселенія, могущій снова вернуть ее къ человѣческому существованію. Я уже высказалъ свой взглядъ на то, что очищеніе отъ грѣха или нечистоты путемъ переселенія, и очищеніе при помощи адскихъ каръ — первоначально принадлежали къ двумъ различнымъ системамъ религіознаго міросозерцанія. Но въ помянутыхъ индусскихъ юридическихъ сборникахъ мы встрѣчаемъ смѣшеніе обоихъ ученій, и грѣшная душа, освобожденная отъ мукъ чистилища, должна еще послѣдовательно пройти животныя и растительныя формы, прежде чѣмъ она снова приметъ человѣческій обликъ. Трудно воздержаться отъ улыбки при видѣ мелочныхъ подробностей, съ какими писатели, въ родѣ Вишну и Ману, описываютъ переселеніе душъ. «Преступники высшей категоріи переселяются преемственно изъ одного растенія въ другое, проходя всѣ виды растительнаго царства. Виновные въ смертномъ грѣхѣ переселяются въ тѣла червей и насѣкомыхъ. Лица, совершившія меньшіе проступки, переселяются въ тѣла птицъ. Преступники четвертой категоріи обращаются въ водяныхъ животныхъ. Тѣ, которые совершили преступленіе, ведущее къ изгнанію изъ касты, переселяются въ тѣла земноводныхъ». (Вишну, XLIV. 2). За этими общими постановленіями слѣдуетъ громадное множество другихъ, опредѣляющихъ тѣ виды животнаго царства, черезъ которые проходятъ отдѣльныя категоріи грѣшниковъ. По отношенію къ инымъ изъ нихъ можно

подмѣтить нѣкоторое соотвѣтствіе между характеромъ преступленія и полагаемымъ за него видомъ наказанія, но другія— продуктъ необузданной фантазіи или самыхъ дикихъ предположеній. Кто присвоилъ себѣ въ собственность проѣзжую дорогу, тотъ дѣлается змѣей, живущей въ пещерахъ. Кто укралъ хлѣбъ въ зернѣ, обращается въ крысу. Кто укралъ воду, тотъ дѣлается водяною дичью. Но что̀ сказать о превращеніи укравшаго шелкъ въ куропатку, укравшаго полотно въ лягушку, укравшаго скотъ въ ящерицу? Въ то же время я смѣю думать, что являющееся наиболѣе непонятнымъ для насъ въ этихъ вѣрованіяхъ нѣкогда казалось совершенно простымъ и естественнымъ. Было замѣчено, что дикари считаютъ превращеніе одного животнаго въ другое легкимъ, почти ежедневнымъ процессомъ. Первобытный человѣкъ, живя въ постоянномъ общеніи съ дикими звѣрями, становясь по временамъ ихъ добычею, или дѣлая ихъ своею добычею, повидимому, не сознавалъ громаднаго превосходства человѣка надъ животнымъ. Онъ, кажется, понималъ разницу между одушевленными вещами и неодушевленными, но виды живыхъ существъ являются въ его глазахъ отдѣленными одинъ отъ другаго лишь очень слабою границей. Нѣсколько очень интересныхъ выводовъ было недавно сдѣлано изъ этой характеристики дикарей, и было указано, какимъ образомъ въ переживаніяхъ изъ очень далекой древности, въ волшебныхъ сказкахъ и миѳахъ, животныя постоянно превращаются въ другіе виды и снова возвращаются въ первоначальную форму. Наиболѣе популярной дѣтской книгою нашихъ дней является та, въ которой разсказана исторія одного такого превращенія; и популярностью своей эта исторія изъ міра чудесъ обязана вѣрному воспроизведенію всего того, что является въ сновидѣніяхъ, а древнія суевѣрія составлялись изъ представленій, во всемъ однохарактерныхъ съ тѣми, какія мы встрѣчаемъ въ сновидѣніяхъ.

Индусскіе же законы придали этимъ древнимъ вѣрованіямъ нравственное и теолого-философское выраженіе, притомъ съ рѣдкою отчетливостью и полнотой. Основнымъ положеніемъ ихъ является мысль, что дѣйствія и испытанія человѣка въ одной формѣ бытія опредѣляютъ и слѣдующія. Станетъ-ли

онъ въ будущей жизни растеніемъ, пресмыкающимся, птицей, женщиной, браминомъ, или полу-божественнымъ мудрецомъ, это зависитъ отъ него самого. Онъ уходитъ изъ міра тѣмъ, чѣмъ сдѣлали его собственные его поступки; и невозможность отдѣлить прошедшее отъ будущаго заявляется помянутыми писателями языкомъ, исполненнымъ торжественности. Если человѣкъ умираетъ, измѣненный добровольнымъ грѣхомъ или невольнымъ осквернѣніемъ, и если онъ не смылъ пятна надлежащимъ покаяніемъ, то онъ будетъ однимъ изъ самыхъ низкихъ твореній; если же онъ умеръ болѣе чистымъ, нежели родился, то онъ можетъ достигнуть высшей ступени человѣчества или вовсе даже утратить различіе отъ божества. Своею долговѣчностью теорія эта обязана своей способности удовлетворять нравственнымъ требованіямъ, и тѣмъ повидимому совершеннымъ объясненіемъ, какое она давала относительно неравенства добра и зла въ мірѣ. Послѣдній царь Бурмы былъ монахомъ прежде своего восшествія на престолъ и оставался до самой смерти выдающимся буддистскимъ богословомъ. Одинъ англичанинъ говорилъ ему о военномъ, научномъ и торговомъ превосходствѣ Англіи передъ Бурмою, при чемъ указалъ, что это преобладаніе обусловлено въ значительной степени болѣе чистой вѣрой его соотечественниковъ. Царь вѣжливо соглашался, но прибавилъ: «Безъ сомнѣнія, вы должно быть были весьма добродѣтельными буддистами въ какой-либо прежней стадіи вашего существованія».

Послѣ этихъ разъясненій нѣкоторые взгляды помянутыхъ книгъ, кажущіеся съ перваго раза необъяснимыми, дѣлаются сравнительно понятными. Такъ, напр., онѣ называются книгами законовъ главнымъ образомъ потому, что содержатъ въ себѣ *правила поведенія*, опредѣленныя съ величайшею точностью. Но что постигаетъ человѣка, не повинующагося этимъ правиламъ? Это главный вопросъ для современнаго юриста. Каково тогда наказаніе, или—технически говоря—какова здѣсь санкція закона? Будучи понимаема въ новѣйшемъ смыслѣ, она едва обозначена въ наиболѣе древнихъ книгахъ. Санкція здѣсь иного рода: она принадлежитъ къ совершенно другой области бытія. Мѣсто, занимаемое въ новыхъ законодательныхъ памят-

никахъ санкціей, т. е. различными уголовными послѣдствіями неповиновенія закону — въ этихъ книгахъ принадлежитъ покаяніямъ. Человѣкъ долженъ карать себя здѣсь для того, чтобы не подвергнуться худшему въ другой жизни. Эти покаянія, предписанныя къ строгому соблюденію, изложены съ полною вѣрою въ ихъ дѣйствительность *). Въ одномъ мѣстѣ кающемуся предписывается искалѣчить себя и ходить въ опредѣленномъ направленіи, пока онъ не упадетъ мертвымъ. Въ другомъ говорится, что онъ долженъ броситься три раза въ огонь, или идти въ битву и сдѣлать изъ себя мишень для враговъ. За большое преступленіе онъ долженъ лечь на раскаленную до-красна желѣзную постель, или войдти въ пустое внутри помѣщеніе, развести по обѣимъ сторонамъ себя огонь и сжечь себя до смерти. За сравнительно легкій проступокъ—за питье запрещеннаго напитка, браминъ долженъ лить кипящій спиртъ въ горло виновному. Другія правила поражаютъ продолжительностью и сложностью предписываемыхъ ими добровольныхъ наказаній. Здѣсь и тамъ древнія книги обнаруживаютъ сомнѣніе относительно пользы покаянія: что̀ можетъ оно сдѣлать хорошаго, говорятъ онѣ, если дурное дѣяніе все-таки остается; но, прибавляется ими, авторитетное мнѣніе гласитъ, что покаяніе должно имѣть мѣсто. «Человѣкъ въ этомъ мірѣ, пишетъ Гаутама (XIX. 2), оскверняетъ себя дурными поступками, каковы принесеніе жертвы людьми, недостойными совершать жертвоприношенія, ѣда запрещенной пищи, высказываніе того, чего не слѣдуетъ говорить, пренебреженіе относительно предписаннаго, совершеніе запретныхъ дѣяній. Они (т. е. нѣкоторые браминскіе авторитеты) сомнѣваются, долженъ ли онъ совершать покаяніе за такія дѣйствія, или нѣтъ. Одни объявляютъ, что не долженъ, *ибо само дѣяніе не уничтожается.* (Но) наиболѣе выдающееся мнѣніе гласитъ, что онъ долженъ подвергнуться покаянію». И это мнѣніе поддерживается многочисленными цитатами изъ индусскихъ писателей.

Какія же причины вызвали первоначальное появленіе упо-

*) *Апастамба*, I. 1, 15; *Гаутама*, XXII; *Вишну*, XXXIV. XXXV.

минаемаго уже въ этихъ книгахъ закона, закона въ нашемъ смыслѣ, т. е. гражданскихъ и уголовныхъ постановленій, подкрѣпленныхъ санкціями или карами, имѣющими быть наложенными въ этомъ мірѣ? Возникновеніе его стоитъ, какъ кажется, въ тѣсной связи съ возникновеніемъ царской власти. Власть эта, повидимому, извѣстна уже древнѣйшимъ изъ помянутыхъ трактатовъ, но въ то же время, въ своей совокупности эти трактаты указываютъ на то, что тѣсный союзъ между царемъ и браминами устанавливался весьма медленно и постепенно. Наиболѣе древнія книги даютъ сравнительно мало простора царскому авторитету, но мѣсто, отводимое въ нихъ царю и перечисленію его функцій — въ каждомъ новомъ трактатѣ все болѣе и болѣе значительно; въ самыхъ же позднихъ по появленію трактатахъ (напр., Ману) совокупность царскихъ функцій является уже предметомъ, излагаемымъ съ величайшею подробностью. Можно замѣтить, что съ возростающимъ значеніемъ царя измѣняется и взглядъ жрецовъ на его отношенія къ закону. Въ древнѣйшихъ, на мой взглядъ, частяхъ разбираемыхъ книгъ, царь является лишь помощникомъ духовнаго руководителя народа—брамина. Его обязанность—подкрѣплять своимъ авторитетомъ и вынуждать соблюденіе правилъ покаянія. «Если какія-либо лица, говоритъ Апастамба (II. V. 10. 13), нарушатъ приказъ ихъ духовнаго правителя, то послѣдній приводитъ ихъ къ царю. Царь долженъ посовѣтоваться съ домашнимъ своимъ жрецомъ, который долженъ быть свѣдущъ въ законахъ и искусствѣ управлять людьми. Съ его совѣта, царь приказываетъ виновнымъ совершить надлежащее покаяніе, если ими будутъ брамины, и вразумляетъ ихъ принудительными мѣрами всякаго рода, за исключеніемъ тѣлеснаго наказанія и обращенія въ рабство; но людей другихъ кастъ царь, разобравши ихъ дѣянія, можетъ карать даже смертью. Въ болѣе позднемъ трактатѣ (Вишну, III. 2) обязанности царя выражены въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: онъ защищаетъ свой народъ отъ внѣшняго врага; онъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы члены четырехъ кастъ и, въ предѣлахъ каждой касты, отдѣльныя лица при прохожденіи четырехъ положенныхъ закономъ стадій земнаго существованія, строго исполняли свои разнообразныя обя-

занности; другими словами—онъ обязанъ поддерживать общественную и религіозную систему въ томъ ея видѣ, какой придаютъ ей въ своихъ трактатахъ жрецы-правовѣды. Источники еще болѣе поздніе представляютъ ту особенность, что въ нихъ «домашній жрецъ» царя, о которомъ упоминаетъ уже Апастамба, возвышается надъ всѣми остальными. Еще позднѣе книги закона говорятъ уже о верховномъ судѣ, принадлежащемъ царю въ обществѣ браминовъ, его помощниковъ. Наконецъ, самые поздніе по времени трактаты надѣляютъ царя божественнымъ правомъ. Онъ, будто-бы, созданъ изъ вѣчныхъ элементовъ, взятыхъ изъ субстанціи боговъ. «Съ нимъ даже въ дѣтскомъ возрастѣ нельзя обращаться небрежно, какъ съ простымъ смертнымъ. Нѣтъ, онъ уже и въ это время—могущественное божество, только проявляющееся въ человѣческомъ образѣ» (Ману, VII. IV. 8). Царю приписано божеское происхожденіе и въ то же время онъ какъ-бы теряетъ въ полнотѣ своей личной власти: онъ вправѣ дѣйствовать только съ совѣта браминовъ. «Справедливое наказаніе не можетъ быть наложено невѣжественнымъ и алчнымъ царемъ, не имѣющимъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ помощниковъ—царемъ, разумъ котораго не воспитанъ, а сердце — предано чувственности. Только царь, чистый сердцемъ, вѣрный данному слову, строго исполняющій велѣнія священнаго писанія, исполненный здраваго разума и поддерживаемый руководительствомъ добрыхъ совѣтниковъ, только такой царь можетъ опредѣлить наказанія по всей справедливости» (Ману, VII. XXX. 31).

Съ того момента, какъ царь въ сообществѣ браминовъ признанъ былъ верховнымъ судьею націи, законъ, излагаемый въ юридическихъ трактатахъ, становится гражданскимъ закономъ въ строгомъ смыслѣ слова, и какъ таковой—снабженъ свѣтской санкціей—санкціей налагаемыхъ судомъ наказаній. Пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, брамины налагаютъ на него печать своего вліянія, заставляя высказываться въ благопріятномъ для себя смыслѣ. «Тѣлесному наказанію», значится въ законѣ, «брамина подвергать нельзя; высшей мѣрой наказанія для него является открытое оглашеніе совершеннаго имъ преступленія, изгнаніе или клейме-

ніе». Самый строгій англійскій юристъ, для котораго санкція—важнѣйшая сторона закона, не могъ бы не одобрить той абстрактной теоріи наказаній или уголовныхъ санкцій, которая изложена въ сводѣ Ману (VII. 17 и слѣд.). Самъ Іеремія Бентамъ едва ли бы могъ возразить что-либо противъ силы выраженія, проявляющейся, напримѣръ, въ слѣдующемъ отрывкѣ: «наказаніе управляетъ человѣчествомъ; оно одно является его охранителемъ; оно бодрствуетъ, когда стражи его спятъ; откажись царь отъ наказанія виновныхъ—сильный сталъ бы угнетать слабаго, подобно тому, какъ это дѣлаютъ рыбы въ морѣ. Порядокъ поддерживается въ человѣческомъ родѣ благодаря наказанію; боги и демоны, небесные духи и злые гиганты, птицы и змѣи—исполняютъ каждый свое предназначеніе, движимые страхомъ наказанія» (Ману, loc. cit.). Всѣ послѣдствія только что изложенной доктрины не выступаютъ еще въ сводѣ Ману со всей ихъ очевидностью, благодаря тому обстоятельству, что въ немъ, наравнѣ съ гражданскими предписаніями, встрѣчается цѣлая масса религіозныхъ правилъ, большинство которыхъ представляются мнѣ уже плохо соблюдаемыми. Трактатъ болѣе поздній—Парада*)—является уже почти всецѣло гражданскимъ кодексомъ, весьма интереснымъ по своему содержанію. Старинное браминское ученіе подверглось значительнымъ измѣненіямъ и ограниченіямъ подъ вліяніемъ здраваго смысла и воззрѣній на справедливость той школы юристовъ, которой этотъ трактатъ обязанъ своимъ происхожденіемъ. Тѣ части его, которыя занимаются изложеніемъ правилъ о доказательствахъ, кажутся мнѣ заслуживающими особеннаго вниманія, не только потому, что являютъ признаки сравнительно высокаго развитія (хотя авторъ все еще вѣритъ ордаліямъ), но и потому, что въ тѣхъ выраженіяхъ, въ которыхъ онѣ касаются вопроса о лжесвидѣтельствѣ и его послѣдствіяхъ, проглядываетъ такая высота нравственнаго уровня, которая рѣзко оттѣняетъ современную лживость показаній индусскихъ свидѣтелей. «Ни родство, ни дружба, ни сокровища, какъ бы велики они ни

*) Трактатъ «Нарада» переведенъ на англійскій языкъ д-ромъ Юліусомъ Джолли (J. Jolly), подъ заглавіемъ — «Institutes of Narada». Lond. Trübner, 1871.

были, не въ состояніи воздержать отъ правдиваго показанія человѣка, которому грозитъ ужасающій мракъ ада. Помни, что судьба твоихъ предковъ—въ твоихъ рукахъ, когда ты приходишь свидѣтельствовать. Въ то время, когда ты собираешься дать показаніе, они невольно спрашиваютъ себя: «освободишь ли ты ихъ изъ ада, или повергнешь въ него?» Правда составляетъ душу человѣка; все опирается на ней. Стремись къ самоусовершенствованію—говоря правду и только правду. Все твое существованіе съ момента рожденія и до смерти пройдетъ безполезно для твоего будущаго, если ты только дашь ложное показаніе. Нѣтъ высшей добродѣтели, какъ правдолюбіе, и бо́льшаго преступленія, какъ ложь. Поэтому, каждый долженъ говорить правду, особенно когда его призываютъ къ свидѣтельствованію» (Нарада, стр. 42, 43, пер. Jolly). Аналогичное мѣсто Ману (VIII. 112) теряетъ въ своей силѣ, благодаря тому, что сопровождается слѣдующимъ придаткомъ: «когда показаніе дѣлается въ пользу Брамина, лжеприсяга не можетъ быть признана смертнымъ грѣхомъ».

Затрудненія, предъ которыми столь долго останавливался изучающій такъ называемые священные законы Индусовъ, почти цѣликомъ проистекли изъ самаго характера того сочиненія, которое предложено было европейскимъ ученымъ за первоначальный источникъ индусскаго права. Еслибы первымъ сочиненіемъ по этой отрасли индусской литературы, переведеннымъ на западные языки, былъ трактатъ Нарада, на него бы посмотрѣли просто какъ на юридическій трактатъ, и слѣды жреческаго вліянія, находящіеся въ немъ, вѣроятно не обратили бы на себя вниманія. И наоборотъ, если бы первою доступной книгой оказалось Гаутама, или Баудгайана, или Апастамба, то она прослыла бы руководствомъ къ религіозному ритуалу, къ которому якобы сводятся всѣ обязанности Индуса; законы, содержимые въ ней, были бы вѣроятно сочтены случайнымъ или придаточнымъ элементомъ. Но книга Ману, которую Вильямъ Джонсъ прославилъ въ Европѣ, не подходитъ цѣликомъ ни подъ тотъ, ни подъ другой типъ. И пока она одна была извѣстна, до крайности трудно было опредѣлить ея мѣсто въ общей исторіи права. Много лѣтъ на-

задъ («Древнее право», стр. 17, 18, 19), я высказалъ тѣ недоумѣнія, которыя вызывалъ во мнѣ этотъ трактатъ при моихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ: но теперь я вижу, что я слишкомъ пренебрегалъ жреческимъ элементомъ въ немъ. Литература, къ которой принадлежитъ этотъ трактатъ, вся имѣла, повидимому, двойной источникъ происхожденія: однимъ изъ нихъ является обычай, опредѣлить характеръ котораго въ настоящее время нелегко (хотя новѣйшія изслѣдованія обычнаго права нѣсколькихъ мѣстностей Индіи и пролили на него нѣкоторый свѣтъ); другимъ и важнѣйшимъ источникомъ является религіозная литература Индусовъ. Вліяніе послѣдней было несомнѣнно болѣе значительнымъ. Ея творцы, принадлежащіе къ глубокой древности, вовсе не имѣли въ виду выдумывать какіе-либо законы или констатировать ихъ существованіе. Начавши съ изложенія религіозныхъ гимновъ, опредѣленія правилъ благочестія, религіознаго ритуала и богословскаго міросозерцанія, нѣкоторыя изъ ихъ школъ дошли до изложенія правилъ поведенія и подробнаго опредѣленія того, что̀ благочестивый человѣкъ долженъ дѣлать, что̀ случится съ нимъ, если онъ не сдѣлаетъ должнаго, и какимъ образомъ онъ можетъ искупить свое прошлое и сдѣлаться снова человѣкомъ благочестивымъ. Постепенно въ этихъ школахъ выработалось убѣжденіе, что для регулированія частнаго поведенія лучше вліять непосредственно на правителей,—и такимъ образомъ царь былъ призванъ оказывать помощь браминамъ, которые взамѣнъ того придали священный характеръ его власти. Начало такого союза между царемъ и браминомъ было и началомъ свѣтскаго законодательства.

Нѣчто аналогичное могло повториться и въ правовой исторіи Западной Европы, еслибы канонистамъ удалось одержать верхъ надъ цивилистами. Система, которая была бы предложена ими, отдала бы, по всей вѣроятности, предпочтеніе покаянію передъ уголовными наказаніями. Это на самомъ дѣлѣ и имѣло мѣсто; популярность, какою пользовалось имя Ѳомы Бекета, такъ наглядно выступающая въ легендарныхъ сказаніяхъ о немъ, повидимому, въ значительной степени обусловливалась тѣмъ предпочтеніемъ, какое отдаваемо было системѣ

церковныхъ каръ передъ системой суровыхъ свѣтскихъ наказаній. Совершись это, и церковный законодатель несомнѣнно обратился бы для наказанія тяжкихъ грѣховъ къ содѣйствію свѣтскаго правителя, который своею властью обезпечилъ бы неизбѣжное наступленія покаянія; это и случилось въ дѣйствительности, такъ какъ возложеніе тяжкихъ каръ было предоставлено свѣтской власти. Наконецъ, еслибы единственными совѣтниками и орудіями европейскихъ королей при отправленіи гражданскаго и уголовнаго правосудія были каноники, то они въ концѣ концовъ обратились бы къ построенію цѣлой системы гражданскаго и уголовнаго права, снабженной необходимою санкціей, осуществленіе которой было бы предоставлено судамъ. Но эта система во всѣхъ своихъ частяхъ была бы глубоко пропитана церковными идеями, и хотя бы, можетъ быть, она и заимствовала нѣсколько или много изъ своихъ постановленій отъ стариннаго обычая, но было бы очень трудно раскрыть ихъ источники и ихъ точную первоначальную форму.

Мы коснулись одной изъ невыгодныхъ сторонъ того громаднаго вліянія, какое оказали въ исторіи индусскіе священные законы. Въ процессѣ своего развитія они, вѣроятно, восприняли въ себя много постановленій обычнаго права; но въ древнѣйшихъ законодательныхъ памятникахъ постановленія эти подверглись значительнымъ видоизмѣненіямъ, а въ позднѣйшихъ они были заимствованы изъ разныхъ источниковъ, несогласныхъ въ исходныхъ точкахъ отправленія. Вообще, наиболѣе важными произведеніями священной литературы Индусовъ являются тѣ, которыя бросаютъ свѣтъ на происхожденіе извѣстныхъ юридическихъ правилъ подъ вліяніемъ религіозныхъ вѣрованій. Примѣръ тому будетъ представленъ въ слѣдующей главѣ.

Я сказалъ, что эта древняя литература проливаетъ менѣе свѣта на происхожденіе права, нежели на происхожденіе правовѣдовъ. Но это слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что люди, постигнувшіе и создавшіе законы, были далеко не юристами только. Хорошо извѣстно, что они были до нѣкоторой степени и жрецами; даже болѣе, чѣмъ жрецами. Чтобы понять ихъ дѣйствительный характеръ, мы должны принять во вниманіе то обстоятельство, что въ древнемъ индусскомъ обще-

ствѣ существовалъ только одинъ классъ людей образованныхъ, монополизировавшій поэтому въ своихъ рукахъ все знаніе. Только въ его рядахъ можно было встрѣтить юристовъ, и жрецовъ, и профессоровъ, знатоковъ приличій, добрыхъ нравовъ, изысканныхъ чувствъ, хранилищъ всего того знанія, которое въ то время стояло на мѣстѣ науки. Законодательные трактаты всѣмъ своимъ содержаніемъ доказываютъ, что браминамъ вручены были ключи отъ ада и смерти, но они же убѣждаютъ насъ и въ томъ, что брамины стремились къ господству не надъ однимъ только разумомъ и что всѣ ихъ усилія были направлены къ тому, чтобы подчинить своему вліянію сильныхъ міра сего — побѣдоносныхъ воиновъ и наслѣдственныхъ царей. Они стремились сдѣлаться участниками во власти послѣднихъ, ихъ совѣтниками и помощниками. «Царь и браминъ, глубоко свѣдущій въ Ведахъ — вотъ кто поддерживаетъ въ мірѣ нравственный порядокъ», гласитъ одинъ изъ древнѣйшихъ сводовъ. Несомнѣнно, что союзъ между браминомъ и царемъ нерѣдко былъ снова подкрѣпляемъ и повелъ за собою многія послѣдствія; ибо среди мрака древней исторіи Индіи всплываетъ, повидимому, тотъ фактъ, что хотя религіи распространялись первоначально путемъ прозелитизма, но что укрѣплялись онѣ на большихъ пространствахъ и снова изгонялись гораздо менѣе при помощи пропаганды, нежели свѣтскою властью Въ общемъ впечатлѣніе, оставляемое въ умѣ изученіемъ этихъ книгъ, сводится къ тому, что никогда не было болѣе грозной тиранніи, нежели та, которая получалась отъ соединенія физическаго, умственнаго и духовнаго превосходства. Въ то же время было бы ошибкой видѣть въ классѣ, идеи котораго отразились въ вышеуказанной литературѣ, не болѣе какъ самодовольную церковную аристократію. Я долженъ сознаться, что не легко точно описать силу той профессіональной гордости, которая выступаетъ въ любомъ изъ названныхъ сочиненій. Всѣ должны служить браминамъ; всѣ должны давать имъ дорогу: почтительныя привѣтствія, съ кототорыми слѣдуетъ обращаться къ нимъ, опредѣлены до мельчайшихъ подробностей. Они свободны отъ уголовныхъ каръ, ими самими предписываемыхъ. «Браминъ» пишетъ Гаутама, «не долженъ

подвергаться тѣлесному наказанію, ни заключенію въ тюрьмѣ, ни штрафамъ, ни изгнанію, ни безчестію, ни исключенію (изъ общества)». Ихъ притязанія достигаютъ, можетъ быть, высшаго предѣла въ отрывкѣ изъ юридическаго трактата Вишну, гдѣ написано, что «боги суть невидимыя божества, брамины же суть видимыя божества. Брамины поддерживаютъ міръ. Только благодаря имъ боги пребываютъ на небесахъ». Однако жизнь, предписываемая ими для себя, далеко не блестящая и едва ли счастливая. Это жизнь, которой ежечасно угрожаетъ возможность наступленія тяжкихъ лишеній. Въ юности браминъ долженъ просить подаянія въ пользу своего учителя; въ зрѣломъ возрастѣ, какъ женатый домохозяинъ, онъ связанъ исполненіемъ безчисленныхъ обязанностей, невольное нарушеніе которыхъ можетъ обречь его въ другомъ мірѣ на милліоны лѣтъ униженія и страданій; въ старости онъ долженъ стать аскетомъ или пустынникомъ. Возможно, что этому соединенію самоувѣренности съ самоотрицаніемъ и самоуничиженіемъ нужно приписать удивительно упорную живучесть основныхъ идей браманизма. Какъ я показалъ это, жреческая *правовая* система, какъ система, вѣроятно болѣе всего обязана своимъ настоящимъ авторитетомъ принятію ея англо-индійскими судами въ качествѣ общаго законодательства для Индіи; но нѣкоторые пункты вѣроученій, положенныхъ въ ея основаніе, составляютъ древнѣйшее умственное достояніе Индусовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ идей не лишены религіозной или моральной высоты; но въ общемъ дурное преобладаетъ въ нихъ надъ хорошимъ. Въ этой древнѣйшей литературѣ мы можемъ найдти зародыши многихъ предразсудковъ, доселѣ весьма зловредныхъ— того, напр., кастоваго предупрежденія, въ силу котораго раненый Сипой предпочтетъ умереть отъ лихорадки, нежели напиться воды изъ рукъ своего сослуживца, принадлежащаго къ низшей кастѣ, или англичанина; того страха осквернiться, который, двадцать пять лѣтъ назадъ, вызвалъ ужасный мятежъ среди наемныхъ войскъ; того ограниченія предметовъ пищи и питья, которое и по настоящее время вызываетъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ этой густонаселенной странѣ и не мало содѣйствуетъ періодическому

наступленію голодовъ. Но въ тѣсной связи съ этимъ міросозерцаніемъ въ Индіи въ настоящее время возникаетъ мало-по малу другое, насквозь проникнутое западно-европейской культурой; совмѣстное существованіе обоихъ—причина того, что управленіе Индіи Англичанами является чѣмъ-то небывалымъ еще въ исторіи—и по новизнѣ своей, и по трудности, и по необходимому запасу осторожности, проницательности и самообладанія, которыхъ оно требуетъ отъ администраторовъ.

ПРИМѢЧАНІЕ

(къ гл. II-ой)

Изображенія колеса.

Буддистскія изображенія колеса, какъ я уже сказалъ выше, встрѣчаются не такъ рѣдко, какъ индусскія. Однако же, благодаря любезности Гранта Дöффа, мнѣ удалось получить изъ Мадраса два индусскихъ изображенія этого рода, менѣе совершенныя по рисунку, чѣмъ буддистскія, но составленныя, очевидно, по тому же образцу.

Проф. Коуелль сообщилъ мнѣ слѣдующую любопытную легенду о происхожденіи буддистскихъ изображеній:

«Въ двадцать первомъ разсказѣ, помѣщенномъ въ Сѣверномъ Буддистскомъ собраніи легендъ, подъ заглавіемъ «Дивіавадана», повѣствуется о томъ, что Маудгаліайана, ученикъ Будды, посѣтилъ нѣсколько разъ небо и адъ и, возвращаясь оттуда на землю, описывалъ видѣнное имъ.

«Будда сказалъ Анандѣ: «Маудгаліайана не всегда будетъ съ нами, а также и никто похожій на него; а потому нужно сдѣлать колесо съ пятью радіусами и помѣстить его во входной комнатѣ». Нищіе услыхали, что Будда отдалъ такое приказаніе, но не знали, какого рода колесо надо сдѣлать. Будда сказалъ: «надо сдѣлать пять путей—ада, животныхъ, прета

(pretas) [1]), боговъ и людей». Адъ долженъ быть помѣщенъ въ самомъ низу; затѣмъ должны слѣдовать животныя и преты; вверху же—боги и люди, т. е. четыре материка, а именно: Пурвавидега, Апарагоданійа, Уттаракуру и Ямбудвипа. Въ центрѣ слѣдуетъ изобразить желаніе, ненависть и тупое равнодушіе [2]): желаніе въ видѣ голубя, ненависть въ образѣ змѣи, тупое равнодушіе — въ видѣ свиньи. Изображенія же Будды слѣдуетъ помѣстить внѣ круга Нирваны. Существа должны быть представлены рождающимися сверхъестественнымъ путемъ, какъ бы при посредствѣ механизма водянаго колеса, переходящаго изъ одного состоянія въ другое. Вокругъ слѣдуетъ представить двѣнадцатикратный кругъ причинности [3]) въ правильномъ порядкѣ и въ обратномъ. Все должно быть изображено подверженнымъ скоротечности, при чемъ слѣдуетъ написать тамъ двѣ гаты (gáthás):

«Начинай, выходи, будь ревностенъ къ ученію Будды,
Низвергни армію смерти, какъ слонъ низвергаетъ тростниковую хижину.
Кто не будетъ твердъ въ ученіи и дисциплинѣ [4]),
Тотъ послѣ рожденія и земнаго существованія окончитъ въ страданіяхъ».

«Нищенствующіе исполнили велѣнія Будды и сдѣлали колесо съ пятью радіусами. Пришли Брамины и домохозяева и спросили: «Господинъ, что это нарисовано здѣсь»? Нищіе отвѣчали: «господа, мы и сами-то не знаемъ». Будда сказалъ: «пусть кто-либо изъ нищенствующихъ стоитъ во входной комнатѣ и показываетъ это всѣмъ браминамъ и домохозяевамъ, которые будутъ приходить».

---

[1]) Духи или демоны, испытывающіе вѣчный голодъ
[2]) Три извѣстные «порока», признаваемые индусской философіей.
[3]) См. *Essays* Кольбрука (Colebrooke), изд. 2, т. I, стр. 453–455.
[4]) Дгарма и Винайа.

ГЛАВА III.

Культъ предковъ.

Выше я сказалъ, что на житейскія правила, вошедшія въ наиболѣе древніе изъ индусскихъ священныхъ сводовъ, особенно сильное вліяніе оказали двѣ системы религіозныхъ вѣрованій—системы, бывшія нѣкогда совершенно независимыми одна отъ другой. Искупленіе грѣха загробными наказаніями въ цѣломъ рядѣ отдѣленій ада, и очищеніе грѣха путемъ переселенія души изъ одного существа въ другое—эти два вѣрованія, соединенныя вмѣстѣ индусскими юристами-жрецами, представляютъ собою лишь различныя рѣшенія одной и той же проблемы. Нарушеніе правилъ, изложенныхъ въ юридическихъ сводахъ, кладетъ на нарушителя особое пятно, которое, если не будетъ смыто добровольнымъ покаяніемъ при жизни, останется на его душѣ и послѣ смерти и въ такомъ случаѣ можетъ быть очищено только болѣе сильными карами. Изъ двухъ различныхъ воззрѣній на загробную жизнь выработались двѣ теоріи, одна — признающая рядъ послѣдовательныхъ искупленій, другая—основанная на догматѣ переселенія душъ, при чемъ позднѣйшая индусская система обѣ эти теоріи соединила въ одну. Но помимо слѣдовъ этого двоякаго религіознаго міросозерцанія, въ разбираемыхъ трактатахъ существуетъ ясное указаніе еще на третью, и быть можетъ еще болѣе древнюю религію, стоящую совершенно особнякомъ. Это—почитаніе предковъ, создавшее всю систему наслѣдственнаго права Индусовъ. Связь между культомъ предковъ и наслѣдованіемъ не есть, однако, особенность

Индусовъ. Древнѣйшее право значительнаго числа обществъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ развитію цивилизаціи, показываетъ намъ, что и въ нихъ на наслѣдникахъ лежала, какъ одно изъ условій наслѣдованія, обязанность выполнять тѣ или другія требованія этого культа. Вообще это грубое и первобытное вѣрованіе очень сильно повліяло на тотъ отдѣлъ юриспруденціи, который, связывая одно поколѣніе съ другимъ, имѣетъ огромную важность для всѣхъ прогрессирующихъ обществъ.

Культъ предковъ не слѣдуетъ понимать здѣсь въ томъ смыслѣ, въ какомъ терминъ этотъ обыкновенно принимается учеными. Это не культъ какого-либо давно умершаго и большею частью легендарнаго предка, какого-нибудь героя—прародителя, давшаго свое имя расѣ, націи, племени, дому или семьѣ, въ родѣ Іона, Ромула или Эвмольпуса. Съ другой стороны, нельзя поставить его въ видимую связь и съ тѣмъ суевѣрнымъ благоговѣніемъ, какое дикари питаютъ къ своему «тотемъ», хотя послѣдній и служитъ для нихъ символомъ существа, отъ котораго они ведутъ свое происхожденіе. Въ данномъ случаѣ предками, которыхъ стараются умилостивить жертвами и молитвою, являются предки, дѣйствительно живущіе въ памяти, или по крайней мѣрѣ могущіе жить въ памяти своихъ почитателей. Близость во времени есть существенная черта того культа, о которомъ я говорю. Согласно первобытнымъ идеямъ многихъ древнихъ обществъ—обществъ, даже настолько отдаленныхъ одно отъ другаго, какъ индусское и ирландское—человѣкъ, какъ членъ нераздѣльной семьи или домохозяйства, можетъ надѣяться увидать при жизни своей, самое бо̀льшее, три поколѣнія восходящихъ и три нисходящихъ. Сообразно съ этимъ и почитаемыми предками являются трое: прежде всего отецъ, затѣмъ дѣдъ и наконецъ прадѣдъ. Почитаніе, оказываемое болѣе отдаленнымъ предкамъ, о которыхъ не сохранилось личныхъ воспоминаній, представляетъ собою уже гораздо болѣе позднее развитіе указанныхъ идей. Съ первоначальнымъ характеромъ ихъ и съ тѣми чувствами, которыя съ ними связывались, можно познакомиться изъ разсказа о происхожденіи культа предковъ у нѣкоторыхъ

изъ Южно-Африканскихъ племенъ — разсказа каноника Каллауэй, приведеннаго у Тэйлора («Первобытная культура» II. 106). «Хотя они поклоняются многимъ Аматонго (души предковъ) своего племени, дѣлая вокругъ нихъ большую ограду для ихъ защиты, однако отецъ пользуется у нихъ при этомъ почитаніи преимуществомъ передъ всѣми другими Аматонго. Отецъ даже послѣ смерти есть великое сокровище какъ для своихъ непосредственныхъ потомковъ, такъ и для тѣхъ, кто выросъ на его глазахъ, зналъ близко его и его привѣтливость и мужество ... Чернокожіе почитаютъ не всѣхъ Аматонго, т.-е. не всѣхъ покойниковъ своего племени, безразлично. Говоря вообще, глава каждаго дома почитается дѣтьми послѣдняго, такъ какъ они не знаютъ болѣе отдаленныхъ предковъ. Свои молитвы они начинаютъ и кончаютъ отцемъ, котораго они знали, знали лучше всѣхъ прочихъ.... Мы не знаемъ, говорятъ они, какое ему можетъ быть дѣло до другихъ, кромѣ насъ: онъ будетъ смотрѣть только на насъ однихъ».

«Почитаніе мановъ», говоритъ Тэйлоръ («Первобытная культура», II. 108), «есть одно изъ важнѣйшихъ развѣтвленій религіознаго міросозерцанія человѣчества. Принципы его не трудно понять, такъ какъ въ нихъ воспроизводятся соціальныя отношенія дѣйствительной жизни. Умершій предокъ, ставшій послѣ смерти божествомъ, попрежнему покровительствуетъ своей семьѣ и получаетъ отъ нея мольбы и жертвоприношенія. Умершій глава племени еще бодрствуетъ и удерживаетъ свою власть надъ нимъ, помогая друзьямъ и вредя врагамъ, награждая правыхъ и карая виновныхъ».

Культъ предковъ, т. е. отца, дѣда и прадѣда, имѣлъ у Индусовъ весьма разработанное богослуженіе и ритуалъ, очеркъ котораго и представленъ въ юридическихъ трактатахъ: особенно же подробно описанъ онъ въ книгѣ Вишну. Отъ точнаго выполненія обрядовъ культа зависитъ, въ глазахъ древняго индусскаго жреца-правовѣда, все наслѣдственное право. Замѣчательно, что та же близкая взаимная связь между ритуаломъ и наслѣдованіемъ существуетъ и для современнаго англо-индійскаго судьи, который старается истолковать старинные своды, и примѣнить ихъ доктрину къ разбираемому имъ случаю.

Въ высшей степени любопытнымъ представляется сближеніе прошедшаго съ настоящимъ, проглядывающее въ томъ, какъ современный англійскій судья главнаго суда, положимъ въ Калькуттѣ, тщательно взвѣшиваетъ точную сумму духовныхъ благъ, получаемыхъ покойникомъ отъ жертвоприношенія его прямаго или боковаго потомка, и размѣръ тѣхъ благодѣяній, которыя нисходятъ на родича, приносящаго «священную воду и священный пирогъ». Въ индусскомъ правѣ можно найти всѣ важнѣйшія юридическія понятія римскаго наслѣдственнаго права, только термины, служащіе для ихъ выраженія (suus haeres, агнатъ, когнатъ, actio de familia erciscunda и т. д.) приняли тамъ иныя формы, заимствованныя изъ богослужебнаго порядка индусскаго культа предковъ.

Въ интересахъ болѣе полнаго выясненія вопроса слѣдуетъ прибавить, что индусскій культъ предковъ коснулся не одного только наслѣдственнаго права Индіи. Онъ вліяетъ и на обыденную жизнь Индусовъ, и въ глазахъ большинства ихъ, домашнія божества — гораздо важнѣе всего индусскаго пантеона. «У насъ существуетъ поговорка», говоритъ авторъ весьма интереснаго трактата о «Наслѣдственномъ правѣ» (профессоръ Раджкумаръ Сарвадикари)—«что человѣкъ можетъ быть прощенъ за пренебреженіе всѣми своими общественными обязанностями, но что онъ осужденъ на вѣчныя времена, если упуститъ исполнить погребальное шествіе по своимъ родителямъ и не принесетъ имъ должныхъ жертвъ». Хотя въ Ведахъ и говорится о болѣе отдаленныхъ предкахъ, какъ о божествахъ, которыя слѣдуетъ почитать, но они подъ общимъ именемъ «Питрисъ» (Pitris) стоятъ какъ бы въ тѣни, на заднемъ планѣ среди индусскихъ боговъ; между тѣмъ какъ отцу, дѣду и прадѣду ежедневно [1]) въ жилищѣ Индуса приносится *шрадда* (shradda), а по извѣстнымъ днямъ и въ опредѣленныхъ случаяхъ имъ приносятся жертвы, обставленныя особыми спеціальными обрядностями. Наиболѣе торжественныя жертвы совершаются при погребеніи, и правила относительно этого изложены съ мелочными подробностями уже въ древнѣйшихъ изъ

---

[1]) *Sarvadhikari*, Hindu Law of Inheritance, стр. 83 и слѣд.

сводовъ (Гаутама, XV. I. 30). Первые плоды земли, первыя части всего съѣстнаго, всѣ ἀπαρχαὶ и primitiae составляютъ спеціальную принадлежность этихъ родовыхъ боговъ; особое благословеніе, ниспосылаемое ими, состоитъ въ долговѣчности и въ непрерывномъ продленіи семьи. Фюстель-де-Куланжъ первый изъ новѣйшихъ писателей (въ своей блестящей книгѣ «La cité antique) освѣтилъ вполнѣ до него плохо понятую важность частнаго или семейнаго культа Грековъ и Римлянъ. Почти все вниманіе сосредоточивалось прежде на богахъ высшаго порядка. Въ ихъ честь—строились храмы, приводились къ жертвенному алтарю быки, двигались по улицамъ процессіи, возникали религіозныя братства и союзы. Это были національные или племенные боги—представленіе о которыхъ возникло изъ первобытнаго наблюденія надъ природой и благоговѣнія передъ ней, боги, созданные силою общераспространенныхъ эмоціональныхъ движеній, какъ напр. Діонисій или Цибелъ. Но боги эти жили далеко, на своемъ Олимпѣ; дѣйствительнымъ же, реальнымъ культомъ Римлянина былъ культъ Ларовъ и Пенатовъ. Въ особомъ сокровенномъ помѣщеніи дома, въ *lararium* или *penetralia*, ставились ихъ глиняныя или металлическія изображенія, представлявшія собою предковъ, которые дѣйствительно когда-то погребались тамъ, передъ очагомъ. Во главѣ ихъ-находился старѣйшій между ними—Lar Familiaris. Подобно публичному служенію богамъ высшаго порядка, этотъ частный культъ имѣлъ также свой ритуалъ, свое богослуженіе, своихъ жрецовъ изъ среды семейнаго круга; значеніе этого культа во всѣхъ семейныхъ отношеніяхъ выяснено вполнѣ массою убѣдительныхъ доводовъ, которыми такъ богата «La cité antique».

Культъ предковъ до сихъ поръ практикуется значительною частью человѣческаго рода. Мы, которые принадлежимъ къ западной цивилизаціи, имѣемъ объ немъ лишь смутное представленіе—благодаря, главнымъ образомъ, тому вліянію, какое оказала на вѣрованія западныхъ обществъ религія Евреевъ. Жертвоприношенія предкамъ были небезъизвѣстны, правда, и Евреямъ, но только какъ иноземное обыкновеніе или запрещенное идолопоклонство. «Они прилѣпились къ Ваалфе-

гору», говорится въ псалмѣ CV. 28, «*и пли жертвы бездушнымъ*» (покойникамъ). И далѣе, во Второзаконіи, XXVI. 19: «Тогда скажи передъ Господомъ Богомъ твоимъ: я вынесъ изъ дому моего святыню.... Я не преступилъ твоихъ заповѣдей и не забылъ ихъ.... Я не ѣлъ отъ нея въ печали моей... *и не давалъ изъ нея для мертваго*». Вообще же Писаніе Евреевъ содержитъ въ себѣ лишь слабыя указанія на этотъ широко распространенный обычай [2]), и то нѣчто подобное ему, что̀ можно найти въ христіанствѣ или магометанствѣ, обязано своимъ происхожденіемъ случайнымъ причинамъ. Какой-нибудь дикій Туркменъ, слывущій за фанатическаго мусульманина, можетъ быть и приноситъ иногда жертвы на могилѣ своего предка, какъ дѣлали его праотцы на дальнемъ Востокѣ; съ другой стороны, если тотъ или другой христіанскій святый и является центромъ мѣстнаго культа, то не потому ли, что онъ только замѣнилъ собою мѣстное языческое божество, которое, въ свою очередь, было не болѣе, какъ обоготвореннымъ предкомъ. Совсѣмъ иное надо сказать о другихъ религіяхъ. Всѣ секты Индусовъ и всѣ народности, испытавшія вліяніе индуизма, почитаютъ своихъ предковъ. Древняя религія, недавно оживленная въ Японіи, при помощи государственной власти, въ ущербъ Буддизму, и извѣстная подъ именемъ Шинтоизма, является, повидимому, не чѣмъ инымъ,

[2]) Пятую заповѣдь, обѣщающую долговѣчность, какъ награду за почтеніе къ отцу и матери при ихъ жизни, можно сравнить съ древнѣйшими литургическими пѣснопѣніями Китайцевъ, въ которыхъ долговѣчность семьи является особенной наградой за почтеніе, оказанное умершимъ родителямъ въ видѣ жертвоприношеній имъ. См. прекрасный китайскій гимнъ, взятый изъ ритуала культа предковъ и переведенный д-ромъ Леджемъ (Shi-King, *Sacred Books of The East*, томъ III: стр. 348, 349) «При благопріятныхъ ауспиціяхъ и съ достодолжными обрядами да принесешь ты дары и представишь ихъ весною, лѣтомъ, осенью и зимою—вождямъ и прежнимъ царямъ». И они скажутъ: «мы даруемъ тебѣ миріады годовъ, долговѣчность безъ границъ. Да придутъ духи и ниспошлютъ на тебя множество благъ.... Подобно лунѣ, приближающейся къ полнолунію. Подобно солнцу, восходящему на небѣ. Подобно вѣчно стоящимъ южнымъ холмамъ. Никогда не постигнетъ тебя слабость, ни немощь. Подобно изобилію сосны и кипариса. Таково да будетъ твое потомство»!

какъ однимъ изъ видовъ культа предковъ; Китайцы также вообще чтутъ своихъ предковъ; а они, вмѣстѣ съ поклоняющимися предкамъ дикарями, составляютъ большинство человѣческаго рода.

Китайцы представляютъ собою яркій примѣръ общества, въ сильной степени преданнаго этой системѣ религіозныхъ вѣрованій. Доказательство въ пользу ея древности и широкой распространенности между ними—весьма многочисленны. Я ограничусь приведеніемъ лишь самаго древняго и самаго новаго изъ относящихся сюда свидѣтельствъ. Наиболѣе древними памятниками китайской исторіи являются болѣе ранніе по происхожденію части тѣхъ знаменитыхъ сборниковъ, въ прозѣ и стихахъ, которые извѣстны подъ именемъ Шу-Кингъ и Ши-Кингъ. Согласно весьма достовѣрнымъ хронологическимъ даннымъ, древнѣйшіе прозаическіе памятники Шу-Кингъ надо отнести къ двадцать четвертому вѣку до начала христіанской эры, а самыя раннія богослужебныя оды Ши-Кингъ относятся, какъ полагаютъ, къ восемьнадцатому столѣтію до Р. Х. Второй отрывокъ изъ Шу-Кингъ говоритъ объ Яо, удалившемся отъ дѣлъ правленія «въ храмъ своего достохвальнаго предка», а первый и наиболѣе древній гимнъ Ши-Кингъ, воспѣвающій жертвоприношенія предкамъ, представляетъ этотъ обычай уже какъ очень древній. «Здѣсь наши бубны и барабаны. Барабаны гремятъ громко и согласно, въ удовольствіе нашему достохвальному предку. Потомокъ Танга съ музыкой проситъ его, чтобы онъ порадовалъ насъ осуществленіемъ нашихъ помысловъ.... Испоконъ-вѣка, задолго до нашего времени, люди дали намъ примѣръ того, какъ съ утра до ночи слѣдуетъ быть ласковымъ, почтительнымъ и внимательнымъ при исполненіи богослужебныхъ обрядовъ».

Въ качествѣ же самаго новаго доказательства я приведу документъ, обнародованный въ 1882 году и основанный, очевидно, на свидѣтельствахъ миссіонеровъ [3]).

«Велики (въ Китаѣ) расходы, налагаемые мертвыми на жи-

---

[3]) «Нингпо и Буддистскіе храмы» Констанса Гордона Кумминга (Cumming). *Century*, Сентябрь, 1882.

выхъ. Ни въ одной странѣ потеря родственниковъ не можетъ чувствоваться сильнѣе. Тѣло умершаго должно быть одѣто въ хорошее новое платье, а другой хорошій костюмъ долженъ быть сожженъ. Необходимъ также богатый гробъ, жрецамъ надо щедро заплатить за погребальныя церемоніи на дому покойнаго, равно какъ и за ихъ услуги при удачномъ выборѣ дня для похоронъ.... Отъ десятаго до семнадцатаго дня послѣ смерти, жрецы—Таоисты или Буддисты—совершаютъ служеніе въ домѣ для того, чтобы защитить живущихъ въ немъ отъ вторженія привидѣній и духовъ, которые, какъ думаютъ, собираются во множествѣ, чтобы сторожить своего новаго собрата. Многія семьи не разъ постигало нищенство отъ расходовъ, которые имъ приходилось дѣлать, и это несомнѣнно повторится и въ будущемъ. Уклониться отъ нихъ—значило бы навлечь на себя гнѣвъ мстительнаго покойника, который можетъ отмстить за себя, насылая на живыхъ всякаго рода болѣзни и страданія.... Жрецы выдаютъ себя за людей, получающихъ изъ міра духовъ откровенія о томъ, что несчастные покойники терпятъ муки въ чистилищѣ и могутъ быть освобождены оттуда лишь при помощи дорого стоящихъ обрядовъ на дому. Плата за нихъ опредѣляется въ наивысшую сумму, какую только считается возможнымъ взять. Въ концѣ концевъ семья истрачиваетъ всѣ свои деньги и даже продаетъ свои драгоцѣнности, лишь бы только достать необходимую сумму».

Въ заключеніе я приведу общія разсужденія Тэйлора объ этой удивительной системѣ вѣрованій и культа («Первобытная культура», II. 108). «Интересныя проблемы открываются западному мышленію при видѣ великаго народа, въ теченіе тысячелѣтій ищущаго живыхъ среди мертвыхъ. Нигдѣ связь между отеческою властью и консерватизмомъ не выступаетъ съ бо̀льшею наглядностью. Почитаніе предковъ, начинающееся еще при жизни ихъ, не прекращается, а, наоборотъ, еще болѣе усиливается съ ихъ смертью, когда они становятся божествами. Китаецъ, простертый—и въ буквальномъ смыслѣ этого слова и въ переносномъ—передъ усыпальницами своихъ предковъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, продолжаютъ жить

ихъ души, вовсе и не думаетъ о томъ, что этимъ онъ только доказываетъ, какую огромную роль при остановкѣ прогресса цивилизаціи можетъ играть неограниченное сыновнее повиновеніе, запрещающее отступать отъ прадѣдовскихъ порядковъ. Мысль о томъ, что души мертвыхъ участвуютъ въ славѣ и счастьѣ своихъ потомковъ, принадлежитъ къ числу очень распространенныхъ; но большинство такихъ представленій показались бы неопредѣленными и пустыми Китайцу, который употребляетъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы одержать верхъ на конкурсѣ, котораго придерживаются на государственныхъ экзаменахъ, въ надеждѣ, что послѣдствіемъ его успѣха будетъ значительное улучшеніе участи его отца и дѣда. Какъ это часто случается—то, что̀ для одного народа является забавной шуткой, для другаго имѣетъ серьезный смыслъ. Изъ трехсотъ милліоновъ Китайцевъ едва ли кто-либо призналъ бы шуткой заявленіе Чарльза Ламба о томъ, что онъ не станетъ писать для своего глупаго вѣка, не желающаго читать его, а будетъ писать для древности».

Отношенія культа предковъ къ другимъ религіямъ, признаваемымъ тѣми, кто практикуетъ его, представляются различными въ отдѣльныхъ обществахъ и измѣнявшимися въ различныя эпохи въ предѣлахъ одного и того же общества. Въ Китаѣ этотъ культъ не только устоялъ передъ вліяніемъ другихъ вѣрованій, но и оказалъ на нихъ нѣкоторое воздѣйствіе. Ученіе Конфуція тѣсно переплелось съ нимъ; исповѣданія Будды и Лао-Тце ассимилировались съ культомъ предковъ и жрецы ихъ исполняютъ его обрядность. У Альфреда Ляйялля находимъ любопытное описаніе того вольнаго обращенія, какое китайское правительство позволяло себѣ по отношенію къ военнымъ и рѣчнымъ богамъ, то возвышая, то низлагая ихъ съ помощью государственныхъ актовъ; но сомнительно, рѣшилось ли бы оно на какое-либо серьезное вмѣшательство въ культъ умершихъ. У Индусовъ родовые боги лишь едва выступаютъ среди Ведійскихъ боговъ; но позднѣйшіе юридическіе писатели-жрецы уже сознаютъ возможность соперничества между ними и этими божествами высшаго порядка. Описанный въ трактатѣ Вишну ритуалъ культа пред-

ковъ начинается съ жертвоприношеній богамъ (LXXIV. 1), а Ману прямо говоритъ (III. 205): «Въ началѣ и концѣ *шрадды* пусть приносятся дары богамъ; не слѣдуетъ начинать и кончать ее принесеніемъ жертвъ предкамъ, ибо тотъ, кто начинаетъ и оканчиваетъ шрадду жертвоприношеніемъ Питрисъ, тотъ погибнетъ со всѣмъ своимъ потомствомъ». Не смотря на это, хотя индусскіе боги высшаго порядка и имѣли, подобно большимъ божествамъ Грековъ и Римлянъ, свои храмы, обряды и жертвы, хотя у нихъ и были свои особые адепты, хотя они и были почитаемы въ формѣ особыхъ торжествъ и хожденія на богомолье въ ихъ храмы — однако культъ предковъ, ежедневно практикуемый Индусами въ ихъ частныхъ жилищахъ, пустилъ, быть можетъ, еще болѣе глубокіе корни и никогда, повидимому, не прерывался. Я уже приводилъ свидѣтельство одного современнаго ученаго юриста изъ туземцевъ о томъ, что всякое преступленіе можетъ быть прощено Индусу кромѣ одного — неисполненія жертвоприношеній предкамъ. Съ другой стороны, сравнительно скудныя данныя о римскихъ *sacra privata* свидѣтельствуютъ, повидимому, о томъ, что съ теченіемъ времени они стали утрачивать свое значеніе въ глазахъ народа. Въ эпоху Цицерона расходы на этотъ предметъ составляли еще довольно тяжкое послѣдствіе наслѣдованія; позднѣе же съ ними повторилось въ Римѣ то же, что и въ другихъ мѣстахъ, и ихъ замѣнили платежи въ пользу Коллегіи Понтифовъ. Имѣются также указанія и на то, что домашніе боги стали мало-по-малу утрачивать свой божественный характеръ. Ларовъ начали почти отожествлять съ понятіемъ *Larvae* (слово того же происхожденія, служившее для обозначенія лицъ, преданныхъ погребенію безъ совершенія надлежащихъ обрядовъ [4]), а

---

[4]) Народы, практиковавшіе культъ предковъ, повидимому сходятся въ признаніи того, что весьма важныя послѣдствія связаны съ порядкомъ погребенія умершихъ; но, съ другой стороны, въ нихъ нѣтъ согласія на счетъ самаго порядка погребенія. Поразительный контрастъ представляютъ, съ одной стороны—молитва Аякса къ Зевсу о томъ, чтобы онъ былъ по крайней мѣрѣ погребенъ и чтобы псы и птицы не ѣли его тѣла, и съ другой—молитва одного благочестиваго послѣдова-

также и съ Лемурами — простыми демонами, обитавшими въ могилахъ. «Лары и Лемуры», оглашавшіе воздухъ «жалобами» въ ночь подъ Рождество, не безъ основанія поэтому соединены вмѣстѣ въ поэмѣ Мильтона. Но хотя это древнѣйшее вѣрованіе и вымерло такимъ образомъ, однако вліяніе его на гражданское право осталось и живетъ еще и понынѣ. Слѣды его можно встрѣтить и въ кодексахъ христіанскихъ императоровъ. Въ нихъ находимъ классификацію «вещей», которая состоитъ въ дѣленіи «вещей, не составляющихъ чьей-либо частной собственности»—на res sacrae, res sanctae и res religiosae. Res sacrae—вещи, посвященныя богамъ высшаго порядка; res religiosae прямо опредѣляются, какъ вещи, посвященныя душамъ умершихъ — Манамъ; и извѣстная доля постановленій римскаго права объ этой послѣдней категоріи вещей и до сихъ поръ еще дѣйствуетъ въ англійскихъ законахъ о кладбищахъ. Но мало того, въ наслѣдственномъ правѣ Англіи и понынѣ сохраняются слѣды нѣкотораго вліянія культа предковъ, хотя точную степень этого послѣдняго и трудно опредѣлить. Почти все англійское право, опредѣляющее наслѣдованіе личной собственности (Personalty), а также и боль-

---

теля Зороастрова ученія о томъ, чтобы онъ *не* былъ погребенъ и чтобы псы и птицы *пожирали* его останки. Ср. Софокла, *Аяксъ*, 826 и сл., и Зендъ-Авеста, III. 4,30 (*Sacred Books of the East*, томъ IV): „О, создатель видимаго міра, Ты, Единый Святый! Если кто-либо предастъ тѣло землѣ и не выкопаетъ его по прошествіи года, то какое наказаніе полагается за это? Какое искупленіе нужно тутъ?“ Агура Мазда отвѣтилъ: „за такое дѣяніе нѣтъ искупленія, нѣтъ очищенія; это—преступленіе, которое не искупится во вѣки вѣковъ“. И далѣе, VI. 4,44: „О, создатель видимаго міра, Ты, Единый Святый! Куда слѣдуетъ относить и гдѣ класть тѣла усопшихъ?“ Агура Мазда отвѣчалъ на это: „на вершинахъ горъ, гдѣ всегда есть много псовъ и птицъ, пожирающихъ трупы, о святой Заратруста“.—Мы можемъ сочувствовать желанію, высказанному грекомъ (Аяксомъ); но трудно предположить, чтобы сравнительно цивилизованная нація слѣдовала нѣкогда тому обычаю, который высказанъ въ ученіи Зароастра. Легче допустить, что обычай этотъ былъ не болѣе, какъ переживаніемъ тѣхъ порядковъ, которые нѣкогда господствовали между Парсами, постройки которыхъ, извѣстныя подъ названіемъ „Замковъ Молчанія“, поражаютъ глаза всякаго путешественника, при высадкѣ его на западный берегъ Индіи.

шая часть континентальнаго права по тому же предмету и нѣкоторая часть англійскаго законодательства о вещной собственности (Realty)—имѣютъ своимъ основаніемъ 118-ю Новеллу, Novella Constitutio Юстиніана. А эта Новелла не болѣе, какъ пересмотръ болѣе стариннаго римскаго законодательства о наслѣдованіи, продуктъ сліянія въ одно тѣхъ правилъ, которыя опредѣляли его порядокъ въ Законахъ XII Таблицъ, и тѣхъ, какія изложены были въ Преторскомъ Эдиктѣ. Всякій же, читавшій Фюстель-де-Куланжа, согласится, что тотъ и другой источникъ одинаково проникнуты вліяніемъ культа предковъ.

Новѣйшіе изслѣдователи, поставившіе себѣ спеціальную задачу—въ идеяхъ теперешнихъ дикарей отыскать наиболѣе раннія формы умственныхъ концепцій, построили теорію происхожденія культа предковъ изъ явленій сна и безсознательнаго состоянія, какъ эти явленія представляются людямъ, не вышедшимъ еще или только-что вышедшимъ изъ дикаго состоянія. «Идолъ», пишетъ Джонъ Лёббокъ, «принимаетъ обыкновенно человѣческій видъ, и идолопоклонство тѣсно связано съ тою формою религіи, которая состоитъ въ поклоненіи предкамъ. Мы уже видѣли, какое несовершенное представленіе имѣетъ нецивилизованный человѣкъ о смерти, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что смерть и сонъ въ теченіе очень долгаго времени являются тѣсно связанными въ человѣческомъ умѣ. Дикарь, однакоже, сознаетъ очень хорошо, что въ состояніи сна душа продолжаетъ жить, хотя тѣло и кажется какъ бы мертвымъ. Каждое утро онъ самъ просыпается и видитъ, какъ другіе пробуждаются отъ сна. Естественно поэтому, что онъ старается пробудить и умершаго. Нечего поэтому удивляться также и столь распространенному обычаю—снабжать умершихъ пищею и всѣмъ необходимымъ. У племенъ, ведущихъ осѣдлую и спокойную жизнь, обычай этотъ склоненъ получать все большую и большую силу. Естественнымъ послѣдствіемъ такого рода обычаевъ являются молитвы усопшимъ, такъ какъ если даже дикарь и не припи, сываетъ умершему большей силы, чѣмъ живому, то онъ все же склоненъ думать, что умершіе, по самому свойству своей

природы и по характеру мѣстопребыванія ихъ, имѣютъ значительную силу какъ для добрыхъ, такъ и для злыхъ дѣйствій. А различить простое обращеніе къ невидимому существу отъ молитвы уже совершенно невозможно, какъ невозможно отличить и могущественнаго духа отъ полу-бога». (Д. Лёббокъ, «Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка»). Согласно съ этой теоріей различныя человѣческія общества, по отношенію ихъ къ вѣрѣ въ загробный міръ, были слѣдующимъ образомъ классифицированы Гербертомъ Спенсеромъ («Основанія соціологіи», стр. 322): «Разсматривая всю совокупность человѣческихъ группъ—племена, общества, націи—мы находимъ, что если не буквально повсюду, то почти повсюду имѣется вѣрованіе въ оживающее другое *я* покойника—вѣрованіе то смутное и шаткое, то прочное и ясно-опредѣленное. Внутри этого класса, обнимающаго собою почти всѣ человѣческія группы, мы находимъ нѣсколько меньшій классъ, члены котораго, обладая вполнѣ опредѣленною вѣрой въ другое *я* умершаго, предполагаютъ, что это другое *я* существуетъ въ теченіе значительнаго промежутка времени послѣ смерти человѣка. Почти столь же многочисленъ дальнѣйшій классъ, заключающійся въ предыдущемъ и характеризующійся тѣмъ, что члены его практикуютъ умилостивленіе тѣней усопшихъ не только при погребеніи ихъ, но и послѣ, въ теченіе извѣстнаго времени. Затѣмъ внутри этого послѣдняго класса идетъ новый, еще меньшій по объему, классъ, состоящій изъ болѣе осѣдлыхъ и прогрессирующихъ народовъ, у которыхъ, рядомъ съ развитымъ вѣрованіемъ въ безсмертную душу, мы видимъ и непрерывно существующій культъ предковъ. Далѣе имѣется еще болѣе ограниченный, хотя вовсе не малочисленный классъ народовъ, у которыхъ поклоненіе предкамъ отличившимся, знаменитымъ, начинаетъ подчинять себѣ поклоненіе предкамъ обыкновеннымъ, ничѣмъ не выдавшимся. Такое подчиненіе, все возрастая и возрастая, выступаетъ наиболѣе рѣзко тамъ, гдѣ предками являются вожди завоевательныхъ племенъ».

Въ полномъ своемъ развитіи теорія эта состоитъ, повидимому, въ признаніи того, что дикари вѣрятъ будто бы въ то, что умершіе живутъ такою же жизнью, какую ведутъ они

во снѣ—жизнью, очень сходною съ ихъ жизнью на яву, хотя и имѣющею съ нею нѣкоторыя черты различія. Они будто-бы думаютъ, что душа въ состояніи смерти, какъ и въ ночныхъ сновидѣніяхъ, встрѣчается съ своими повседневными товарищами и родственниками, но что кромѣ нихъ она встрѣчается и съ другими, оставившими уже міръ живыхъ, и въ особенности съ тѣми, кого покойникъ или любилъ, или боялся, или ненавидѣлъ. Души умершихъ по прежнему ѣдятъ, пьютъ, говорятъ; единственное различіе между ними и живымъ міромъ состоитъ, по воззрѣнію дикихъ, въ томъ, что онѣ съ большей легкостью и быстротой облекаются въ другія формы; это могло бы удивлять, но не удивляетъ больше. Пребывающій въ состояніи сна чаще всего встрѣчается съ тѣми, чья жизнь всего болѣе соприкасается съ его собственною, въ особенности же съ отцемъ, облеченнымъ родительской властью. Образъ его онъ, пробудившись отъ сна, припоминаетъ лучше всѣхъ другихъ.—При такомъ состояніи вѣрованій и чувствъ, первою заботою родственниковъ, глава которыхъ окончательно удалился въ міръ духовъ, является стремленіе снабдить его пищей и питьемъ, а быть можетъ и оружіемъ, различными украшеніями и прислужниками для его новаго жилища, столь похожаго на прежнее. Изъ этихъ именно побужденій возникли, какъ полагаютъ, тѣ кровавые погребальные обряды, описаніе которыхъ можно найти въ поэмахъ Гомера; другимъ продуктомъ этихъ идей является будто бы обычай Индусовъ приносить предкамъ жертвы въ видѣ «воды и пирога». Что касается до меня, то я думаю, что теорія эта претендуетъ на объясненіе гораздо большаго количества явленій, чѣмъ какія дѣйствительно объясняются нѣкоторыми знаменитыми писателями, принявшими ее. Имѣются чрезвычайно любопытныя свидѣтельства тому, что, поскольку рѣчь идетъ о первобытныхъ Индусахъ, теорія эта далеко не объясняетъ происхожденія у нихъ культа предковъ. Противорѣчія между различными религіозными доктринами, отразившимися на правѣ, очевидно, сильно смущали умы жрецовъ—авторовъ юридическихъ сводовъ. Какъ примирить доктрину о надѣленіи предковъ различными благами, при помощи обрядовъ и жертвъ, съ ученіемъ о переселеніи

душъ и очищеніи грѣха путемъ загробныхъ каръ? Писатели эти видѣли какъ нельзя болѣе ясно, что человѣкъ оставляетъ здѣшнюю жизнь для будущей такимъ, какимъ его сдѣлали прошлые его поступки, при чемъ сообразно съ ними и будущая жизнь его будетъ чистой или нечистой, грѣховной или безгрѣшной. Въ каждое новое состояніе онъ переходитъ сообразно съ тѣмъ, что совершилъ онъ въ состояніи предыдущемъ. Основные принципы эти излагаются въ сводахъ торжественно, а мѣстами и краснорѣчиво. «Одинокимъ человѣкъ родится, одинокимъ и умираетъ; одинъ онъ получаетъ за свои добрыя дѣла—награду, за дурныя—наказаніе. Послѣ того какъ тѣло его, подобно полѣну или куску глины, останется подъ землей, родственники его, отвернувши лица свои, удалятся; но добродѣтель не покидаетъ его, она сопровождаетъ его душу. Поэтому пусть онъ въ жизни своей накопляетъ добродѣтельныя дѣла, чтобы пріобрѣсти себѣ неразлучнаго спутника—добродѣтель, въ сопровожденіи которой онъ пройдетъ черезъ тьму, какъ бы это ни было трудно». (Ману, IV. 240). «Что ты разсчитываешь сдѣлать завтра, дѣлай сегодня. Что собираешься совершить вечеромъ, дѣлай утромъ, ибо смерть можетъ придти во всякое мгновеніе». «Когда помыслы человѣка прикованы къ его землѣ, или торговымъ предпріятіямъ, или къ дому, или когда умъ его занятъ какимъ-нибудь любимымъ предметомъ, смерть вдругъ уноситъ его прочь, какъ свою добычу, подобно волчицѣ, похищающей ягненка. Время никому не другъ и никому не врагъ. Когда истощается запасъ добродѣтели, накопленной человѣкомъ поступками его въ какомъ-либо прежнемъ существованіи, которое привело его къ теперешней жизни, время силою уноситъ его отъ жизни. Онъ не умретъ прежде, чѣмъ придетъ его время, если бы даже онъ и былъ пронзенъ тысячью стрѣлъ; но какъ только пришло его время, онъ уже не будетъ жить, хотя бы коснулась его только былинка самой безвредной травы—kusa grass». (Вишну, XX. 44). Если это дѣйствительно такъ, то строгій логическій выводъ отсюда будетъ тотъ, что покойнику не можетъ помочь ничто, что бы ни дѣлали оставшіеся въ живыхъ. Но писатель, слова котораго я только-что привелъ, на-

ходитъ изъ этого затруднительнаго положенія тотъ выходъ (на первый взглядъ онъ кажется совершенно неестественнымъ), что родственникамъ умершаго не слѣдуетъ горевать о немъ и что при всемъ томъ они должны приносить жертвы. «Такъ какъ и добрыя и злыя дѣла человѣка послѣдуютъ за нимъ послѣ смерти его, то что̀ ему изъ того—будутъ ли родные его горевать по немъ, или нѣтъ? Но пока родственники его останутся нечистыми, душа покойнаго не обрѣтетъ успокоенія и будетъ посѣщать своихъ родныхъ, на обязанности которыхъ лежитъ принесеніе ему погребальной жертвы рисомъ и возліяніемъ воды. Пока не будетъ исполнена Сапиндикарана, покойникъ остается безтѣлеснымъ духомъ и терпитъ голодъ и жажду. Человѣку, удалившемуся въ область безтѣлесныхъ духовъ, дайте рису и сосудъ, наполненный водою... Итакъ совершайте шрадду постоянно, не предаваясь безполезнымъ сѣтованіямъ» (Вишну, XX. 31—36). Трудно съ бо̀льшею ясностью выразить старинное суевѣрное воззрѣніе, по которому душа покойника, не будучи снабжена пищей отъ огорченныхъ родственниковъ, «блуждаетъ»; но цитируемый нами писатель очевидно находитъ эту доктрину непостижимой и удерживаетъ ее только изъ благоговѣнія передъ ея авторитетностью. Въ то же время слѣдуетъ замѣтить, что позднѣйшее индусское право совершенно иначе рѣшаетъ указанную задачу: оно объявляетъ, что послѣдствіемъ жертвоприношеній въ честь умершаго предка является освобожденіе его изъ особаго чистилища, изъ «ада, называемаго Put». До такой степени ученіе о непосредственномъ загробномъ наказаніи вытѣснило первобытное вѣрованіе въ то, что неуспокоенная душа умершаго скитается по своимъ прежнимъ обиталищамъ.

Въ культѣ предковъ есть одна особенность, возбудившая къ себѣ большой интересъ въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ о первобытныхъ человѣческихъ учрежденіяхъ. Первоначально, какъ кажется, повсюду почитаемыми предками являются только предки мужескаго пола. «Хотя у дикарей, стоящихъ на особенно низкой ступени развитія», говоритъ Джонъ Лёббокъ, «происхожденіе и ведется по женской линіи, однако я не знаю ни одного случая, гдѣ почитаемыми предками являлись бы жен-

щины». Въ настоящее время поклоненіе предкамъ женскаго пола по прямой линіи мы находимъ у цивилизованныхъ Китайцевъ, но судя по нѣкоторымъ даннымъ, и у нихъ загробныя почести, воздаваемыя женщинамъ, по происхожденію своему относятся къ болѣе позднему времени, чѣмъ поклоненіе мужчинамъ. Въ древнѣйшихъ китайскихъ жертвенныхъ пѣснопѣніяхъ, которыя надо отнести не менѣе какъ за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х., «совершеннымъ» и «достохвальнымъ» предкомъ, которому воздается поклоненіе, является несомнѣнно мужчина. О почитаніи предковъ женскаго пола говорится въ гимнахъ уже гораздо болѣе поздняго происхожденія. «У насъ есть обширныя житницы», гласитъ пѣсня, называющаяся «Фангъ-Нинъ, «у насъ есть обширныя житницы, содержащія въ себѣ миріады, сотни тысячъ и милліоны мѣръ—для принесенія ихъ въ даръ нашимъ прародителямъ, мужчинамъ и женщинамъ»; и далѣе, въ другомъ гимнѣ, лицо, совершающее жертвоприношеніе, говоритъ: «О, великій и могучій родитель, помоги мнѣ, твоему почтительному сыну.... Приношу эту жертву моему достохвальному отцу и моей совершенной матери». Полагаютъ, что именно къ этому времени относится происхожденіе и понынѣ существующаго въ Китаѣ обыкновенія — ставить въ храмахъ рядомъ съ изображеніями мужчинъ изображенія и женъ ихъ. Точно также и въ древнѣйшихъ индусскихъ сводахъ погребальныя жертвы приносятся только мужскимъ предкамъ. Божествами, говоритъ Апастамба (II. VII. 16. 3), которымъ приносятся жертвы, являются души отца, дѣда и прадѣда. Обрядъ долженъ совершаться во второй половинѣ мѣсяца, при чемъ наиболѣе удачный день для этого есть пятый. «Если кто совершитъ обрядъ въ пятый день, то отъ него родятся сыновья; онъ будетъ имѣть многочисленное и славное потомство и не умретъ бездѣтнымъ». Но если онъ совершитъ обрядъ въ первый день половины мѣсяца, то—говорится какъ бы въ предостереженіе ему—потомство его будетъ состоять преимущественно изъ дочерей. Если обратимся къ писателямъ значительно болѣе поздней эпохи, какъ Вишну, то найдемъ у нихъ въ высшей степени знаменательный распорядокъ приносимыхъ жертвъ. Вишну даетъ краткое описаніе всего ритуала культа предковъ, какъ онъ практико-

вался во время появленія трактата, названнаго этимъ именемъ (Вишну, гл. LXXIII). Приносящій жертву долженъ прежде всего почтить боговъ (высшаго порядка). Затѣмъ, въ опредѣленные дни—а именно на девятый день, считая съ середины луннаго мѣсяца—онъ долженъ, съ произнесеніемъ надлежащихъ гимновъ и текстовъ писанія, изготовить жертву и поднести ее тремъ присутствующимъ при этомъ браминамъ, которые представляютъ собою его отца, дѣда и прадѣда. Тутъ же указанъ и порядокъ богослуженія и ритуалъ, которому онъ долженъ слѣдовать; при чемъ для благополучія жертвоприношенія важно, чтобы къ обряду было приглашено извѣстное число браминовъ. Въ другіе опредѣленные священные дни, Анваштака, онъ долженъ приносить жертвы матери, бабкѣ и прабабкѣ со стороны отца; наконецъ, говоритъ авторъ, «разсудительный человѣкъ» (выраженіе, которое, какъ кажется, употребляется постоянно въ сомнительныхъ случаяхъ) «долженъ приносить такимъ же образомъ шрадды и дѣду своему со стороны матери, а также и отцу и дѣду послѣдняго». Представленный нами распорядокъ жертвоприношеній изображенъ здѣсь, какъ мнѣ кажется, въ порядкѣ исторической постепенности и свидѣтельствуетъ о томъ, что первоначально Индусы почитали изъ своихъ предковъ только отца, дѣда и прадѣда.

Такимъ образомъ ясно, что всюду, гдѣ имѣлъ мѣсто культъ предковъ, признавалась и отеческая власть; и такъ какъ тексты, относящіеся къ этому культу, столь же древни, какъ и всѣ другіе вошедшіе въ жреческіе юридическіе своды, при чемъ они, по всей вѣроятности, являются даже самыми древними изъ нихъ, то я и не придаю особеннаго значенія тѣмъ случайнымъ выраженіямъ, которыя попадаются кое-гдѣ въ этихъ трактатахъ и въ которыхъ нѣкоторые видятъ свидѣтельство тому, что авторы ихъ сохраняли еще традиціи обыкновенія дикарей—считать происхожденіе только по женской линіи. Но, съ другой стороны, нельзя сомнѣваться въ существованіи и даже широкой распространенности, въ нѣкоторыхъ частяхъ человѣческаго рода, этого обычая — обычая, который обозначаютъ иногда терминомъ «материнское право», а потому естественно возникаетъ вопросъ — былъ ли культъ умершихъ причиною,

вызвавшею признаніе отеческой власти, или же онъ являлся не болѣе, какъ религіознымъ выраженіемъ уже ранѣе существовавшаго института, религіозной системой, въ основѣ которой лежалъ этотъ институтъ? Фюстель-де-Куланжъ, не упоминая вовсе объ обычаѣ «материнскаго права», высказываетъ тотъ взглядъ, что всѣ характерныя черты такъ называемой патріархальной семьи были созданы культомъ предковъ, совершавшимся въ особыхъ домашнихъ помѣщеніяхъ, и что именно изъ этого культа возникла власть отца, какъ перваго жреца его, а также и отрицаніе родственной связи за тѣми лицами, которыя не могли принимать въ немъ участія, каковыми и являлись замужнія дочери и эманципированные сыновья. Весьма вѣроятно, что культъ предковъ не мало содѣйствовалъ упроченію всѣхъ семейныхъ отношеній, освящая ихъ, но при современномъ состояніи изслѣдованій скорѣе слѣдуетъ склониться въ пользу того взгляда, по которому власть отца имѣетъ болѣе древнее происхожденіе, чѣмъ обычай поклоняться ему. Въ самомъ дѣлѣ, почему бы умершій отецъ долженъ былъ быть почитаемъ болѣе всякаго другаго члена семьи, если онъ при жизни своей не былъ въ ней членомъ наиболѣе рѣзко выступавшимъ среди остальныхъ—лицемъ, внушавшимъ къ себѣ наибольшее благоговѣніе и страхъ? По приведенной мною выше теоріи, именно онъ—то кроткимъ, то гнѣвнымъ—чаще всѣхъ другихъ является своимъ дѣтямъ во снѣ. Взглядъ этотъ подкрѣпляется и новѣйшими изысканіями въ области обычнаго права Пенджаба, древнѣйшаго мѣста осѣдлости Индусовъ, куда они спустились съ горъ своей первоначальной родины. Культъ предковъ и до сихъ поръ существуетъ среди Индусовъ Пенджаба. Но тамъ онъ имѣетъ видъ сравнительно неопредѣленнаго суевѣрія и не получилъ ничего подобнаго той детальной разработкѣ, какая дана была ему жрецами юго-восточныхъ провинцій—жрецами, даже основныя доктрины которыхъ неизвѣстны индусскому населенію Пенджаба. Не смотря, однако, на все это, семья тамъ построена всецѣло на началѣ «агнатическомъ», употребляя терминологію римскаго права; родство считается только по нисходящимъ мужескаго пола. Вообще нужно замѣтить, что между обычаями Пенджаба и древнѣйшимъ римскимъ правомъ

существуетъ большое сходство, и тѣ черты различія, которыя замѣчаются между этими двумя системами, проливаютъ весьма яркій свѣтъ на характеръ послѣдней, болѣе знаменитой.

Въ концѣ концевъ мы можемъ принять за доказанное, что культъ предковъ, являясь первоначально элементомъ, упрочивающимъ древнее устройство семьи, съ теченіемъ времени оказываетъ на него дѣйствіе разлагающее. Всматриваясь въ Индусскую систему во всей ея совокупности, мы можемъ замѣтить, что, по мѣрѣ ея историческаго роста, юристы-жрецы подпадаютъ сильному искушенію увеличивать число лицъ, имѣющихъ право на жертвоприношенія, дѣйствуя такъ отчасти въ интересахъ умершихъ предковъ, но главнымъ образомъ въ интересахъ живыхъ браминовъ. Такимъ образомъ лица, не входившія въ составъ древней семьи, какъ, напр., нисходящія женскаго пола, стали мало-по-малу допускаться къ участію въ жертвоприношеніяхъ и получать извѣстную долю въ наслѣдованіи. Слѣды этого процесса можно найти во всѣхъ юридическихъ сводахъ; и Мэйнъ, весьма свѣдущій Индусскій юристъ (въ своей книгѣ «Hindu Law and Usage», гл. XVI) вполнѣ ясно доказалъ, что въ современной Индіи всюду, гдѣ особенно сильно держится ученіе о духовныхъ благахъ, т. е. о близкой связи между религіознымъ благословеніемъ и чисто-свѣтскимъ правомъ наслѣдованія — женщины и ихъ нисходящіе обыкновенно допускаются къ наслѣдованію. Замѣчательно, что какъ разъ такое же вліяніе на древнюю римскую семью оказала aequitas римскаго Претора, которая очевидна была сначала системой религіозной, и лишь впослѣдствіи стала системой философской: она такъ-же разрушительно дѣйствовала на строй древней римской семьи, находившейся подъ управленіемъ отца, какъ ея главы.

ГЛАВА IV.

Культъ предковъ и наслѣдованіе.

Тѣсная связь между наслѣдованіемъ имущества послѣ смерти и исполненіемъ извѣстнаго рода обрядовъ и жертвоприношеній въ честь умершаго уже давно извѣстна лицамъ, изучающимъ классическую древность. Въ дошедшихъ до насъ рѣчахъ аѳинскихъ ораторовъ, представляющихъ собою довольно полное отраженіе правовыхъ воззрѣній древнихъ Грековъ, значительное мѣсто удѣлено и вопросамъ наслѣдованія: нерѣдко можно встрѣтить въ нихъ, что адвокатъ или тяжущійся говорятъ о жертвоприношеніяхъ и наслѣдованіи, какъ о чемъ-то нераздѣльномъ. «Рѣшите», читаемъ мы у Исея (въ рѣчи VI, «объ имуществѣ Филоктемона»), «кто изъ насъ долженъ обладать наслѣдствомъ и совершать жертвоприношенія на могилѣ». «Заклинаю васъ богами и безсмертными духами, не допускайте для покойника такой обиды со стороны этихъ людей; не потерпите, чтобы его злѣйшіе враги приносили жертвы на его могилѣ» (рѣчь II.). Въ «Древнемъ правѣ» (гл. VI.) я указалъ число, стоимость и важность этихъ церемоній и жертвоприношеній у Римлянъ и настаивалъ на томъ, что они, по всей вѣроятности, и были источникомъ тѣхъ особенныхъ фикцій, которыми такъ богато древнѣйшее семейное право. Лучшимъ объясненіемъ той легкости, доказывалъ я, съ какою посторонній можетъ стать сыномъ, является то обстоятельство, что будучи допущенъ къ отправленію религіозныхъ функцій, онъ уже ничѣмъ ни отличается отъ сына съ религіозной стороны. Позднѣйшая исторія всего человѣчества показываетъ намъ, что

въ смѣшеніи понятій наслѣдованія и жертвоприношенія нѣтъ ничего удивительнаго: оно довольно естественно. Всюду, гдѣ существовало вѣрованіе, что оставшіеся въ живыхъ члены семьи покойнаго могутъ что либо сдѣлать для улучшенія его участи въ загробномъ мірѣ, имъ ставилось въ обязанность дѣлать это передъ вступленіемъ въ обладаніе его имуществомъ. Средневѣковая христіанская церковь раздѣляла этотъ взглядъ по отношенію къ личной или движимой собственности; первонаначально эта собственность представляла собою фондъ для служенія литургій ради освобожденія души собственника изъ чистилища. На этомъ ученіи была основана юрисдикція англійскихъ церковныхъ судовъ, куда всякая собственность этого рода поступала первоначально, прежде чѣмъ подвергнуться раздѣлу; и эта юрисдикція, облеченная въ то же время необходимыми правами надъ душеприкащиками — въ случаѣ завѣщаній, и надъ опекунами—въ наслѣдованіи безъ завѣщанія, перешла къ современному Court of Probate. Автору «La cité antique» обязаны мы освѣщеніемъ дѣйствительнаго характера тѣхъ божествъ, которымъ посвящались жертвы, игравшія такую большую роль въ аѳинскомъ и римскомъ наслѣдственномъ правѣ. Онѣ приносились не какому либо верховному богу, и не какимъ-нибудь высшимъ божествамъ мѣстнаго пантеона. «Культъ олимпійскихъ боговъ и культъ героевъ и мановъ никогда не имѣли между собою ничего общаго», говоритъ Фюстель-де-Куланжъ. Почитаніе воздавалось умершимъ предкамъ, главнымъ же образомъ тѣмъ изъ нихъ, кого лучше помнили и которые только что удалились въ иную жизнь, не болѣе отличную отъ прежняго существованія, какъ сонъ отличается отъ дѣйствительности.

Замѣчу мимоходомъ, что необыкновенная дороговизна римскихъ sacra privata, на которую жалуется Цицеронъ въ своихъ частныхъ письмахъ, составляетъ черту, присущую и по нынѣ существующему культу предковъ. Авторъ уже помянутой мною статьи (Ningpo and Buddhist Temples) приводитъ любопытное вычисленіе, сдѣланное вѣроятно американскими миссіонерами, касательно тѣхъ расходовъ, на которыя обречены Китайцы, благодаря почитанію своихъ предковъ. «Лицо, заслуживающее полнаго довѣрія, говорило намъ, что цѣлыхъ тридцать милліоновъ

долларовъ ежегодно расходуются въ Китаѣ на трехъ большихъ празднествахъ въ честь мертвыхъ; если же присоединить сюда средній расходъ каждой семьи на это дѣло, то окажется, что ежегодно на успокоеніе душъ покойниковъ расходуется всего не менѣе 150 милліоновъ долларовъ». Несомнѣнно также, что и въ Индіи погребальный ритуалъ и жертвоприношенія требуютъ большихъ издержекъ, и я слышалъ, что ихъ дороговизна приводилась въ числѣ наиболѣе серьозныхъ доводовъ противъ введенія тамъ налога съ наслѣдствъ. Дороговизна религіозныхъ церемоній въ Индіи происходитъ отъ необходимости приглашать на эти торжества браминовъ, иногда въ большомъ числѣ, и дѣлать имъ подарки. Древнѣйшіе изъ юридическихъ трактатовъ сильно настаиваютъ на обязанности пользоваться въ этихъ случаяхъ услугами браминовъ. Особенно же почетное мѣсто на всѣхъ погребальныхъ церемоніяхъ занимаютъ трое браминовъ, а именно—тѣ, которые представляютъ собою трехъ почитаемыхъ предковъ: отца, дѣда и прадѣда. Но кромѣ нихъ должны быть приглашаемы еще многіе другіе. «Чистый, спокойный умомъ и исполненный рвенія», говоритъ Апастамба», «да накормитъ онъ браминовъ, свѣдущихъ въ Ведахъ». «Да угоститъ онъ нечетное число браминовъ, по меньшей мѣрѣ девять», гласитъ Гаутама, «или пусть онъ накормитъ столькихъ, сколько можетъ». Существуетъ также нѣсколько текстовъ, въ которыхъ ясно выражено запрещеніе лицу, устраивающему эти священныя торжества, угощать подъ этимъ предлогомъ своихъ собственныхъ родственниковъ. «Пища, съѣденная при жертвоприношеніи лицами, родственными приносителю, есть даръ, приносимый демонамъ. Она не достигаетъ ни до мановъ. ни до боговъ. Не будучи въ состояніи достигнуть небесъ, она странствуетъ въ этомъ мірѣ, подобно тому, какъ корова, потерявшая своего теленка, забѣгаетъ въ чужое стойло». (Апастамба, II. VII. 17. 8).

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть, какъ именно отразились на правѣ и обычаѣ древнихъ обществъ, практиковавшихъ культъ предковъ, эти вѣрованія и религіозные ритуалы. Отмѣчу прежде всего то измѣненіе въ правѣ, которое стоитъ въ тѣсной связи съ возростаніемъ издержекъ на производство

жертвоприношеній. Этотъ ритуалъ былъ средствомъ существованія для религіозной и умственной аристократіи. Одно изъ наиболѣе распространенныхъ заблужденій касательно браминовъ, продолжающее и до сихъ поръ держаться въ Англіи, состоитъ въ томъ, что брамины, являясь высшею кастой въ духовномъ отношеніи, представляютъ собою поэтому и наиболѣе богатую и могущественную изъ всѣхъ индусскихъ кастъ. Въ числѣ ихъ есть, правда, нѣсколько богатыхъ и вліятельныхъ семей, а также одинъ индусскій царскій домъ принадлежитъ къ браминской кастѣ, но въ общемъ они не особенно богаты. Гораздо вѣрнѣе будетъ представленіе о нихъ, какъ о служиломъ классѣ, занятія котораго чрезвычайно разнообразны—начиная отъ исполненія высшихъ административныхъ функцій, которыя они нѣкогда монополизировали за собою въ государствахъ Магратта, и кончая такими низьменными обязанностями, какъ ремесло повара, наемъ котораго составляетъ предметъ роскоши и дѣлается въ тѣхъ видахъ, что будто-бы ничто нечистое не можетъ пройти черезъ его руки. Браминъ древнихъ юридическихъ книгъ является скорѣе жрецомъ и духовнымъ наставникомъ, нежели чѣмъ-либо инымъ, хотя и обнаруживаетъ видимую тенденцію стать юристомъ, судьею или правительственнымъ совѣтникомъ. Живетъ онъ однако милосердіемъ другихъ, ихъ благотворительными и благочестивыми дарами, которыя особенно даются ему въ случаѣ жертвоприношеній. Совершенно справедливо замѣтилъ одинъ современный писатель — Мэйнъ (T. D. Mayne, Hindu Law and Usage, стр. 205), что новое индусское право, какъ оно изложено у Ману, можетъ быть названо сборникомъ правилъ о дарахъ въ пользу браминовъ. «Каждый шагъ въ жизни человѣка, отъ его рожденія и до смерти, требуетъ даровъ браминамъ. Всякій грѣхъ, совершенный человѣкомъ, можетъ быть искупленъ дарами въ пользу браминовъ. Необычайныя пожертвованія для религіозныхъ цѣлей, которыя можно видѣть во всѣхъ частяхъ Индіи, показываютъ, что предписанія эти не оставались мертвою буквой». Главное же препятствіе къ еще большему развитію такой благочестивой щедрости составляла система совмѣстнаго владѣнія, при которой собственниками являлись болѣе обширныя группы,

нежели отдѣльныя семьи, и которая до сихъ поръ существуетъ въ Индіи, въ особенности же въ древнѣйшемъ мѣстѣ осѣдлости арійцевъ, въ Пенджабѣ. Въ такихъ группахъ права отдѣльнаго лица болѣе или менѣе ограничены правами остальныхъ лицъ, и для отчужденія какой-либо части общей собственности необходимо согласіе всей группы. Въ виду этого жреческая система, зачатки которой можно видѣть въ юридическихъ трактатахъ, самымъ открытымъ образомъ выступаетъ противъ общинныхъ формъ собственности. Писатели откровенно указываютъ и мотивы своего недружелюбнаго отношенія къ совладѣнію и своего пристрастія къ раздѣламъ. «При раздѣлѣ», говоритъ Гаутама, «происходитъ приращеніе духовныхъ выгодъ» (X. VIII. 4). Еще болѣе ясно выраженъ этотъ принципъ у Ману (IX. III.): «Пускай они или живутъ вмѣстѣ, или же, если они пожелаютъ исполнять отдѣльно религіозные обряды, то пускай живутъ особнякомъ; такъ какъ религіозныя обязанности умножаются въ отдѣльныхъ домахъ, то ихъ раздѣленіе справедливо и даже похвально». Чѣмъ больше отдѣльныхъ хозяйствъ, тѣмъ болѣе поводовъ къ домашнимъ жертвоприношеніямъ, тѣмъ болѣе случаевъ проявить щедрость въ отношеніи къ сословію жрецовъ.

Помянутый мною современный писатель (Мэйнъ, стр. 204) приводитъ мое собственное мнѣніе, высказанное въ одномъ изъ прежнихъ сочиненій («Древнѣйшая исторія учрежденій») на счетъ того, что христіанская церковь, въ періодъ обращенія въ христіанство варварскихъ племенъ, оказала подобное же разрушающее вліяніе по отношенію къ общинной собственности. Конечно, церковь познакомила новообращенныхъ варваровъ съ понятіемъ завѣщанія или послѣдней воли умершаго, она старалась усилить уваженіе къ договорамъ; а данныя, касающіяся Ирландіи, повидимому доказываютъ, что церковь и значительно расширила личную собственность, какъ отличную отъ общинно-родовой. Читая трактаты бригоновъ, вы остаетесь въ сомнѣніи, имѣли-ли авторы ихъ цѣлью доказать, что при извѣстныхъ условіяхъ общинная земля можетъ быть вообще отчуждаема въ чью бы то ни было пользу, или что такое отчужденіе позволительно только въ пользу

церкви. Весьма вѣроятно, что первоначально они имѣли въ виду санкціонировать пожертвованія въ пользу церкви, но послѣдствіемъ этой практики было общее расширеніе права частнаго отчужденія. Въ то же время слѣдуетъ постоянно помнить о существованіи кореннаго различія между поощреніями со стороны браминовъ относительно благотворительной щедрости и тѣмъ расширеніемъ юридическихъ поводовъ къ благочестивымъ пожертвованіямъ, какое практиковала средневѣковая церковь. Благотворительность у браминовъ не выходила за предѣлы ихъ касты; они держались за нее, такъ какъ ею они жили. Христіанская же церковь—хотя конечно и она стремилась путемъ различнаго рода пожертвованій упрочить свое собственное положеніе среди варваровъ—простирала свое покровительство и на другіе классы, кромѣ своихъ собственныхъ служителей и духовенства. Она давала пропитаніе бѣднымъ и призрѣвала нуждающихся. Она постоянно заботилась о сирыхъ и вдовыхъ. Въ браминскихъ же юридическихъ трактатхъ, при всей ихъ возвышенности и даже нѣкоторой нѣжности чувствъ, нерѣдко встрѣчаешь отталкивающее презрительное, доходящее иногда до отвращенія, отношеніе ко всѣмъ классамъ, за исключеніемъ священной касты и другихъ, настолько сильныхъ, чтобы имѣть притязанія на равенство или близость къ ней [1]).

Переходимъ къ тѣмъ послѣдствіямъ культа предковъ, которыя имѣютъ особенно большой интересъ, проливая свѣтъ на множество запутанныхъ вопросовъ, затрудняющихъ первые шаги при изслѣдованіи древнѣйшихъ обществъ. Повидимому несомнѣнно, что согласно наиболѣе древнимъ идеямъ, не только почитаемый предокъ долженъ быть мужчиной, но и самъ почитатель долженъ принадлежать къ его дѣтямъ или другимъ потомкамъ мужескаго пола. При изображенныхъ нами выше условіяхъ мысли, граница между жизнью и смертью переступалась очень легко. Мертвый человѣкъ находился просто во снѣ, съ тою лишь разницей, что теперь онъ уже навсегда удалился въ міръ сновидѣній. Поэтому казалось необходи-

---

[1]) См. примѣчаніе А. къ этой главѣ.

мымъ, чтобы жертва приносилась лицемъ, которое въ свою очередь также займетъ со временемъ мѣсто въ ряду обоготворенныхъ предковъ, а такимъ лицомъ могъ быть только исходящій мужескаго пола. Отсюда у народовъ, практиковавшихъ культъ предковъ, развилось сильнѣйшее желаніе имѣть потомство мужескаго пола и, какъ слѣдствіе такого желанія, создался замѣчательный кругъ идей относительно родительской власти, сыновства и наслѣдованія — идей, которыя нашли себѣ широкое распространеніе у наиболѣе могущественныхъ расъ человѣчества, особенно же у народовъ, принадлежащихъ къ арійскому корню. Слѣды этихъ идей или обычаевъ, съ которыми онѣ переплетались, легко распознать въ юридическихъ древностяхъ Аѳинянъ, Спартанцевъ, Римлянъ, Кельтическихъ Ирландцевъ, Евреевъ и Китайцевъ. Наиболѣе же полныя и подробныя свѣдѣнія о семейной системѣ, построенной на культѣ предковъ и насквозь проникнутой имъ, можно найти въ древнихъ трактатахъ Индусовъ, какъ это и естественно, при глубоко религіозномъ характерѣ ихъ юридической литературы. Нельзя, конечно, признать, чтобы эта система существовала гдѣ-либо въ совершенно чистомъ видѣ: одну черту ея можно найти здѣсь, другую тамъ. Но вездѣ, какъ кажется, совершенно одинаковы были выводы, которые жрецы и юристы большей части древнихъ обществъ дѣлали изъ того принципа, что жертвоприношенія и поклоненіе, подъ страхомъ сверхъестественныхъ наказаній, должны совершаться мужскими потомками ихъ усопшимъ прародителямъ.

Мнѣ кажется, что едва-ли мы можемъ дать себѣ удовлетворительное объясненіе явленію культа предковъ и его юридическимъ послѣдствіямъ—иначе, какъ признавъ, что въ то время, когда онъ впервые возникъ, отецъ каждой семьи являлся уже такимъ, какимъ мы видимъ его всюду на первыхъ ступеняхъ развитія юриспруденціи и какимъ [2]), по всей вѣроятности, былъ онъ и въ самую древнѣйшую эпоху жизни человѣческой расы. Онъ—Pater Familias. Естественная

---

[2]) См. ниже главу VII (Современныя теоріи первобытнаго общества).

связь съ отцемъ признается вполнѣ, при чемъ ему принадлежитъ еще и покровительственная власть. Большая часть подчиненныхъ ему мужчинъ является дѣйствительно его дѣтьми, но если они даже и не произошли отъ него, они все-таки подчинены ему, составляютъ часть его домохозяйства, принадлежатъ ему (употребляя слово, имѣющее позднѣйшее значеніе). Съ другой стороны, если принять во вниманіе только религіозный характеръ этихъ отношеній и стать на точку зрѣнія юриста жреца, то сынъ явится просто лицомъ, которое можетъ по праву совершать жертвоприношенія. Д-ръ Бюлеръ (предисловіе къ т. II «Sacred Books of the East», стр. XIX) пишетъ слѣдующее о Баудгайана, котораго санскритисты, какъ индійскіе, такъ и европейскіе считаютъ за одного изъ наиболѣе древнихъ юридическихъ писателей: «подобно многимъ другимъ древнимъ учителямъ, Баудгайана дозволяетъ бездѣтнымъ Арійцамъ удовлетворять своему желанію имѣть потомковъ, носящихъ ихъ имя, и этимъ обезопасить себя на счетъ загробныхъ страданій, которыя наступаютъ въ томъ случаѣ, когда не будутъ принесены погребальныя жертвы — открывая имъ одиннадцать видовъ усыновленія постороннихъ, которые могли бы замѣнить собою законнаго сына. Незаконнымъ сыновьямъ, незаконнымъ дѣтямъ женщинъ, законному и незаконному потомству дочерей, дѣтямъ родственниковъ и даже чужеродцевъ, которыя могутъ быть торжественно усыновлены или приняты безъ всякихъ церемоній въ число членовъ семьи — всѣмъ этимъ лицамъ дозволяется занять въ семьѣ мѣсто съ правами законныхъ сыновей». Остановлюсь нѣсколько подробнѣе на разсмотрѣніи этой системы искусственнаго усыновленія, въ связи съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣла она на первыхъ ступеняхъ развитія наслѣдственнаго права. До тѣхъ поръ, пока не будутъ тщательно разслѣдованы идеи, на которыхъ покоится эта система, до тѣхъ поръ сомнительно, чтобы изслѣдованіе первобытныхъ общественныхъ формъ могло привести къ какимъ-либо удовлетворительнымъ и прочнымъ результатамъ.

Прежде всего, лицемъ, которое приноситъ жертвы съ наибольшимъ шансомъ на ихъ успѣхъ въ загробномъ мірѣ, является

законный сынъ — естественный отпрыскъ своего отца, сынъ рожденный въ бракѣ, который былъ благословенъ браминами и заключенъ съ соблюденіемъ всѣхъ условій, предписываемыхъ священнымъ правомъ. А изъ всѣхъ сыновей старшій наиболѣе способенъ доставить духовныя блага отцу своему. Здѣсь мы наталкиваемся на наиболѣе замѣчательное изъ тѣхъ широкихъ толкованій, которыя жрецы-юристы дали своему ученію, чтобы предупредить возможность извращенія его въ тѣхъ или другихъ случаяхъ. Въ тѣхъ видахъ, чтобы прочнѣе обезпечить наличность законныхъ сыновей, могущихъ приносить жертвы, нѣкоторые изъ древнѣйшихъ браминскихъ учителей смягчаютъ условія брака и обнаруживаютъ снисходительность даже къ необычнымъ его формамъ; а формъ этихъ было такъ много, что онѣ почти исчерпываютъ собою всѣ возможные способы соединенія половъ. Нѣкоторыя изъ этихъ брачныхъ формъ очень строго осуждаются позднѣйшими индусскими писателями, напр. бракъ съ купленною невѣстою; другія же, если гдѣ встрѣчаются, совершаются при помощи насилія или обмана. Впрочемъ нужно замѣтить, что дѣти отъ всѣхъ этихъ соединеній разсматриваются какъ естественныя дѣти мужа, и отецъ съ матерью, какою бы варварскою ни была ихъ связь, вѣроятно не считались состоящими въ супружествѣ до того.

Между всѣми сыновьями, происшедшими отъ отца, старшій пользуется преимуществомъ передъ всѣми другими. Доводъ, на который ссылаются въ пользу такого правила жреческіе юристы Индусовъ, состоитъ въ томъ, что рожденіемъ старшаго сына исполняется религіозная обязанность имѣть потомка, могущаго продолжить ту цѣпь, которая связываетъ воедино живыхъ и мертвыхъ. Но привилегіи въ наслѣдованіи, соотвѣтствующія этому духовному первенству, опредѣляются юридическими трактатами весьма различно, и даже тамъ, гдѣ онѣ нѣсколько приближаются къ современному праву первородства, онѣ все-таки весьма непохожи на него. Въ иныхъ случаяхъ о старшемъ сынѣ говорится, что онъ получаетъ все наслѣдство отъ отца и содержитъ всю остальную семью; это былъ, вѣроятно, свѣтскій обычай, для котораго юристы-

жрецы только подыскали религіозное объясненіе. Чаще старшему сыну предназначается лучшая доля наслѣдства или какое-нибудь иное преимущество въ этомъ родѣ; иногда же изображаются различные, на выборъ, способы обезпеченія его. Изъ двухъ древнихъ авторитетовъ—Гаутама опредѣляетъ привилегіи старшаго сына очень уклончиво и даже просто противорѣчитъ (гл. XXVIII), тогда какъ Апастамба, допуская, что первородство сопряжено съ извѣстными преимуществами въ нѣкоторыхъ странахъ, сильно настаиваетъ однако на равномъ раздѣлѣ наслѣдства между сыновьями (II. VI. 14. 14). Мнѣ кажется, что въ эпоху составленія этихъ трактатовъ древнее первородство уже приходило у Индусовъ въ упадокъ, подобно тому, какъ это и вообще имѣло мѣсто у варварскихъ племенъ. Согласно первоначальному обычаю, старшій сынъ могъ получить все и содержать братьевъ на свой счетъ; но брамины, какъ я уже сказалъ, были рѣшительными сторонниками увеличенія числа отдѣльныхъ хозяйствъ, а это, конечно, должно было сильно отразиться на привилегіяхъ старшаго сына—не въ ихъ пользу. Въ цѣломъ, преобладающее ученіе сводилось къ тому, что раздѣлъ долженъ быть равенъ между сыновьями, съ небольшимъ преимуществомъ для старшаго, какъ производящаго раздѣлъ наслѣдства, преимуществомъ, которое считалось принадлежащимъ ему какъ бы по праву.

Вслѣдъ за законными сыновьми, этими ближайшими проводниками духовнаго блаженства, большинство древнихъ индусскихъ писателей ставитъ сына жены, рожденнаго, хотя и въ теченіе ея брака, но не непремѣнно отъ ея мужа. На первый взглядъ это можетъ показаться примѣненіемъ гораздо позднѣйшаго юридическаго правила —«*pater est quem nuptiae demonstrant*», но всѣ древніе тексты, взятые въ совокупности, придаютъ этому факту иное освѣщеніе, и я еще буду говорить о «сынѣ жены», когда рѣчь дойдетъ до сына вдовы.

Въ случаѣ отсутствія всѣхъ помянутыхъ мною наслѣдниковъ, ближайшимъ лицемъ, имѣющимъ право на принесеніе жертвы покойному и на полученіе наслѣдства, является сынъ его «назначенной» («appointed») дочери. Во многихъ отношеніяхъ институтъ

«назначенія» представляетъ большой интересъ. Сынъ дочери, будучи разсматриваемъ самъ по себѣ, не удовлетворяетъ требованіямъ ни въ качествѣ наслѣдника, ни въ качествѣ служителя домашняго культа. Съ свѣтской точки зрѣнія онъ—говоря римскимъ терминомъ—«когнатъ», родственникъ лишь по женской линіи, который не можетъ продолжать семью, согласно обычаю, господствовавшему среди наиболѣе могущественныхъ человѣческихъ расъ или съ самаго же начала ихъ существованія или въ какую-либо опредѣленную стадію ихъ развитія. Религіозная теорія культа предковъ не принимала его совсѣмъ во вниманіе, ибо предокъ, которому онъ долженъ былъ бы приносить жертвы, былъ женскаго пола, а женщины не могли быть въ древнѣйшее время предметомъ культа и никогда не являлись имъ сами по себѣ. Но древнее право дозволяло отцу, не надѣющемуся имѣть законныхъ сыновей, «назначить» или указать дочь, которая должна принести сына ему, а не своему собственному супругу. Какъ кажется, назначеніе это могло быть сдѣлано и противъ желанія мужа, ибо одинъ изъ древнѣйшихъ писателей предостерегаетъ Индусовъ отъ женитьбы на дѣвушкѣ, не имѣющей братьевъ, такъ какъ отецъ ея можетъ «назначить» ее, и тогда мужъ долженъ будетъ видѣть, какъ его собственный сынъ обратится въ сына дѣда со стороны матери. Священная формула назначенія приведена у Гаутама, XXVIII, 19. 18: «Отецъ, не имѣющій мужскаго потомства, можетъ назначить свою дочь для рожденія ему сына, при чемъ онъ долженъ сжечь жертвы въ честь Агни и Прагапати, владыки всѣхъ созданій, и обратиться къ жениху со слѣдующими словами: «Твое мужское потомство да будетъ моимъ». «Нѣкоторые поясняютъ», прибавляетъ писатель, «что дочь дѣлается назначенною дочерью единственно по желанію ея отца».

Нѣкоторыя обыкновенія, весьма близкія къ индусскому обычаю назначенія дочери, были, повидимому, широко распространены въ древнемъ мірѣ, и слѣды ихъ можно открыть въ глубокой исторической старинѣ. Дочь не является здѣсь ни истинною наслѣдницею отца, ни жрицею его культа, но лишь каналомъ, черезъ который отцовская кровь сообщается ея ребенку мужескаго пола, способному совершать жертвопри-

ношенія, согласно древнѣйшимъ понятіямъ, а согласно съ болѣе новыми идеями—способному и наслѣдовать его собственность и сохранять непрерывность его семьи. Первоначально въ такомъ случаѣ всегда, какъ мнѣ кажется, имѣло мѣсто извѣстное выраженіе отцовской воли, соединенное съ извѣстною религіозною церемоніей. У Аѳинянъ, въ ту эпоху, когда мы впервые знакомимся съ ихъ правомъ, есть уже завѣщаніе, хотя его роль еще очень ограничена. Аѳинянинъ-отецъ, въ случаѣ опасенія, что у него не будетъ сыновей, можетъ присвоить себѣ сына, рожденнаго его дочерью; и наиболѣе употребительнымъ способомъ такого обезпеченія мужскаго потомства было завѣщаніе имущества—или, выражаясь точнѣе, и имущества и дочери вмѣстѣ—въ пользу избраннаго завѣщателемъ лица, подъ условіемъ брака съ нею. Сынъ, рожденный отъ этого брака, достигнувъ извѣстнаго возраста, вводился въ семью своего дѣда со стороны матери — какъ кажется, однимъ изъ способовъ усыновленія—и принималъ его родовое имя, дѣлаясь въ то же время юридическимъ представителемъ (κύριος) своей собственной матери. Это, въ сущности, тотъ же способъ полученія мужскаго потомка, какой издавна былъ въ употребленіи у Индусовъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ обыкновеній, должно-быть, имѣли мѣсто и въ извѣстной части тѣхъ варварскихъ обществъ, обычаи которыхъ явились тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго составилась въ концѣ концевъ система, извѣстная подъ названіемъ феодальнаго права. По нѣкоторымъ системамъ средневѣковаго обычнаго права, дочери, въ случаѣ отсутствія сыновей, наслѣдовали или въ порядкѣ первородства, или всѣ вмѣстѣ. Въ другихъ же системахъ онѣ совершенно исключались. Но между этими крайними доктринами существовало еще среднее воззрѣніе, по которому дочь, не будучи сама по себѣ наслѣдницею, можетъ, однако, передать право наслѣдованія своему мужскому потомству. Ниже я буду имѣть случай указать, что на этомъ именно правилѣ англійскій король Эдуардъ III-й опирался въ своихъ притязаніяхъ на французскій престолъ; онъ прекрасно сознавалъ, что французская принцесса, его мать, не могла наслѣдовать, но съ другой стороны—онъ настаивалъ на томъ, что

самъ онъ, какъ сынъ ея, имѣлъ право выступить наслѣдникомъ своего дѣда по матери. Этотъ аргументъ не получилъ признанія ни передъ судомъ оружія, ни во мнѣніи феодальныхъ юристовъ; но онъ, какъ кажется, стоитъ въ очевидной связи съ только что указаннымъ строемъ идей о наслѣдованіи.

Главный интересъ индусскаго «назначенія» и подобныхъ ему обыкновеній въ правовыхъ системахъ другихъ расъ, заключается въ томъ, что въ немъ, по всей вѣроятности, выразился одинъ изъ тѣхъ способовъ, съ помощью которыхъ право женщинъ на наслѣдованіе проникло въ строго агнатическую систему родства и наслѣдованія—систему, преобладавшую среди наиболѣе передовыхъ изъ варварскихъ обществъ. Браминъ—компиляторъ свода Ману, говоря о «назначенной» дочери, употребляетъ выраженія, свидѣтельствующія о томъ, что порядокъ этотъ создался путемъ совершенно естественнаго развитія чувства: «Сынъ человѣка есть какъ бы онъ самъ, а то же, что представляетъ собою сынъ, есть и дочь («такимъ образомъ назначенная», прибавляетъ комментаторъ): кому же, слѣдовательно, въ случаѣ неимѣнія у умершаго сыновей, наслѣдовать ему, какъ не дочери, тѣсно связанной съ душею покойнаго?» Съ развитіемъ права установился въ концѣ-концевъ общій порядокъ, въ которомъ, при отсутствіи сыновей, умершему наслѣдовали дочери. Но результатъ этотъ достигнутъ былъ не сразу. Изъ древнихъ индусскихъ писателей Баудгайана, повидимому, цѣликомъ отрицаетъ за женщинами право участія въ наслѣдованіи; Апастамба отводитъ дочерямъ мѣсто уже въ самомъ концѣ общаго списка наслѣдниковъ, но болѣе поздній авторъ, Вишну, помѣщаетъ мать и дочь непосредственно послѣ сыновей. Въ сочиненіяхъ, трактующихъ объ аѳинскомъ правѣ, обыкновенно говорится, что если нѣтъ сыновей, то наслѣдуютъ дочери. Но это не вполнѣ точная передача дѣйствительно существовавшаго у Аѳинянъ обыкновенія. Дочь человѣка, оставившаго имущество, но не имѣющаго сыновей, не была, строго говоря, наслѣдницей его. Она была, какъ указываетъ и самое слово, обозначавшее этотъ порядокъ (ἐπίκληρος), «лицомъ, переходящимъ вмѣстѣ съ имуществомъ» [3]). Какъ я

[3]) См. Джеббъ (Jebb), Attic Orators, II, 318.

сказалъ выше, отецъ могъ принудить ее завѣщаніемъ выйти замужъ за человѣка, которому была отказана ея доля; но если отецъ умиралъ безъ завѣщанія, то на ней лежало другое обязательство — вступить въ бракъ съ ближайшимъ родственникомъ. Нужно замѣтить, что во всѣхъ этихъ аѳинскихъ порядкахъ, при постоянномъ упоминаніи о жертвоприношеніяхъ предкамъ, предметомъ особой заботы является удержаніе имущества въ семьѣ. Религіозная подкладка стремится отдѣлиться отъ права. И дѣйствительно, желаніе воспрепятствовать дочерямъ переносить отцовское имущество изъ одной семьи въ другую вовсе не составляетъ черты, свойственной исключительно лишь жреческимъ системамъ обычнаго права. Свѣтское право Индусовъ Пенджаба, которыхъ не коснулось вліяніе жреческой литературы, практикуетъ тотъ же самый принципъ и представляетъ собою нѣкоторые поучительные варіанты аѳинскихъ обычаевъ («Notes on Punjab Customary Law», томъ II, стр. 75, 81, 184, 239). Согласно нѣкоторымъ изъ обычаевъ Пенджаба, дочь, при отсутствіи сыновей, наслѣдуетъ ограниченную часть отцовскаго имущества; но разъ она выходитъ замужъ, она должна отказаться отъ этого. Обыкновенно, впрочемъ, мужъ такой дочери усыновлялся своимъ тестемъ.

Законные сыновья и сыновья «назначенной» дочери имѣютъ въ своихъ жилахъ кровь отца, которому они приносятъ жертвы и наслѣдуютъ. На тотъ случай, когда сыновей нѣтъ и не было сдѣлано назначенія дочери, юридическіе трактаты выдвигаютъ цѣлый рядъ возможныхъ наслѣдниковъ, кровная связь которыхъ съ покойнымъ уже совершенно фиктивная. Я не знаю другаго отдѣла древняго индусскаго права, который являлся бы болѣе любопытнымъ, нежели этотъ, или который бы требовалъ болѣе настоятельно самаго тщательнаго вниманія со стороны всѣхъ изучающихъ начатки организованнаго человѣческаго общества. Что древнее семейное право изобиловало фикціями—уже давно извѣстно. (См. мое сочиненіе «Древнее право», гл. V). Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы даже совершенно освоились. Таково, напр., усыновленіе (adoptio), или введеніе въ семью на правахъ сына члена совершенно

посторонней семьи. Значеніе его, какъ института частнаго права въ Римѣ и Аѳинахъ, конечно, хорошо извѣстно; въ эпоху же имперіи оно пріобрѣло у Римлянъ и первостепенное политическое значеніе, какъ одно изъ главныхъ средствъ обезпечить мирное преемство престоловъ. Совершенно справедливо, что для Англичанъ въ настоящее время усыновленіе существуетъ почти лишь по имени: усыновить ребенка значитъ вскормить и воспитать его, и, можетъ быть, позаботиться о немъ въ завѣщаніи. Но во французскомъ Гражданскомъ Кодексѣ (кн. I. 8; тит. 8, гл. 1), а также и въ другихъ континентальныхъ кодексахъ, основанныхъ на французскомъ, усыновленіе признается за институтъ: бездѣтный человѣкъ можетъ тамъ, хотя правда подъ извѣстными довольно строго ограниченными условіями, взять себѣ усыновленнаго ребенка, который въ такомъ случаѣ и получаетъ право наслѣдовать его имущество. Такая историческая долговѣчность института усыновленія какъ бы закрываетъ передъ нами то обстоятельство, что оно представляетъ собою одну изъ самыхъ грубыхъ фикцій. Какъ ни велика была въ древнихъ обществахъ склонность къ нимъ, однако она должна была быть напряжена до высшей степени, чтобы, ради поддержанія наиболѣе торжественной изъ всѣхъ религіозныхъ церемоній и перенесенія на кого-нибудь возникающаго отсюда права наслѣдованія—вводить въ семью на правахъ ея члена чужаго ребенка, добровольно открывать доступъ въ нее человѣку, совершенно постороннему ей по крови. Несомнѣнно, что въ болѣе ранней практикѣ усыновленія натянутость этой фикціи выступала не очень рѣзко. Въ теоріи усыновляемымъ ребенкомъ могъ являться посторонній, самое большое—изъ того же сословія и той же касты, къ какимъ принадлежало лице усыновляющее, но въ Индіи имъ является обыкновенно кровный родственникъ; просматривая же списокъ извѣстныхъ намъ случаевъ усыновленія въ Римѣ, найдемъ, что значительное большинство ихъ представляетъ собою случаи усыновленія родственниковъ «когнатическихъ», т. е. по женской линіи. О болѣе древнемъ отношеніи къ усыновленію можно судить по тому мѣсту, какое оно занимаетъ въ ряду средствъ, обезпе-

чивающихъ собою продленіе семьи бездѣтнаго отца—средствъ, предлагаемыхъ древнѣйшими индусскими сводами. «Существуетъ странное несоотвѣтствіе», говоритъ Мэйнъ, «между тѣмъ значеніемъ, какое придается усыновленію въ англійскихъ трудахъ по индусскому праву, и тѣмъ мѣстомъ, какое оно дѣйствительно занимаетъ въ самыхъ сводахъ наиболѣе раннихъ компиляторовъ. Можно прочесть всѣ тексты, начиная съ писателей—Сутра и кончая Дайа - Бхага, и не замѣтить, чтобы усыновленіе имѣло какое-либо значеніе въ индусской правовой системѣ» («Hindu Law», стр. 81). Дѣло въ томъ, что въ Индіи рядомъ съ институтомъ адопціи въ собственномъ смыслѣ было множество другихъ фиктивныхъ способовъ усыновленія столь же древнихъ, какъ и адопція, и въ наиболѣе отдаленныя времена гораздо полнѣе ея достигавшихъ своей цѣли. Способы эти поражаютъ и даже возмущаютъ современное чувство, но древнему уму они, вѣроятно, представлялись болѣе простыми и болѣе естественными, нежели допущеніе въ семью совершенно чужаго ей человѣка.

Такіе фиктивные сыновья называются у Гаутама (XXVIII. 32) — «сынъ, рожденный тайно», «сынъ незамужней дѣвушки», «сынъ беременной невѣсты», «сынъ женщины, два раза находившейся въ бракѣ». Достаточно сказать объ нихъ, что никто изъ нихъ не есть непремѣнно сынъ того отца, въ честь котораго они будутъ приносить посмертныя жертвы, хотя, конечно, они и могутъ быть дѣтьми этого отца. Всѣ они, употребляя современныя выраженія—незаконное потомство, рожденное въ прелюбодѣяніи, но, съ другой стороны, всѣ они — отродье женщинъ, пребывающихъ подъ кровомъ домохозяйства. Женщины эти находятся подъ покровительствомъ его главы; онѣ принадлежатъ ему, и положеніе дѣтей ихъ опредѣляется извѣстнымъ правиломъ, которое въ Римскомъ правѣ опредѣляло положеніе раба. Вотъ въ этомъ-то и видна общность характера этихъ своеобразныхъ обычаевъ съ извѣстными явленіями первобытныхъ обществъ. Отцовская власть и власть покровительственная представляются въ неразрывной связи; даже рабъ есть въ извѣстномъ смыслѣ членъ семьи. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что въ Римѣ рабъ

могъ совершать семейныя жертвоприношенія по смерти своего господина; а умиравшіе несостоятельными должниками имѣли обыкновеніе въ крайнемъ случаѣ назначать раба наслѣдникомъ своего имѣнія въ тѣхъ видахъ, чтобы несостоятельность была объявлена не отъ ихъ, а отъ его имени. Такимъ образомъ, съ свѣтской точки зрѣнія, эти фиктивные сыновья могли выступать въ качествѣ сыновей — потому, что они были рождены отъ женщинъ, находившихся подъ покровительствомъ главы домохозяйства, и потому что они сами состояли подъ тѣмъ же покровительствомъ. Съ религіозной же точки зрѣнія, ихъ допускали къ принесенію жертвъ предкамъ въ виду того, что они являлись послѣднимъ средствомъ, которымъ можно предотвратить окончательное угасаніе мужскаго потомства и предупредить такимъ образомъ тѣ ужасныя послѣдствія, какими сопровождалось вступленіе умершаго въ другой міръ безъ надлежащихъ жертвъ и обрядовъ.

Слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что уже у древнѣйшихъ изъ тѣхъ индусскихъ писателей, трактаты которыхъ дошли до насъ, начинаетъ проглядывать сильное нравственное негодованіе передъ фиктивнымъ усыновленіемъ этихъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Очень древній авторитетъ, Апастамба, не перечисляетъ ихъ, выражаетъ принципіальный протестъ и прямо говоритъ, что «сынъ долженъ принадлежать физическому родителю его.» Даже у писателей, упоминающихъ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, мы замѣчаемъ чрезвычайно различное отношеніе къ мѣсту, занимаемому ими въ порядкѣ наслѣдованія; ихъ имѣетъ въ виду Ману, замѣчая (IX. 161), что «такое же послѣдствіе, на какое можетъ разсчитывать человѣкъ, пытающійся переплыть глубокую рѣку въ челнокѣ изъ плетенаго тростника — постигнетъ и того отца, который удалится въ царство смерти, оставивъ послѣ себя однихъ только презрѣнныхъ сыновей». Для меня несомнѣнно, что увеличеніемъ своей популярности адопція, какъ способъ принятія фиктивнаго сына, обязана именно тому нравственному отвращенію, какое вызывали другіе способы усыновленія въ браминахъ, обучавшихъ въ юридическихъ школахъ.

Предположимъ теперь, что глава домохозяйства умираетъ,

не оставивъ послѣ сына, не назначивъ дочери, не усыновивъ себѣ никого, и наконецъ при полномъ отсутствіи въ домѣ дѣтей мужескаго пола, которые могли бы сдѣлаться его фиктивными сыновьями: возможно ли при такихъ условіяхъ избѣжать угрожающихъ семьѣ послѣдствій—угасанія мужскаго потомства, а слѣдовательно и прекращенія культа предковъ? По мнѣнію нѣкоторыхъ индусскихъ ученыхъ, послѣдствія эти можно предотвратить при помощи одного учрежденія, которое въ послѣднее время обратило на себя большое вниманіе и которое вообще извѣстно подъ именемъ Левирата (Levirate), а у Индусовъ, въ болѣе общей формѣ его, называется Нійога (Niyoga). Институтъ этотъ состоитъ въ томъ, что жена или вдова умершаго родитъ сына, но не отъ мужа своего, а отъ его брата или ближайшаго родственника. Обычай обезпечивать въ семьѣ такимъ путемъ мужское потомство — съ тѣми или иными модификаціями, при наличности религіозной санкціи, или безъ нея—является, какъ кажется, широко распространеннымъ среди многихъ отраслей человѣческой расы. Слабые, но все же несомнѣнные слѣды его встрѣчаемъ мы въ правѣ Спартанцевъ и Афинянъ, а въ одной изъ его формъ онъ несомнѣнно существовалъ и у Евреевъ. О Левиратѣ, при которомъ въ семьѣ умершаго родится сынъ отъ брата его («чтобы имя его не изчезло изъ Израиля»), лучше всего свидѣтельствуетъ казуистическій вопросъ Саддукеевъ (Ев. отъ Матѳ., гл. XXII, ст. 24 и сл.):—«Учитель! Моисей сказалъ: если кто-либо умираетъ бездѣтнымъ, то братъ его долженъ жениться на вдовѣ и продлить потомство своего умершаго брата. Было семь братьевъ. Первый вскорѣ же послѣ женитьбы умеръ и, не оставивъ по себѣ дѣтей, передалъ жену свою брату; то же случилось со вторымъ, третьимъ и т. д. вплоть до седьмаго. Послѣ всѣхъ нихъ умерла наконецъ и сама женщина. Чьею женою изъ семи братьевъ будетъ она послѣ всеобщаго Воскресенія? вѣдь, всѣ семеро имѣли ее своею супругой». Въ томъ мѣстѣ «Второзаконія» (XXV. 5), на которое указывается здѣсь, обязанность жениться на вдовѣ бездѣтнаго брата объявляется въ повелительной формѣ. «Если кто-либо изъ братьевъ умираетъ, не оставивъ послѣ себя ребенка,

то жена умершаго не должна выходить за посторонняго: къ ней долженъ прійти братъ ея мужа, взять ее себѣ въ жены и исполнить по отношенію къ ней долгъ брата мужа ея. И рожденный ею такимъ образомъ первенецъ пусть наслѣдуетъ имя умершаго для того, чтобы оно не угасло въ Израилѣ». Далѣе описывается процедура, имѣвшая мѣсто въ томъ случаѣ, когда зять уклонялся отъ выполненія своего долга; ту же процедуру, главный элементъ которой составляетъ символическое срываніе обуви, мы встрѣчаемъ также и въ «Книгѣ Руфь», гдѣ идиллическія красоты разсказа мѣстами затемняютъ передъ читателями тотъ фактъ, иллюстраціей котораго онъ является, а именно—то юридическое правило, примѣненіе котораго имѣло такое большое значеніе для непрерывности генеалогіи царскаго дома Іуды. Наиболѣе древнюю форму интересующаго насъ института представляетъ, повидимому, та, которую описываетъ старѣйшій по времени изъ индусскихъ юридическихъ писателей. «Женщина, у которой мужъ умеръ и котарая желаетъ имѣть потомство, можетъ принести сына своему зятю. На это она должна испросить разрѣшеніе у своихъ Гуровъ (Gurus, т. е. своихъ духовныхъ руководителей). За неимѣніемъ зятя она можетъ прижить себѣ потомство сожительствомъ съ Сапинда, Саготра (Римлянинъ сказалъ бы съ «Agnatus» или «Gentilis»), Саманаправара (т. е. съ кѣмъ либо принадлежащимъ къ одному съ ея мужемъ классу—литературному или жреческому), или съ кѣмъ-нибудь изъ лицъ, входящихъ въ составъ той же касты. Нѣкоторые, впрочемъ, говорятъ, что она не должна сожительствовать ни съ кѣмъ инымъ, какъ только съ зятемъ». Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что Гаутама, повидимому, не признаетъ безусловно необходимымъ, чтобы вдова сдѣлалась женою непремѣнно Левира (Levir); подобно тому, какъ и въ «Книгѣ Руфь», обязанность жениться на вдовѣ бездѣтнаго распространяется имъ и на болѣе отдаленныхъ родственниковъ, хотя въ то же время онъ и приводитъ мнѣніе, по которому зять одинъ только можетъ продлить потомство своего брата (Гаутама, XVIII. 6 и сл.).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, обычаи эти приняли формы, гораздо болѣе возмущающія современное чувство

стыда, чѣмъ та, которую представлялъ собою Левиратъ. «Ребенокъ, рожденный женою при жизни мужа, по просьбѣ послѣдняго, отъ другаго лица», говоритъ Гаутама (XVIII. 11), «принадлежитъ мужу». Въ санскритской литературѣ есть много примѣровъ такого рода просьбъ; но обычай этотъ (въ томъ видѣ, въ какомъ опредѣляютъ его, какъ институтъ, юристы) требовалъ, чтобы физическимъ отцемъ былъ непременно родственникъ. Вслѣдъ за только-что приведенными словами Гаутама прибавляетъ: «если физическимъ отцемъ ребенка является посторонній, т. е. не родственникъ мужа, то ребенокъ принадлежитъ ему, постороннему». И далѣе въ другомъ мѣстѣ, перечисляя сыновей, этотъ древній писатель въ число ихъ включаетъ—«сына, рожденнаго женою отъ родственника». Какъ я сейчасъ покажу, индусское религіозное чувство, повидимому уже съ древнѣйшихъ временъ, относилось различно къ нравственной сторонѣ обычая Нійога; но мы во всякомъ случаѣ должны имѣть въ виду, что въ глазахъ древнихъ болѣе грубая форма этого обычая вовсе не необходимо должна была являться болѣе антипатичной, чѣмъ та, которая намъ кажется менѣе отвратительной. Рожденіе сына отъ вдовы, по смерти мужа, конечно, не столь возмутительно, какъ рожденіе его при жизни мужа. Но древнее право не проводило большаго различія между старостью мужа и его смертью. По его понятіямъ, старикъ долженъ покинуть домъ свой и семью и остальную часть жизни провести въ отшельничествѣ; а самымъ пригоднымъ къ такому удаленію моментомъ и считалось то именно время, когда онъ становился неспособнымъ къ произрожденію дѣтей.

Въ памятникахъ обоихъ великихъ государствъ древней Греціи также находятся нѣкоторыя указанія на тѣ обязанности, которыя возлагались Нійогою на ближайшаго родственника. Передаваемый Плутархомъ («Пирръ», 26) разсказъ объ отношеніяхъ между блестящимъ Лакедемонскимъ воиномъ, Акротатомъ, и Хелидоной, женою Клеонима, и о томъ, что отношенія эти встрѣтили полное одобреніе со стороны спартанцевъ, призывавшихъ благословеніе на потомство Хелидоны—представляетъ собою достаточно убѣдительное свидѣ-

тельство тому, что и въ этомъ античномъ и никогда не отличавшемся излишнею щепетильностью обществѣ вплоть до третьяго столѣтія до Р. Х. продолжалъ держаться институтъ, аналогичный тому, какой мы находимъ у древнихъ Индусовъ. Клеонимъ былъ уже престарѣлый человѣкъ, а Акротатъ, внукъ его, былъ въ полномъ разцвѣтѣ жизни и являлся, какъ кажется, ближайшимъ родственникомъ его мужескаго пола. Въ Аѳинахъ наиболѣе аналогичный институтъ въ значительной степени отличался отъ индусской его формы. Какъ я уже говорилъ, Аѳинскій отецъ, подобно Индусу, могъ озаботиться продленіемъ своей семьи, признавъ своимъ преемникомъ сына своей дочери; но разъ если онъ, умирая безъ сыновей и безъ завѣщанія, допускалъ такимъ образомъ переходъ своей собственности къ дочери, помимо завѣщательнаго распоряженія съ его стороны, то она въ такомъ случаѣ становилось «сиротою наслѣдницею (ἐπίκληρος), которая въ системѣ аттическаго права имѣла очень важное значеніе. Она не могла избрать себѣ мужа, но ближайшій ея родственникъ въ правѣ былъ жениться на ней; онъ во всякомъ случаѣ обязанъ былъ—или жениться на ней или выдѣлить ей часть своего имущества въ качествѣ приданаго. Осуществленіе этого права вызывало, повидимому, ожесточенные споры; существовалъ даже особый порядокъ (διαδικασία) рѣшенія споровъ между нѣсколькими притязателями, и мужья нерѣдко разводились съ своими женами для того, чтобы жениться на «сиротѣ-наслѣдницѣ». Тотъ же принципъ примѣнялся и къ цѣлому ряду дочерей, на которыхъ различные родственники ихъ, въ порядкѣ близости, должны были жениться, или надѣлять ихъ приданымъ. Цѣлью этого было, конечно, стремленіе удержать собственность въ предѣлахъ семьи, а также, если возможно, содѣйствовать тому, чтобы у дѣтей дочери въ жилахъ текла кровь мужскихъ представителей рода. Еще болѣе замѣчательное приложеніе того же принципа имѣло мѣсто тогда, когда оставшимися по смерти отца дѣтьми являлись братья и сестры. Въ такомъ случаѣ братъ обязанъ былъ выдать сестрѣ приданое; но если она приходилось ему сестрой лишь по отцу, тогда онъ, при всемъ нерасположеніи Аѳинянъ къ бракамъ между братьями

и сестрами, могъ все-таки жениться на ней и такимъ образомъ сохранялась та часть, которая въ противномъ случаѣ должна была пойти на приданое. Но онъ не могъ сдѣлать этого тогда, когда сестра была его единоутробной, т. е. одной съ нимъ матери, но разныхъ отцовъ; и ограниченіе это считается переживаніемъ отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда Аѳиняне вели родство исключительно по женской линіи. Притомъ же бракъ съ единоутробной сестрой и не могъ привести къ желаемой цѣли. Она не имѣла никакихъ правъ на отцовское имущество, и женящійся на ней не могъ бы предохранить его отъ уменьшенія и удержать въ неприкосновенности фондъ для почитанія предковъ [4]). Такимъ образомъ въ большей части аѳинскихъ правилъ о правахъ и обязанностяхъ ближайшаго родственника мы имѣемъ доказательство тенденціи древнихъ способовъ продленія семьи стать лишь способами наслѣдованія собственности (тенденція эта проглядываетъ также и въ послѣдней главѣ Книги Руфь)..

Нелишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о вѣроятномъ происхожденіи и значеніи этой группы учрежденій. Институту Левирата, который есть лишь особый видъ Нійоги и въ которомъ одинъ братъ продолжаетъ потомство другаго, покойный Макъ-Леннанъ удѣляетъ вполнѣ опредѣленное мѣсто въ эволюціи общества. Первоначально, говоритъ онъ, въ отношеніяхъ между полами существовала полная неразборчивость. Это смѣшеніе было ограничено Поліандріей [5])—институтомъ, въ которомъ одна жена имѣла нѣсколькихъ мужей. Съ теченіемъ времени этими мужьями стали являться всегда братья, и вотъ Левиратъ и есть именно остатокъ этой формы Поліандріи. Подъ это оригинальное объясненіе, однако, могутъ подойти далеко не всѣ формы Нійоги (Левиратъ, какъ я уже говорилъ, является лишь однимъ изъ видовъ ея); притомъ же объясненіе это, на мой взглядъ во всякомъ случаѣ, далеко не единственное изъ тѣхъ, какія могутъ представить древнѣйшіе источники ин-

[4]) Таково объясненіе Фюстель де Куланжа (Cité Antique, стр. 83), и оно кажется мнѣ вполнѣ основательнымъ. Эмансипированный сынъ, замѣчаетъ онъ, не пользовался этимъ преимуществомъ.

[5]) См. примѣчаніе В къ настоящей главѣ—«Поліандрія».

дусскаго права. Предположимъ, что въ данномъ обществѣ, подъ вліяніемъ ли установившагося въ немъ культа предковъ или инымъ какимъ-либо, возникло сильное желаніе имѣть непремѣнно мужское потомство. Допустимъ далѣе, что въ какомъ-нибудь частномъ случаѣ естественное потомство — отъ отца — невозможно. Дочерей также нѣтъ. Обычныя фикціи, что сыновья рождаются въ цѣляхъ культа, не могутъ помочь здѣсь. Что же сдѣлать при такихъ условіяхъ для того, чтобы имя престарѣлаго или умершаго человѣка не исчезло съ лица земли и дальнѣйшая участь его не подверглась бы риску, послѣ смерти его носителя? Всѣ древнія воззрѣнія, какъ религіозныя, такъ и юридическія, находятся подъ сильнымъ вліяніемъ апалогій, а потому ребенокъ, рожденный при помощи Нійоги, и считается какъ бы естественнымъ сыномъ. Подобно послѣднему, онъ родится отъ жены или вдовы; хотя въ немъ и нѣтъ отцовской крови, однако въ немъ течетъ кровь отцовскаго рода. Если невозможна передача крови опредѣленнаго индивида, то все же передается по наслѣдству кровь его рода. Вполнѣ естественнымъ поэтому кажется мнѣ, если древній авторитетъ по обычному праву полагаетъ, что семья при такихъ условіяхъ продолжаетъ свое дальнѣйшее существованіе, и если жрецъ или юристъ думаетъ, что посмертные обряды будутъ совершаемы такимъ сыномъ съ вполнѣ сознательнымъ стремленіемъ достигнуть конечной цѣли ихъ. Самыя разногласія, возникшія по этому предмету въ древнѣйшихъ браминскихъ юридическихъ школахъ, представляются мнѣ именно такими, какія только и могло вызвать цѣлесообразное, но не вполнѣ естественное средство. Уже съ самаго начала среди индусскихъ писателей стало обнаруживаться различное отношеніе къ Нійогѣ, особенно же въ ея болѣе грубой формѣ. Апастамба въ сильныхъ выраженіяхъ порицаетъ ее, между тѣмъ какъ Баудхайана и Гаутама не находятъ ничего, что сказать противъ нея. Позднѣе Ману (IX, 65. 66) объявляетъ ее приличной лишь скоту, а Нарада, еще болѣе поздній авторитетъ, проникнутый уже направленіемъ, близкимъ къ современному духу, принимаетъ эти слова за нѣчто само собою разумѣющееся.

По моему мнѣнію, какъ я уже говорилъ, признанная мало-по-малу за дочерью способность передавать ребенку мужескаго пола такія качества, которыя дѣлали его въ религіозномъ отношеніи какъ бы сыномъ его дѣда съ материнской стороны — находится въ связи съ окончательнымъ признаніемъ за женскимъ потомствомъ права участія въ наслѣдованіи. Весьма правдоподобной, далѣе, кажется мнѣ догадка, что способность вдовы принести умершему своему мужу сына при помощи Левирата привела къ надѣленію ея правомъ пожизненнаго пользованія мужниной собственностью—правомъ, которое на самомъ дѣлѣ и принадлежитъ ей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи; та же способность привела и къ тому, что индусское право стало признавать за вдовой право простаго усыновленія, при чемъ усыновленный считался сыномъ ея покойнаго мужа. Однако, ближайшимъ предметомъ моего изслѣдованія является зависимость наслѣдованія отъ культа предковъ, а всѣ эти вопросы настолько далеки отъ нея, что здѣсь не совсѣмъ удобно входить въ ихъ разсмотрѣніе. Во всякомъ изслѣдованіи по вопросу о происхожденіи права дочерей на участіе въ наслѣдованіи отцовскаго имущества необходимо коснуться широко распространеннаго въ древнемъ мірѣ обычая—выдавать имъ при вступленіи ихъ въ бракъ извѣстную часть имущества. Приданое женщины или обезпеченіе ея при вступленіи въ бракъ невозможно отдѣлить отъ права ея на наслѣдованіе. Говоря вообще, и то и другое является альтернативными способами обезпеченія ея; и исключеніе дочерей изъ участія въ наслѣдованіи въ древнихъ правовыхъ системахъ всегда служитъ признакомъ того, что имъ принадлежало право на выдѣлъ приданаго, обыкновенно — изъ движимой собственности семьи. Древніе индусскіе писатели лишь вскользь упоминаютъ о наслѣдованіи дочери. Баудхайана держится того взгляда, что ни одна женщина не можетъ наслѣдовать. Апастамба же въ системѣ наслѣдованія ставитъ дочь не только позади родственниковъ мужескаго пола, но даже послѣ такихъ дальнихъ наслѣдниковъ, какими являются духовный наставникъ умершаго и товарищъ его по воспитанію. При всемъ томъ, однако же, эти писатели признаютъ за замуж-

ними женщинами извѣстную независимую собственность (Гаутама, XXVIII. 24). Что касается древнихъ юридическихъ системъ Западнаго міра, то въ нихъ наслѣдованіе и брачное приданое находятся между собою въ очевидной связи. По аѳинскому праву, когда отецъ умираетъ безъ завѣщанія и не оставивъ послѣ себя сыновей, дочери должны—или выйти замужъ за кого-либо изъ родственниковъ, или же получить отъ нихъ приданое описаннымъ уже мною порядкомъ. Древнее римское право, въ наиболѣе ранній изъ извѣстныхъ намъ періодовъ его развитія, признавало за дочерьми извѣстную долю въ наслѣдственномъ имуществѣ ихъ отца. Но современной юриспруденціи позднѣйшее римское право завѣщало доктрину [6]), по которой, при извѣстныхъ условіяхъ, брачное приданое дочери считается какъ бы выданнымъ ей впередъ наслѣдствомъ, и наоборотъ—распоряженіе о выдачѣ ей приданаго удовлетворялось изъ наслѣдства. Я всегда полагалъ, что эта доктрина ниспровергла принципъ болѣе древняго права и что прежде дочь наслѣдовала лишь въ томъ случаѣ, когда ея не выдѣляли. Въ нераздѣльныхъ семьяхъ современной Индіи и въ славянскихъ семейныхъ общинахъ, хотя имущество и считается принадлежащимъ членамъ семьи мужескаго пола, тѣмъ не менѣе женщины имѣютъ право на брачную долю, которая обыкновенно равняется извѣстной опредѣленной дроби той части, какую получили бы при раздѣлѣ ихъ братья; а въ Индіи при распредѣленіи собственности нераздѣльной семьѣ на каждую долю возлагается по закону обязанность «поддерживать» незамужнихъ женщинъ и вдовъ. Насколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ изъ древнихъ обществъ, которыя сдѣлали хотя бы нѣкоторые успѣхи въ развитіи, женщины не остаются безъ обезпеченія. Имъ не позволяется переносить на своихъ мужей (за которыхъ онѣ выходятъ большею частью въ дѣтствѣ) никакихъ правъ на ту собственность, на которой, какова земля, основывается и которой поддерживается совмѣстная жизнь общины. Но обезпеченіе ихъ посредствомъ движимаго и переносимаго имущества считается не только

---

[6]) См. *Dig.* XXX. 84, 6. *Cod.* VI. 37, 11.

справедливымъ и разумнымъ, но и настолько необходимымъ и обязательнымъ, что отказъ въ немъ былъ бы сочтенъ за нарушеніе долга благопристойности и легъ бы позорнымъ пятномъ на фамильной чести.

Теперь мы приступаемъ къ тому пункту, въ которомъ современный юристъ и древніе излагатели брамипскаго священнаго права, если бы между ними существовала какая-либо тѣсная аналогія, одинаково — остановились бы на разсмотрѣніи двухъ вопросовъ: 1) вопроса о наслѣдованіи родственниковъ умершаго по восходящей линіи, предковъ его мужескаго пола съ отцовской стороны, если таковые оказываются послѣ его смерти, и 2) вопроса о наслѣдованіи боковыхъ родственниковъ, т. е. лицъ, происшедшихъ отъ предковъ его со стороны отца. Послѣднее, боковое наслѣдованіе получило въ современномъ[7]) правѣ Индусовъ широкое развитіе и сильное осложненіе; и въ Западной Европѣ значеніе его скорѣе возростало, чѣмъ уменьшалось. Англичане гораздо менѣе другихъ народовъ придаютъ значеніе боковову наслѣдованію, какъ и вообще наслѣдованію по закону, такъ какъ у нихъ переходъ собственности опредѣляется почти всегда путемъ брачныхъ соглашеній и завѣщаній. Но на континентѣ, благодаря французскому Гражданскому Кодексу и кодексамъ, составленнымъ по образцу его, практика завѣщательныхъ распоряженій повидимому, падаетъ. Права дѣтей на отцовскую собственность считаются неотъемлемыми, а такъ какъ главная цѣль современнаго завѣщанія—распредѣленіе имущества между дѣтьми сообразно ихъ склонностямъ и потребностямъ—является при такихъ условіяхъ недостижимой, то завѣщанія выходятъ изъ употребленія и опредѣленіе участія въ наслѣдованіи болѣе отдаленныхъ родственниковъ предоставляется закону. То обстоятельство, что древніе юристы едва лишь упоминаютъ о боковомъ наслѣдованіи, указываетъ на чрезвычайную отдаленность разбираемыхъ мною юридическихъ идей отъ тѣхъ, которыя господ-

[7]) Нынѣ дѣйствующее по этому предмету индусское право, въ связи съ тѣми началами, на которыхъ основываются двѣ противоположныя доктрины, разсмотрѣно Мэйномъ (J. D. Mayne) въ весьма поучительной главѣ (XVI) его *Hindu Law and Usage*.

ствуютъ въ настоящее время. Въ крайнемъ случаѣ, при отсутствіи близкихъ наслѣдниковъ, они обращаются къ духовнымъ родственникамъ (брамину-наставнику и товарищу по обученію) и къ царю. Но объ этомъ они говорятъ не какъ объ наслѣдованіи, въ теперешнемъ смыслѣ этого слова; подъ наслѣдованіемъ они разумѣютъ лишь наслѣдованіе по прямой линіи, восходящей или нисходящей. Языкъ ихъ тамъ, гдѣ имъ приходится говорить о болѣе отдаленномъ наслѣдованіи, отличается краткостью и неясностью; техническіе термины употребляются ими не всегда въ одномъ и томъ же смыслѣ и не въ томъ значеніи, какое придаетъ имъ современное индусское право [8]). Они быстро переходятъ къ упомянутымъ мною духовнымъ наслѣдникамъ и къ царю; а одинъ изъ нихъ прибавляетъ, что «въ тѣхъ случаяхъ, которые не подходятъ подъ установленныя правила, долженъ соблюдаться тотъ порядокъ, который будетъ одобренъ по меньшей мѣрѣ десятью хорошообразованными, искусными въ мышленіи и не корыстолюбивыми браминами» (Гаутама, XXVIII. 48).

Замѣчаемыя у болѣе раннихъ излагателей права краткость и неясность выраженій по отношенію къ извѣстнымъ предметамъ объясняются обыкновенно особенностями задачи ихъ трактатовъ—представить въ формѣ афоризмовъ краткій очеркъ правовой системы. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что по тѣмъ предметамъ, которые они считали важными, изложеніе ихъ отличается достаточными полнотою и ясностью. Невозможно, думается мнѣ, не замѣтить, что боковымъ наслѣдованіемъ они мало интересовались. Въ дѣлѣ надлежащаго перехода наслѣд-

---

[8]) По отношенію къ обозначенію различныхъ классовъ наслѣдователей (Сапинда, Саготра и т. д.) у писателей этихъ встрѣчаются термины, извѣстные и развитому индусскому праву, но не въ современномъ ихъ смыслѣ. Въ приписываемомъ Баудхайану текстѣ подъ „Sapinda“ разумѣется: «прадѣдъ (по отцу), дѣдъ, отецъ, само данное лицо, его единоутробный братъ отъ матери одной съ отцомъ касты (т. е. сынъ его отца отъ той же матери, что и онъ самъ, если только она принадлежитъ къ одной съ мужемъ кастѣ), сынъ его, внукъ и правнукъ». Не таково опредѣленіе Сапинда у Гаутама (XIV. 13 и XVIII. 6). Термины Сапинда и Банду (Bandhu) Вишну употребляетъ, повидимому, какъ синонимы (XVII. 10).

ства въ тѣхъ случаяхъ, когда не было законныхъ сыновей, они, какъ мнѣ кажется, разсчитывали на разные способы обезпеченія мужскаго потомства въ семьѣ, а именно — на назначеніе дочери, на фиктивное сыновство, адопцію и Нійогу. Весьма вѣроятно, что сначала истинное жертвоприношеніе умершему могло быть приносимо лишь нисходящимъ по мужской линіи; и хотя нѣкоторые изъ искусственныхъ способовъ обезпеченія за семьей служенія предкамъ и встрѣчали неодобреніе, однако весьма вѣроятно, что и боковой родственникъ первоначально вовсе не могъ приносить жертвы, за которыя можно было бы ожидать духовныхъ благъ. Но всѣ искусственные способы обезпеченія семьи мужскаго потомства, за исключеніемъ одного, уже давно стали вызывать къ себѣ отвращеніе въ Индіи. «Они не позволительны», говоритъ ортодоксальный индусскій ученый, «въ нашъ желѣзный вѣкъ по причинѣ зачерствѣлости человѣческихъ сердецъ». Само собою разумѣется, что чувствомъ омерзенія къ нѣкоторымъ изъ нихъ или даже ко всѣмъ проникнуты и древнѣйшіе юридическіе трактаты, и вотъ гдѣ лежитъ источникъ того взгляда, который восторжествовалъ въ концѣ концовъ. Въ наши дни, если у кого нѣтъ законныхъ сыновей, то онъ можетъ возмѣстить ихъ недостатокъ лишь при помощи усыновенія, или самъ лично, или же—послѣ его смерти—вдова: при чемъ въ различныхъ мѣстностяхъ обнаруживается разногласіе относительно того, должна ли вдова еще до смерти мужа получить отъ него согласіе или соотвѣтственныя указанія, и если да, то въ какой формѣ должны быть они даваемы. Подобное состояніе права въ сильной степени увеличиваетъ современное значеніе бокового наслѣдованія; нѣкоторые факты дѣйствуютъ за одно съ законодательными предписаніями. Среди высшихъ классовъ индусскаго населенія замѣчается чрезвычайная неплодовитость, и хотя тамъ и отдается теоретически предпочтеніе усыновленію передъ передачей наслѣдства въ боковую линію, однако въ дѣйствительности (какъ это мнѣ положительно извѣстно) существуетъ такое же сильное отвращеніе къ усыновленію, какое, какъ извѣстно, препятствуетъ нерѣдко Англичанину сдѣлать завѣщаніе.

Первоначальными источниками обширной группы современных правилъ о наслѣдованіи боковыхъ родственниковъ въ гораздо большей степени, чѣмъ древніе юридическіе трактаты, являются такъ называемые средневѣковые Дигесты, относящіеся приблизительно къ періоду XI—XIV стт., изъ которыхъ наиболѣе древній есть «Митакшара» (Mitakshara). Мэйнъ въ своемъ сочиненіи «Hindu Law and Usage» (стр. 51) такъ передаетъ основную идею этихъ правилъ: «кромѣ Бенгала, повсюду агнаты или происходящіе родственники по мужской линіи, исключаютъ когнатовъ, т. е. родственниковъ по женской линіи, вплоть до четырнадцатой степени». То же предпочтеніе родственникамъ въ мужской линіи замѣчается и въ правилахъ о наслѣдованіи, господствующихъ въ Пенджабѣ, гдѣ право и обычай является «въ сущности нежреческими, несакраментальными, свѣтскими». Въ этомъ отношеніи практика Главнаго Суда въ Пенджабѣ совпадаетъ съ заключеніями оффиціальныхъ изслѣдователей и устанавливаетъ тотъ фактъ, что «родство здѣсь всецѣло агнатическое»[9]). Такимъ образомъ несомнѣнно, что агнатическое наслѣдованіе среди боковыхъ наслѣдниковъ есть общій принципъ индусскаго обычнаго права. Тотъ же принципъ является исключительнымъ и въ римскомъ правѣ въ эпоху XII Таблицъ; онъ же регулируетъ наслѣдованіе дальнихъ родственниковъ и въ аѳинскомъ правѣ, которое гласитъ, что агнаты всегда имѣютъ предпочтеніе передъ когнатами (προτιμᾶσθαι τοὺς ἀπὸ τῶν ἀῤῥένων τῶν ἀπὸ θηλείων). Впрочемъ, если вѣрить сравнительно очень позднему писателю[10]), агнатическое преемство, т. е. преемство исключительно въ мужской линіи, было, если можно такъ выразиться, *common law* (общимъ правомъ) Греціи.

Мэйнъ приводитъ, однако, одно замѣчательное исключеніе изъ обычнаго предпочтенія, отдаваемаго въ Индіи мужеской линіи. Въ населенной провинціи собственно Бенгала—замѣчательной также и въ томъ отношеніи, что въ ней почти совершенно исчезла сельская община — когнаты въ широкой

---

[9]) См. Boulnois и Rattigan, *Notes on Punjab Law*, стр. 85.

[10]) Діодоръ Сицилійскій, XII. 14 (комментарій его къ закону, вѣроятно поддѣльному, приписываемому Харондасу).

степени допускаются къ наслѣдованію, они даже предпочитаются агнатамъ. «Наслѣдники въ женской линіи часто слѣдуютъ ранѣе даже очень близкихъ Сапинда въ прямой мужской линіи» («Hindu Law and Usage», стр. 428). Мэйнъ весьма тщательно освѣтилъ эту особенность бенгальскаго права и намѣтилъ ея причины (въ гл. XVI). Тѣ сравнительно новѣйшіе по времени авторитеты, которымъ слѣдовали браминыюристы этой провинціи (а именно—Дайа-Бага и Дайа-Крама-Сангграха) проникнуты религіозной доктриной. Они признаютъ не только тѣсную связь между культомъ предковъ и наслѣдованіемъ, но и полную зависимость послѣдняго отъ перваго. Первымъ вопросомъ у нихъ является вопросъ о томъ, каковы истинные размѣры духовныхъ благъ, которыя получаетъ предокъ отъ жертвоприношеній, и каковы тѣ благодѣянія, которыя снискиваетъ себѣ поклоняющійся? Въ зависимости отъ этого опредѣляется и самое положеніе послѣдняго въ лѣстницѣ наслѣдованія.

Ключъ къ объясненію указаннаго явленія лежитъ, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что первоначальный культъ предковъ видоизмѣнился и этимъ содѣйствовалъ постепенному измѣненію самаго права; но общаго теченія юридической доктрины онъ коснулся далеко не въ такой сильной степени. Первоначально предкомъ, которому поклонялись, являлось, въ этомъ нельзя усомниться, лицо мужескаго пола, съ другой стороны—и приносителемъ жертвы былъ родственникъ его мужескаго пола, нисходящій въ прямой мужеской линіи. За женщиной же древніе писатели отвергали всякое право на принесеніе жертвы. «Женщина не можетъ приносить жертву всесожженія», говоритъ Апастамба (II. VI. 15. 18). Но, какъ я уже указалъ выше, съ теченіемъ времени возникло обыкновеніе—жену предка ассоціировать съ нимъ самимъ, какъ объектомъ поклоненія. «Въ другомъ мірѣ человѣкъ долженъ жить одинъ», говорятъ индусскіе ученые. Никто не можетъ послѣдовать за своимъ родственникомъ даже и въ томъ случаѣ, если онъ умираетъ одновременно съ нимъ» [1]). «Всѣмъ, кромѣ жены

[1]). Вишну, XX. 39.

умершаго, возбранено слѣдовать за нимъ на пути въ Йама» — слова, поздпѣе послужившія однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ къ сожиганію вдовъ Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ древности, хотя и не въ самой глубокой, люди почитаютъ какъ отца своего, такъ и мать и вообще предковъ своихъ съ материнской стороны, хотя поклоненію имъ они и не придаютъ такого же значенія, какъ предкамъ своимъ въ мужеской линіи. Такимъ то образомъ произошелъ въ древней правовой системѣ значительный поворотъ. У Дайа-Бага можно подмѣтить и другую трансформацію религіозныхъ идей, которая, быть можетъ, такъ и не вышла за предѣлы отдѣльныхъ браминскихъ школъ. Все возроставшее нравственное отвращеніе къ искусственнымъ способамъ продленія мужскаго потомства должно было увеличить опасность бездѣтности, которая угрожала прекращеніемъ культа предковъ. Предвидѣніе такого исхода, могущаго повлечь за собою не только загробныя кары со стороны умершихъ, но и земныя потери для браминовъ, было склонно породить и еще болѣе укрѣпить убѣжденіе въ томъ, что религіозныя почести вполнѣ удобно могутъ быть воздаваемы и простыми боковыми родственниками; а это обстоятельство въ свою очередь должно было содѣйствовать и возможно большему расширенію самаго понятія бокового родства. Таковою въ дѣйствительности и является религіозная система, выступающая въ авторитетныхъ трактатахъ Бенгала —система, стремящаяся между прочимъ и къ тому, чтобы количество родственниковъ довести до возможно болѣе широкихъ размѣровъ, путемъ включенія въ кругъ болѣе или менѣе истинныхъ служителей культа и когнатовъ, т. е. родственниковъ по женской линіи. Притомъ же эта система преисполнена тѣхъ мелкихъ деталей и тѣхъ тонкихъ выводовъ изъ принятыхъ основаній, которыми характеризуется обыкновенно довольно высокій уровень религіознаго развитія, уже давно покинувшаго свою первоначальную простоту. За изученіемъ различій между жертвоприношеніемъ въ видѣ цѣлаго похороннаго пирога, или частицъ его, въ связи съ соотвѣтственными различіями между тѣми или иными группами родственниковъ, допускаемыхъ къ участію въ наслѣдованіи—

за изученіемъ всего этого я отсылаю къ сочиненіямъ писателей-спеціалистовъ въ области индусскаго права, въ особенности же къ трудамъ Мэйна и проф. Раджкумаръ Сарвадикари.

Я уже высказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что въ связи съ культомъ предковъ, какъ онъ практикуется Индусами, стоитъ система агнатства или родства исключительно по мужской линіи—система, которая и понынѣ держится въ Пенджабѣ. Я вполнѣ согласенъ съ теоріей Фюстель де-Куланжа и думаю, что первоначально культъ предковъ значительно содѣйствовалъ укрѣпленію этой системы. Но, съ другой стороны, очевиднымъ для меня представляется и то, что въ своемъ позднѣйшемъ развитіи культъ предковъ повліялъ на древнее родство и древнюю семью какъ факторъ ослабляющій и разлагающій. Свѣтское право, какъ оно практикуется у Индусовъ, однако, далеко не одинаково и не повсемѣстно подпало вліянію религіознаго развитія. Митакшара, пользующійся въ Индіи вообще гораздо бо́льшимъ авторитетомъ, чѣмъ Дайа-Бага, въ главныхъ своихъ положеніяхъ опирается на болѣе древнее понятіе родства. Въ то же время систему Дайа-Бага я вовсе и не считаю лишь простымъ дальнѣйшимъ развитіемъ системы, раскрывающейся въ болѣе раннихъ трактатахъ. Она является скорѣе какъ бы совершенно отдѣльной, сепаратной ступенью въ развитіи древняго жреческаго права. Тѣ понятія, которыя привели къ ней, можно, правда, подмѣтить и въ болѣе раннихъ трактатахъ, но дальнѣйшіе выводы изъ нихъ были сдѣланы, какъ кажется, въ однихъ юридическихъ школахъ съ большей поспѣшностью и полнотою, чѣмъ въ другихъ. Сравнительно поздній сборникъ юридическихъ правилъ, названный впослѣдствіи Ману, невозможно понять иначе, какъ признавъ, что онъ подвергся весьма сильному вліянію измѣненій въ области религіи.

Среди факторовъ, содѣйствовавшихъ прогрессу человѣческаго общества и направлявшихъ его теченіе, однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ является Эдиктъ Римскаго Претора, который мало-по-малу привелъ право въ гармонію съ системой принциповъ, всего чаще обозначаемыхъ однимъ словомъ—

Aequitas (отвлеченныя начала справедливости). Онъ совершенно пересоздалъ римскую юриспруденцію, и образовавшаяся въ результатѣ воздѣйствія его на старое римское право система, является источникомъ почти всего континентальнаго права, извѣстной доли права англійскаго и, наконецъ, бо́льшей части существующаго международнаго права. Позднѣе эти принципы признавались римскими юристами вполнѣ согласными съ греческимъ философскимъ понятіемъ «естественнаго права», которому суждено было вплоть до нашихъ дней оказывать такое сильное вліяніе на развитіе человѣческой мысли. На болѣе ранней ступени юридическаго мышленія Преторскій Эдиктъ считался какъ бы воплощеніемъ Jus Gentium, подъ которымъ разумѣлись обобщенные обычаи значительной части человѣчества. Но по отношенію къ древнѣйшей исторіи римской Aequitas мы должны сказать, что не знаемъ почти ничего. Есть, впрочемъ, свидѣтельства тому, что еще въ очень отдаленныя времена Эдиктъ употреблялся въ цѣляхъ измѣненія римскаго наслѣдственнаго права, при чемъ въ основаніе послѣдняго было положено такое понятія родства, которое ранѣе слабо или даже вовсе не признавалось. Какъ бы то ни было, но читая древніе индусскіе юридическіе трактаты и сопоставляя ихъ съ такими, какъ Дайа-Бага и Дайа—Крама Санграха, я не могу не придти къ тому заключенію, что въ промежуткѣ между двумя состояніями права, какъ они отражаются въ болѣе раннихъ и въ болѣе позднихъ трактатахъ, среди Индусовъ произошла пѣремѣна, въ высшей степени аналогичная той, какая произошла у Римлянъ, когда агнатическое наслѣдованіе по законамъ XII таблицъ превратилось въ когнатическое наслѣдованіе по Эдикту. Но древнее римское право наслѣдованіе находилось въ очень тѣсной связи съ культомъ предковъ. Фюстель де-Куланжъ поставилъ это внѣ всякаго сомнѣнія. Древнее индусское право имѣло, несомнѣнно, то же основаніе, но въ различныхъ мѣстностяхъ Индіи оно претерпѣло столь же сильныя измѣненія, какъ и римское право, и въ концѣ концовъ явилось системой, допускающей къ наслѣдованію одинаково—какъ родственниковъ по мужеской линіи, такъ и родственниковъ въ женской линіи. Болѣе новое индус-

ское право само въ себѣ носитъ объясненіе своего истиннаго происхожденія: измѣнился религіозный элементъ въ немъ, измѣнилось вмѣстѣ съ тѣмъ и самое право. Такимъ образомъ я полагаю, что происхожденія римской Aequitas слѣдуетъ искать за долго до начала юридической исторіи, а именно—въ измѣненіи культа предковъ, перемѣнахъ въ области религіознаго строя и религіозныхъ обязанностей семьи. Нѣтъ ни одной древней философіи, да и въ новое время немного найдется такихъ философскихъ системъ, которыя бы не таили своихъ корней въ религіи. Аѳинское право, въ нѣкоторыхъ правилахъ его о боковомъ наслѣдованіи, соотвѣтствуетъ скорѣе позднѣйшему, чѣмъ болѣе раннему римскому праву, и здѣсь также, по моему убѣжденію, перемѣна произошла вслѣдствіе измѣненій въ сферѣ религіозныхъ идей.

ПРИМѢЧАНІЯ

(къ гл. IV-ой).

A.

Patria Potestas у Индусовъ.

Весьма возможно, что древніе религіозные писатели — не говоря уже о томъ, что зависимое положеніе ихъ сословія заставляло ихъ благопріятно относиться къ умноженію религіозныхъ обрядовъ, наступавшаго вслѣдствіе разложенія племенныхъ и семейно-нераздѣльныхъ группъ—желали также, чтобы періодъ распаденія каждаго домохозяйства на нѣсколько семей не откладывался до смерти его главы. Они надѣялись на то, что вѣрный Индусъ, перерождающійся подъ вліяніемъ изученія писаній, удалится отъ дѣятельной жизни и сдѣлается

аскетомъ, отшельникомъ. Существуетъ нѣсколько текстовъ, которые, какъ думаютъ, разрѣшали сыновьямъ даже вынуждать престарѣлаго отца удалиться. Гаутама (XV. 19), хотя и порицаетъ такой образъ дѣйствій, допускаетъ однако его существованіе. Но каковъ бы ни былъ истинный смыслъ этихъ текстовъ, я не могу допустить, чтобы они давали хотя бы какую-нибудь поддержку тому взгляду, что сыновья могутъ исторгнуть хоть часть семейной собственности противъ воли ихъ отца. Эти тексты, по моему мнѣнію, касаются лишь того случая, когда отецъ достигъ такого возраста, въ которомъ для него становится религіозною обязанностью—оставить мірскую жизнь. Что у Индусовъ существовала Patria Potestas во всей ея полнотѣ, легко убѣдиться уже изъ того почтенія, которымъ въ системѣ культа предковъ пользуется отецъ при жизни. Гораздо позднѣе юридическій трактатъ Ману гласитъ слѣдующее: «три лица — жена, сынъ и рабъ — объявляются по закону не имѣющими въ своей исключительной собственности никакого имущества; богатство, которое они могутъ заработать, составляетъ пріобрѣтеніе того лица, которому они принадлежатъ» (Ману, VIII. 416). Еще болѣе поздній, но все же древній авторитетъ Нарада (V. 39) — говоритъ, что сынъ становится «взрослымъ и независимымъ тогда, когда родители его умираютъ; при жизни ихъ онъ—зависимъ, хотя бы онъ и былъ зрѣлыхъ лѣтъ.» А уже въ наши дни Нельсонъ, описывая южную Индію, гдѣ вліяніе жреческаго индуизма едва замѣтно, говоритъ о Patria Potestas, которую онъ знаетъ по личнымъ наблюденіямъ, какъ объ очень прочномъ институтѣ Индусовъ. «Несомнѣннымъ является тотъ фактъ, что у такъ называемыхъ Индусовъ Мадрасской провинціи отецъ по читается въ настоящее время всѣми, какъ Раджа (Rajah) или абсолютный владыка зависимой отъ него семьи. При жизни ему воздается уваженіе, по смерти—поклоненіе. Слово его—законъ, которому повинуются безпрекословно. Онъ на самомъ дѣлѣ «господинъ семьи—жены, сыновей, рабовъ и всего имущества» («View of the Hindu Law», стр. 56). «Сопротивленіе волѣ отца представляется невѣроятнымъ, монструознымъ» (стр. 32).

B.

Поліандрія.

Я нисколько не сомнѣваюсь въ существованіи поліандріи, особенно же той ея формы, въ которой нѣсколькими мужьями являются братья—поліандріи, какъ извѣстнаго обычая древняго міра. Помѣщенный въ Магабаратѣ разсказъ о томъ, какъ Драуподи сдѣлалась женою пяти Пандавскихъ принцевъ, возбудилъ очень оживленные споры и допускаетъ самыя разнообразныя истолкованія (см. Мэйна—«Hindu Law and Usage», стр. 52), но у Полибія (XII. 7, 732, гдѣ авторъ слѣдуетъ Тимею) находимъ вполнѣ убѣдительное свидѣтельство тому, что Спартанцы практиковали поліандрію. Въ чемъ я сомнѣваюсь (вмѣстѣ съ Морганомъ), такъ это—въ томъ значеніи, какое придаетъ поліандріи Макъ-Леннанъ въ исторіи общественной эволюціи. Слѣдуетъ быть очень осторожнымъ въ преувеличеніи древности индусскихъ и греческихъ примѣровъ, особенно же если припомнить, что не далѣе какъ въ половинѣ XVIII столѣтія президентъ де-Брассъ обвинялъ Венеціанскую аристократію въ томъ, что она практиковала поліандрію братьевъ (Lettres Ecrites d'Italie, томъ I, стр. 157). Спартанская и Венеціанская аристократіи одинаково извѣстны отсутствіемъ у нихъ чувства стыда въ отношеніяхъ между полами, и причиной тому въ обоихъ случаяхъ является, какъ кажется, взиманіе налога съ холостяковъ, живущихъ собственнымъ домомъ. Обычай этотъ представляется мнѣ такимъ, который во всякое время можетъ быть вызванъ къ существованію обстоятельствами, на время подавляющими въ человѣкѣ нравственное чувство и сознаніе долга приличія. Какъ извѣстно, онъ имѣетъ мѣсто и въ индусской арміи туземцевъ.

ГЛАВА V.

Престолонаслѣдіе и Салическое право.

Въ правовой исторіи тѣхъ изъ западныхъ обществъ, которыя прошли черезъ феодализмъ, наслѣдованіе имущества и престолонаслѣдіе тѣсно связаны между собою. Аргументы, представленные Брусомъ (Bruce) и Баліолемъ (Baliol) въ спорѣ ихъ съ десятью другими соперниками, который они вели передъ Эдуардомъ I Англійскимъ изъ-за шотландской короны, съ принципіальной стороны ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ аргументовъ, на которые опиралось наслѣдованіе простаго феода; съ фактической же стороны этотъ споръ даетъ отвѣтъ на цѣлый рядъ вопросовъ въ области права наслѣдованія земли на протяженіи всего Запада. Что же касается правовыхъ системъ Востока, то онѣ, заключая въ себѣ богатую обработку права наслѣдованія въ области частной собственности, мало или даже вовсе не говорятъ о престолонаслѣдіи. Одинъ изъ магометанскихъ царствующихъ домовъ — династія Оттоманскихъ Султановъ—вплоть до нашего времени слѣдуетъ весьма древней системѣ престолонаслѣдія — системѣ, въ которой старѣйшій по лѣтамъ боковой родственникъ предпочитается, въ дѣлѣ наслѣдованія, сыну; но это правило не находится ни въ какой прямой связи ни съ одной частью богатаго частнаго права наслѣдованія по магометанской доктринѣ. Самое бо́льшее, что̀ можно отмѣтить здѣсь, такъ это — сходство въ мѣстахъ, которыя въ магометанской наслѣдственной схемѣ удѣляются сыну и дядѣ по отцу. И въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ

системъ наслѣдованія имущества систему магометанскую всего труднѣе пріурочить къ престолонаслѣдію. Это—система мелкаго дробнаго дѣленія между извѣстнымъ количествомъ родственниковъ, группировкѣ [1]) которыхъ никто до сихъ поръ не могъ дать удовлетворительнаго объясненія. Я согласенъ съ Джорджемъ Кэмпбеллемъ (Campbell), что система эта развилась, должно быть, у такого племени, собственность котораго легко дѣлилась на части и состояла, по всей вѣроятности, изъ стадъ и табуновъ; въ то же время я думаю, что Альмарикъ Рёмсей (A. Rumsey) въ своемъ сочиненіи «Магометанское право наслѣдованія» вполнѣ убѣдительно доказалъ, что наиболѣе существенныя изъ представляющихся неудобствъ этой системы возникли вслѣдствіе того, что, какъ бы велики ни были математическія познанія позднѣйшихъ магометанъ, наиболѣе ранніе излагатели этого права не знали нѣкоторыхъ простѣйшихъ основаній въ манипуляціи съ дробями. Вообще мы должны въ настоящее время довольствоваться ортодоксальнымъ магометанскимъ объясненіемъ правилъ наслѣдованія — объясненіемъ, которое состоитъ въ томъ, что эти правила основаны на отдѣльныхъ изреченіяхъ авторитетовъ, которымъ приписывалась божественная сила, а именно самого Пророка, его близкихъ и тѣхъ, кто говорилъ съ ними; и что, слѣдовательно, эти правила никоимъ образомъ не могутъ быть приведены въ систематическій порядокъ.

Индусская система наслѣдованія имѣетъ на религіозное происхожденіе болѣе вѣскія права, чѣмъ магометанская. Нѣкоторыя изъ ея основаній безъ особенныхъ затрудненій могутъ быть примѣнены къ престолонаслѣдію; но тѣмъ не менѣе и она въ сущности является также правомъ наслѣдованія частной собственности. Замѣчательно, что отъ древнихъ индусскихъ юристовъ мы узнаемъ очень немногое о тѣхъ правахъ, которыя регулировали переходъ царскаго достоинства. Считая царя важнымъ помощникомъ брамина, они не скупятся въ подачѣ ему

[1]) Трудность возникаетъ изъ состава того класса магометанскихъ наслѣдователей, который извѣстенъ подъ именемъ «Sharers» (участниковъ). Въ двухъ остальныхъ классахъ, повидимому, отдается обычное предпочтеніе агнатамъ передъ когнатами.

совѣтовъ и выраженій своихъ взглядовъ на его обязанности. Прежде всего онъ долженъ отправлять правосудіе и защищать истину. Но помимо этого на него возлагаются еще многія другія обязанности. Уже такой древній авторитетъ, какъ Апастамба (II. X. 25 1), говоритъ ему, какъ строить городъ и дворецъ. «Дворецъ долженъ находиться въ центрѣ города. При входѣ въ него должно быть помѣщеніе, называемое «залъ для гостей». Не въ далекомъ отъ города разстояніи къ югу царь долженъ озаботиться постройкой зданія для собраній, съ дверями съ южной и сѣверной сторонъ, такъ чтобы каждый могъ видѣть, что происходитъ внутри и извнѣ. Во всѣхъ этихъ трехъ мѣстахъ должны горѣть постоянно огни, а также ежедневно въ нихъ должны приноситься жертвоприношенія. Въ этой залѣ онъ долженъ помѣщать своихъ гостей, по крайней мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, которые свѣдущи въ Ведахъ. Сообразно съ ихъ добрыми качествами имъ должны быть предлагаемы и соотвѣтствующіе комнаты, постель, пища и напитки. При всемъ томъ царь не долженъ жить лучше своихъ духовныхъ руководителей». Въ другомъ мѣстѣ его учатъ, какъ играть въ кости («кости, сдѣланныя изъ дерева подъ названіемъ vibhitaka, должны представлять собою четныя числа»); какъ назначать административныхъ чиновниковъ; какъ награждать побѣдоносныхъ полководцевъ. Гаутама вкратцѣ поучаетъ, что царь есть «господинъ всего и всѣхъ, кромѣ браминовъ»; а въ болѣе позднихъ трактатахъ, Вишну и Ману, находимъ уже очень пространныя разсужденія о царскихъ обязанностяхъ, при чемъ предлагается даже очеркъ стратегическаго искусства и способовъ обложенія. Но ни въ одномъ изъ кодексовъ ничего не говорится о порядкѣ замѣщенія престола, если не считать нѣкотораго намека на правило, которое рекомендуется принять въ руководство побѣдоносному царю — «не истреблять царственнаго рода» завоеванной страны, а облечь члена этого рода царскимъ достоинствомъ. Современный Индусъ свой религіозный законъ распространяетъ на престолонаслѣдіе лишь по аналогіи, при чемъ вообще примѣняетъ къ нему наиболѣе древнюю часть своего религіознаго права. Семейные обычаи, развившіеся въ индусскихъ цар-

скихъ фамиліяхъ, отражаютъ въ себѣ правила, лишь слабо намѣченныя древнѣйшими авторитетами — правила о первородствѣ и нераздѣльности родоваго имущества, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что они въ сферѣ наслѣдованія отдаютъ явное предпочтеніе усыновленному передъ боковымъ родственникомъ.

Въ видахъ уясненія себѣ восточныхъ системъ престолонаслѣдія намъ приходится обратиться къ обычаямъ, быть можетъ, болѣе древнимъ, чѣмъ тѣ великія религіозныя движенія, которыя время отъ времени разливались по Востоку — обычаямъ, которые имѣютъ свою исторію, независимую отъ исторіи учрежденій, порожденныхъ этими движеніями. Дѣйствительныя или воображаемыя сомнѣнія, ожесточенныя распри и кровопролитныя войны, которыми сопровождалось примѣненіе этихъ обычаевъ, были когда-то въ числѣ наиболѣе ужасныхъ бѣдствій населенія тѣхъ странъ, гдѣ они господствовали, но съ теченіемъ времени Британо-Индійская Имперія содѣйствовала значительному уменьшенію этихъ раздоровъ. Впрочемъ, еще недавно сама Имперія вмѣшалась въ такого рода пререканіе—пререканіе, которое можетъ быть принято за типичный образецъ этихъ раздоровъ. Никто никоимъ образомъ не можетъ разсчитывать на то, что какія-либо событія, происходящія въ Индіи, надолго сохранятся въ англійской памяти, и однако же многіе изъ насъ хорошо помнятъ замѣшательство, вызванное притязаніями различныхъ начальниковъ и князей, которые въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ фигурировали въ газетныхъ корреспонденціяхъ въ качествѣ претендентовъ на Афганскій престолъ. Слышали мы тогда о несчастномъ Ширъ-Али-Ханѣ, который послѣ первыхъ же успѣховъ британскаго оружія удалился изъ своей столицы, Кабула, для того чтобы вскорѣ же умереть — о Якубъ-Ханѣ, нынѣ государственномъ плѣнникѣ въ Индіи, который управлялъ Кабуломъ во время убійства сэра Луи Каваньяри, въ качествѣ преемника Ширъ-Али—объ Абдурраманъ-Ханѣ, долгое время жившемъ въ Россіи въ качествѣ изгнанника, а нынѣ являющемся обладателемъ лучшаго украшенія современнаго Афганистана въ видѣ трехъ большихъ городовъ (Ка-

була, Кандагара и Герата) — объ Эюбъ-Ханѣ, который, нанесши британо-индійскимъ войскамъ первое испытанное ими за семьдесятъ восемь лѣтъ пораженіе въ открытомъ полѣ, былъ разбитъ на-голову побѣдоноснымъ генераломъ Робертсомъ, и который послѣ новой удачи въ борьбѣ съ соперникомъ своимъ, Абдурраномъ-Ханомъ, былъ окончательно побѣжденъ и вынужденъ бѣжать въ Персію. Были тутъ и менѣе громкія имена—Абдулла-Джана, нынѣ уже умершаго, который былъ младшимъ сыномъ Ширъ-Али-Хана и котораго въ теченіе долгаго времени всѣ, кромѣ его старшаго брата, признавали наслѣдникомъ отца—и Муза-Хана, сына Якуба, о которомъ газеты говорили, какъ объ единственномъ законномъ претендентѣ на Афганскій престолъ. Всѣ перечисленные мною князья были въ извѣстномъ смыслѣ претендентами на престолъ, при чемъ всѣ они являлись между собою близкими родственниками, происходя отъ Достъ-Магомета-Хана, противъ котораго сражались Британцы въ предыдущей Афганской войнѣ, за сорокъ четыре года передъ тѣмъ, и въ комнатѣ котораго они возвели на престолъ не долго удержавшагося на немъ собственнаго своего приверженца—Шахъ-Суйя. Какъ могли столь близкіе между собою родственники обнаруживать одновременно притязанія на престолъ? Едва ли хоть одинъ изъ нихъ отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, какія предъявляютъ современныя системы престолонаслѣдія. Ширъ-Али, послѣ жестокой борьбы, наслѣдовалъ своему отцу, Достъ-Магомету, но онъ не былъ его старшимъ сыномъ. Якубъ-Ханъ не былъ старшимъ сыномъ Ширъ-Али, и онъ былъ почти совершенно вытѣсненъ болѣе младшимъ братомъ, Абдулла Джаномъ, и за оспариваніе правъ послѣдняго долженъ былъ вынести продолжительное заключеніе. Нынѣ царствующій Эмиръ, Абдурраманъ-Ханъ—сынъ не Ширъ-Али, а его старшаго брата, и даже, какъ думаютъ, не самаго старшаго. Эюбъ-Ханъ, съ другой стороны, есть сынъ Ширъ-Али, но онъ моложе своего брата Якубъ-Хана, у котораго есть сынъ Муза-Ханъ, признававшійся, какъ я уже говорилъ, законнымъ наслѣдникомъ престола. Какимъ образомъ могли всѣ эти принцы явиться соперниками другъ друга? Чѣмъ объяснить от-

сутствіе у нихъ правила, которое, какъ у насъ, регулировало бы передачу престола?

Великое различіе между Востокомъ и Западомъ заключается въ томъ, что прошлое Запада живетъ въ настоящемъ Востока. То, что мы называемъ варварствомъ, есть младенческое состояніе нашей собственной цивилизаціи. Распри между афганскими принцами обращаютъ насъ къ одной изъ древнѣйшихъ причинъ войны и кровопролитія среди людей—спорамъ о преемствѣ политическаго суверенитета. Источникъ же этихъ споровъ слѣдуетъ искать въ одномъ древнемъ явленіи, которымъ слишкомъ часто пренебрегаютъ или даже вовсе забываютъ. Когда впервые появляется политическое верховенство (а та стадія человѣческой исторіи, когда она появляется, вовсе не есть древнѣйшая изъ доступныхъ изученію)—то это верховенство представляется принадлежащимъ не отдѣльному лицу, и не опредѣленному ряду лицъ, а группѣ родственниковъ (kinsmen)—семьѣ, роду (sept) или клану.

Въ греческой исторіи находимъ болѣе позднюю форму этого верховенства, которая имѣетъ свое особое названіе; это—гегемонія, политическое главенство какого-либо одного города или общины надъ извѣстнымъ количествомъ подчиненныхъ государствъ. Но въ болѣе древнія времена царствующимъ или правящимъ органомъ являлась чаще всего группа родственниковъ—кланъ или септъ, носящій въ Индіи названіе нераздѣльной семьи. Въ древнемъ мірѣ эта группа царственныхъ родственниковъ имѣла нерѣдко чисто-вымышленную родословную и претендовала на божественное происхожденіе; примѣръ такихъ претензій находимъ и въ настоящее время въ лицѣ Императора Японскаго или Микадо, который претендуетъ на божественное происхожденіе. Иногда, однако, царствующій домъ состоитъ изъ потомковъ какого-нибудь извѣстнаго историческаго героя, какъ это имѣло мѣсто въ славнѣйшей изъ всѣхъ царствующихъ фамилій — у Іудейскихъ царей, происходившихъ отъ Давида, сына Іессея. Подобно тому, какъ у Евреевъ было два соперничавшихъ между собою царскихъ рода—потомки Іуды и потомки Израиля, такъ точно и на Афганскій престолъ претендентами явились соперниче-

ствующіе роды, и предыдущая Афганская война была борьбою не столько между Достъ-Магометомъ и Шахъ-Суйя, сколько между кланами, къ которымъ они принадлежали—Суддозіями и Барукзіями. Въ прежнее время были не рѣдки кровопролитныя войны между партизанами соперничающихъ родовъ и семей, но впослѣдствіи междоусобная борьба возгаралась преимущественно между отдѣльными претендентами, принадлежавшими къ одной и той же семьѣ. Объясняется это тѣмъ, что не много есть такихъ вещей, относительно которыхъ люди первоначально были бы менѣе согласны и относительно которыхъ обычаи ихъ были бы менѣе разнорѣчивы—какъ тѣ правила, которыми опредѣлялось, кому должно принадлежать главенство въ семьѣ. Мы до такой степени свыклись съ той или иной формой первородства, какъ системы, регулирующей передачу престола—что не малыхъ трудовъ стоитъ намъ понять тѣ древніе споры, о которыхъ я только-что говорилъ. Однако первородство (ему, какъ *политическому* институту, замѣчу я, человѣчество обязано весьма многимъ) не сразу появляется въ формѣ подобной той, которая привычна намъ; и даже въ то время, когда оно стало уже приближаться къ этой формѣ, правила его отличались чрезвычайной неопредѣленностью. Всюду находимъ мы свидѣтельства тому, что въ началѣ исторіи въ царствующихъ семьяхъ были сильно развиты споры о различныхъ правилахъ и обычаяхъ, въ силу которыхъ кто-либо одинъ изъ царственныхъ родственниковъ получалъ главенство надъ остальными; и эти пререканія вели за собою междоусобныя войны. Обычнѣйшимъ типомъ древней гражданской войны была та, гдѣ члены царской семьи враждуютъ между собою, а знатныя сословія и народъ примыкаютъ къ той или другой изъ враждующихъ сторонъ. Соперниками овладѣваетъ ярость, и пререканіе переходитъ наконецъ въ бѣдственное кровопролитіе.

Очень древнимъ, быть можетъ, самымъ древнимъ способомъ рѣшенія этихъ споровъ являлся тотъ, который въ наши дни названъ «естественнымъ подборомъ». Соперничающіе между собою вожди бились до послѣдней крайности, и главенство получалъ наиболѣе ловкій, или сильнѣйшій, или

счастливѣйшій. Иногда кому-либо изъ родственниковъ удавалось внезапнымъ ударомъ сокрушить остальныхъ, что̀ мы и видимъ въ цѣломъ рядѣ дворцовыхъ убійствъ, время отъ времени повторяющихся въ исторіи Востока. Описаніе одного изъ нихъ находимъ въ томъ разсказѣ еврейскихъ хроникъ (Паралипоменонъ), который вдохновилъ Расина написать прекрасную трагедію «Аталія». Аталія, царица мать изъ племени Іуды, эта «нечестивая женщина», видя, что сынъ ея, царь Ахазія, умеръ, произвела возстаніе и истребила все царственное сѣмя дома Іуды. Одно дитя было спасено и въ теченіе шести лѣтъ скрываемо въ храмѣ Божіемъ; Аталія между тѣмъ правила страною (Паралип. II. XXII, 10). Болѣе систематичными, а потому и болѣе возмутительными являются убійства ближайшихъ боковыхъ родственниковъ оттоманскими султанами; но Турокъ, не допускающій къ своему престолу брата, находитъ себѣ оправданіе въ особенномъ правилѣ престолонаслѣдія, о которомъ я и скажу теперь нѣсколько словъ. Еще недавно ужасы Сераля превзойдены были жестокостями, совершенными теперешнимъ царемъ Бурмы, Тьюбаемъ, во дворцѣ въ Мандалэ. Немногое приходится сказать о человѣкѣ, который въ теченіе одной недѣли пролилъ кровь почти всѣхъ своихъ родственниковъ, мужескаго и женскаго половъ; но несомнѣнно, что разъ если нѣтъ точныхъ правилъ о престолонаслѣдіи, то приходится выбирать между такими убійствами, съ одной стороны, и продолжительными и опустошительными междоусобными войнами—съ другой. Къ счастію, значительная доля прогресса человѣческой цивилизаціи состояла въ изысканіи средствъ противъ насилія; бѣдствія же династическихъ споровъ были столь очевидны и столь невыносимы, что люди, повидимому уже очень рано, начали пріискивать мѣры къ ихъ устраненію. Эти мѣры, впрочемъ, являлись не совсѣмъ новыми; въ большинствѣ ихъ отражаются гораздо болѣе древніе племенные или семейные обычаи, которые получили лишь новое примѣненіе.

Среди этихъ обычаевъ однимъ изъ наиболѣе древнихъ является обыкновеніе — получать мирное согласіе общества на признаніе кого-либо начальникомъ, согласіе, которое даваемо

было или до или непосредственно послѣ смерти правителя. Избирательная монархія, подвергшаяся съ теченіемъ времени сильнымъ измѣненіямъ со стороны ея формы, просуществовала въ Польшѣ вплоть до прошлаго столѣтія, а самый величественный въ Европѣ престолъ—Римской или Германской имперіи — до начала текущаго столѣтія въ теоріи былъ открытъ каждому крещеному христіанину, какъ настаиваетъ на этомъ Фриманъ. На самомъ дѣлѣ немного есть такихъ монархій, въ лѣтописяхъ которыхъ нельзя было бы найти хотя нѣкоторыхъ слѣдовъ первоначальнаго народнаго избранія или утвержденія, и даже въ обрядѣ англійской коронаціи можетъ быть замѣчено переживаніе этого обычая. Весьма цѣлесообразной модификаціей этой системы, благодаря которой устраняется опасность междуцарствія, является избраніе наслѣдника еще при жизни царствующаго лица; такъ, въ Германіи обыкновенно выбирался король Римскій, который сейчасъ же послѣ смерти Императора заступалъ его мѣсто. Подобная же предосторожность, важная въ особенности тамъ, гдѣ есть многочисленное потомство, какъ результатъ полигаміи—выражается въ томъ, что царствующее лицо еще при жизни назначаетъ себѣ преемника. Такою въ сущности представляется система престолонаслѣдія, господствующая въ Афганистанѣ. Ей обязанъ своимъ престоломъ Ширъ-Али, точно также какъ и наслѣдникъ его, Абдулла-Жанъ, если бы онъ остался въ живыхъ. Но этой системѣ приходится сталкиваться съ иными понятіями въ сферѣ наслѣдованія, что ясно видно изъ кровавой междоусобной войны, сопровождавшей вступленіе на престолъ Ширъ-Али, и, позднѣе, изъ подобнаго же спора между Якубъ-Ханомъ и его отцемъ. Настоящій Эмиръ, Абдурраманъ-Ханъ ничѣмъ не обязанъ этой системѣ. Слабая сторона послѣдней заключается въ тенденціи—передавать престолъ ребенку какой-нибудь любимой жены, что влечетъ за собою безконечныя дворцовыя интриги, переходящія нерѣдко въ междоусобныя войны.

Но когда-то было широко распространено другое средство, вѣроятно, болѣе древнее и само по себѣ вполнѣ раціональное; теперь оно примѣняется только въ одной изъ европей-

скихъ династій. Это—передача верховной власти старѣйшему изъ наличныхъ членовъ семьи мужескаго пола. Нынѣ она практикуется у Турокъ. Настоящій Султанъ наслѣдовалъ своему брату, который оставилъ послѣ себя дѣтей; а Султанъ Мурадъ, процарствовавшій всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ, наслѣдовалъ своему дядѣ, хотя отъ послѣдняго (Абдулъ-Азиса) и остались дѣти мужескаго пола. Всюду, гдѣ можно наблюдать эту систему въ болѣе первобытной формѣ, мы находимъ ее комбинированною съ тѣмъ, о чемъ я уже упоминалъ — съ народнымъ или племеннымъ избранiемъ. Ирландскія племена, а также и кланы Горной Шотландіи нѣкогда избирали своихъ начальниковъ, при чемъ первыя всегда выбирали брата послѣдняго начальника, если онъ зрѣлыхъ лѣтъ; у вторыхъ также, повидимому, въ очень отдаленныя времена практиковались подобныя же избранія. Въ воинственныхъ и вѣчно безпокойныхъ обществахъ едва-ли возможно найти лучшій принципъ, такъ какъ онъ имѣетъ большое преимущество передъ другими въ томъ отношеніи, что новымъ начальникомъ является взрослый и опытный человѣкъ; а въ варварскомъ состояніи нельзя не опасаться бѣдствій, неизбѣжныхъ въ томъ случаѣ, когда королемъ является малолѣтній. Неудобства этой системы возникаютъ лишь съ той поры, когда принцы начинаютъ жить во дворцахъ въ полномъ довольствѣ и роскоши. Наслѣдникъ получаетъ тогда воспитаніе, которое едва ли разсчитано на то, чтобы вознаградить за недостатокъ физической зрѣлости. Уединеніе, въ которомъ онъ держится, усилія царствующаго монарха, направленныя къ тому, чтобы подавить въ немъ всякую энергію, постоянное пребываніе его въ гаремѣ—все это дѣлаетъ болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, предположеніе, что онъ обнаружитъ полную неспособность къ управленію, если только ему придется наслѣдовать престолъ. Дѣло въ томъ, что интересы царствующаго лица, а тѣмъ болѣе его дѣтей, идутъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, чтобы наслѣдникъ продолжалъ жить. Лишь въ весьма недавнее время ближайшій и старѣйшій по лѣтамъ родственникъ Турецкаго Султана получилъ возможность питать увѣренность въ то, что ему достанется наслѣдство. «Братоубій-

ство—законъ Оттоманскаго государства», сказалъ, какъ гласитъ преданіе, Магометъ II; великій примѣръ практическаго его примѣненія данъ Магометомъ III, который убилъ девятнадцать братьевъ своихъ и утопилъ двѣнадцать отцовскихъ женъ, заподозрѣнныхъ въ беременности.

Описанная мною система, въ которой наслѣдуетъ *не* старшій сынъ, *а* старшій по возрасту родственникъ мужескаго пола, въ настоящее время обозначается въ Англіи названіемъ «Tanistry» — отъ кельтскаго слова, которымъ называлась эта система въ древней Ирландіи. Съ Tanistry въ несомнѣнной преемственной связи находится первородство въ томъ видѣ, въ какомъ мы знаемъ его. Но эта позднѣйшая система престолонаслѣдія, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и является большимъ шагомъ впередъ сравнительно съ Tanistry — въ эпоху первоначальнаго своего примѣненія была далеко не свободна отъ опасностей, связанныхъ съ ея неопредѣленностью; извѣстная же доля этой неопредѣленности продолжаетъ существовать и до сихъ поръ. Вслѣдствіе именно этой причины въ Англіи возникли споры о престолонаслѣдіи, и наши предки были вовлечены въ войну, продолжавшуюся сто лѣтъ и породившую, какъ слѣдствіе, кровавую междоусобную войну. Королевскимъ домомъ или септомъ (sept), споръ о главенствѣ въ которомъ привелъ Англію къ этимъ бѣдствіямъ, была династія Капетинговъ—коллективная группа потомковъ Гуго Капета, избраннаго въ 987 году королемъ Франкскимъ или Французскимъ и основавшаго феодальную монархію въ странѣ, которая путемъ дальнѣйшихъ приращеній сдѣлалась впослѣдствіи столь славной подъ именемъ Франціи. Родъ Гуго Капета, продолжаясь исключительно черезъ лицъ мужескаго пола, не изсякъ и понынѣ, хотя со временъ Гуго прошло уже девять вѣковъ; но мужская линія прямыхъ нисходящихъ его угасла въ 1328 году. Филиппъ Красивый, человѣкъ съ сильнѣйшимъ изъ всѣхъ французскихъ королей характеромъ (за исключеніемъ развѣ Генриха IV), умеръ въ 1314 году, оставивъ троихъ сыновей, которые, послѣдовательно одинъ за другимъ, занимали французскій престолъ подъ именами Людовика X, Филиппа V и Карла IV. Ни отъ одного изъ

этихъ трехъ королей не осталось сыновей, но двое изъ нихъ оставили каждый по одной дочери, а одинъ — трехъ дочерей. Эдуардъ III, владѣвшій англійскою короною по самостоятельному праву, былъ Капетингъ по матери своей Изабеллѣ — «волчицѣ Франціи» («She-wolf of France»), какъ называетъ ее ода Грэя. Изабелла же была дочь Филиппа Красиваго. Послѣ смерти Карла IV французскаго, младшаго изъ троихъ братьевъ, умершихъ безъ мужескаго потомства, Эдуардъ III англійскій, предъявилъ свое право на французскую корону. Объ этомъ правѣ какъ французскіе, такъ и англійскіе историки говорятъ обыкновенно, какъ о совершенно необоснованномъ Не входя здѣсь въ обсужденіе того, что составляетъ предметъ юридической техники, я замѣчу однако, что этотъ взглядъ на полную неосновательность притязаній Эдуарда, какъ мнѣ кажется, покоится — частью на незнаніи нѣкоторыхъ особенностей древнихъ правовыхъ системъ, частью же на предположеніи, что нѣкоторыя юридическія правила, въ то время еще далеко не установившіяся, сознавались тогда съ такою же ясностью, какъ и теперь. Есть очень древніе юридическіе памятники, которые, хотя и отдаютъ рѣшительное предпочтеніе наслѣдованію въ мужской линіи, тѣмъ не менѣе допускаютъ продленіе семьи черезъ дочь — въ томъ случаѣ, когда нѣтъ сыновей. Согласно древнимъ индусскимъ сводамъ, дочь въ этомъ случаѣ должна была принести отцу своему сына (институтъ «назначенія»—appointment) [2]). Замѣчательно, что какъ разъ въ такомъ же положеніи находился и Эдуардъ III. Онъ не допускалъ и мысли о томъ, чтобы Франціей могла управлять женщина, мать его, но въ тоже время онъ утверждалъ, что такъ какъ братья ея умерли, то она можетъ передать отцовское право своему собственному ребенку мужескаго пола. Есть и другія возраженія противъ права Эдуарда III, возникающія изъ того обстоятельства, что всѣ сыновья Филиппа Красиваго оставили послѣ себя дочерей—но изъ юридическихъ памятниковъ того времени легко усмотрѣть, что даже въ наслѣдованіи частной собственности

---

2) См. выше главу IV.

правила преемства, соблюдавшіяся въ такихъ обстоятельствахъ, отличались крайней неопредѣленностью.

Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что доводы Эдуарда III, приводимые имъ въ свою пользу, въ его время не считались столь неосновательными, какъ это утверждаютъ всѣ французскіе и нѣкоторые англійскіе историки, но что они отвѣчали нѣкоторымъ изъ тѣхъ идей о преемствѣ престоловъ и другихъ видахъ наслѣдованія, которыя являлись въ то время болѣе или менѣе распространенными. Какъ бы то ни было, но вопросъ этотъ, надо думать, все же представлялся сомнительнымъ; и въ самомъ дѣлѣ, въ 1316 году, послѣ смерти старшаго сына Филиппа Красиваго, Людовика X, оставившаго послѣ себя дочь, собраніе Нотаблей—которое нѣкоторыми принимается за собраніе Генеральныхъ Штатовъ — постановило, что французская корона должна переходить къ мужчинамъ и черезъ посредство однихъ мужчинъ. Такимъ образомъ возникъ юридическій вопросъ, рѣшеніе котораго вскорѣ же было предоставлено единственной юрисдикціи, которой онъ только и могъ быть разрѣшенъ: рѣшить его долженъ былъ мечъ. Считая отъ первыхъ активныхъ непріязненныхъ дѣйствій Эдуарда III и вплоть до окончанія англійскаго нашествія на Францію, предпринятаго Генрихомъ V, война между Англичанами и Французами — и все изъ-за вопроса о престолонаслѣдіи — продолжалась цѣлые сто двадцать лѣтъ; прервана она была только однажды, и то не на долго, открыто заключеннымъ миромъ. А эта столѣтняя война, какъ называютъ ее теперь историки, оставила по себѣ какъ бы по завѣщанію и какъ результатъ лютыхъ военныхъ правовъ того времени—порожденную ею кровавую борьбу, извѣстную подъ названіемъ Войнъ Алой и Бѣлой Розы, въ которой, сказать правду, символы воевавшихъ между собою королевскихъ домовъ — бѣлая роза и алая—для безпокойной и воинственной англійской знати ничѣмъ не отличались отъ голубыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ гипподрома, раздѣлявшихъ нѣкогда населеніе Константинополя, Новаго Рима, на бѣшеныя и мятежныя партіи. Англійскіе короли вплоть до начала настоящаго столѣтія носили титулъ королей французскихъ и въ своемъ гербѣ сохраняли французскія ли-

ліи. Въ неоднократныхъ переговорахъ между британскимъ правительствомъ и первой французской республикой, которые въ концѣ концевъ привели къ призрачному и скоротечному Амьенскому миру, вопросъ объ этомъ титулѣ и гербовыхъ украшеніяхъ—какъ это можно видѣть изъ бумагъ лорда Мальмсбюри — игралъ весьма важную роль.

Съ этимъ знаменитымъ споромъ между англійскими и французскими королями—споромъ, въ которомъ англійскій народъ сразу же принялъ живѣйшее участіе и въ которомъ народъ французскій впервые развилъ въ себѣ тотъ сильный національный духъ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался характеристичной чертою его—тѣсно связаны нѣкоторыя соображенія, которыя, на мой взглядъ, представляютъ столь существенный интересъ, что на нихъ слѣдуетъ остановиться поподробнѣе. Интересъ этотъ—отчасти литературный, отчасти археологическій; но до извѣстной степени онъ имѣетъ и практическій характеръ. Англичане признаютъ вполнѣ достаточнымъ обоснованіемъ правъ своего королевскаго дома—Актъ о Престолонаслѣдіи, который ограничиваетъ право преемства англійскаго престола потомками курфирстины Софіи Ганноверской. Но въ другихъ странахъ тѣ старинныя сомнѣнія, которыя породили собою столѣтнюю войну, до сихъ поръ еще сохранились настолько, что способны вліять и на практическую политику. Какъ я уже сказалъ, Капетингская династія продолжаетъ жить и по настоящее время въ потомкахъ мужескаго пола, унаслѣдовавшихъ свои права у мужчинъ, какъ и требовали этого отъ законнаго наслѣдника Нотабли Франціи, созванные въ 1316 году. Она обнимаетъ собою старшую линію французскихъ Бурбоновъ, представляемую графомъ Шамборомъ [3]), младшую линію, состоящую изъ принцевъ Орлеанскихъ, испанскихъ Бурбоновъ и происшедшихъ отъ нихъ Бурбоновъ итальянскихъ. Король Альфонсъ Испанскій — Бурбонъ по матери и отцу, но онъ—король по праву своей матери, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ это обстоятельство привело къ междоусобной войнѣ его съ двою-

---

[3]) Настоящее сочиненіе Мэна появилось весною 1883 года, т. е. когда графъ Шамборъ былъ еще живъ.—*Прим. пер.*

роднымъ братомъ, Донъ-Карлосомъ, который свои притязанія на испанскій престолъ основываетъ на прямомъ преемствѣ черезъ лицъ мужескаго пола. Споръ о правахъ между графомъ Шамборомъ и Орлеанскими принцами — иного рода и представляетъ собою болѣе новый типъ. Всѣ они — кровные Бурбоны; но та теорія верховной власти и управленія, которая извѣстна подъ названіемъ Легитимизма и которая до сихъ поръ не лишена значенія во французской и испанской политикѣ—имѣетъ своимъ конечнымъ основаніемъ признаніе извѣстнаго священнаго и непреложнаго права, регулирующаго наслѣдованіе престола и ставящаго его внѣ спора и выше народной санкціи. Вѣра въ существованіе такого права впервые проявилась въ спорѣ между Эдуардомъ III и Филиппомъ Валуа.

Это священное и непреложное право носитъ свое особое названіе. Какъ оно впервые было формулировано, его называютъ Салическимъ правомъ. Нельзя съ полной точностью сказать, когда именно впервые сложился взглядъ, что это право примѣнимо къ престолонаслѣдію, но уже вскорѣ послѣ начала столѣтней войны этотъ взглядъ является преобладающимъ какъ въ Англіи, такъ и во Франціи. Свѣдѣнія о томъ, какія воззрѣнія на Салическое право были заурядны въ Англіи сто или полтораста лѣтъ спустя послѣ окончанія столѣтней войны, мы можемъ найти въ «Генрихѣ V» Шекспира (актъ I, сцена 2-я), гдѣ англійскій аргументъ вложенъ въ уста архіепископа Кэнтерберійскаго. Онъ сводится къ тому, что̀ англійскіе юристы называютъ a plea in confession and avoidance. Имъ допускается существованіе королевскаго Салическаго закона, но отвергается примѣнимость его къ спору Эдуарда III съ Филиппомъ. Салическій законъ, точно также какъ и династія Капетинговъ, существуетъ до сихъ поръ, и мы можемъ видѣть тотъ самый параграфъ, въ силу котораго, какъ предполагаютъ, на Филиппа Валуа перешло право на французскій престолъ. Но какъ по отношенію къ французскому аргументу, такъ и по отношенію къ тому, который Шекспиръ заимствовалъ изъ англійскихъ хроникъ, можетъ быть выставлено одно существенное возраженіе. Салическое

право вовсе не имѣетъ въ виду престолонаслѣдія. Оно регулируетъ наслѣдованіе только частной собственности. Констатированіе этого безспорнаго факта, въ XVI вѣкѣ, вызвало во Франціи не мало смущенія и было своего рода скандаломъ. Монтескье въ XVIII вѣкѣ популяризировалъ это открытіе, а Вольтеръ неутомимо издѣвался надъ Салическимъ закономъ, говоря, будто онъ всегда думалъ, что законъ этотъ возвѣщенъ ангеломъ Фарамонду, первому Франкскому королю, и что написанъ онъ былъ перомъ, взятымъ изъ ангельскаго крыла. Салическое право лучше всего можетъ быть опредѣлено, какъ руководство къ праву и судебной процедурѣ для пользованія свободныхъ судей въ древнѣйшемъ и наиболѣе распространенномъ изъ всѣхъ организованныхъ тевтонскихъ судовъ, а именно въ судѣ Сотенномъ (Court of the Hundred): о королѣ оно упоминаетъ лишь постольку, поскольку королю принадлежитъ извѣстная власть въ судѣ. Въ прежнее время думали, что оно содержитъ въ себѣ указаніе на какую-то особенную землю, извѣстную подъ именемъ «Салической земли»; но новое англійское изданіе [4]) вполнѣ убѣдительно доказываетъ, что слово «Салическая» есть позднѣйшая вставка и что въ этой статьѣ рѣчь идетъ только объ общей системѣ наслѣдованія въ области частной земельной собственности.

Отсюда представляется весьма интереснымъ — изслѣдовать истинное происхожденіе этого знаменитаго правила, которое ошибочно считалось принадлежностью Салическаго кодекса и которое не только отстраняетъ женщинъ отъ престолонаслѣдія, но не допускаетъ къ королевской власти даже ближайшаго родственника мужескаго пола, опирающаго свои притязанія на родствѣ въ женской линіи. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ то время, о которомъ мы говоримъ, въ серединѣ XIV столѣтія, были извѣстны двѣ системы престолонаслѣдія и притомъ гораздо болѣе древнія, чѣмъ самые королевскіе дома какъ Англіи, такъ и Франціи. Одна изъ нихъ практиковалась у полу-варварскихъ племенъ европейской окраины; она

---

[4]) См. ниже гл. VI, стр. 129, примѣчаніе.

относится къ незапамятнымъ вѣкамъ и, какъ нѣкоторые думаютъ, почти столь же стара, какъ и самое человѣчество. Я уже назвалъ ее Tanistry — системой, въ которой взрослые члены племени выбираютъ себѣ начальника, при чемъ обыкновенно выборъ преемника производится при жизни правящаго главы и падаетъ почти всегда на его брата или ближайшаго взрослаго родственника мужескаго пола. Въ XIV столѣтіи примѣненіе этой системы ограничивалось такъ называемыми королями (kings) или начальниками (chiefs) той части Ирландіи, которая лежитъ по ту сторону англійскаго Pale; далекій отголосокъ той же системы находимъ мы въ легендѣ, послужившей канвою для трагедіи «Гамлетъ», гдѣ убитому королю наслѣдуетъ не сынъ его, а братъ, который право свое (согласно обычаю также весьма древнему) укрѣпляетъ бракомъ со вдовой своего предшественника. Самая память о Tanistry, вѣроятно, исчезла бы изъ Европы, если бы столѣтіемъ позднѣе эта система не сдѣлалась системой наслѣдованія когда-то наиболѣе славнаго престола, основаннаго съ завоеваніемъ Константинополя Оттоманскими Турками. Султанатъ слѣдовалъ этой системѣ престолонаслѣдія (брату наслѣдовалъ братъ), но послѣдніе слѣды народнаго избранія, если оно и существовало когда-либо у нихъ, были утрачены. Въ томъ видѣ, въ какомъ практикуютъ ее Турки, система эта положительно исключаетъ женщинъ, но она по всей вѣроятности исключала ихъ всегда, такъ какъ главная цѣль ея — обезпечить за населеніемъ въ лицѣ султана военнаго вождя зрѣлаго возраста.

Другой системой престолонаслѣдія, о которой я упоминалъ, является система наслѣдованія короны въ Священной Римской Имперіи—система, слѣды которой, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, можно встрѣтить и до сихъ поръ въ Германіи и Италіи. Въ основѣ ея также лежитъ избирательное начало, но право голоса въ выборѣ Императора путемъ постепенныхъ ограниченій сдѣлалось принадлежностью лишь извѣстнаго количества прелатовъ и принцевъ, бывшихъ когда-то высшими сановниками при императорскомъ дворѣ. Отъ одного изъ нихъ, который извѣстенъ подъ именемъ курфирста Ганноверскаго,

произошла англійская королевская династія. Избирательный характеръ Римской Имперіи по своему происхожденію можетъ быть поставленъ въ связь съ господствовавшимъ въ римскомъ войскѣ обыкновеніемъ—побѣдоноснаго полководца провозглашать «Императоромъ»; но со времени паденія Римской Республики императорское достоинство стало сосредоточиваться въ рукахъ опредѣленныхъ династій, и благодаря установившейся практикѣ выбирать новаго Цезаря еще при жизни стараго—самое наслѣдованіе стало очень опредѣленнымъ. Въ новѣйшей Священной Римской Имперіи преемникъ могъ быть избираемъ до смерти царствующаго Императора, подъ именемъ Короля Римскаго; и тотъ же самый результатъ былъ достигнутъ путемъ фактическаго сосредоточенія императорскаго достоинства въ рукахъ отдѣльныхъ династій, изъ которыхъ послѣдней является Австрійскій домъ. Германская Имперія, какъ непосредственная преемница Римской Имперіи, пала въ 1806 году; но въ наше время она возродилась снова, впрочемъ безъ возстановленія избительнаго характера ея, и императорское достоинство является наслѣдственнымъ въ Прусскомъ королевскомъ домѣ.

Такимъ образомъ въ то время, когда Франція и Англія вступали въ кровопролитную столѣтнюю войну, долженствовавшую опредѣлить положеніе женщины въ области престолонаслѣдія—въ Европѣ практиковались двѣ системы наслѣдованія, которыя одинаково не допускали женщинъ къ занятію престола. Одна не допускала ихъ къ самому величественному тропу Запада въ силу того, что онъ представлялъ собою первоначально достоинство, преподносимое тріумфатору-полководцу. Другая лишала ихъ доступа къ маленькому ирландскому верховенству потому, что начальникъ всю жизнь свою долженъ быть боевымъ человѣкомъ. Но въ монархіяхъ, лежащихъ между этими двумя крайними типами, тѣхъ монархіяхъ, которыя мы называемъ феодальными, не было опредѣленнаго правила, которое исключало бы женщинъ, а тѣмъ менѣе—ихъ дѣтей мужескаго пола. Стоитъ посмотрѣть только, что происходило въ Англіи за два столѣтія до Эдуарда III. Страну опустошала война между Императрицей Матильдой и Стефа-

номъ. Но притязанія Стефана на престолъ опирались не на происхожденіе отъ отца, а на происхожденіе отъ матери; Матильда же, сама женщина и вслѣдствіе этого встрѣтившая довольно слабое сопротивленіе со стороны англійскихъ бароновъ, передала сыну своему Генриху V уже безспорный титулъ на престолъ. Какимъ образомъ возникло такое различіе между странами столь сходными, какими являлись въ то время Франція и Англія—между монархіями, тогда еще не раздѣленными серебристой полосой моря, такъ какъ англійскіе короли со времени Норманскаго завоеванія правили болѣе или менѣе значительною частью Франціи, иногда даже наиболѣе богатыми провинціями ея—въ качествѣ вассаловъ французскаго короля, вассаловъ болѣе могущественныхъ, чѣмъ самъ сюзеренъ?

Постараюсь по возможности вкратцѣ намѣтить главнѣйшіе изъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ приводитъ насъ долгое, запутанное и трудное изслѣдованіе. Всѣ западно-европейскія монархіи, лежащія между двумя крайними типами — Римской Имперіей и племеннымъ верховенствомъ Ирландцевъ и Горныхъ Шотландцевъ, были (употребляя здѣсь слово, не вполнѣ выражающее ихъ характерныя черты) феодальныя монархіи. А изъ многаго, что можетъ быть сказано о системѣ, извѣстной намъ подъ названіемъ феодализма, наименьшее сомнѣніе представляетъ то, что она смѣшивала или отожествляла собственность и верховную политическую власть. Каждый помѣстный лордъ (Lord of the Manor) или сеньеръ являлся въ извѣстномъ смыслѣ королемъ. Каждый король, съ другой стороны, былъ не чѣмъ инымъ, какъ большимъ помѣстнымъ лордомъ. Это смѣшеніе тѣхъ понятій, которыя теперь раздѣляются, было неизвѣстно Римлянамъ временъ Имперіи, и въ западный міръ внесено было, такъ или иначе, варварами—завоевавшими провинціи Римской Имперіи. Если мы на время оставимъ безъ вниманія господствовавшія въ средѣ варваровъ идеи о главенствѣ и королевской власти — и обратимся къ изученію тѣхъ идей, которыя опредѣляютъ собою наслѣдованіе частной собственности, то найдемъ здѣсь ту же неопредѣленность и то же разнообразіе взглядовъ на право женщинъ въ

наслѣдованіи ея, какія мы замѣчаемъ и въ феодальныхъ монархіяхъ. Здѣсь мы вступаемъ въ область явленій, истинный смыслъ которыхъ вызываетъ - въ наше время сильные споры; но съ дальнѣйшимъ изложеніемъ согласятся, вѣроятно, всѣ. Историческія народности при первомъ своемъ появленіи въ исторіи стоятъ на той или близко къ той стадіи развитія, при которой счетъ родства опирается исключительно на происхожденіе отъ отца. Онѣ или находятся уже на этой ступени, или приближаются къ ней, или наконецъ удаляются отъ нея. Многія изъ этихъ племенъ, въ извѣстныхъ случаяхъ — вообще рѣдкихъ или очень отдаленныхъ по времени — предоставляютъ участіе въ наслѣдованіи и женщинамъ съ ихъ нисходящимъ потомствомъ; и для современныхъ изслѣдователей возникаетъ вопросъ, видѣть-ли въ такомъ положеніи женщинъ переживаніе отъ болѣе древняго варварскаго состоянія (нынѣ наблюдаемаго у дикарей), при которомъ родство считалось исключительно по женской линіи, или же это было продуктомъ разложенія, въ силу различныхъ вліяній, «агнатическаго» родства, т. е. родства исключительно по мужской линіи [5]). Положеніе женщинъ въ этихъ варварскихъ системахъ наслѣдованія разнообразится весьма сильно. Иногда онѣ наслѣдуютъ, каждая въ отдѣльности или всѣ вмѣстѣ, только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ мужчинъ того же поколѣнія. Иногда онѣ сами не наслѣдуютъ вовсе, а лишь передаютъ право наслѣдованія своему мужскому потомству. Иногда же, наконецъ, право участія ихъ въ наслѣдованіи ограничивается однимъ видомъ собственности, по большей части движимостью, въ производствѣ которой онѣ, вѣроятно, принимали большое участіе своимъ домашнимъ трудомъ; такъ, напр., въ дѣйствительномъ Салическомъ правѣ (а не въ вымышленномъ кодексѣ) есть рядъ правилъ о наслѣдованіи, которыя, на мой взглядъ, вполнѣ опредѣленно открываютъ женщинамъ и ихъ потомству доступъ къ участію въ наслѣдованіи движимой соб-

---

[5]) Я старался формулировать противоположныя теоріи такъ, какъ, по моему мнѣнію, выразилъ бы ихъ покойный Макъ-Леннанъ, оригинальные выводы котораго заставили каждаго, интересующагося вопросомъ, подвергнуть новому пересмотру собственныя свои воззрѣнія.

ственности, наслѣдованіе же въ земельной собственности ограничиваютъ исключительно мужчинами и ихъ прямыми потомками. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, чтобы въ томъ случаѣ, когда порядокъ наслѣдованія опредѣлялся по чисто «агнатической» системѣ родства, женщины оставались безъ всякаго имущественнаго обезпеченія. Ею признается, что надлежащимъ способомъ обезпеченія женщины является выдача ей приданаго; но разъ она бракомъ своимъ входитъ въ другую общину, состоящую изъ чужихъ по крови лицъ, то ни она, ни дѣти ея не имѣютъ уже никакого права на дальнѣйшее участіе въ наслѣдованіи принадлежащей ея прежней семьѣ собственности.

Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что въ средѣ смѣшанной массы варваровъ арійскаго происхожденія, занявшихъ западную и южную Европу, въ области наслѣдованія собственности господствовали самыя разнообразныя понятія. Одни совершенно исключали потомство по женской линіи, другія допускали его къ наслѣдованію лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Происхожденіе споровъ о правѣ наслѣдованія въ феодальныхъ монархіяхъ я, такимъ образомъ, объясняю различіями во взглядахъ на наслѣдованіе собственности, но лишь постольку, поскольку эти взгляды были перенесены подъ вліяніемъ феодализма и въ область престолонаслѣдія [6]). Они являлись позднимъ переживаніемъ очень древнихъ различій во взглядахъ, которые господствовали среди варварскихъ обществъ, нынѣ обозначаемыхъ однимъ общимъ терминомъ — «завоевателей Запада» (conquerors of the West). Притязанія Эдуарда III на французскую корону были бы встрѣчены съ

[6]) Наиболѣе распространеннымъ феодальнымъ правиломъ о наслѣдованіи феодовъ является то, которое находимъ въ Кутюмахъ Нормандіи; но составитель ихъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ такими лицами, приводитъ въ объясненіе его причины чисто феодальнаго характера. Такъ, указавъ, что правило, воспрещающее одному единоутробному брату наслѣдовать послѣ другаго (*cum a parentibus suis non descendit*), подлежитъ исключенію въ томъ случаѣ, когда феодъ передается отъ матери, онъ прибавляетъ: «*procreati autem ex feminarum linea, vel feminae successionem non retinent dum aliquis remanserit de genere masculorum*».

полнымъ сочувствіемъ, какъ право на законную собственность, тѣми древнѣйшими браминами—юристами, которые составили индусскіе юридическіе трактаты, ошибочно называемые въ средѣ западныхъ ученыхъ кодексами.

Изъ всего вышеизложеннаго, такимъ образомъ, слѣдуетъ, что вопросъ, какъ онъ представляется мнѣ, заключается не въ томъ—почему Эдуардъ III англійскій, сынъ Капетингской принцессы, явился претендентомъ на французскую корону послѣ смерти троихъ дядей безъ мужскаго потомства, но скорѣе въ томъ—почему правящіе классы провинцій, составлявшихъ тогдашнюю Францію, были такъ твердо убѣждены въ томъ, что царствовать надъ ними по праву можетъ никто другой, какъ только мужчина, ведущій свое происхожденіе по мужской же линіи отъ основателя королевскаго дома? Я думаю, что можно найти объясненіе этому твердому убѣжденію, изъ за котораго Французы того времени такъ храбро сражались. Вотъ оно. Въ королевской династіи, основателемъ которой является Гуго Капетъ, есть нѣкоторыя особенности, если и не единственныя въ своемъ родѣ, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно рѣдкія. Капетингскій родъ (или, какъ назвали бы его въ Индіи, нераздѣльная семья), родъ, состоящій изъ мужскихъ потомковъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ основателя всецѣло по мужской линіи, продолжаетъ существовать до сихъ поръ, хотя со смерти Гуго Капета прошло не менѣе 900 лѣтъ, и къ тому же онъ не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ истощенія. Въ теченіе столь продолжительнаго періода времени нѣсколько разъ родъ Капетинговъ, казалось, угасалъ. Два раза царствующая линія заканчивалась тремя королями, не имѣвшими дѣтей мужескаго пола. Прямые потомки Гуго Капета, какъ мы уже говорили, вымерли въ 1328 году. Вслѣдъ за тѣмъ корона перешла къ Валуа, но и эта линія также заканчивалась тремя братьями, не имѣвшими законныхъ дѣтей ни мужескаго, ни женскаго пола—Францискомъ II, Карломъ IX и Генрихомъ III. Но плодовитость младшей линіи всегда выкупала угасаніе старшей, и по смерти Генриха III мѣсто его занялъ Генрихъ Наварскій, точно также какъ Валуа занялъ мѣсто нисходящаго по прямой линіи отъ Гуго Капета.

То же явленіе—что угасаніе старшей линіи возмѣщается плодовитостью младшей—повидимому, продолжаетъ держаться и до сихъ поръ. Изъ Бурбоновъ, происходящихъ отъ Генриха Наварскаго, линія Конде угасла почти уже въ наше время. Старшая линія того же дома, повидимому, тоже закончится со смертью бездѣтнаго принца, Шамбора, а старшая отрасль Испанскаго дома продолжается лишь по женской линіи. Но младшія линіи всѣхъ Бурбонскихъ домовъ до сихъ поръ отличаются своей плодовитостью; представителями ихъ являются во Франціи принцы Орлеанскіе, въ Италіи — Бурбонскіе принцы, и въ Испаніи принцы, происходящіе отъ перваго Донъ-Карлоса. Всѣ эти принцы представляютъ собою мужеское потомство, ведущее свое происхожденіе исключительно по мужской же линіи отъ Гуго Капета, который, какъ я уже говорилъ, умеръ почти 900 лѣтъ тому назадъ.

Эти факты, быть можетъ, и не безпримѣрны, но во всякомъ случаѣ они далеко не заурядны и въ высшей степени замѣчательны. Чрезвычайная рѣдкость ихъ не столь очевидна для Англичанъ вслѣдствіе присущей имъ привычки говорить въ самомъ широкомъ смыслѣ о «семьяхъ, пришедшихъ съ Вильгельмомъ Завоевателемъ», и обыкновенія вести родословную безразлично—по мужской и женской линіямъ. Безспорно, существуютъ и болѣе длинныя генеалогіи, которыя составляютъ предметъ вѣры. Наиболѣе знаменитая изъ нихъ, генеалогія дома Давида длиннѣе, но въ то время цари Іудейскіе были многоженцами, а полигамія, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и приводитъ къ безплодію, имѣетъ иногда своимъ результатомъ оставленіе громадныхъ семей въ родѣ той, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ оставлена была Шахомъ Персидскимъ и заключала въ себѣ восемьдесятъ сыновей. Въ Индіи находимъ еще болѣе длинныя родословныя: тамъ есть царьки, ведущіе свое происхожденіе отъ Солнца и Луны. Но едва ли надо и говорить о томъ, что наиболѣе древнія имена въ этихъ генеалогическихъ древахъ принадлежатъ легендарнымъ лицамъ, притомъ же въ системѣ наслѣдованія, которая подобно большинству Индускихъ системъ дозволяетъ усыновленіе, едва ли возможно быть увѣреннымъ въ безусловной непрерывности мужскихъ линій.

Впрочемъ, я и не настаиваю на невозможности такихъ длинныхъ генеалогій, а указываю только на ихъ рѣдкость. Говорятъ, что почти столь же длинныя и притомъ подлинныя родословныя можно найти среди англійской джэнтри, но всякій легко можетъ убѣдиться въ томъ, что въ англійской знати длинное преемство мужскихъ потомковъ попадается очень рѣдко, хотя и встрѣчаются исключительныя явленія, изъ которыхъ особенно замѣчательнымъ представляется фамилія Стэнли (Stanleys).

Но какъ бы ни была исключительна и поразительна эта особенность въ фамильной исторіи Копетинговъ, домъ ихъ представлялъ собою въ XIV столѣтіи явленіе еще болѣе рѣдкое и еще болѣе поразительное. Короли, происходившіе отъ Гуго Капета, наслѣдовали другъ другу—сынъ отцу и братъ брату—въ теченіе болѣе 300 лѣтъ. За все это время не было ни одного случая, гдѣ корона перешла бы къ отдаленному боковому родственнику—дядѣ или дѣду или двоюродному брату. Въ необычайности такого преемства мы легко можемъ убѣдиться, приложивъ къ этому явленію самую простую мѣрку. Возьмемъ полдюжины выдающихся личностей, жившихъ сто лѣтъ тому назадъ, выдающихся въ любомъ отношеніи—государственныхъ ли дѣятелей, писателей или просто лицъ простаго происхожденія—и мы найдемъ, что въ настоящее время потомковъ по мужской линіи у нихъ мало, хотя потомковъ по женской линіи у нихъ, можетъ быть, и много. Восходя еще за два столѣтія, мы замѣтимъ, что немногочисленность мужскаго потомства по мужской линіи отъ выдающихся людей еще больше, а обратившись за триста лѣтъ тому назадъ, найдемъ эту немногочисленность уже совсѣмъ поразительной, экстраординарной. [7]) Вопросъ этотъ принадле-

---

[7]) Вопросъ о дворянскихъ родословныхъ обстоятельно изслѣдованъ м-ромъ Гейвордомъ (Heyward) въ чрезвычайно интересной статьѣ—«Англійское, Шотландское, Ирландское и Континентальное дворянство»—составляющей третью серію его «*Біографическихъ и критическихъ опытовъ*». См. стр. 260. «Просматривая родословныя англійскихъ знаменитостей, положительно изумляешься, какъ ничтожная доля ихъ имѣетъ прямыхъ потомковъ по мужской линіи».

житъ собственно къ той изъ вѣтвей такъ называемой теоріи наслѣдственности, которая до сихъ поръ еще не вполнѣ излѣдована и обсуждать которую было бы здѣсь неумѣстно. Я думаю, однако, что не будетъ черезчуръ смѣлымъ принять за общее положеніе, что чѣмъ болѣе замѣчателенъ основатель неполигамической семьи, тѣмъ сильнѣе въ этой семьѣ обнаруживается, вообще, тенденція продолжаться (если только она продолжается) по прямой линіи черезъ женщинъ; и что вѣрнѣйшимъ залогомъ чистой родословной по мужской линіи является сравнительная, если не положительная заурядность основателя рода. Правило это, конечно, лишь приблизительно вѣрное, и примѣръ Капетингской династіи достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что оно допускаетъ исключенія. Въ то же время о жизни первыхъ Капетинговъ не слѣдуетъ судить по блеску послѣднихъ французскихъ королей. Они были сравнительно бѣдны и мало чѣмъ выдавались, такъ что въ теченіе долгаго времени они не могли подняться до уровня даже самаго скромнаго изъ ихъ номинальныхъ вассаловъ.

Вотъ въ чемъ, думается мнѣ, лежитъ истинный ключъ къ пониманію такъ называемаго Салическаго правила наслѣдованія. Нѣтъ ничего необыкновеннаго, даже и теперь, въ склонности многихъ людей думать, что̀ все то, противнаго чему они не знаютъ или не припомнятъ, существовало испоконъ вѣка и должно будетъ существовать вѣчно. Но въ тотъ вѣкъ, когда историческаго знанія почти-что не было вовсе и когда масса людей жила изо-дня въ день, подобная склонность ума должна была быть еще несравненно сильнѣе; и мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что на человѣческіе умы способенъ былъ оказать сильное впечатлѣніе непрерывный рядъ мужскихъ преемствъ во французской королевской семьѣ, который даже для насъ представляетъ поразительное явленіе. Во Франціи—разсуждали, вѣроятно, они—на престолѣ являлся постоянно король, сынъ короля. Не было ни одного случая призыва къ трону бокового родственника, а тѣмъ менѣе родственника по женской линіи. Среди всеобщихъ колебаній и измѣненій въ области идей о престолонаслѣдіи французское право во всякомъ случаѣ должно было казаться устойчивымъ. А при на-

личности такихъ предвзятыхъ взглядовъ у Французовъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они еще болѣе укрѣпились въ нихъ подъ вліяніемъ того постановленія дѣйствительнаго Салическаго права, которое гласитъ, что земля—или, какъ читали прежде, Салическая земля—должна переходить только отъ мужчинъ къ мужчинамъ.

Мнимое Салическое правило, не допускающее къ престолонаслѣдію женщинъ и ихъ потомство, было съ теченіемъ времени принято во многихъ изъ тѣхъ странъ, въ которыхъ прежде женщины допускались къ наслѣдованію престола. Въ государствахъ конституціонныхъ женскіе наслѣдованія всегда были обычны; и весьма недавно въ Испаніи и Португаліи установленіе конституціоннаго правленія совпало съ уничтоженіемъ правила, не допускавшаго женщинъ къ престолонаслѣдію. Испанская монархія состояла изъ провинцій, въ большей части которыхъ престолѣ могъ быть занимаемъ женщиной, но когда испанская корона перешла къ младшей линіи Бурбоновъ, они ввели такъ называемое Салическое правило. Эта система наслѣдованія считается целесообразной повсюду, гдѣ (будетъ ли то конституціонное государство, или нѣтъ) суверену принадлежитъ широкая власть. Такъ, престолонаслѣдіе Германской Имперіи, совокупно съ Прусскимъ королевствомъ, въ настоящее время является Салическимъ; въ Россіи, гдѣ прежде господствовалъ весьма своеобразный порядокъ престолонаслѣдія, при которомъ обычнымъ явленіемъ былъ переходъ престола отъ покойнаго Императора къ его вдовѣ, впервые при Павлѣ I установленъ былъ исключительный переходъ короны въ мужской линіи.

То объясненіе, которое даютъ французскіе историки знаменитому правилу, впервые установившемуся въ ихъ странѣ, вовсе не имѣетъ въ виду соображеній удобства. Они говорятъ, что исключеніе женщинъ и ихъ потомства изъ престолонаслѣдія явилось результатомъ національнаго патріотизма Французовъ. При отсутствіи этого принципа французскимъ королемъ могъ бы явиться Англичанинъ, или Нѣмецъ, или Испанецъ, смотря по національности мужа его матери, а это было противно національному духу Франціи, который

будто бы безусловно требовалъ, чтобы королемъ былъ непремѣнно Французъ. Но это объясненіе представляетъ собою ошибку, весьма нерѣдко встрѣчающуюся въ философіи исторіи—ошибку, состоящую въ принятіи слѣдствія за причину. Не національный духъ французовъ создалъ Салическое правило, а Салическое правило оказало большое вліяніе на выработку французскаго національнаго духа. Ни одна страна въ дѣлѣ своего объединенія не была первоначально обязана столь сильно, какъ Франція — случаю и благопріятному сочетанію обстоятельствъ. Представляя собою первоначально маленькую территорію, центромъ которой являлся Парижъ, Франція мало-помалу соединила въ себѣ одну провинцію за другою — благодаря отчасти феодальнымъ конфискаціямъ, брачнымъ союзамъ въ средѣ отдѣльныхъ королевскихъ домовъ, отчасти же вслѣдствіе вымиранія подвластныхъ королю вассаловъ. Но благодаря Салическому правилу король всегда являлся сердцемъ и душею монархіи. Англійскій король, впервые присоединившій Ирландію, былъ французъ по происхожденію. Королемъ Англіи, присоединившимъ къ ней Шотландію, былъ шотландецъ. Но французскіе короли, начиная отъ перваго и вплоть до послѣдняго, и по рожденію, и по воспитанію своему были французы. Одна и та же характерная черта можетъ быть подмѣчена во всемъ длинномъ рядѣ французскихъ королей, за единственнымъ, быть можетъ, исключеніемъ того несчастнаго принца, которымъ закончилась династія въ прошломъ столѣтіи. Всѣ силы французскихъ королей были направлены на то, чтобы каждое новое пріобрѣтеніе короны поставить въ политическую и соціальную связь съ первоначальнымъ ядромъ королевства. Такимъ путемъ создался французскій національный духъ, присущія имъ любовь къ единству и склонность къ централизаціи. Отличающая французовъ несомнѣнная способность — поглощать въ себя и своимъ національнымъ духомъ пропитывать всѣ соединенныя съ нею народности — приписывается французской революціи; на самомъ же дѣлѣ она гораздо древнѣе и на развитіе ея значительное вліяніе оказало именно Салическое правило престолонаслѣдія.

ГЛАВА VI.

Король въ его отношеніи къ древнѣйшему гражданскому правосудію.

Всякій разъ, когда въ памятникахъ очень древнихъ обществъ, принадлежащихъ къ тѣмъ расамъ, съ которыми мы имѣемъ нѣкоторое родство, мы встрѣчаемъ личность, аналогичную тому, кого у насъ называютъ «король»—мы видимъ, что постоянно съ нею связывается отправленіе правосудія. Но король обыкновенно является не только судьею: почти всегда онъ—полководецъ или военачальникъ, повсюду — онъ жрецъ и жрецъ верховный. Какъ бы то ни было, онъ въ рѣдкихъ случаяхъ не является судьею, хотя отношеніе его къ правосудію представляется и не вполнѣ сходнымъ съ тѣмъ, какое имѣемъ о немъ мы.

Тѣ примѣры этого явленія, которые я приведу, представляются лишь немногими изъ массы. Наиболѣе древними памятниками юриспруденціи должны быть признаны, конечно, памятники Индусовъ, изъ которыхъ одинъ уже давно пріобрѣлъ среди европейцевъ широкую извѣстность подъ названіемъ Кодекса Ману. Съ теченіемъ времени найдено было еще много подобныхъ ему сборниковъ древнихъ индусскихъ юридическихъ правилъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были переведены; но слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ изъ этихъ сборниковъ не заслуживаетъ названія Кодекса. На самомъ дѣлѣ это—книги смѣшаннаго юридическаго и богословскаго содержанія, руководства, употреблявшіяся индусскими браминами въ древнихъ юридическихъ школахъ, гдѣ предметы, составлявшіе

содержаніе этихъ сборниковъ, преподавались сначала устно и сохранялись путемъ преданія; на бумагу же они были занесены лишь въ сравнительно недавнее время. Въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, они являются, къ тому же, результатомъ своего рода литературной эволюціи. Первоначальные трактаты, или скорѣе учебныя руководства (bodies of learning), касаются всего божественнаго и человѣческаго (разсматривая, несомнѣнно, и послѣднее съ чисто богословской точки зрѣнія); но мало-по-малу различныя отрасли этого знанія стали спеціализироваться, и наконецъ изъ общей массы были выдѣлены трактаты, имѣющіе дѣло главнымъ образомъ съ правомъ или правомъ, смѣшаннымъ съ религіознымъ ритуаломъ. Въ этихъ древнихъ юридическихъ книгахъ, поскольку онѣ являются таковыми, уже признается царская власть. Царь возсѣдаетъ на престолѣ правосудія. Передъ нимъ—книга закона. Ученые брамины являются его помощниками. Такого рода представленія, подобно многому другому изъ незапамятныхъ временъ, все еще продолжаютъ держаться въ Индіи. У одного англичанина, занимающаго высокое служебное положеніе въ Индіи, есть пріятель — туземецъ, который всю жизнь свою посвятилъ изготовленію новой книги Ману. Онъ, однако, не ожидаетъ да и не заботится о томъ, чтобы его сборникъ былъ введенъ въ дѣйствіе съ помощью столь презрѣнной силы, какою является въ его глазахъ британская законодательная власть, не болѣе вѣка тому назадъ получившая свои полномочія отъ какого-то Парламентскаго Акта. Онъ ждетъ, пока явится въ Индіи царь, который будетъ служить Богу и который, сидя въ своемъ судѣ, приметъ законъ изъ рукъ новаго Ману.

То же самое явленіе найдемъ мы и тогда, когда отъ дальняго Востока перейдемъ къ крайнему Западу и отъ восточной вѣтви индо-европейской или арійской расы обратимся къ западной—отъ Индіи къ Ирландіи. Древнее ирландское право извѣстно подъ названіемъ Brehon Law, такъ какъ, по преданію, оно было возвѣщено брегонами, которые въ дѣйствительности являются приблизительно тѣмъ же, что и индусскіе брамины; при чемъ нѣкоторыя характерныя черты ихъ видоизмѣнились, и брегоны не отличались вовсе жреческимъ авторитетомъ, что

слѣдуетъ приписать вліянію христіанства. Здѣсь мы также находимъ, что великими брегонами являются короли и ихъ сыновья: встрѣчаемъ то же у основное правило, по которому хотя король и есть судья, однако ему вполнѣ приличествуетъ имѣть, въ качествѣ помощника, профессіональнаго юриста. Между древнимъ индусскимъ и древнимъ ирландскимъ правомъ есть много поразительно общаго, часто тамъ, гдѣ и не ожидаешь, и однимъ изъ образчиковъ этого сходства являются общія имъ обоимъ и указанныя уже нами особенности организаціи органовъ правосудія.

Древніе индусскіе юристы претендовали на происхожденіе отъ сверхъестественныхъ существъ, занимающихъ второе послѣ боговъ мѣсто. Древніе же ирландскіе юристы говорили, что первый изъ ихъ сословія былъ ученикомъ Моисея въ пустынѣ. Строй понятій, представляемыхъ обѣими системами, относится къ сравнительно болѣе позднему времени, чѣмъ тотъ, который мы можемъ прослѣдить въ поэмахъ, приписываемыхъ Гомеру. Здѣсь мы видимъ индусское и ирландское представленіе о судѣ въ его еще неразвитой формѣ. Гомеровскій царь занятъ главнымъ образомъ боевымъ дѣломъ. Но онъ также и судья, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что у него нѣтъ помощниковъ. Приговоры его складываются въ немъ путемъ непосредственныхъ божественныхъ велѣній свыше. Эти сентенціи, или θέμιστες — слово однозначущее съ тевтонскимъ «dooms»—заимствовались, безъ сомнѣнія, изъ прежде существовавшихъ обычаевъ и обыкновеній, но въ нихъ видѣли какъ бы плодъ собственнаго размышленія царя или божественнаго вдохновенія. Очевидно лишь позднѣйшимъ развитіемъ этого же воззрѣнія является то, когда вдохновеніе проистекаетъ отъ ученаго юриста или заимствуется изъ какого-нибудь авторитетнаго юридическаго трактата.

Остановлюсь еще на одномъ случаѣ того же, знакомаго всѣмъ намъ явленія. Еврейскіе судьи представляютъ собою древнюю форму царскаго достоинства. Разсказанные о нихъ въ священной «Книгѣ Судей» подвиги указываютъ на нихъ главнымъ образомъ какъ на героевъ, появлявшихся въ моменты народныхъ бѣдствій; но независимо отъ этимологіи

того слова, которое служило къ ихъ обозначенію, они очевидно являются представителями закона и администраторами правосудія. Пророчица Девора, которая причисляется къ нимъ, судила Израильтянъ. Она пребывала на горѣ Эфраимъ подъ пальмовымъ деревомъ, и всѣ Израильтяне приходили къ ней туда на судъ. Илій, предпослѣдній изъ Судей, впродолженіе сорока лѣтъ судилъ Израильтянъ, а послѣдній изъ нихъ, Самуилъ, прямо указываетъ на свой престарѣлый возрастъ, какъ на залогъ чистоты своихъ приговоровъ. Съ другой стороны, упадокъ системы видѣнъ въ томъ, что сыновья Илія открыто обвиняются въ злоупотребленіи властью, а сыновья Самуила—въ подкупности. Вслѣдъ за тѣмъ развилась новая, болѣе зрѣлая форма царской власти: въ Саулѣ и Давидѣ наиболѣе рѣзко выступаютъ уже военныя обязанности царя, между тѣмъ какъ въ Соломонѣ снова на первый планъ выдвигается авторитетъ судьи.

На нѣкоторыхъ изъ этихъ древнихъ идей о правосудіи необходимо остановиться поподробнѣе въ виду того великаго значенія, какое имѣли онѣ для человѣчества. Въ тѣ отдаленныя времена—какъ бы ни было прочно организовано отправленіе правосудія, хотя бы даже и существовала цѣлая система органовъ суда, конкуррирующихъ съ юрисдикціей царя и вполнѣ отъ него независимыхъ, хотя бы даже все право или нѣкоторая часть его и являлась въ письменномъ изложеніи—въ лицѣ царя всегда однако признавалось то, что можетъ быть названо дополнительной юрисдикціей. Законъ, какъ бы хорошо ни примѣнялся онъ, никогда не считался вполнѣ совершеннымъ: для своего восполненія и исправленія онъ всегда нуждался въ авторитетѣ царской власти. Подобно тому какъ, согласно новѣйшимъ понятіямъ о юриспруденціи, всякій отдѣлъ права могъ бы сдѣлаться орудіемъ жестокаго угнетенія, если бы для своевременнаго исправленія его не имѣлось законодательной власти — точно такъ же и та устойчивость незапамятныхъ обычаевъ, которой характеризуются наиболѣе отдаленныя времена, не исключала возможности исправлять обычаи при посредствѣ царскаго авторитета. Именно этому признанію дополнительной судебной власти, олицетворявшейся

въ королѣ, обязаны Англичане нѣкоторыми весьма цѣнными отдѣлами своей юриспруденціи; какъ, напр., такъ называемой Equity (справедливость) канцлерскаго суда; ему же могутъ быть приписаны и нѣкоторыя другія менѣе славныя учрежденія, какъ, напр., прежній судъ Звѣздной Палаты [1]), которая явилась результатомъ несвоевременнаго и непопулярнаго проявленія королевской власти. Но это еще далеко не все, чѣмъ обязана значительная часть человѣчества этимъ древнимъ понятіямъ. Въ настоящее время фактически двѣ системы права раздѣляютъ между собою весь цивилизованный міръ. Одна изъ нихъ—англійское право, которое примѣняютъ почти всѣ говорящіе англійскимъ языкомъ народы, а именно: сами Англичане, всѣ ими самими основанныя колоніи, всѣ сѣверные и центральные Штаты Американскаго Союза, а также все болѣе и болѣе наростающіе милліоны индусскаго населенія. Другая система—римское право, проявляется ли оно въ формѣ того, что Англичане называютъ common law (общимъ правомъ), какъ въ Германіи, или же является съ нѣкоторыми отклоненіями, какъ во французскомъ Гражданскомъ Кодексѣ и тѣхъ кодексахъ, которые произошли отъ него. Первоначальное мѣстное право древняго Рима не заслуживало, однако, такой славной участи. Оно представляло собою грубую систему техническаго и торжественно-обрядоваго права, принадлежащую къ общему и легко распознаваемому типу. Но именно благодаря той дополнительной царской власти, о которой я говорю, оно подверглось полному перерожденію. Судебныя правомочія царей древняго Рима, этихъ не ясно выступающихъ и полулегендарныхъ личностей, съ установленіемъ Римской Республики переходятъ къ магистрату, извѣстному подъ именемъ Претора; и прежняя вѣра въ божественное или полу-божественное вдохновеніе, диктовавшее древнему царю его судебные приговоры, мало-по-малу превратилась въ то убѣжденіе, сначала религіознаго характера, а затѣмъ философско-теоре-

---

[1]) Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Судъ Звѣздной Палаты существовалъ гораздо ранѣе изданія статутовъ, регулирующихъ его дѣятельность, 3 Генрихъ VII. гл. I, и 21 Генрихъ VIII. гл. 20.

тическое, которое и руководило позднѣйшимъ Преторомъ. Огюстъ Контъ могъ бы указать на эту перемѣну, какъ на иллюстрацію перехода концепціи теологической въ метафизическую. То, что распространилось по значительной части современнаго міра, есть не первоначальное грубое римское право, а римское право, прошедшее черезъ горнило юрисдикціи Претора и имъ мало-по-малу приведенное въ соотвѣтствіе съ правомъ естественнымъ. Такимъ образомъ происхожденіе того правоваго кодекса, который нѣкоторыя изъ наиболѣе цивилизованныхъ обществъ считаютъ совершенствомъ разума и о которомъ континентальные юристы отзываются, по мнѣнію Англичанъ, съ черезчуръ излишней похвалой — слѣдуетъ искать въ очень древнемъ убѣжденіи, что право, обычай и судъ подлежатъ, необходимо и естественно, исправленію при посредствѣ верховной власти царя.

Я, однако, думаю говорить не столько о древнихъ царяхъ вообще, сколько именно о древнѣйшемъ Тевтонскомъ или Германскомъ королѣ и объ отношеніи его къ гражданскому правосудію. У королевы англійской Викторіи течетъ въ жилахъ кровь Цердика Вессекскаго, того жестокаго Тевтонскаго вождя, изъ власти котораго выросло англійское королевское достоинство; и въ извѣстномъ смыслѣ она—наиболѣе чистая представительница Тевтонской королевской власти, такъ какъ англійскія учрежденія никогда не подвергались такой ломкѣ, какую испытали на себѣ учрежденія другихъ германскихъ обществъ подъ всепоглощающимъ вліяніемъ римскаго права и римскихъ юридическихъ идей.

Но хотя это и справедливо, нѣтъ однако ни одной страны, древнѣйшая юридическая исторія которой представлялась бы намъ въ такомъ неясномъ свѣтѣ, какъ Англіи—не смотря на все то, что въ послѣднее время сдѣлано въ этомъ отношеніи англійской и германской наукой. Къ счастью, для изученія древнѣйшихъ отношеній германскаго короля къ правосудію мы можемъ обратиться къ памятнику древняго тевтонскаго права—памятнику, который относится къ тому времени, когда ютландскіе и фрисландскіе пираты принялись за ниспроверженіе римской провинціальной администраціи на

Британскомъ островѣ. Памятникъ этотъ—Салическое Право, древнѣйшій изъ тевтонскихъ кодексовъ, изображающій картину древнѣйшихъ германскихъ учрежденій, составленную, притомъ же, Германцемъ. Современные ученые приблизительно согласны въ томъ, что кодексъ этотъ относится къ V вѣку по Р. Х. и что къ изготовленію его было приступлено подъ вліяніемъ знаменитой кодификаціи римскаго права Императоромъ Ѳеодосіемъ II. Ничего нѣтъ болѣе страннаго, какъ столь долго и столь упорно державшееся въ Европѣ заблужденіе, будто Салическое право есть система правилъ, или по крайней мѣрѣ что оно заключаетъ въ себѣ рядъ правилъ, регулирующихъ порядокъ наслѣдованія престоловъ и коронъ. На самомъ же дѣлѣ въ немъ трактуется о болѣе обыденныхъ предметахъ. Оно касается повседневной жизни людей, принадлажавшихъ къ конфедераціи тѣхъ германскихъ племенъ, которыя (не вполнѣ извѣстно, почему) получили названіе Салическихъ Франковъ. Въ немъ говорится о воровствѣ и насиліяхъ, о рогатомъ скотѣ, о свиньяхъ, пчелахъ и всего болѣе о той торжественной и сложной процедурѣ, которую долженъ былъ соблюсти каждый, желавшій наказать зло и отстоять правду. Его гораздо вѣрнѣе было бы назвать руководствомъ къ праву и судебной процедурѣ, составленнымъ въ видѣ пособія для свободныхъ судей древняго тевтонскаго суда — Сотеннаго. Оно написано стилемъ, представляющимъ собою, по всей вѣроятности, точное отраженіе того латинскаго языка, какимъ говорили Германцы V столѣтія. Въ нѣкоторыхъ спискахъ его имѣются написанныя на очень древнемъ тевтонскомъ діалектѣ междустрочныя замѣчанія, которыя подъ названіемъ Мальбергской Глоссы до сихъ поръ возбуждаютъ среди филологовъ сильнѣйшій интересъ. О короляхъ въ немъ говорится лишь постольку, поскольку король имѣетъ отношеніе къ отправленію правосудія. То знаменитое мѣсто въ Салическомъ кодексѣ, которое вызывало нѣкогда кровопролитныя европейскія войны, которое послужило поводомъ къ столѣтней войнѣ между Англіей и Франціей и которое до сихъ поръ является основнымъ положеніемъ политической теоріи, извѣстной подъ именемъ Легитимизма—представляетъ собою

въ сущности не что иное, какъ правило наслѣдованія поземельной собственности. [2])

Этотъ Сотенный Судъ, примѣнявшій Салическое право среди Салическихъ Франковъ, былъ у германскихъ племенъ наиболѣе древнимъ изъ организованныхъ судовъ. Были у нихъ, по всей вѣроятности, и болѣе ранніе, «естественные» доисторическіе суды, въ родѣ собраній (или moots) нѣсколькихъ сельскихъ общинъ, но Сотенный Судъ явился результатомъ уже сознательнаго стремленія устранить насиліе и кровопролитіе; и, какъ кажется, онъ представляетъ собою явленіе общее всѣмъ германскимъ племенамъ. Въ Англіи отъ него сохранился территоріальный терминъ—сотня (Hundred) или (какъ называли ее на сѣверѣ) Wapentake; многія изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ когда-то на открытомъ воздухѣ происходили ея собранія, перечислены въ чрезвычайно интересномъ сочиненіи Гомме (Gomme) о «Первобытныхъ народныхъ собраніяхъ». Особенно много ихъ—въ Норфолькѣ и въ восточной Англіи. Въ Англіи, впрочемъ, Сотенный Судъ былъ учрежденіемъ, не отличавшимся большою жизненностью, такъ какъ одна часть его правомочій, повидимому уже очень рано, перешла къ болѣе широкому судебному органу, извѣстному подъ названіемъ County или Shire Court (судъ графства), между тѣмъ какъ другая часть ихъ снова отошла къ деревенскимъ общинамъ въ новомъ ихъ видѣ—въ видѣ помѣстій (Manors).

Сотенный Судъ, какимъ онъ является въ Салическомъ правѣ, на первый взглядъ имѣетъ видъ чисто народнаго трибунала, до котораго королевской власти нѣтъ никакого дѣла. Въ составъ судей входятъ всѣ свободные люди, живущіе въ предѣлахъ сотни. Президентъ избирается и носитъ названіе Thunginus или Thingman. Для общей характеристики Сотеннаго Суда я ограничусь однимъ лишь указаніемъ, а именно что онъ чрезвычайно техниченъ и представляетъ собою вполнѣ убѣдительное доказательство того, что юридическая техника есть

---

[2]) *De terra (Salicâ) in mulierem nulla portio hereditatis transit*, и т. д. Слово «Salica» есть, очевидно, вставка, какъ это сразу же видно изъ сопоставленія манускриптовъ, сдѣланнаго въ роскошномъ изданіи *Lex Salica* г.г. Кернъ и Гессельсъ. (Лондонъ: Муррей, 1880). 379. и сл.

признакъ скорѣе не зрѣлаго, а младенческаго состоянія общества. Въ немъ есть, впрочемъ, одна замѣчательная особенность: онъ не могъ вынуждать повиновенія рѣшеніямъ своимъ потѣмъ весьма многочисленнымъ процессамъ, которые основывались на договорѣ или владѣніи. Отсюда можно предположить, что въ болѣе ранній періодъ это странное безсиліе къ выполненію того, что намъ кажется наиболѣе отличительной изъ функцій судебнаго трибунала, имѣло мѣсто по отношенію ко всѣмъ постановленіямъ Сотеннаго Суда, чего бы они ни касались. Объясненіе этому явленію кроется, какъ кажется, въ томъ, что наиболѣе древніе изъ искуственно созданныхъ судовъ постановляли одни третейскіе приговоры. Задача ихъ состояла въ томъ, чтобы разгорячившейся крови дать время остыть, не допускать произвольныхъ возмѣщеній обидъ и принять на себя урегулированіе способовъ возмездія. Древнѣйшимъ наказаніемъ за неповиновеніе суду было, по всей вѣроятности, объявленіе непокорныхъ внѣ закона. Тотъ, кто не повиновался судебному приговору, лишался покровительства законовъ. Если его убивали, родственникамъ его воспрещалось, подъ страхомъ всесильнаго давленія со стороны первобытнаго общественнаго мнѣнія, производить отмщеніе, которое при иныхъ условіяхъ составляло бы ихъ обязанность и право.

И въ этомъ отношеніи мы находимъ въ Салическомъ правѣ указаніе на одну изъ величайшихъ услугъ, оказанныхъ гражданскому правосудію королевской властью. На первый взглядъ король, повидимому, не имѣетъ никакого отношенія къ Сотенному Суду. Въ немъ онъ представленъ лишь группой должностныхъ лицъ, которыя взимали въ его пользу извѣстную долю изъ налагаемыхъ судомъ штрафовъ, что и составляло весьма существенную часть королевскихъ доходовъ. При всемъ томъ мы видимъ, однако, что если тяжущійся, проигравшій въ судѣ, не повинуется рѣшенію послѣдняго, то королевскій чиновникъ можетъ заставить его повиноваться; если же онъ, не обнаруживая неповиновенія, лично приходитъ къ королю и проситъ его, то король можетъ оказать ему правосудіе въ силу того, что послѣднее слово при оказаніи правосудія принадлежитъ ему. Таковы первые слабые и нерѣшительные шаги

по пути къ тому вліянію, какое королевская власть пріобрѣла надъ первобытнымъ народнымъ правосудіемъ во всѣхъ тевтонскихъ странахъ. Она парализировала, а затѣмъ и окончательно поглотила это правосудіе, но въ то же время она надѣлила его тою властью, безъ которой мы едва ли можемъ понять самое существованіе его. Король укрѣпилъ за нимъ принудительную силу, и, повидимому, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что обязательность судебныхъ приговоровъ, подкрѣпляемая всею силою государства, есть именно результатъ взаимоотношеній между королевской властью и народнымъ судомъ. Въ Капитуляріяхъ франкскихъ королей находимъ нѣкоторыя свидѣтельства о дальнѣйшемъ ходѣ этихъ отношеній между королемъ и судомъ. Съ теченіемъ времени народный президентъ Сотеннаго Суда, Thingman, исчезаетъ и его мѣсто заступаетъ Графъ (Graf или Count), представитель короля. Королевская власть такимъ образомъ постепенно ростетъ и въ концѣ концевъ мы видимъ уже, что графъ пользуется властью короля для того, чтобы вынуждать повиновеніе всѣмъ постановленіямъ суда, независимо отъ ихъ характера, помимо всякихъ предварительныхъ соглашеній и безъ права апелляціи къ высшей справедливости короля. Назначеніе предсѣдателемъ суда королевскаго чиновника открыло собою цѣлый рядъ перемѣнъ, глубоко измѣнившихъ характеръ стараго народнаго правосудія. Во всѣхъ тевтонскихъ странахъ находимъ мы представителей короля, проявляющихъ свою власть надъ древними судами, настаивающихъ на томъ, чтобы провосудіе отправлялось отъ имени короля, и въ концѣ концевъ организующихъ свое собственное, менѣе сложное правосудіе на развалинахъ древнихъ судебныхъ учрежденій, повсюду пришедшихъ въ полной упадокъ. Если таковы окончательныя послѣдствія отношеній между тевтонскимъ королемъ и тевтонскимъ народнымъ судомъ, то въ высшей степени важно изслѣдовать—каковы же были слабыя стороны этихъ судовъ, какія сѣмена разрушенія таили они въ себѣ и что именно было въ королѣ такого, что сдѣлало его ихъ естественнымъ преемникомъ.

Въ значительномъ числѣ человѣческихъ обществъ, на самыхъ раннихъ ступеняхъ цивилизаціи, замѣчается рядомъ су-

ществованіе двухъ формъ власти—короля и народнаго собранія. Народное собраніе и народный судъ въ принципѣ одно и то же учрежденіе: оба они представляютъ собою собранія свободныхъ людей для различныхъ общественныхъ цѣлей. Король, какъ *политическій* глава, противопоставляется народному собранію; какъ *военному* предводителю, ему соотвѣтствуетъ *рать* (host), совокупность боевыхъ людей; народный судъ, наконецъ, противополагается ему, какъ *судьѣ*, какъ носителю той спеціальной судебной власти, которая и составляетъ предметъ моего настоящаго изслѣдованія. Я не буду входить въ разсмотрѣніе вопросовъ, вызывающихъ въ настоящее время горячіе споры—о томъ, какая изъ двухъ названныхъ формъ власти древнѣе, король или народное собраніе, или же онѣ ведутъ свое совмѣстное существованіе испоконъ вѣка; замѣчу лишь, что новѣйшія изысканія склонны приписывать бо́льшую древность народному собранію. Исходя однако изъ того факта, что обѣ формы являются обыкновенно совмѣстно существующими, мы можемъ подмѣтить тотъ законъ, которому онъ, повидимому, слѣдуетъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Въ тѣхъ обществахъ, наиболѣе типичными образцами которыхъ являются Аѳины и Римъ—въ томъ стѣнами обнесенномъ городѣ, который былъ колыбелью большей части современныхъ идей—органы свободы, если можно такъ выразиться, постепенно ростутъ въ своемъ значеніи. Народныя собранія въ такихъ обществахъ монополизируютъ власть въ своихъ рукахъ. Король или совершенно исчезаетъ, или утрачиваетъ всякое свое значеніе. Но въ тѣхъ обществахъ, которыя раскинулись по обширной территоріи, ростетъ власть короля, а всѣ народныя учрежденія клонятся къ упадку. Имѣются-ли какія-нибудь основанія къ этому росту и упадку, поскольку это касается тѣхъ институтовъ, о которыхъ идетъ рѣчь—судебныхъ учрежденій? Въ древнихъ народныхъ учрежденіяхъ—какъ судебныхъ, такъ и политическихъ — можно, думается мнѣ, подмѣтить одинъ источникъ слабости ихъ. Состоитъ онъ въ томъ, что надлежащее функціонированіе этихъ учрежденій требовало постояннаго участія со стороны большаго числа лицъ, могущихъ при томъ располагать большимъ запасомъ свободнаго времени. Да-

же въ тѣхъ обществахъ, которыя занимали небольшую территорію, мы видимъ, что привлеченіе населенія къ отправленію общественныхъ обязанностей требовало извѣстныхъ усилій. Изслѣдователямъ древняго міра знакомъ, конечно, тотъ окрашенный алою краской канатъ, который таскали по Аѳинскимъ улицамъ для того, чтобы принудить гражданъ идти на площадь для народныхъ собраній и который каждаго отмѣченнаго имъ лѣнтяя приводилъ къ штрафу; знакомо имъ и то знаменитое жалованье (въ три обола), которое платилось за присутствіе здѣсь и въ народномъ судилищѣ. Говоря о позднѣйшемъ возрожденіи эллинской свободы въ группѣ государствъ, вошедшихъ въ составъ Ахейскаго Союза, Фриманъ («History of Federal Government», I. 266) указалъ между прочимъ и то значеніе, какое имѣла тягость несенія политическихъ обязанностей въ дѣлѣ сосредоточенія политическихъ привилегій въ рукахъ немногихъ и послѣдовавшаго за тѣмъ перехода демократій въ аристократіи. И въ самомъ дѣлѣ, упадокъ древней свободы въ сильной степени обусловливался обширностью тѣхъ личныхъ жертвъ, которыхъ она требовала отъ гражданъ. Въ обществахъ другаго типа, селеніями разсѣянныхъ по обширной территоріи, обременительность общественныхъ обязанностей всегда должна была быть значительной, а по мѣрѣ ихъ расширенія, черезъ поглощеніе многихъ племенъ въ одну націю, эта обременительность должна была возрости еще болѣе. О важности этого явленія можно судить уже по тому великому значенію, какое древнее германское право придавало *sunis* или *essoin*—слово, нѣкогда сильно смущавшее англійскихъ юристовъ; происхожденіе свое оно ведетъ отъ древнихъ Германцевъ и означаетъ собственно то юридическое основаніе, какое Германецъ могъ привести въ оправданіе своей неявки къ исполненію какой-либо обязанности въ народномъ тевтонскомъ судилищѣ. Но въ существованіи указаннаго выше неудобства легче убѣдиться инымъ путемъ. Англійское джюри есть переживаніе древняго народнаго правосудія, хотя генеалогія послѣдней и представляется далеко не безпрерывной; и однакоже никто даже теперь, думается мнѣ, при полученіи извѣщенія о присутствіи въ составѣ присяжныхъ не испытываетъ полнаго удо-

вольствія. Каковой же, во всякомъ случаѣ, должна была являться необходимость присутствовать въ собраніяхъ въ то время, когда они происходили на противоположномъ концѣ сотни, а быть можетъ и графства—когда въ Англіи не было иныхъ путей сообщенія кромѣ дорогъ, оставшихся отъ временъ римскаго владычества, когда восточныя графства были не многимъ лучше болота, а южныя провинціи представляли собою непроходимыя лѣса? При всемъ томъ есть нѣкоторое основаніе думать, что обременительность несенія общественныхъ обязанностей въ Англіи была менѣе чувствительной, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. На континентѣ Европы, начиная съ того момента, къ которому относится несомнѣнное существованіе Сотеннаго Суда, и вплоть до того времени, когда онъ превратился въ ограниченную по составу Коммиссію Экспертовъ (Committee of Experts), мы не можемъ указать ни одного облегченія суроваго правила, по которому каждый свободный мужчина зрѣлаго возраста долженъ непремѣнно присутствовать на собраніяхъ суда. Даже въ примѣненіи къ этому частному случаю можетъ быть подмѣчена специфическая и характерная особенность Англіи—даже и здѣсь видны зародыши той представительной системы, которой столь много обязанъ своей устойчивостью англійскій типъ тевтонской свободы. Уже съ очень раннихъ временъ въ англійскихъ Сотенныхъ Судахъ и Судахъ Графства стали присутствовать не всѣ поголовно свободные люды, а лорды помѣстій, старосты (Reeve) и четыре человѣка, въ качествѣ представителей отъ каждаго селенія или прихода. Не смотря на это, нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ Англіи обязанность присутствовать на судѣ считалась очень обременительной. Въ подкрѣпленіи (Confirmatio) Великой Хартіи Генрихомъ III, въ 1217 году, есть постановленіе о томъ, чтобы Судъ Графства собирался не болѣе одного раза въ мѣсяцъ; объясненіе этому Стеббсъ видитъ въ томъ, что шерифы злоупотребляли своимъ правомъ созывать (спеціальныя) собранія суда и налагать штрафъ на неприбывшихъ. Увеличивать поводы къ созванію суда, прибавляетъ онъ, было прямой выгодой шерифовъ.

Многочисленность состава всѣхъ судовъ, кромѣ королевскихъ,

имѣла мѣсто и въ феодальномъ періодѣ. Наиболѣе полное развитіе феодализмъ получилъ во Франціи, и французскіе историки изумляются тому громадному количеству лицъ, какое требовалось для организаціи феодальнаго суда. Лежавшій въ основѣ послѣдняго принципъ обозначался хорошо знакомымъ Англіи выраженіемъ—«каждый человѣкъ долженъ быть судимъ равными ему лицами» (every man must be tried by his peers)—выраженіемъ, которое первоначально означало, что судьями даннаго лица были поголовно всѣ тѣ, кто стоялъ въ одинаковомъ съ нимъ отношеніи къ какому-нибудь болѣе высшему лицу. Если судился за измѣну или тяжкое уголовное преступленіе какой-либо большой королевскій вассалъ, то всѣ великіе вассалы французскихъ королей должны были собираться со всѣхъ частей тѣхъ многочисленныхъ владѣній, верховнымъ повелителемъ которыхъ являлся Король Франціи: и именно таковъ былъ судъ, лишившій Іоанна Безземельнаго лучшихъ французскихъ провинцій. Если же, съ другой стороны, судился виланъ, то его пэрами являлись всѣ простолюдины одной съ нимъ сеньеріи. Неизбѣжнымъ результатомъ было здѣсь то, что французскіе феодальные суды обратились мало по малу въ собранія, ввѣрявшія всѣ свои активныя полномочія небольшому комитету экспертовъ; а такъ какъ эти послѣдніе въ большинствѣ случаевъ были воспитаны на римскомъ правѣ, то они и оказали громадное вліяніе въ дѣлѣ распространенія понятій объ абсолютной власти короля, въ особенности же объ его законномъ верховенствѣ въ области правосудія. *Quod principi placuit, legis habet vigorem*—таковъ былъ основный принципъ развитой римской юриспруденціи.

Такимъ образомъ можно думать, что народные суды какъ древней Германіи, такъ по всей вѣроятности и многихъ другихъ обществъ, приходили (по мѣрѣ разростанія націй путемъ племенныхъ соединеній) постепенно въ упадокъ вслѣдствіе того, что требовался многочисленный составъ судей и что отправленіе судейскихъ обязанностей было сопряжено съ значительными неудобствами. Свободный человѣкъ, которому слѣдовало бы присутствовать въ судѣ, предпочиталъ оставаться дома и посылалъ оправданіе (или *essoin*) своей нелвкѣ, или

же платилъ штрафъ, если оправданіе это признавалось недостаточнымъ. Такимъ образомъ народные суды превращались мало-по-малу въ комитеты свѣдущихъ юристовъ, обнаруживавшихъ, притомъ, сильную приверженность къ королевской власти. Съ другой стороны, мы видимъ, что на счетъ народныхъ судовъ все возростаетъ власть короля и королевское правосудіе; и является вопросъ, было ли въ самомъ положеніи и функціяхъ короля что нибудь такое, что могло обезпечить за нимъ окончательный успѣхъ въ борьбѣ его съ мѣстнымъ народнымъ правосудіемъ. Исторія этой борьбы черезчуръ длинна и запутанна для того, чтобы разсказывать ее здѣсь; положеніе короля давало ему одно важное преимущество, которое здѣсь стоитъ указать — тѣмъ болѣе, что оно нерѣдко проходитъ незамѣченнымъ. Когда тяжущіеся стали впервые обращаться къ королю за правосудіемъ, или жаловаться ему на народные трибуналы, то должны ли были они отправляться для этого въ королевскую резиденцію, дворецъ, замокъ—или нѣтъ? Конечно, нѣтъ. Это только увеличило бы неудобства мѣстнаго народнаго правосудія. Не тяжущійся шелъ къ королю, а король—къ тяжущемуся. Древніе короли, какъ это видно изъ множества вѣскихъ доказательствъ [3]), постоянно путешествовали, странствовали по своимъ владѣніямъ. Тѣ изъ нихъ, которые избирали себѣ какое-нибудь постоянное мѣстопребываніе, въ большинствѣ случаевъ теряли свою власть. Первобытные цари тѣхъ обществъ, которыя ограничивались городскими предѣлами, подобно древнимъ аѳинскимъ и римскимъ царямъ, имѣли непродолжительное существованіе. Они жили, по мнѣнію Грота, черезчуръ на виду у своихъ подданныхъ для того, чтобы при своемъ ничтожествѣ сохранять за собою большой авторитетъ послѣ того,

---

3) См. Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer. I, 237. «Erstes Geschäft des neuen Königs war sein Reich zu umreiten». .. Гриммъ цитируетъ изъ Григорія Турскаго (4, 14)—«Deinde ibat rex per civitates in circuitu positas». Онъ указываетъ на подобныя же обязанности Шведскаго Короля и цитируетъ челобитную Саксовъ къ Генриху IV: «Ut totam in solâ Saxoniâ aetatem inerti otio deditus non transigat, sed interdum regnum suum circumeat»

какъ пропала вѣра въ ихъ божественный характеръ. Но въ тѣхъ обществахъ, которыя занимали обширныя территоріи, короли находились въ постоянныхъ разъѣздахъ; тѣ, кто не дѣлалъ этого, теряли свой авторитетъ подобно королямъ, получившимъ у Франковъ прозвище *rois fainéants*. Если бы мнѣ предложили представить наиболѣе раннее свидѣтельство такого обыкновенія древнихъ королей, я указалъ бы на тѣ ирландскіе памятники, все важное значеніе которыхъ только начинаютъ сознавать: что бы ни говорили теоретики, объясняющіе всѣ національныя различія присутствіемъ чего-либо особеннаго въ расѣ и крови, древнѣйшіе ирландскіе законы и учрежденія являются тѣмъ же, что и древнѣйшіе германскіе законы и учрежденія на болѣе ранней ступени варварства. Когда Англичане въ концѣ XVI вѣка стали, по примѣру Эдмунда Спенсера, заносить на бумагу свои наблюденія изъ жизни Ирландіи, въ ней былъ широко распространенъ одинъ обычай, вызывавшій у нихъ особенно сильное негодованіе. Назывался онъ—«cuttings» и «cosherings» ирландскихъ клановыхъ начальниковъ, и состоялъ въ томъ, что они, вмѣстѣ съ своей свитой, дѣлали періодическіе объѣзды по своимъ владѣніямъ для того, чтобы пиршествовать на счетъ арендаторовъ. Въ сущности же обыкновеніе это было просто позднимъ переживаніемъ, сохранившимся отъ эпохи варварскаго состоянія, когда клановой начальникъ (chief) или король, не имѣвшій своихъ сборщиковъ податей, самъ лично являлся для ихъ взиманія, проживая, конечно, во время этихъ разъѣздовъ на счетъ своихъ подданныхъ. По теоріи ирландскаго права (хотя и неизвѣстно, насколько она соотвѣтствовала фактамъ), клановый начальникъ имѣлъ даже право на это, такъ какъ онъ снабжалъ членовъ своего клана рогатымъ скотомъ и овцами. Объ этомъ обычаѣ сохранилось множество разсказовъ въ древнихъ лѣтописяхъ о жизни ирландскихъ клановыхъ начальниковъ, которые называли себя королями—Kings. «Король Мюнстера», говоритъ «Книга Правъ» (Book of Rights), «въ сопровожденіи главныхъ принцевъ своего королевства, отправился къ королю Конноута и презентовалъ ему 100 лошадей, 100 штукъ боеваго наряда, 100 мечей и

100 кубковъ; взамѣнъ чего названный король долженъ былъ содержать его въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ своемъ дворцѣ въ Анаханѣ, а затѣмъ проводить его до владѣній Тирконнелля. Королю Тирконелля онъ подарилъ 20 лошадей, 20 полныхъ вооруженій и 20 плащей, взамѣнъ чего названный король содержалъ его и Мюнстерскую знать въ теченіе одного мѣсяца, а затѣмъ сопровождалъ его до Тирона». Далѣе идетъ описаніе переѣздовъ короля Мюнстерскаго черезъ Тиронъ, Ульстеръ, Митъ, Лейнстеръ и Оссори, при чемъ вездѣ онъ подносилъ правителямъ подарки, получая отъ нихъ взамѣнъ—содержаніе. Я подозрѣваю, что послѣднее есть болѣе достовѣрный историческій фактъ, чѣмъ королевскіе дары. Какъ бы то ни было, обычай, съ такой торжественностью описываемый хроникеромъ или бардомъ, есть очевидно то же «cutting» и «coshering», на которое Спенсеръ и другіе указываютъ какъ на одну изъ мрачныхъ сторонъ ирландской жизни.

Есть основаніе думать, что и англійскіе короли также путешествовали и приблизительно съ тою же цѣлью. «Разъѣзды» (Eyres) англо-саксонскихъ королей описаны Пэльгрэвомъ въ его «Rise of the English Commonwealth» (I. 286). Въ продолжительномъ существованіи этого обыкновенія юристъ легко можетъ убѣдиться уже изъ факта сравнительной малозначительности тѣхъ мѣстъ, гдѣ были изданы важнѣйшіе изъ древнихъ англійскихъ статутовъ—Кларендонъ, Мертонъ, Мальбриджъ, Актонъ-Бёрнелль. Позднѣйшее переживаніе того же обыкновенія находимъ мы въ романѣ «Кенильворсъ», такъ какъ поѣздки Елизаветы по странѣ стоятъ въ очевидной преемственной связи съ разъѣздами ея предшественниковъ. Но существованіе въ Англіи указаннаго обычая подтверждается и другими, болѣе вѣскими доказательствами. Два историка, Эйтонъ (Eyton) и покойный Т. Дуффусъ Гарди (T. Duffus Hardy), на основаніи документальныхъ данныхъ представили, за довольно продолжительный періодъ времени, перечень переѣздовъ съ мѣста на мѣсто двухъ англійскихъ королей — Генриха II и Іоанна. Ни одного изъ нихъ нельзя, конечно, назвать очень древнимъ королемъ; у нихъ обоихъ въ характерѣ могла быть природная подвижность—и все же обнаруженная ими дѣятельность,

доходившая до размѣровъ, быть можетъ, и исключительныхъ, была, конечно, явленіемъ не новымъ въ образѣ жизни короля. Остановлюсь на переѣздахъ короля Іоанна, такъ какъ его царствованіе составляетъ эпоху не только въ политической, но и въ судебной исторіи Англіи. Въ своемъ «Итинераріи короля Іоанна» Томасъ Гарди указываетъ тѣ мѣстности, въ которыхъ король находился въ тотъ или иной мѣсяцъ ежегодно въ періодъ отъ 1200—1216 гг., принимая во вниманіе, что годъ царствованія начинался со дня Вознесенья. Беру почти на удачу май 1207 года. 1-го мая король находится въ Понтефрактѣ, 3-го—въ Дерби, 4-го—въ Гунстонѣ, 5-го—въ Личфёльдѣ, 8-го—въ Глочестерѣ, 10-го—въ Бристолѣ, 13-го—въ Базѣ, 16-го—въ Мальборо, 18-го—въ Люджерсхоллѣ, 20-го—въ Винчестерѣ, 22-го—въ Соутгамптонѣ, 24-го—въ Порчестерѣ, 27-го—въ Альдингборнѣ, 28-го—въ Арунделѣ, 29-го—въ Нонъ-Кэстлѣ и 31-го—въ Льюисѣ. Всѣ эти поѣздки по странѣ, въ которой кромѣ римскихъ дорогъ не было никакихъ путей сообщенія, королю, конечно, приходилось дѣлать верхомъ. Возьмемъ далѣе іюнь 1212 года, когда король посѣтилъ болѣе отдаленную и болѣе непроходимую часть страны. Іюня 4-го онъ оставилъ Лондонскую крѣпость, а 28-го онъ уже въ Дергамѣ, побывавъ за это время въ Гертфордѣ, Донкастерѣ, Ричьмондѣ въ Іоркширѣ, Боуесѣ, Аппльбэй, Вигтонѣ въ Кумберландѣ, Карлислѣ и Гексгэмѣ. Что еще болѣе замѣчательно, такъ это то, что съ такою же поспѣшностью онъ отправляется въ Ирландію, которая въ то время была страной, столь же мало извѣстной и столь же непроходимой, какъ въ настоящее время лѣсистыя мѣстности Сіерры Невады. Отправившись изъ Гаверфордуеста, въ сопровожденіи своего войска, 20-го іюня онъ достигаетъ Ватерфорда, а въ концѣ августа уже возвращается обратно, побывавъ въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ мѣстечкѣ юго-восточной части страны. Слѣдуетъ имѣть при этомъ въ виду, что я выбираю вовсе не тѣ періоды, въ которые поѣздки короля были особенно часты и дѣятельность его болѣе напряженна, чѣмъ обыкновенно. Таковъ былъ постоянный образъ жизни его ежемѣсячно во всѣ годы его цар-

ствованія. Король Іоаннъ слыветъ за изнѣженнаго монарха; но ни одинъ современный намъ коммерсантъ, путешествующій по порученіямъ какой-нибудь большой торговой фирмы, никогда, думается мнѣ, при всей помощи желѣзныхъ дорогъ, не былъ въ столь непрерывномъ движеніи въ теченіе стольких лѣтъ къ ряду.

Не трудно подмѣтить, какъ странствующій король становится мало-по-малу монархомъ современнаго типа. Переходъ этотъ можетъ быть объясненъ развитіемъ системы *missi*— разъѣзжающихъ представителей короля, his servants *in eyre*, какъ выражались Англичане. Первое примѣненіе этихъ «*посланцевъ*» на Континентѣ относится къ гораздо болѣе древнему періоду, чѣмъ царствованіе Іоанна, да и въ самой Англіи они встрѣчаются значительно ранѣе этого времени. Но, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, новая система не сразу и не вполнѣ замѣнила собою старую, и короли хотя и становятся съ теченіемъ времени болѣе осѣдлыми, однако поѣздки свои по странѣ прекратили не сразу послѣ того, какъ начали посылать отъ своего лица разъѣзжающихъ судей. Впрочемъ, въ Англіи переходъ этотъ ускорился подъ вліяніемъ важной конституціонной реформы, на которой я и остановлюсь въ настоящее время.

Но прежде укажемъ, какимъ образомъ эта скитальческая жизнь древняго Тевтонскаго короля доставила ему, какъ великому судебному авторитету, преимущество передъ древними народными мѣстными судами, которые существовали рядомъ съ нимъ испоконъ вѣка. Какъ я уже выяснилъ, они въ самихъ себѣ таили нѣкоторыя сѣмена разрушенія. Многочисленные члены этихъ судовъ имѣли сильнѣйшія побужденія къ тому, чтобы нерадиво исполнять и даже вовсе уклоняться отъ исполненія того, что должно было казаться очень непріятной для нихъ обязанностью. На поѣздки до мѣста собранія суда имъ приходилось тратить много времени и, во время этихъ путешествій по лѣсамъ и болотамъ — подвергаться большимъ опасностямъ. Со всѣми обстоятельствами разбираемыхъ дѣлъ они должны были знакомиться сами, будучи лишены тѣхъ пособій, которыя представляетъ въ этомъ

отношеніи современный намъ судъ. Нерѣдко имъ приходилось посѣщать самыя мѣста разбираемыхъ актовъ насилія. Имъ приходилось рѣшать не только вопросы факта, какъ современному джюри: они должны были также объявлять право или обычай и постановлять приговоръ. И послѣ всего этого на нихъ же самихъ могло обратиться преслѣдованіе за несправедливое рѣшеніе, а по судебнымъ обычаямъ нѣкоторыхъ обществъ, они могли быть приглашаемы къ защитѣ своего приговора даже помощью оружія. Одинъ изъ капитуляріевъ Карла Лысаго приказываетъ имъ отправляться въ судъ вооруженными, какъ на войну, ибо можетъ случиться, что имъ придется сражаться за ихъ юрисдикцію; а позднѣе присяга на службу феодальному лорду налагала на вассала прямую обязанность служить въ санѣ судьи такъ же ревностно, какъ и въ званіи воина. Обременительность такого рода обязанностей для бѣднаго человѣка была столь велика, что церковь наконецъ вмѣшалась въ его пользу, и церковный соборъ IX вѣка выразилъ протестъ противъ жестокаго принужденія бѣдныхъ — присутствовать въ судѣ.

Между тѣмъ, какъ всѣ эти причины ослабляли народные суды, король производилъ постоянные объѣзды по странѣ, повсюду припося съ собою то королевское правосудіе, которое съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ королевское достоинство, никогда не отдѣлялось отъ него [4]). Оказываемое имъ правосудіе

---

[4]) Въ чрезвычайно интересной книгѣ Дрью (Drew) — *Kashmir and Jummoo*, есть одно мѣсто, представляющее любопытное освѣщеніе характера древней королевской юрисдикціи, а также одной изъ тѣхъ побудительныхъ причинъ, которыя заставляли его дѣятельно практиковать эту юрисдикцію. Здѣсь разсказывается между прочимъ о томъ, что до сихъ поръ происходитъ въ Curia Regis Кашмирскаго Магараджа, который слѣдуетъ системѣ гораздо болѣе древняго происхожденія, чѣмъ его верховная власть. Голабъ Сингъ (Gholab Singh), первый изъ установленной Англичанами въ 1846 году династіи, былъ (по словамъ Дрью) „всегда доступенъ, внимателенъ и готовъ выслушать всякую жалобу. Онъ имѣлъ обыкновеніе входить въ мельчайшія подробности каждаго дѣла, такъ что съ самой ничтожной вещью можно было обратиться къ нему и получить отъ него вниманіе. Съ обычнымъ приношеніемъ, въ видѣ рупіи въ рукахъ, всякій могъ получить къ нему доступъ; даже

было прежде всего окончательнымъ, такъ-какъ онъ тутъ же при помощи своихъ чиновниковъ приводилъ приговоры въ исполненіе. Оно, долѣе, не допускало сопротивленія, такъ-какъ обыкновенно короля сопровождалъ весь цвѣтъ военной силы страны. Оно было, вѣроятно, чище правосудія народныхъ трибуналовъ, которые не были, конечно, недоступны подкупу; оно являлось и болѣе точнымъ, такъ какъ знаніе юридическихъ тонкостей составляло исключительную принадлежность сопровождавшихъ короля экспертовъ. И это тѣмъ болѣе такъ, что то, что̀ сколько-нибудь отвѣчаетъ нашему представленію о духѣ реформы, въ тѣ времена сосредоточивалось въ самомъ королѣ и его совѣтникахъ: онъ одинъ вводилъ въ право сравнительную мягкость (gentleness) и упрощалъ процедуру. Такимъ образомъ королевская юстиція постепенно разросталась, между тѣмъ какъ народное правосудіе все болѣе и болѣе утрачивало свое значеніе; и именно къ тому вліянію, которое получила въ концѣ концевъ первая, относится большая часть тѣхъ характерныхъ особенностей, которыя мы связываемъ съ понятіемъ права и которыя нѣкоторыя теоретики считаютъ необходимыми его свойствами—единообразіе, твердость и непреодолимость.

Въ Англіи ничто не пропадаетъ безслѣдно—это можно принять за общее правило. Разъѣзжающій король существуетъ и до сихъ поръ въ лицѣ ассизныхъ или окружныхъ судей; древній народный судъ и по-нынѣ живетъ въ судѣ присяжныхъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ преемственность менѣе наглядна

въ толпѣ каждый могъ остановить на себѣ его вниманіе, приподнявъ рупій со словами—„король, просьба!“ Съ быстротой сокола хваталъ онъ деньги и, получивъ ихъ, терпѣливо выслушивалъ челобитчика. Однажды, когда Магараджа хотѣлъ было уже взять рупій, челобитчикъ загородилъ его своей рукой и сказалъ: „нѣтъ; прежде выслушай, что я скажу тебѣ“. Даже такой случай не вывелъ Голабъ Синга изъ терпѣнія; онъ подождалъ, пока проситель кончилъ свой разсказъ, и, взявъ деньги, сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія“. „Прежде гражданскія и уголовныя дѣла“, читаемъ далѣе, „разбирались судебными чиновниками въ судахъ первой инстанціи и окончательное рѣшеніе давалось, какъ кажется, въ апелляціонномъ судѣ; но впослѣдствіи истцамъ и челобитчикамъ была открыта полная возможность разбирать ихъ дѣла непосредственно передъ самимъ Магараджей“.

и болѣе шатка, чѣмъ въ первомъ. Еще за долго до царствованія Іоанна въ Англіи былъ извѣстенъ переносъ королемъ на «justices itinerant» нѣкоторыхъ его функцій; но одна часть королевской юрисдикціи, именно та, которая обнимала собою общія тяжбы (Common Pleas), другими словами—значительнѣйшую часть наиболѣе важныхъ гражданскихъ процессовъ, не отдѣлялась отъ личности короля и осуществлялась имъ во время тѣхъ переѣздовъ, о которыхъ я говорилъ выше. Отсюда возникли съ теченіемъ времени большія неудобства. Въ первобытныя времена, когда жизнь отличалась простотою, король, въѣзжая въ какую-нибудь центральную мѣстность, безъ замедленій рѣшалъ всѣ предлагаемыя ему дѣла. Но по мѣрѣ того, какъ общественныя отношенія усложнялись, увеличивалась и трудность добиться у короля назначенія извѣстнаго дня для разбирательства дѣла. Во второмъ томѣ «Rise of the English Commonwealth» Франсисъ Пэльгрэвъ приводитъ въ высшей степени любопытный документъ — разсказъ нѣкоего Ричарда де Анести о тѣхъ издержкахъ и проволочкахъ, съ какими было сопряжено для него одно дѣло смѣшаннаго характера, гражданскаго и церковнаго—дѣло, которое онъ велъ передъ Архіепископомъ Кэнтерберійскимъ и Королемъ. Не говоря уже о безконечныхъ проволочкахъ въ церковныхъ судахъ, ему, прежде чѣмъ онъ могъ получить у короля день для разбора его дѣла, пришлось прослѣдовать за Генрихомъ II по морю во Францію и проѣхать вдоль и поперегъ всю Англію. Читая этотъ документъ, получаешь вполнѣ отчетливое сознаніе великой важности того постановленія Великой Хартіи, которое гласитъ, что «общія тяжбы не будутъ болѣе слѣдовать за королемъ». Это—великая эпоха въ судебной исторіи, она произвела въ судопроизводствѣ цѣлую революцію; и король Іоаннъ тотчасъ же самъ представилъ наглядное доказательство ея настоятельной необходимости. Къ Великой Хартіи онъ приложилъ печать свою Іюня 15-го 1215 года въ Раннимедѣ, а къ 15 Іюля онъ уже объѣхалъ всю южную Англію и далѣе—къ сѣверу вплоть до Оксфорда. Тѣмъ временемъ судьи Общихъ Тяжбъ засѣдали въ Вестминстерѣ, который и составлялъ ихъ исключительное мѣстопребываніе съ тѣхъ поръ и вплоть до

нашихъ дней, когда (1875 г.) Судъ Общихъ Тяжбъ вошелъ, какъ составная часть, въ Верховный Судъ.

Съ изданіемъ Великой Хартіи заканчивается древнѣйшая исторія отношенія англійскаго короля къ правосудію и начинаетъ складываться современная судебная система Англіи. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она значительно отличается отъ соотвѣтственныхъ системъ европейскаго континента, хотя и эти послѣднія также были результатомъ дѣйствія тѣхъ же самыхъ общихъ причинъ. Она представляетъ собою наиболѣе централизованную во всемъ мірѣ систему судебной администраціи: всѣ важнѣйшія отрасли судебнаго вѣдомства сосредоточиваются въ Лондонѣ, и лишь нѣкоторая доля ихъ разносится по странѣ въ лицѣ разъѣздныхъ судей (Judges in eyre), прежнихъ *missi*, посылавшихся королемъ. Единственнымъ существеннымъ отступленіемъ отъ этого общаго принципа является учрежденіе теперешнихъ судовъ графства (County Courts), которые однако не имѣютъ ничего общаго съ древними судами того же названія. Эти послѣдніе оставили по себѣ самые ничтожные слѣды — частью въ видѣ какой-нибудь нынѣ поросшей деревьями насыпи, обозначающей мѣсто древнихъ собраній на открытомъ воздухѣ, частью же въ видѣ пустяшныхъ штрафовъ, налагаемыхъ на землевладѣльцевъ за неприсутствіе въ не-существующемъ трибуналѣ. Англійская судебная система, кромѣ присоединенія къ ней новѣйшихъ судовъ графства, отличается еще другою присущей ей особенностью, а именно—немногочисленнымъ составомъ судей, участвующихъ въ отправленіи правосудія.

Если вы перенесетесь мысленно по другую сторону канала, во Францію, то найдете тамъ особенности, какъ разъ противоположныя только-что указаннымъ—сравнительно ничтожную судебную централизацію, большое количество мѣстныхъ судовъ, наконецъ, многочисленный контингентъ судей, разсѣянныхъ по различнымъ трибуналамъ. Французскій король, подобно англійскому, также сдѣлался теоретическимъ источникомъ правосудія, но конечный результатъ этотъ достигнутъ былъ тамъ скорѣе благодаря ревностнымъ стараніямъ законовѣдовъ, воспитанныхъ на римскомъ правѣ, возвеличить власть короля,

чѣмъ вслѣдствіе непосредственной замѣны мѣстныхъ судовъ королевскими эмиссарами. Съ другой стороны, и самый характеръ права, какъ бы оно ни примѣнялось, во Франціи и вообще на континетѣ подвергся гораздо болѣе значительнымъ измѣненіямъ, чѣмъ въ Англіи. Римское право повсюду получило сильное, а мѣстами и полное преобладаніе надъ древнимъ обычаемъ, и Французскій Гражданскій Кодексъ, созданіе революціи, есть не болѣе, какъ версія, переложеніе римской юриспруденціи. Наоборотъ, англійское общее право (Common Law), какъ ни трудно указать первые его зародыши, было въ главныхъ своихъ чертахъ несомнѣнно версіей германскаго обычая, обобщеннаго королевскими судами и судьями. Въ немъ до сихъ поръ проглядываетъ отпечатокъ древней противоположности между народнымъ правосудіемъ и королевской юстиціей: извѣстно, что хотя теоретически оно и примѣнялось отъ имени короля, однако позднѣе на него смотрѣли, какъ на оплотъ народной свободы противъ стремленія Тюдоровъ и Стюартовъ къ расширенію королевскихъ прерогативъ. Между тѣмъ принадлежавшая королю съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, дополнительная власть въ сферѣ закона и правосудія пережила зрѣлый возрастъ развитія общаго права. Изъ нея вытекла юрисдикція Канцлерскаго Суда (Court of Chancery), о которой нельзя сказать—была-ли она когда-нибудь чисто народной, и которая своею непопулярностью обязана была не какому-либо присущему ей злу, а совершенно случайнымъ недостаткамъ, ея медлительности и дороговизнѣ. Но, съ другой стороны, изъ той-же дополнительной власти возникла уголовная юрисдикція Звѣздной Палаты, ставшей для англійскихъ историковъ нарицательнымъ именемъ для обозначенія угнетеній въ области правосудія. Истинное историческое различіе между такъ называемой equity канцлерскаго суда, съ одной стороны, и беззаконіемъ и неконституціонностью Звѣздной Палаты съ другой, заключается въ томъ, что первый ведетъ свое происхожденіе отъ того времени, когда власть, изъ которой онъ выросъ, еще не подвергалась серьезному оспариванію, между тѣмъ какъ вторая вплоть до самаго ея уничтоженія такъ и не получила при-

знанія. То глубокое недовольство, которое возбуждала Звѣздная Палата, было признакомъ окончательнаго прекращенія благотворнаго вліянія короля въ области закона. Судебная власть короля была нѣкогда наиболѣе драгоцѣннымъ и необходимымъ изъ всѣхъ факторовъ реформы, но съ теченіемъ времени роль ея была сыграна, и почти во всѣхъ цивилизованныхъ обществахъ она перешла какъ бы по наслѣдству къ избирательнымъ законодательнымъ собраніямъ, которыя на всемъ западномъ мірѣ являются дѣтьми Британскаго Парламента.

ГЛАВА VII.

Теоріи первобытнаго общества.

Въ 1861 году я издалъ сочиненіе («Древнее право»), главною цѣлью котораго, какъ я заявлялъ въ предисловіи, было—«намѣтить нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ идей, какъ онѣ отразились въ древнемъ правѣ, и указать отношеніе этихъ идей къ современной мысли.» Опредѣленіе абсолютнаго происхожденія человѣческаго общества не входило въ мою задачу. Этому предмету я посвятилъ лишь нѣсколько страницъ и—долженъ сознаться—былъ далеко не доволенъ своими выводами, которые, по мѣрѣ того, какъ я старался провести ихъ далѣе, постоянно заводили меня въ туманную область гаданій. Задачей только-что названнаго сочиненія, а равно и другихъ моихъ трудовъ было—прослѣдить дѣйствительную (въ противоположность воображаемой или произвольно построенной) исторію учрежденій цивилизованнаго человѣчества. Когда я приступалъ къ этой задачѣ, за нѣсколько лѣтъ до 1861 года, прошлое человѣчества представлялось въ неясномъ свѣтѣ и на пути къ его уразумѣнію встрѣчались сильныя преграды въ видѣ апріорныхъ теорій, построенныхъ на гипотезахъ естественнаго права и естественнаго состоянія. Стараясь преодолѣть эти препятствія, я попытался указать основанія, по которымъ такъ называемую патріархальную теорію общества слѣдуетъ признать дѣйствительной исторической теоріей: стоя на почвѣ раціональныхъ доказательствъ, она даетъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе первобытнаго или, по крайней мѣрѣ, очень древняго общественнаго строя.

Патріархальная теорія есть теорія происхожденія общества изъ отдѣльныхъ семей, объединенныхъ властью и защитою старѣйшаго по лѣтамъ восходящаго родственника мужескаго пола. Придавая римскому праву особенное значеніе для изслѣдованій, подобныхъ предпринятому мною, я на нѣсколькихъ страницахъ своей книги указалъ тѣ данныя, которыя доставляютъ въ пользу этой теоріи древнѣйшіе источники римской юриспруденціи. И въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ системъ учрежденій мы не знаемъ ни одной, въ которой семья вполнѣ отвѣчала бы той первобытной семьѣ, какую принимаетъ патріархальная теорія. Воззрѣнія развитаго римскаго права на семью и родство не представляютъ большаго отличія отъ такихъ же воззрѣній современныхъ обществъ, но мы, къ счастью, имѣемъ полную возможность воспроизвести гораздо болѣе древнее состояніе этого права, когда въ основаніи семьи и родства лежала власть старѣйшаго восходящаго родственника мужескаго пола. Что касается другихъ источниковъ древнихъ обычаевъ и юридическихъ нормъ—источниковъ, которые частью вслѣдствіе скудости матеріаловъ, частью вслѣдствіе ихъ низкаго качества, менѣе римскихъ извѣстны намъ, то и они, казалось мнѣ, даютъ основаніе думать, что той семьѣ, которую изображаютъ они, въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ предшествовала семья, организованная на патріархальныхъ началахъ. Индусское право, по моему мнѣнію, вполнѣ подтверждаетъ этотъ выводъ; то же слѣдуетъ сказать и о славянскомъ правѣ. Къ тому же заключенію, хотя и съ меньшей отчетливостью, приводитъ и изученіе греческаго права. Наконецъ, то же самое, хотя и не столь рѣшительно, можно утверждать и по отношенію къ древнему праву тевтонскихъ племенъ. Данныя эти, казалось мнѣ, принадлежатъ къ той же категоріи и представляются столь же вѣскими, какъ и доказательства, приводящія сравнительную филологію къ заключенію, что цѣлый рядъ словъ въ различныхъ арійскихъ языкахъ ведетъ свое происхожденіе отъ одного, когда-то существовавшаго, но нынѣ неизвѣстнаго уже нарѣчія. Однако, желая быть осторожнымъ, я тутъ же высказалъ мнѣніе, что при современномъ положеніи изы-

сканій «трудно знать, гдѣ остановиться, и сказать, по отношенію къ какимъ именно племенамъ невозможно утверждать, что общество, въ которое они соединились, первоначально было организовано на патріархальномъ началѣ» («Древнее право», 123). Моя книга была издана въ 1861 году и представляла собою рядъ лекцій, читанныхъ мною въ теченіе четырехъ-пяти предшествовавшихъ лѣтъ: нечего и говорить, что съ тѣхъ поръ всѣ эти данныя были переизслѣдованы, на нихъ пролитъ новый свѣтъ, къ нимъ прибавились, наконецъ, новыя данныя. Въ настоящее время мы можемъ уже до извѣстной степени констатировать то дѣйствительное отношеніе, въ какомъ жреческое индусское право находится къ древнѣйшему юридическому быту Индусовъ. Славянское право и обычай, въ 1861 году извѣстные главнымъ образомъ по сочиненіямъ Гакстгаузена, теперь благодаря трудамъ проф. Богишича сдѣлались несравненно болѣе надежнымъ матеріаломъ для изслѣдованій. Древнѣйшіе памятники германскаго права вызвали массу оживленныхъ споровъ, которые, впрочемъ, не привели ни къ какому положительному результату. Ирландское брегонское право, прежде недоступное, становится мало-по-малу извѣстнымъ людямъ, занимающимся археологіей. Если ограничить изысканія древними учрежденіями лишь тѣхъ обществъ, о которыхъ я писалъ болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, то я могъ бы сохранить добытые мною выводы, подвергнувъ ихъ лишь нѣкоторымъ ограниченіямъ, вытекающимъ изъ первыхъ четырехъ главъ настоящаго сочиненія. Но съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ, накопилось множество совершенно новыхъ данныхъ — объ идеяхъ и обычаяхъ обществъ, живущихъ доселѣ въ дикомъ или варварскомъ состояніи. Два нынѣ умершихъ изслѣдователя — Макъ-Леннанъ и Морганъ — сгруппировавшіе эти данныя, пришли на основаніи ихъ къ такимъ выводамъ о первобытномъ или во всякомъ случаѣ очень древнемъ состояніи человѣческихъ обществъ, которыя, на ихъ взглядъ по крайней мѣрѣ, никакъ не могутъ быть согласованы съ патріархальной теоріей. Въ настоящей главѣ я желаю высказать свое отношеніе къ этимъ новымъ фактамъ и теоріямъ и показать въ то же время, что я не отказываюсь отъ

сдѣланнаго мнѣ Макъ-Леннаномъ (въ предисловіи къ его «Studies in Ancient History») вызова—изслѣдовать ихъ. Полагаю, что тѣ общія соображенія, къ которымъ я пришелъ, обратятъ на себя нѣкоторое вниманіе со стороны лицъ, болѣе меня свѣдущихъ въ этой спеціальной области знанія; при этомъ я долженъ оговориться, что печатаю ихъ не совсѣмъ охотно, такъ какъ, по моему мнѣнію, изслѣдованіе вопроса еще не настолько подвинулось впередъ, чтобы можно было высказать по отношенію къ нему вполнѣ опредѣленный, окончательный взглядъ.

Какъ я уже сказалъ, патріархальная теорія общества есть теорія происхожденія его изъ отдѣльныхъ семей, объединенныхъ властью и защитою старѣйшаго по лѣтамъ восходящаго родственника мужескаго пола. Нечего и говорить, что теорія эта далеко не нова. Насколько намъ извѣстно, она впервые появилась у греческихъ философовъ IV ст. до Р. Х. Платонъ («Законы», III) и Аристотель («Политика», I. 2) оба излагаютъ ее: первый кратко, а второй — съ такою подробностью, что позднѣйшими изслѣдователями прибавлено очень не многое къ его изложенію. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что теорію эту они основывали не на простыхъ догадкахъ. Оба они заявляютъ, что основой для нея послужило наблюденіе дѣйствительности. Платонъ утверждаетъ, что тѣ общественныя формы, которыя соотвѣтствуютъ предполагаемымъ теоріей первоначальнымъ группамъ, сохранялись и въ его время; онъ обозначаетъ ихъ нѣсколько неяснымъ словомъ δυναστεῖαι (главенства — «chieftainships»; у Jowetta'a— «lordships»). Что же касается Аристотеля, то онъ прямо указываетъ на тогдашнее общественное состояніе «варваровъ». Слѣдуетъ замѣтить, что эти наблюдатели стояли въ такихъ выгодныхъ условіяхъ, какія впослѣдствіи никогда не могли представиться. Живя болѣе 2000 лѣтъ тому назадъ, они на такой же періодъ времени были ближе къ варварскому состоянію нынѣ цивилизованныхъ народовъ; открытыя ихъ наблюденію общества были народами одного съ ними и съ нами этническаго ствола, хотя по уровню цивилизаціи они и отставали

отъ Грековъ. Аристотель, въ которомъ, думается мнѣ, никто не станетъ отрицать качествъ хорошаго наблюдателя, имѣлъ въ своемъ распоряженіи богатый матеріалъ для общихъ выводовъ. Родился онъ въ полу-эллинскомъ мѣстечкѣ Стагейра. Значительную часть жизни своей онъ провелъ при полу-варварскомъ дворѣ Пелла, гдѣ отецъ его былъ врачемъ при Македонскомъ царѣ. Онъ наконецъ оставилъ по себѣ, къ сожалѣнію, не дошедшій до насъ, спеціальный трактатъ о «Варварскихъ обычаяхъ» (νόμιμα βαρβαρικά).

Позднѣе патріархальную теорію постигла бы та же участь, которой подверглось столь многое изъ греческаго умозрѣнія, если бы жизненность ея не поддержало сходство ея съ библейскимъ описаніемъ еврейскихъ патріарховъ. Въ XVII и XVIII вв. мѣсто ея заступили апріорныя теоріи естественнаго состоянія, которыя въ теченіе долгаго времени и считали вполнѣ удовлетворительнымъ объясненіемъ первобытнаго состоянія человѣчества. Возрожденіемъ своимъ она обязана открытію Нибуромъ «Комментаріевъ Гая»: хотя въ нихъ и не трактуется прямо о древнемъ римскомъ правѣ, однако они даютъ намъ возможность разбить его на послѣдовательныя стадіи или наслоенія, при чемъ особенно полныя свѣдѣнія имѣются касательно наиболѣе раннихъ изъ этихъ стадій. Я думаю однако, что обращеніе къ Римскому праву оказало патріархальной теоріи въ одномъ отношеніи плохую услугу. А именно, благодаря этому укоренилось воззрѣніе, что патріархальная теорія относится къ сравнительно развитому общественному строю. Между тѣмъ Платонъ и Аристотель очевидно имѣютъ въ виду очень древнее варварское состояніе человѣчества. Свое описаніе оба они иллюстрируютъ гомеровскимъ разсказомъ о Циклопахъ, «которые не имѣли ни совѣщательныхъ собраній, ни судовъ; но каждый распоряжался судьбою своихъ женъ и дѣтей, не обращая никакого вниманія на другихъ». Но семейныя группы, какъ ихъ представляетъ себѣ патріархальная теорія, болѣе, чѣмъ варварскія: онѣ—дики, если воспользоваться здѣсь аналогіей изъ жизни животныхъ. Управляетъ ими сильнѣйшій и наиболѣе опытный мужчина. Онъ ревниво оберегаетъ жену или женъ сво-

ихъ. Всѣ, пребывающіе подъ его защитой, находятся въ отношеніяхъ равенства между собою. Посторонній ребенокъ, получающій эту защиту, чужеземецъ, принимаемый подъ покровительство съ условіемъ нести рабскій трудъ — ни чѣмъ не отличаются отъ ребенка, родившагося подъ семейнымъ кровомъ. Но разъ только жена, ребенокъ или рабъ уходятъ изъ семьи, всѣ отношенія съ нею порываются, и родство, означающее собою подчиненіе власти или участіе въ покровительствѣ — прекращается. Такова (употребляя энергичное выраженіе Джорджа Кокса) — семья дикаго звѣря въ его логовищѣ. Когда же всѣ эти отношенія облекаются въ римскія техническія названія—Patria Potestas, Manus, Dominio, Adoptio, Divortio, Agnatio, Emancipatio (выраженія, означающія въ сущности одно и то же)—многимъ кажется, что эти отношенія представляются сравнительно поздними явленіями, и отъ этого впечатлѣнія нѣкоторые положительно неспособны отдѣлаться.

Теоріи, издавна носящей названіе патріархальной, въ настоящее время противопоставляется другая—теорія происхожденія общества не изъ семьи, а изъ кочующей орды (Horde). Аристотель и слѣдовавшіе за нимъ писатели полагаютъ, что болѣе обширныя человѣческія группы, впервые выступающія на поприщѣ исторіи, развились такъ или иначе изъ отдѣльныхъ семей, подобныхъ тому семейному союзу, какой мы наблюдаемъ у гомеровскихъ Циклоповъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ эти обширныя группы являются впервые, едва ли возможно признать, чтобы онѣ были основаны всецѣло на кровныхъ отношеніяхъ; новѣйшіе истолкователи патріархальной теоріи допускаютъ, что въ нѣкоторыхъ или даже большинствѣ этихъ группъ дѣйствительно существовало кровное начало, но что рядомъ съ нимъ въ расширеніи ихъ значительную роль играли различные искусственные способы, фикціи, типичнымъ образцомъ которой является усыновленіе; они допускаютъ также созданіе новыхъ группъ путемъ подражанія господствующему типу—процесса, который не совсѣмъ исчезъ [1])

[1]) См. статью А. Ляйелля объ «Образованіи клановъ и кастъ», составившую IV-ю главу его *Asiatic Studies*; а также—примѣчаніе «Родъ» къ главѣ VIII настоящаго сочиненія.

и въ настоящее время. Собственное мое заключеніе я выразилъ слѣдующимъ образомъ въ «Древнемъ правѣ»: «Выводъ, который заставляютъ сдѣлать несомнѣнныя доказательства, состоитъ не въ томъ, что будто бы *всѣ* древнѣйшія общества образовались путемъ происхожденія отъ одного предка, а въ томъ, что всѣ тѣ изъ нихъ, какія представляли задатки постоянства и прочности, или дѣйствительно произошли такимъ образомъ, или предполагали, что таково было ихъ происхожденіе. Подъ вліяніемъ безчисленнаго множества причинъ первобытныя группы могли распадаться, но какъ только имъ приходилось вновь сплачиваться, это дѣлалось по типу или по принципу родственнаго союза. Къ такому заключенію приводятъ и всѣ понятія, языкъ и право первобытныхъ обществъ». Теорія, которая связана съ именами Макъ-Леннана и Моргана, представляетъ дѣло какъ разъ въ обратномъ видѣ. Она производитъ болѣе мелкую группу изъ болѣе обширной, а не обширную изъ мелкой. Опираясь, подобно патріархальной теоріи, на наблюденіи, но наблюденіи идей и жизни племенъ, нынѣ пребывающихъ въ дикомъ состояніи, она весь позднѣйшій общественный строй производитъ изъ смѣшанной, неорганизованной орды. Долженъ сознаться, что я не совсѣмъ отчетливо представляю себѣ природу первоначальныхъ общественныхъ группъ, какъ ихъ понимаютъ Макъ-Леннанъ и Морганъ. Но полагаю возможнымъ утверждать, что соединенія эти они разсматриваютъ, какъ такія общества мужчинъ и женщинъ, въ которыхъ отношенія между полами первоначально ничѣмъ не регулировались, но которыя съ теченіемъ времени, пройдя черезъ различныя стадіи ограниченій, достигли, наконецъ, семьи—патріархальной или иной какой-нибудь. Современный общественный строй, такимъ образомъ, въ ихъ глазахъ является результатомъ послѣдовательнаго измѣненія того состоянія, основной чертой котораго было безпорядочное половое сожительство. Эти два въ высшей степени оригинальные изслѣдователя сильно расходятся между собою въ опредѣленіи тѣхъ стадій, черезъ которыя прошелъ процессъ этого развитія. Въ системѣ Макъ-Леннана большую роль играютъ — тотемизмъ (или происхожденіе понятія родства изъ

помѣтокъ, дѣлаемыхъ дикарями на тѣлѣ), убіеніе дѣтей женскаго пола, похищеніе женщинъ, поліандрія (признаніе нѣсколькихъ мужей), а также и извѣстный левиратъ. Въ теоріи же Моргана наиболѣе существенными элементами являются—Consanguin Marriage (т. е. бракъ единокровныхъ), Punaluan Marriage (т. е. бракъ родныхъ братьевъ съ группою родныхъ сестеръ) и классифицированное родство (или смѣшеніе подъ однимъ общимъ названіемъ всѣхъ членовъ племени, принадлежащихъ къ одному поколѣнію). Но оба они одинаково сходятся въ признаніи того, что сначала человѣческое общество представляло собою полное смѣшеніе, что затѣмъ оно мало-по-малу видоизмѣнялось подъ вліяніемъ развивавшаяся упорядоченія отношеній, что сначала оно являлось безпорядочной ордой, а затѣмъ постепенно поднялось до той ступени развитія, въ которой, наконецъ, появилась семья. Оба писателя придерживаются, какъ кажется, того взгляда, что человѣческое общество повсюду проходило одни и тѣ же измѣненія, а Макъ-Леннанъ прямо говоритъ, что всѣ эти стадіи могутъ быть ясно разграничены одна отъ другой, что конецъ одной и начало другой могутъ быть отмѣчены съ точностью часоваго колокола, боемъ своимъ указывающаго конецъ каждаго часа.

Прежде всего считаю полезнымъ замѣтить, что пунктъ разногласія между мною и этими писателями допускаетъ, на мой взглядъ, болѣе простую постановку, чѣмъ это обыкновенно дѣлалось ими и ихъ послѣдователями. Главнымъ или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ главныхъ свидѣтельствъ въ пользу того, что первобытное общество находилось въ безпорядочномъ состояніи—свидѣтельствъ, добытыхъ изъ наблюденія дикихъ народовъ, является обыкновеніе ихъ считать родство только черезъ женщинъ. Но когда изъ этого факта дѣлается выводъ, что «эксогамическій тотемкинъ» Макъ-Леннана или группа, которую Морганъ, благодаря неловкому *petitio principii*, назвалъ «родомъ» (gens) — древнѣе семьи, которая во всѣхъ своихъ формахъ предполагаетъ наличность родства черезъ мужчинъ, то этимъ порождается смутность пониманія. Физіологическіе элементы семьи всегда должны были быть на лицо и всегда они именно являлись источникомъ болѣе обширныхъ

группъ. Какъ человѣческое существо не можетъ быть ребенкомъ двухъ матерей, такъ, съ физіологической стороны, не можетъ быть оно и ребенкомъ двоихъ отцовъ; дѣти одного и того же мужчины, какъ и дѣти одной женщины, всегда должны были имѣть въ своей природѣ нѣчто, отличавшее ихъ отъ всѣхъ прочихъ человѣческихъ существъ. Этимъ я хочу сказать, что семья должна была существовать всегда, хотя тѣмъ не менѣе она и могла быть не признаваема въ силу господствующихъ нравовъ. Здѣсь, по моему мнѣнію, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что указанный обычай вовсе не есть необходимый фактъ человѣческой природы: онъ просто указываетъ на то, что извѣстныя обстоятельства въ теченіе долгаго времени мѣшали дикарямъ открывать и признавать патернитетъ, который для своего открытія требуетъ болѣе сложныхъ средствъ, чѣмъ матернитетъ, для констатированія котораго достаточно простаго наблюденія. Замѣчательно, что какъ только человѣческая мысль стала стремиться къ рѣшенію вопроса о патернитетѣ, явилось и сильное преувеличеніе роли его въ родствѣ. А стремленіе это начало обнаруживаться, какъ кажется, очень рано; Фюстель-де-Куланжъ замѣчаетъ, между прочимъ, что для древнихъ обществъ, основанныхъ на началѣ родства, вопросъ о генераціи имѣлъ такое же великое значеніе, какое для современныхъ обществъ имѣетъ вопросъ о твореніи. Эврипидъ [2])

[2]) Эврипидъ, *Frag. Stobaeus*, 77, стр. 455.

Ἀλλ' ἴστ, ἐμοί μέν οὗτος οὐκ ἔσται νόμος
τὸ μή οὐ σέ, μῆτερ, προσφιλῆ νέμειν ἀεί,
καὶ τοῦ δικαίου, καί τόκων τῶν σῶν χάριν.
στέργω δέ τόν φύσαντα τῶν πάντων βρότων
μάλισθ'. ὁρίζω τοῦτο, καὶ σὺ μὴ φθόνει.
κείνου γάρ ἐξέβλαστον, οὐδ' ἂν εἷς ἀνήρ
γυναικός αὐδήσειεν, ἀλλὰ τοῦ πατρός.

Этотъ отрывокъ можно поставить въ параллель съ болѣе извѣстнымъ мѣстомъ *Eumenides* Эсхила, гдѣ Аполлонъ, защищая Ореста, настаиваетъ на томъ, что онъ не былъ изъ рода своей матери, Клитемнестры, которую онъ убилъ. По моему мнѣнію, аргументъ этотъ отличается всецѣло физіологическимъ характеромъ, а никакъ ужъ не

прямо говоритъ, что, по господствовавшей въ его время физіологической доктринѣ, ребенокъ есть произведеніе исключительно отца, и Гиппократъ (περὶ παιδίου), горячо опровергая это воззрѣніе и доказывая, что ребенокъ есть произведеніе обоихъ родителей, повидимому, признаетъ, что ложное ученіе являлось въ его время господствующимъ. Для того, чтобы согласиться съ Макъ-Леннаномъ и Морганомъ, мы должны допустить, что это наблюденіе надъ сходствомъ дѣтей съ тѣмъ или другимъ изъ родителей не могло быть сдѣлано — такъ кратковременна и такъ не прочна была связь между полами.

Мнѣ кажется, что хотя и патріархальная теорія и теорія, противоположная ей, даютъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе извѣстному количеству явленій древняго общества, тѣмъ не менѣе какъ общія теоріи происхожденія общества, обѣ онѣ подвержены весьма значительнымъ возраженіямъ. Безспорно, есть множество сообществъ дикарей, которыя до такой степени лишены нѣкоторыхъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ патріархальности, что самое предположеніе о томъ, что они прошли черезъ эту стадію развитія, кажется ни на чемъ не основанной гипотезой. Слѣдуетъ признать далѣе и то, что многія археологическія свидѣтельства въ пользу патріархальной теоріи приводятъ къ заключенію, что общества, наблюдаемыя въ состояніи близкомъ къ тому, которое теорія признаетъ за исходный моментъ общественнаго развитія, скорѣе приближаются къ этому состоянію, чѣмъ отклоняются отъ него, какъ состоянія болѣе ранняго. Но съ другой стороны, и новѣйшей теоріи, не говоря уже о доброкачественности детальныхъ свидѣтельствъ въ ея пользу, присущи столь же серьезныя и даже болѣе значительныя затрудненія. Строй отношеній, изъ которыхъ, по мнѣнію Макъ-Леннана, развилось человѣческое общество, онъ сравниваетъ съ тѣмъ

археологическимъ. Аполлонъ, подобно тому какъ поступаютъ въ сомнительныхъ случаяхъ современные адвокаты, обращается съ указаніемъ на послѣднія физіологическія данныя того времени. А тѣ «древнія правила», о попраніи которыхъ говорятъ Эвмениды, являются правилами признанной въ то время морали, какъ это видно изъ первыхъ строкъ цитированнаго отрывка.

состояніемъ, въ какомъ въ настоящее время находятся такъ называемые падшіе классы населенія большихъ европейскихъ городовъ. Но при этомъ сравненіи слѣдуетъ имѣть въ виду, что классы эти отличаются почти совершенной безплодностью; хотя, конечно, и могутъ быть указаны объясненія этому явленію, однако весьма многочисленныя данныя [3]) (которыя я, впрочемъ, не выдаю за вполнѣ убѣдительныя) показываютъ, что то состояніе первобытнаго половаго смѣшенія, отъ котораго отправляются Макъ-Леннанъ и Морганъ, въ наши дни влечетъ за собою такое патологическое состояніе, которое оказывается чрезвычайно неблагопріятнымъ для произрожденія; а для дикарей, ведущихъ постоянно войны, безплодіе равносильно съ слабостью и наконецъ съ полнѣйшимъ вырожденіемъ ихъ обществъ. Еще болѣе вѣскимъ возраженіемъ противъ этой теоріи является то, что она принимаетъ какъ бы за доказанное, будто въ теченіе долгаго времени не имѣла мѣста сильнѣйшая изъ всѣхъ страстей, а именно чувство половой ревности — страсть, которая присуща въ одинаковой мѣрѣ какъ людямъ, такъ и всѣмъ вообще животнымъ высшаго порядка. И въ этомъ отношеніи теорія эта находится въ полномъ контрастѣ съ теоріей патріархальной, которая въ этомъ чувствѣ видитъ силу, объединявшую и двигавшую впередъ древній общественный строй. Остановлюсь на болѣе подробномъ разсмотрѣніи этого обстоятельства.

---

[3]) Знаменитый современный физіологъ (д-ръ Карпентеръ), посѣтившій Вестъ-Индію не-задолго передъ уничтоженіемъ рабства, живо припоминаетъ усилія, которыя плантаторы употребляли къ тому, чтобы образовать среди негровъ семьи, такъ какъ половое смѣшеніе, къ которому они были склонны, приводило къ безплодію, а плодовитость среди нихъ со времени воспрещенія торга рабами, получила для рабовладѣльцевъ особенно важное значеніе. Слѣдуетъ прибавить къ этому, что независимо отъ различныхъ патологическихъ причинъ, то же безплодіе имѣло бы мѣсто и въ томъ случаѣ, если бы половое смѣшеніе развилось вслѣдствіе значительнаго численнаго неравенства между мужчинами и женщинами. Надо предположить совершенно необычайныя условія для того, чтобы небольшое количество женщинъ могло произвести потомство, по численности своей равное наличному составу поколѣнія лицъ (мужчинъ и женщинъ), способныхъ къ произрожденію.

Я никогда и не воображалъ, чтобы данныя изъ области закона или обычая, писаннаго или доступнаго наблюденію— какъ бы ни были они многочисленны — могли сами по себѣ разрѣшить вопросы, выдвигаемые изученіемъ зачатковъ человѣческаго общества. «Недостаточность геологическихъ данныхъ» — бездѣлица въ сравненіи съ несовершенствомъ данныхъ археологическихъ. «Каковы тѣ мотивы», спрашивалъ я въ «Древнемъ правѣ», «которые первоначально побуждали людей соединяться въ семейные союзы?» «На этотъ вопросъ», говорилъ я, «юриспруденція безъ помощи другихъ наукъ не можетъ дать отвѣта». Ожидаемая отъ біологической науки помощь явилась — и замѣчательно, что какъ въ древности патріархальная теорія раздѣлялась величайшимъ свѣтилою древней науки, такъ и въ наше время съ нею связано имя величайшаго представителя современной науки. Отъ этой теоріи, по моему мнѣнію, никоимъ образомъ не можетъ быть отдѣлено то воззрѣніе на первобытное состояніе человѣчества, къ которому пришелъ Дарвинъ въ результатѣ своихъ наблюденій и изысканій. «Изъ того, что намъ извѣстно о чувственной сторонѣ (passions) всѣхъ четвероногихъ мужескаго пола», говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи «Происхожденіе человѣка», «мы можемъ заключить что безпорядочность половыхъ сношеній въ естественномъ состояніи положительно не вѣроятна.... Если обратимся къ достаточно отдаленному прошлому, то чрезвычайно невѣроятнымъ покажется намъ, что первобытные мужчины и женщины жили въ безпорядочныхъ половыхъ отношеніяхъ между собою. Если судить по общественнымъ привычкамъ человѣка, какимъ онъ является въ настоящее время, и принять во вниманіе, что большинство дикарей—полигамисты, то наиболѣе правдоподобнымъ будетъ тотъ взглядъ, по которому первобытные люди жили первоначально небольшими общинами, при чемъ каждый имѣлъ столько женъ, сколько онъ могъ содержать или получить— женъ, которыхъ онъ ревниво оберегалъ отъ всѣхъ остальныхъ мужчинъ.... Въ первобытныя времена... люди жили, вѣроятно, полигамистами, но иногда при извѣстныхъ условіяхъ и моногамистами... И въ этомъ періодѣ они не были ли-

шены одного изъ сильнѣйшихъ инстинктовъ, присущихъ всѣмъ даже низшимъ животнымъ—чувства любви къ своему юному потомству». Съ своимъ обычнымъ безпристрастіемъ, хотя и не безъ нѣкотораго колебанія, Дарвинъ допускаетъ справедливость заключеній, къ которымъ пришли писатели, слѣдовавшіе отличнымъ отъ его пріемамъ изслѣдованія, но въ то же время онъ полагаетъ, что распущенность, приписываемая дикарямъ, относится къ «болѣе позднему періоду, когда человѣкъ подвинулся впередъ въ развитіи своихъ интеллектуальныхъ способностей, но ретроградировалъ въ своихъ инстинктахъ».

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что различіе въ характерѣ половаго союза, соотвѣтствующее той разницѣ во взглядахъ, которая отдѣляетъ патріархальную теорію отъ противоположной ей, проходитъ черезъ весь животный міръ; а если, при такихъ условіяхъ, принять еще въ соображеніе скудность археологическихъ данныхъ, то вполнѣ разумнымъ и цѣлесообразнымъ будетъ обратиться къ свидѣтельству тѣхъ, для кого животный міръ составляетъ спеціальный предметъ изученія. Въ то время, когда въ человѣкѣ преобладали еще чисто-животныя стороны, онъ принадлежалъ собственно къ числу животныхъ высшаго порядка; и вотъ почему, собственно, взгляды Дарвина имѣютъ въ данномъ случаѣ такое важное значеніе. Можно, пожалуй, отвергать или ограничивать абсолютность конечнаго заключенія той книги («Происхожденіе человѣка»), въ которой изложены его взгляды; и не смотря на это, все же останется на лицо изумительное собраніе фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ громадномъ вліяніи, какое имѣетъ въ животномъ мірѣ чувство половой ревности, при чемъ, чѣмъ выше подымается животное по лѣстницѣ видовъ, тѣмъ болѣе возростаетъ въ своей интензивности сила этого вліянія, заставляя полы соединяться въ группы, весьма аналогичныя съ тѣми, въ которыхъ, по мнѣнію Платона и Аристотеля, были соединены первобытные люди. Большая часть иностранныхъ изслѣдователей той области знанія, которой въ Англіи занимались Макъ-Леннанъ и Морганъ, имѣетъ передъ ними преимущество въ смыслѣ большей біологической эрудиціи; и они всѣ, какъ

кажется, приходятъ къ тому же заключенію, что и Дарвинъ. Д-ръ Летурно, который представилъ очень полное и въ высшей степени цѣнное собраніе фактовъ изъ жизни дикарей—собраніе, являющееся протестомъ противъ новѣйшихъ англійскихъ теорій, какъ преждевременныхъ [4]), высказывается очень опредѣленно о характерѣ первобытной семьи. «Наши первобытные предки скитались по лѣсамъ небольшими группами, состоявшими каждая изъ отца (скорѣе просто мужчины), его жены или женъ, затѣмъ молодыхъ потомковъ (des jeunes); совокупность ихъ представляла собою временное соединеніе (ássociation temporaire) подъ отцовскою властью». (*Letourneau*, La Sociologie, стр. 379). Д-ръ Ле-Бонъ, въ своемъ сочиненіи «L'Homme et les Societés» (т. II, стр. 284) категорически отвергаетъ предположеніе, по которому древнѣйшимъ состояніемъ человѣчества было состояніе половаго смѣшенія. «Въ наиболѣе близкихъ къ нашему роду обществахъ животныхъ мы видимъ животное, моногамическое или полигамическое, всегда ревнивое къ своимъ половымъ прерогативамъ, энергично защищающее ихъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, пока длится его половая связь, т. е., по крайней мѣрѣ, въ теченіе періода, необходимаго для взращенія его малютокъ» (pour élever ses petits). Несомнѣнно, что таковъ именно результатъ, наступающій всюду, гдѣ высшія животныя являются настолько сильными, чтобы дать полный просторъ чувству половой ревности. А половая ревность вмѣстѣ съ принципомъ власти и являются существеннѣйшими чертами патріархальной семьи.

Если, однако, и признать, что исходнымъ моментомъ раз-

---

[4]) Эти и многіе другіе факты доказываютъ, какъ преждевременны еще теперь попытки построить соціологическіе законы, съ ясностью и точностью законовъ научныхъ. Собирать факты, группировать ихъ, пробовать—не выходя изъ предѣловъ благоразумности—дѣлать нѣкоторыя обобщенія, подлежащія провѣркѣ и пересмотру: вотъ почти и все, что мы можемъ позволить себѣ въ нашихъ соціологическихъ опытахъ (*Letourneau*, стр. 320). Мудрость змѣи — прекрасное качество, которое неустанно слѣдуетъ рекомендовать соціологамъ нашихъ дней (стр. 332).

витія человѣчества была патріархальная семья, то какъ объяснить многія изъ тѣхъ замѣчательныхъ явленій дикаго состоянія и младенческаго періода цивилизаціи—явленій, которыя были впервые отмѣчены Макъ-Леннаномъ и Морганомъ и на основаніи которыхъ они построили совершенно противоположныя теоріи первобытнаго состоянія человѣчества? Къ тому выводу, который они дѣлаютъ изъ безусловнаго половаго смѣшенія, слѣдуетъ относиться съ величайшей осторожностью, какъ вслѣдствіе представленныхъ Дарвиномъ соображеній, такъ и потому, что сопровождающія такое состояніе бѣдствія должны были бы, по всей вѣроятности, привести или къ полному исчезновенію или къ опасному ослабленію тѣ общества, которыя практиковали это смѣшеніе. Но во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что эти явленія свидѣтельствуютъ о такомъ отношеніи между полами, при которомъ происхожденіе дѣтей отъ отца находилось въ сильной неопредѣленности. Объясненіе указаннымъ явленіямъ лежитъ, какъ мнѣ кажется, отчасти въ догадкѣ Дарвина о томъ, что они относятся къ «болѣе позднему періоду, когда человѣкъ подвинулся впередъ въ развитіи своихъ интеллектуальныхъ способностей, но ретроградировалъ въ своихъ инстинктахъ», отчасти же въ гипотезѣ Макъ-Леннана о значительной (и, какъ, повидимому, думаетъ онъ, повсемѣстной) малочисленности женщинъ въ первобытныхъ человѣческихъ группахъ. Не трудно замѣтить, что причина, которой Макъ-Леннанъ приписываетъ эти явленія, есть *vera causa*—она дѣйствительно способна была породить такія послѣдствія. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что моногамія, практикуемая нынѣ большею частью человѣчества (иногда и такъ-называемыми полигамическими расами), находится въ очень тѣсной связи съ основнымъ фактомъ природы — почти одинаковой численностью обоихъ половъ. Бывшія нѣкогда обычными праздныя догадки о преобладаніи мужскихъ или женскихъ рожденій въ настоящее время оставлены, такъ какъ наблюденіе показываетъ, что рожденія эти почти равночисленны. При всемъ томъ, въ современныхъ осѣдлыхъ обществахъ число взрослыхъ женщинъ, вообще, превышаетъ количество взрослыхъ мужчинъ, что объясняется большею смерт-

ностью среди мужчинъ — вслѣдствіе войнъ и рискованныхъ предпріятій. Допустимъ, однако, на минуту, въ цѣляхъ аргументаціи, что равновѣсіе это подверглось очень сильному нарушенію. Предположимъ общество, въ которомъ въ теченіе долгаго времени число женщинъ значительно перевѣшивало количество мужчинъ. Конечно, въ такомъ обществѣ моногамія могла бы держаться, вслѣдствіе ли предписаній какой-нибудь прочно установившейся религіи или въ силу нравственныхъ началъ, завѣщанныхъ прошлыми вѣками или заимствованныхъ изъ какого нибудь внѣшняго источника; но вообще слѣдуетъ ожидать, что такое общество, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ его частяхъ, будетъ полигамическимъ. Сдѣлаемъ, далѣе, противоположную гипотезу и представимъ себѣ населеніе, въ которомъ число мужчинъ перевѣшиваетъ число женщинъ. И здѣсь также семья, какъ мы понимаемъ ее, семья на моногамическихъ основаніяхъ, могла бы сохраняться долгое время подъ вліяніемъ могучихъ требованій религіи, нравственности или закона; но никто не сталъ бы удивляться, еслибы въ такомъ обществѣ установились рано или поздно тѣ же нравы, которые мы находимъ господствующими среди дикарей, еслибы нравственность и законъ сами стали приноравливаться къ такимъ общественнымъ привычкамъ, еслибы, наконецъ, и въ самой религіи стали находить объясненіе или оправданіе этихъ нравовъ. Учрежденія, носящія на себѣ печать такого общественнаго строя, могли бы продержаться и до сихъ поръ, хотя бы они и утратили свою реальность и хотя бы естественное равновѣсіе между полами и было возстановлено— такъ какъ простое переживаніе извѣстнаго института ничего не говоритъ о продолжительности того времени, которое протекло съ тѣхъ поръ, какъ оно впервые появилось подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій.

Въ высокой степени вѣроятно, что въ теченіе продолжительнаго періода своей исторіи различныя части человѣчества страдали неравенствомъ въ количествѣ женщинъ и мужчинъ. Макъ-Леннанъ, какъ извѣстно, объясняетъ это повсемѣстной распространенностью дѣтоубійства, которое притомъ же ограничивалось дѣтьми женскаго пола. Морганъ отвергаетъ это по-

ложеніе, да и вообще оно, поскольку по крайней мѣрѣ оно распространяется на все человѣчество, признается невѣроятнымъ. Не смотря однако на это, возможно допустить, что при извѣстныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ дикари лишали жизни свое слабое потомство. Но уже на зарѣ исторіи открываются многія другія причины неравночисленности половъ. Значительная часть человѣчества, когда мы впервые получаемъ возможность наблюдать его, находится въ состояніи передвиженія. Отъ болѣе обширныхъ аггрегатовъ отбиваются извѣстныя части, которыя и скитаются вдоль и поперекъ, то подъ напоромъ непріятелей, то подъ вліяніемъ стремленій найти себѣ болѣе обильныя средства къ существованію. Ни про одно общество, въ ту пору, когда впервые начинаетъ наблюдать его историкъ, нельзя съ положительностью утверждать, чтобы оно занимало какое-либо опредѣленное пространство. Весьма также вѣроятно, что эти кочующія группы имѣли въ своемъ составѣ большее количество мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Извѣстно, что нѣкоторые изъ острововъ Тихаго Океана были заселены мужчинами, прибывшими туда лишь съ небольшимъ количествомъ женщинъ; не будетъ очень произвольной догадкой и то, что Аборигены Австраліи и Америки заняли свои настоящія пространства при такой же пропорціи половъ.

Излишне и говорить о томъ, каковъ былъ бы характеръ учрежденій, которыя установились бы при такихъ условіяхъ. И можно сказать, что именно нравы Австралійцевъ и Американскихъ Индѣйцевъ особенно повліяли на Макъ-Леннана и Моргана въ построеніи ихъ теорій; замѣчательно, что тѣ или другіе намеки на существованіе подобныхъ учрежденій встрѣчаются именно въ тѣхъ обществахъ, первоначальныя основы которыхъ, подобно ирландскому, положены были скитальцами по морямъ. Еще болѣе дѣйствительной причиной численнаго неравенства между полами должна была быть война; и мы смѣло можемъ признать въ высшей степени важное значеніе за тѣми обычаями похищенія женщинъ, на которыхъ такъ сильно настаиваетъ Макъ-Леннанъ, особенно же если мы примемъ во вниманіе, что въ то время, какъ одни общества вслѣдствіе пораженія теряли своихъ женщинъ, другія—вслѣд-

ствіе побѣды выигрывали въ ихъ числѣ. Обращаю вниманіе читателей на одинъ замѣчательный памятникъ, въ которомъ находимъ разсчетъ такихъ потерь и выигрышей—памятникъ, на который не было обращено должнаго вниманія. Это—Египетская надпись на обратной сторонѣ металлической доски, хранящейся въ Берлинскомъ музеѣ; въ надписи этой передаются результаты одной завоевательной экспедиціи.

Строка 20.—Я послалъ своихъ стрѣлковъ на непріятелей въ городъ Макгенунемъ. Они овладѣли имъ и произвели великое побоище, взявъ въ плѣнъ всѣхъ женщинъ и всѣхъ вьючныхъ животныхъ—505,349 быковъ и 2,236 женщинъ.

Строка 25.—Нанесъ пораженіе предводителю земли Лобарду. Взялъ съ собою все золото, какое было у него, быковъ—203,346, рогатаго скота—603,108. Всѣхъ женщинъ, которыя остались въ живыхъ, предводитель отдалъ намъ.

Строка 27.—Послалъ своихъ солдатъ противъ Арроза. Произвелъ великое кровопролитіе, взявъ въ плѣнъ всѣхъ женщинъ. Быковъ—22,110. Женщинъ—всѣхъ.

Строка 29.—Изъ Макишеркерта взялъ всѣхъ..... (мужчинъ). Всѣхъ женщинъ.

Строка 32.—Произвелъ великое пораженіе тѣхъ, которые имѣли своимъ начальникомъ Тамаклива. Взялъ всѣхъ женъ ихъ, всѣхъ лошадей. Быковъ—35,330

Во всей этой длинной надписи есть только одна строка, въ которой можно думать, что рѣчь идетъ о взятіи живыми мужчинъ: но еще вопросъ, такъ ли прочтена эта строка. Въ связи съ другими данными о древнихъ войнахъ, приведенная надпись не оставляетъ во мнѣ никакихъ сомнѣній въ томъ, что общимъ правиломъ при одержаніи побѣды было—брать только женщинъ. Мужчины или обращались въ бѣгство, или убивались, но женщины, а быть можетъ и дѣти—брались въ рабство, и вотъ это-то, повидимому, и составляло предметъ извѣстныхъ увѣщаній, съ которыми греческіе полководцы обращались къ войскамъ наканунѣ сраженія.

Такимъ образомъ я считаю болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что со времени появленія на землѣ человѣчества неопредѣленная часть его, въ то или другое время, страдала отъ сравнитель-

ной малочисленности женщинъ. Слѣдуетъ признать, далѣе, что развитіе интеллекта, о которомъ говоритъ Дарвинъ, должно было привести людей къ установленію учрежденій, которыя соотвѣтствовали бы такому соотношенію между полами—хотя бы уже въ видахъ удержанія въ извѣстныхъ предѣлахъ той половой ревности, которая, не будучи чѣмъ-либо сдерживаема, не могла при такихъ условіяхъ не вызывать непрерывныхъ насилій и кровопролитій. При этомъ придется допустить, что такія учрежденія привели бы къ созданію среди мужчинъ и женщинъ группъ, очень несходныхъ съ тѣми, въ какія, по мнѣнію біологовъ и согласно патріархальной теоріи, были соединены первобытные люди. Если такимъ образомъ невозможно сказать, какая именно часть человѣчества страдала такою неравночисленностью между полами—если мы не въ правѣ отрицать, что и нѣкоторыя отрасли обширныхъ аггрегатовъ людей, говорящихъ нарѣчіями арійскаго и семитическаго корней, также могли въ то или другое время испытывать это неравенство—то, можно спросить, какая же польза настаивать на патріархальной теоріи, какъ теоріи, объясняющей первобытную группировку человѣчества? Польза величайшая, отвѣчу я на это; если не признать всего того, что заключаетъ въ себѣ патріархальная теорія, то рѣшительно невозможно будетъ понять цѣлый рядъ явленій, которыя Макъ-Леннанъ и Морганъ или оставляютъ вовсе безъ объясненія, или же объясняютъ неудовлетворительно.

Прежде всего, какъ на главный факторъ образованія группъ, въ которыхъ впервые развилось понятіе родства, патріархальная теорія указываетъ на власть, на власть сильнаго мужчины. Противоположныя теорія, наоборотъ, предполагаютъ, что въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ власть вовсе не имѣла мѣста. Не говоря уже о неправдоподобности такого предположенія, я просто замѣчу на это, что единственнымъ извѣстнымъ намъ источникомъ новыхъ формъ родства является власть. Одна изъ этихъ новыхъ формъ его, современное понятіе національности, позволяющее говорить объ Англичанахъ, Французахъ, Австралійцахъ, Американцахъ—создано не чѣмъ инымъ, какъ спеціальнымъ видомъ власти, который юристы

называютъ суверенитетомъ. Патріархальная теорія, далѣе, предполагаетъ, что мотивомъ, приводившимъ къ проявленію власти, было чувство половой ревности. Противоположныя ей теоріи предполагаютъ наоборотъ, что въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ чувство половой ревности не имѣло мѣста. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно конечно допустить, что та страсть, которая вызвала у Ахиллеса гнѣвъ мщенія, а у Отелло агонію, была первоначально неизвѣстна людямъ или нейтрализовалась подъ давленіемъ другихъ обстоятельствъ; но разъ только будетъ признано, что страсть эта—являющаяся одною изъ могущественнѣйшихъ силъ, дѣйствующихъ какъ на нравственную, такъ и на интеллектуальную сторону человѣка—была въ то же время и однимъ изъ наименѣе сдерживаемыхъ инстинктовъ въ ту пору, когда въ человѣкѣ преобладала животная сторона, разъ только будетъ признано все это—совокупность наблюденныхъ въ послѣднее время явленій получитъ, какъ мнѣ кажется, освѣщеніе существенно отличное отъ того, какое даютъ имъ сами наблюдатели.

Изслѣдователь, думающій, что семья, построенная на чувствѣ половой ревности въ связи съ принципомъ власти, представляетъ собою явленіе сравнительно недавняго прошлаго или рѣдко встрѣчающееся—долженъ подвергать строгой провѣркѣ представляемыя ему свидѣтельства [5]). Онъ долженъ очень осторожно относиться къ утвержденіямъ касательно быта дикарей и къ признанію за «переживаніе» той системы учрежденій, которая *prima facie* идетъ въ разрѣзъ съ фактами человѣческой природы.

Признавая вѣроятнымъ, какъ это онъ обязанъ сдѣлать, что въ извѣстное время нѣкоторыя части человѣчества были соединены въ группы, заключавшія въ себѣ значительно меньшее число женщинъ, чѣмъ мужчинъ, и допуская, что этотъ недостатокъ въ женщинахъ и отразился въ такихъ учрежденіяхъ, какъ обозначеніе родства по происхожденію отъ женщинъ—онъ этимъ самымъ уже получаетъ основаніе думать, что вообще то состояніе, при которомъ возникли та-

---

[5]) См. примѣчаніе къ настоящей главѣ—„Андаманскіе островитяне".

кія учрежденія, было не болѣе, какъ временнымъ состояніемъ. Племя, въ которомъ въ теченіе долгаго времени число женщинъ было менѣе числа мужчинъ, было бы въ крайне невыгодномъ положеніи сравнительно съ тѣми племенами, въ которыхъ количественное отношеніе между обоими полами было приблизительно одинаково. Такое племя обнаружило бы слабую способность къ воспроизведенію себя—отчасти вслѣдствіе болѣзней и главнымъ образомъ вслѣдствіе относительной малочисленности рожденій отъ небольшаго количества матерей.

При сказанныхъ условіяхъ онъ лучше, чѣмъ новѣйшіе изслѣдователи, поймете, какимъ образомъ произошло, что всѣ общества, подвинувшись впередъ въ своемъ развитіи, достигли наконецъ той ступени, которую онъ признаетъ первобытнымъ состояніемъ семьи. Самой неудовлетворительной стороной въ сочиненіяхъ Макъ-Леннана и Моргана является то объясненіе, какое они даютъ признанію патернитета, происхожденію отъ отца. Морганъ, какъ кажется, думаетъ, что оно стало признаваться вслѣдствіе народнаго рѣшенія (by popular vote). Макъ-Леннанъ же прямо высказывается въ пользу того, что оно будто бы возникло изъ обычая, по которому предполагаемые отцы дѣлали подарки своимъ предполагаемымъ дѣтямъ. Истинный же отвѣтъ на поставленный выше вопросъ состоитъ въ томъ, что на эти неустановившіяся общественныя формы постоянно должна была оказывать свое вліяніе великая естественная сила, приводившая къ тому, что наиболѣе сильная часть каждаго общества всегда соединялась въ группы, допускавшія признаніе патернитета и удовлетвореніе родительскихъ инстинктовъ. И вотъ собственно чѣмъ объясняется то обстоятельство, что семья, впервые появляясь, принимаетъ видъ не современной намъ семьи, а семьи, въ которой принципъ родства перемѣшивается съ началомъ власти.

Далѣе тотъ, кто приметъ во вниманіе природу этой великой эмоціональной силы, постоянно дѣйствовавшей въ обществахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, тотъ едва ли рѣшится утверждать, что всѣ они вышли изъ первобытнаго состоянія путемъ

совершенно одинаковыхъ измѣненій. Онъ скорѣе рѣшится допустить, что стадіи этого процесса были безконечно разнообразны. Онъ такимъ образомъ отнесется совершенно равнодушно ко многимъ и даже большинству пунктовъ разногласія между школой Макъ-Леннана и Моргана, и будетъ склоненъ думать, что было не два, а множество путей послѣдовательнаго развитія, изъ которыхъ каждый дѣйствовалъ въ своей собственной сферѣ. Насколько мнѣ извѣстно, въ писанной исторіи общества нѣтъ ничего такого, что могло бы дать опору утвержденію, будто въ теченіе обширнаго до-историческаго періода его развитія слѣдовали одно за другимъ повсюду единообразно, если не одновременно — одни и тѣ же видоизмѣненія общественнаго строя. Великая сила, лежащая въ человѣческой природѣ и никогда не прекращавшая своего дѣйствія, могла, конечно, съ теченіемъ времени приводить къ единообразнымъ результатамъ, не смотря на громадное различіе въ обстоятельствахъ, сопровождающихъ суровую борьбу за существованіе; но въ высшей степени невѣроятно предположеніе о томъ, что дѣйствіе этой силы было одинаково отъ начала до конца.

Наконецъ, если мы признаемъ достаточно вѣскими аргументы и свидѣтельства въ пользу того воззрѣнія, что развитіе человѣческихъ обществъ началось съ патріархальныхъ семей, то мы признаемъ не только правдоподобнымъ, но и весьма вѣроятнымъ, что въ нѣкоторыхъ изъ обществъ, дожившихъ до историческихъ временъ, переходъ отъ первобытнаго состоянія къ болѣе высокимъ ступенямъ развитія совершался безъ перерыва. «Въ большинствѣ греческихъ государствъ и въ Римѣ», писалъ я въ «Древнемъ правѣ» (стр. 128), «долгое время сохранялись слѣды тѣхъ первоначальныхъ общественныхъ группъ, изъ которыхъ впервые возникло государство. За типъ такихъ группъ мы можемъ принять семью, домохозяйство и трибу у Римлянъ; и судя по дошедшимъ до насъ описаніямъ этихъ союзовъ, мы едва ли можемъ себѣ представить ихъ иначе, какъ въ видѣ цѣлаго ряда концентрическихъ круговъ, идущихъ, постепенно расширяясь, отъ одной общей точки. Элементарной группой

является семья, въ которой связующимъ началомъ было подчиненіе всѣхъ ея членовъ старѣйшему члену мужескаго пола по восходящей линіи. Соединеніе нѣсколькихъ семей образуетъ собою gens или родъ. Аггрегація родовъ составляетъ трибу, племя. Аггрегація же племенъ образуетъ собою государство, республику. Но въ правѣ ли мы, слѣдуя этимъ указаніямъ, признать, что государство есть собраніе лицъ, объединенныхъ общимъ происхожденіемъ отъ родоначальника первоначальной семьи? Въ чемъ, по меньшей мѣрѣ, мы можемъ быть увѣрены, такъ это въ томъ, что всѣ древнія общества считали себя происшедшими отъ одного общаго ствола». Прежде всего — есть ли какая-нибудь надобность предполагать, что эти общества прошли черезъ періодъ половаго смѣшенія, въ той или иной его формѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ тотъ или иной, смотря по условіямъ, въ какихъ стояли эти общества. Если они страдали недостаткомъ въ женщинахъ, то такія явленія, какъ поліандрія и счисленіе родства по женской линіи, конечно могли имѣть мѣсто, и притомъ на любой стадіи общественнаго развитія. Но всегда должны были существовать общества, болѣе другихъ сильныя, искусныя, поставленныя въ болѣе благопріятныя условія—общества, которыя менѣе другихъ имѣли побужденія убивать дѣтей женскаго пола и которыя съ бо́льшимъ успѣхомъ снабжали себя женщинами, похищая ихъ изъ другихъ племенъ. Если арійская раса оказалась наиболѣе успѣшной въ своемъ развитіи, то она должно быть была и одной изъ сильнѣйшихъ человѣческихъ расъ—и вотъ почему собственно можно усомниться въ вѣскости доказательствъ, приводимыхъ въ пользу того, что и среди отраслей арійской расы господствовало когда-то половое смѣшеніе. Значенія нѣкоторыхъ изъ этихъ доказательствъ, конечно, нельзя отвергать; нельзя, съ другой стороны, считать неправдоподобнымъ и то, что нѣкоторыя подраздѣленія этой расы или нѣкоторыя изъ болѣе дикихъ обществъ, принявшихъ ея языкъ, и впали на время въ состояніе бо́льшаго или меньшаго смѣшенія. Но общій вопросъ долженъ быть рѣшенъ сообразно тому, въ какую сторону болѣе клонятся и безъ того не очень-то обиль-

ныя свидѣтельства. И прежде всего слѣдуетъ дать себѣ ясный отчетъ о томъ, въ чемъ собственно состоитъ проблема. Выше я выразилъ ее въ слѣдующихъ словахъ: «Историческія народности при первомъ своемъ появленіи въ исторіи стоятъ на той или близко къ той стадіи развитія, при которой счетъ родства опирается исключительно на происхожденіе отъ отца. Онѣ или находятся уже на этой ступени, или приближаются къ ней, или наконецъ удаляются отъ нея. Многія изъ этихъ племенъ, въ извѣстныхъ случаяхъ — вообще рѣдкихъ или очень отдаленныхъ по времени — предоставляютъ участіе въ наслѣдованіи и женщинамъ съ ихъ нисходящимъ потомствомъ; и для современныхъ изслѣдователей возникаетъ вопросъ— видѣть ли въ такомъ положеніи женщинъ переживаніе отъ болѣе древняго варварскаго состоянія (нынѣ наблюдаемаго у дикарей), при которомъ родство считалось исключительно по женской линіи, или же это было продуктомъ разложенія, въ силу различныхъ вліяній, «агнатическаго» родства, т. е. родства исключительно по мужской линіи» [6]). Какъ я уже показалъ въ другомъ мѣстѣ, «вліяніями», о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, являлись—въ римскомъ правѣ преторская Aequitas, а въ священномъ индусскомъ правѣ — религія.

Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о томъ предметѣ, который пріобрѣлъ особенную важность и интересъ почти всецѣло благодаря трудамъ Макъ-Леннана. Онъ — авторъ терминовъ «эксогамія» и «эндогамія»; первый обозначаетъ собою обычай брать женъ исключительно за предѣлами даннаго племени; вторымъ обозначается обычай брать женъ только въ предѣлахъ своего племени. Тотъ фактъ, что нѣкоторыя древнія расы распространяли брачное запрещеніе далеко за предѣлы узкихъ границъ современной намъ таблицы запрещенныхъ степеней — что онѣ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, воспрещали мужчинѣ жениться на той, чье происхожденіе отъ одного съ нимъ предка было несомнѣнно — этотъ фактъ былъ и ранѣе не безъизвѣстенъ изслѣдователямъ индусскаго права; но Макъ-Леннанъ первый указалъ на

---

[6]) См. выше главу V.

широкую распространенность этихъ запретовъ среди варварскихъ обществъ и первый намѣтилъ ту связь, въ какой находятся у дикарей эти запреты съ системой счисленія родства по женской линіи. Первое замѣчаніе, которое я считаю нужнымъ сдѣлать по поводу этихъ открытій, тѣсно связанныхъ съ Макъ-Леннановской теоріей общественнаго развитія, заключается въ томъ, что для меня является не вполнѣ доказанной возможность рѣзко противопоставлять другъ другу термины «эксогамія» и «эндогамія». Существуетъ ли хоть одно общество, которое не было бы въ одно и то же время «эксогамическимъ» и «эндогамическимъ»? Обратимся (какъ это желательно дѣлать всегда въ такихъ случаяхъ) къ древнему римскому праву. Всякій бракъ римскаго гражданина въ предѣлахъ того круга, который довольно близко подходитъ къ опредѣляемому современной таблицей запрещенныхъ степеней, былъ недѣйствителенъ; и дѣти отъ такого брака признавались незаконными. Но, съ другой стороны, недѣйствительнымъ считался и всякій бракъ римскаго гражданина съ женщиной, которая сама не была римской гражданкой или которая не принадлежала къ одному изъ тѣхъ обществъ, которыя пользовались высоко-цѣнившейся и всегда спеціально-даруемой привилегіей *connubium* по отношенію къ Риму; и дѣти отъ такого брака также признавались незаконными. Такимъ образомъ римское общество было въ одно и то же время и эксогамическимъ, и эндогамическимъ; въ немъ находимъ одинаково—какъ внѣшній, такъ и внутренній предѣлы. Двоякое же правило встрѣчаемъ мы и въ индусскомъ правѣ. Индусъ не можетъ жениться на той, которая принадлежитъ къ одному съ нимъ *gotra*, такъ какъ всѣ члены *gotra* предполагаются (теоретически) происшедшими отъ одного общаго предка; но въ то же время онъ *долженъ* жениться въ предѣлахъ непремѣнно *своей* касты. Здѣсь, слѣдовательно, также существуютъ и внѣшній и внутренній предѣлы. Не думаю, чтобы вопросъ этотъ могъ явиться окончательно рѣшеннымъ одной ссылкой на большое число дикихъ или варварскихъ племенъ, практикующихъ «эксогамію» въ широкомъ смыслѣ. Мнѣ кажется, что на внѣшнюю границу, въ предѣлахъ которой долженъ былъ

жениться человѣкъ, не обратили достаточнаго вниманія вслѣдствіе того интереса, который возбужденъ былъ открытіемъ прежде неизвѣстнаго эксогамическаго запрещенія; и я хочу доказать, что вопросъ этотъ требуетъ переизслѣдованія. Хотя я и не являюсь профессіональнымъ изслѣдователемъ въ этой области, однако и мнѣ не разъ случалось находить указанія на внѣшнюю или эндогамическую границу. Такъ, въ Китаѣ существуютъ обширныя группы сородичей, въ которыхъ всѣ и каждый носятъ одно и то же родовое имя. Они — «эксогамичны»: ни одинъ мужчина не можетъ жениться на той, которая носитъ одно съ нимъ родовое имя; и изъ этого факта сдѣлано было много выводовъ. Между тѣмъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, занимающійся изученіемъ общественныхъ явленій Китая, Джемисонъ (Jamieson), нашелъ, что эти роды въ то же время и эндогамичны. «Съ внѣшней стороны они — эндогамичны: у нихъ воспрещается бракъ съ кѣмъ-либо изъ посторонняго племени; внутренне же они — эксогамичны: у нихъ воспрещается бракъ со всякимъ, чье прозвище говоритъ объ общемъ происхожденіи отъ одного ствола» (*China Review*, т. X, № 2).

Въ большинствѣ цивилизованныхъ обществъ Западнаго міра еще и теперь можно подмѣтить эти границы—какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю. Съ одной стороны, «эксогамія» поддерживается законодательствомъ: повсюду браки между близкими родственниками воспрещаются. Въ этомъ отношеніи законъ основывается на соображеніяхъ отчасти физіологическихъ, отчасти религіозныхъ, хотя однако религія и физіологія не совсѣмъ сходятся въ томъ, какова должна бы быть надлежащая таблица запрещенныхъ степеней. Съ другой стороны, существуетъ и внѣшняя или эндогамическая граница, изъ предѣловъ которой не долженъ выходить бракъ; эта граница по большей части находится подъ покровомъ приличій и предразсудковъ. Въ Англіи отъ нея сохранились лишь слабые, хотя и не совсѣмъ незамѣтные слѣды. Гораздо рѣзче выступаетъ она (или скорѣе выступала прежде) въ Соединенныхъ Штатахъ, въ видѣ предразсудковъ о смѣшеніи бѣлой крови съ цвѣтною. Въ Германіи же и до сихъ поръ браки за предѣлами за-

прещенныхъ степеней влекутъ за собою лишеніе нѣкоторыхъ наслѣдственныхъ достоинствъ; въ самой Франціи, не смотря на ея республиканскія учрежденія, хотя и не безъизвѣстны, но все же чрезвычайно рѣдки браки между лицами, принадлежащими къ *noblesse*, и лицами, принадлежащими къ *bourgeoisie* (различіе между тѣми и другими обозначается частицею *de*). Къ этому надо прибавить, что церковь не разъ смягчала суровость «эксогамическаго» правила, воспрещающаго браки между близкими родственниками, въ тѣхъ видахъ, чтобы избавить члена какой-нибудь знатной континентальной династіи отъ необходимости переступать внѣшнюю границу, въ предѣлахъ которой онъ долженъ былъ жениться.

Я имѣю особенное основаніе настаивать на этомъ вопросѣ. Эксогамія играетъ большую роль какъ въ системѣ Макъ-Леннана, такъ и въ системѣ Моргана (хотя у послѣдняго она носитъ другое названіе). Оба они одинаково думаютъ, что извѣстная опредѣленная стадія человѣческаго развитія отмѣчается появленіемъ особой группы, которую Морганъ называетъ «gens», а Макъ-Леннанъ—«эксогамическимъ тотемкинъ» (totem-kin)—группы родственниковъ и родственницъ, ни подъ какимъ видомъ не вступающихъ въ браки между собою и обозначающихъ свое родство посредствомъ особаго знака на тѣлѣ. Поскольку объ этой группѣ можно судить по сдѣланнымъ въ Америкѣ и Австраліи наблюденіямъ ея, она болѣе всякаго другаго человѣческаго соединенія напоминаетъ собою полъ (sex): она не можетъ воспроизводиться иначе, какъ подъ условіемъ комбинированія съ подобною же ей группой, такъ какъ иначе ни мужчины не могутъ найти себѣ женъ, ни женщины—мужей. Вслѣдствіе этого она всегда является частью какого-нибудь болѣе обширнаго общественнаго аггрегата. Хотя я и не могу отдать себѣ вполнѣ яснаго отчета въ томъ, какъ понимаетъ ее Макъ-Леннанъ, однако мнѣ кажется, что онъ видитъ въ ней развитую форму самостоятельной первобытной группы, которая, на его взглядъ, представляла собою соединеніе мужчинъ и (въ значительно меньшемъ числѣ) женщинъ, жившихъ между собою въ состояніи половаго безразличія, и слѣдовательно была совершенно непохожа на патріархальную

семью, какъ ее понимаетъ старая теорія. Малочисленность женщинъ обусловливалась дѣтоубійствомъ, а послѣдствіемъ своимъ имѣла обычай красть женщинъ изъ другихъ группъ—обычай, который и до сихъ поръ существуетъ въ формѣ умычки, представляющей собою характерную особенность браковъ у варварскихъ племенъ. Подъ вліяніемъ этого обычая и создалась мало-по-малу практика «эксогаміи». Съ другой стороны, Морганъ, хотя и онъ также думаетъ, что первоначально среди людей господствовало безпорядочное половое сожительство, повидимому, не признаетъ однако, что численность обоихъ половъ была неодинакова. Онъ полагаетъ, что первобытные люди очень рано стали замѣчать бѣдственныя послѣдствія отъ тѣснаго скрещиванія и что всѣ болѣе раннія трансформаціи человѣческаго общества были результатомъ постояннаго стремленія предотвратить эти бѣдствія. Такимъ образомъ по его мнѣнію (по крайней мѣрѣ, какъ я понимаю его), «gens»—терминъ, которымъ онъ не совсѣмъ удачно обозначаетъ то, что Макъ-Леннанъ назвалъ «эксогамическимъ тотемкинъ»—есть не первобытная общественная группа, а простое подраздѣленіе болѣе обширныхъ племенныхъ обществъ, первоначально практиковавшихъ безпорядочное половое сожительство — подраздѣленіе, созданное съ цѣлью ограничить скрещиваніе.

Въ силу вышеизложенныхъ основаній, я не склоняюсь ни въ сторону Макъ-Леннановской, ни въ сторону Моргановской теоріи; но мнѣ кажется, что если дальнѣйшія изысканія откроютъ за внѣшнимъ «эндогамическимъ» кругомъ родства такую же распространенность, какъ и внутренняго «эксогомическаго», то это открытіе значительно подкрѣпитъ теорію Моргана, которую, конечно, можно допустить скорѣе, чѣмъ теорію Макъ-Леннана. Теорію Моргана я принимаю постольку, поскольку она есть объясненіе первоначальнаго образованія эксогамическихъ группъ и поскольку она считаетъ ихъ подраздѣленіями болѣе обширныхъ группъ, созданными для того, чтобы ограничить скрещиваніе. Соображеніе, не позволяющее противникамъ этой гипотезы согласиться съ нею, сводится къ тому, что первобытные люди будто бы были

неспособны сдѣлать такое физіологическое открытіе. Если правда, что скрещиваніе есть зло, то уже самая истинность этого положенія, по ихъ мнѣнію, противорѣчитъ древности человѣческаго знанія объ немъ. Притомъ же и самая истинность его не вполнѣ несомнѣнна. Физіологи не согласны между собою по отношенію къ тѣмъ границамъ, которыя опредѣляются таблицею запрещенныхъ степеней. Нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, значительно расширили бы ихъ, другіе же отрицаютъ громадность размѣровъ того зла, которое стремятся предотвратить этимъ путемъ. Я думаю, однако, что при разсмотрѣніи гипотезы Моргана совершенно упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что утвержденія его касаются того времени, когда не было ни хирургіи, ни медицины — времени, предшествовавшаго тому, когда, согласно греческимъ преданіямъ, Прометей открылъ травы, исцѣляющія отъ человѣческихъ немощей. При помощи богатыхъ средствъ современной медицины, бѣдствія отъ браковъ между близкими родственниками могли бы быть сведены къ минимуму; въ нихъ, можетъ быть и вовсе стали бы сомнѣваться. Для дикаря же особенную цѣнность должно было представлять собою то, что мы называемъ хорошимъ тѣлосложеніемъ; человѣкъ, получившій отъ рожденія хорошее тѣлосложеніе, былъ мало доступенъ болѣзнямъ, или же легко переносилъ ихъ благодаря своей прирожденной крѣпости. У дикарей болѣзнь, разъ схваченная, не можетъ быть излѣчена искусственнымъ способомъ. Такимъ образомъ если въ настоящее время преимущество, которое получаютъ дѣти отъ эксогамическаго брака, и кажется несущественнымъ, то для первобытнаго человѣчества оно имѣло неоцѣнимое значеніе. Я не понимаю, почему люди, открывшіе употребленіе огня и съумѣвшіе выбрать дикія породы нѣкоторыхъ животныхъ для приученія ихъ, а растеній для воздѣлыванія—не могли подмѣтить, что дѣти нездороваго тѣлосложенія родятся отъ лицъ, состоящихъ между собою въ близкомъ редствѣ. Если такія дѣти, будучи предоставлены сами себѣ, оказывались дѣйствительно слабыми, то этотъ фактъ конечно далъ бы о себѣ знать въ суровомъ процессѣ половаго подбора, дѣйствующаго какъ на отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и

на цѣлыя племена. Благодаря именно этому процессу ученые открыли въ послѣднее время замѣчательные способы перекрещиванія растеній и произведенія такимъ путемъ лучшихъ растительныхъ породъ; а если этотъ процессъ дѣйствовалъ на людей всегда и безостановочно, то я могу допустить, что и умъ первобытнаго человѣка могъ подмѣтить его проявленіе. Слѣдуетъ прибавить къ этому. что наиболѣе раннія серьезныя попытки противодѣйствовать болѣзнямъ принимали, какъ кажется, форму именно предосторожностей—выработки и развитія извѣстныхъ привычекъ—а не лѣкарственныхъ средствъ, какъ теперь.

ПРИМѢЧАНІЕ

(къ гл. VII-ой).

Андаманскіе островитяне.

Опасаюсь навлечь на себя нѣкоторый упрекъ за замѣчаніе, сдѣланное мною въ сочиненіи «Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ» по поводу бездоказательности многихъ свидѣтельствъ о древнихъ обычаяхъ—свидѣтельствъ, которымъ придается громадное значеніе; нѣкоторыя изъ нихъ я назвалъ «вымыслами путешественниковъ». Дѣлая свои замѣчанія объ этихъ свидѣтельствахъ (съ тѣхъ поръ впрочемъ качество ихъ значительно улучшилось), я выразилъ большія надежды на критическую провѣрку дикихъ или варварскихъ обычаевъ, предпринятую чиновниками Индійскаго Управленія, которымъ поручена администрація многочисленныхъ туземныхъ расъ Индіи. Ожиданія мои въ значительной степени уже оправдались, и я укажу здѣсь на одинъ изъ достигнутыхъ такимъ путемъ результатовъ.

Если и есть какое-либо общество, которое казалось бы всего болѣе представлятъ собою промежуточное звено въ

цѣпи развитія, лежащее между животнымъ и человѣкомъ, такъ это именно—населеніе Андаманскихъ острововъ. Въ предисловіи къ «Selections from Records of the Government of India (Home Department)», № XXV, написанномъ еще ранѣе того, какъ эти острова сдѣлались мѣстомъ ссылки каторжниковъ, говорится между прочимъ, что «невозможно представить себѣ такія человѣческія существа, которыя бы на лѣстницѣ цивилизаціи стояли ниже Андаманскихъ дикарей. То немногое, что извѣстно объ ихъ нравахъ и обычаяхъ, свидѣтельствуетъ объ нихъ, какъ о людяхъ безъ религіи и управленія, а также и о томъ, что они живуть въ вѣчномъ опасеніи вступить въ какое-либо соприкосновеніе съ какой нибудь другой расой.... Преданія такой по истинѣ варварской расы не способны пролить никакого свѣта на ихъ происхожденіе». Имѣвшіяся на-лицо, правда, скудныя данныя повидимому вполнѣ подкрѣпляли эту мрачную характеристику. Древнія описанія Востока изображаютъ островитянъ людоѣдами (обвиненіе, которое, какъ кажется, не имѣетъ за себя никакихъ основаній), а въ своихъ «Asiatic Researches», въ 1795 году, лейтенантъ Кольбрукъ писалъ о нихъ слѣдующее: «Андаманскіе острова заселены людьми, быть можетъ наименѣе цивилизованными во всемъ мірѣ—людьми, приближающимися къ естественному состоянію болѣе, чѣмъ какой бы то ни было народъ изъ всѣхъ, какіе мы только знаемъ. Ходятъ они совершенно голыми; иногда женщины прикрываются передниками въ родѣ кисти или бахромы, но они служатъ имъ просто украшеніемъ, такъ какъ и безъ нихъ онѣ не проявляютъ никакихъ признаковъ стыдливости.... Мужчины коварны, изворотливы и мстительны». У Леббока («До-историческія времена») также находимъ однородныя данныя. «Андаманскіе островитяне, какъ кажется, совершенно лишены всякаго чувства стыда и по многимъ своимъ нравамъ они очень сходны съ животными..... Бракъ у нихъ длится лишь до тѣхъ поръ, пока ребенокъ родится и будетъ отнятъ отъ груди, послѣ чего, судя по свидѣтельству лейтенанта Сентъ-Джона, приводимому Бельчеромъ, мужчина и женщина обыкновенно снова разлучаются, ища себѣ каждый новаго сожителя».

Въ настоящее время Андаманскіе острова представляютъ собою для Индійскаго Управленія главное мѣсто ссылки каторжниковъ, и островитяне являются подчиненными британской администраціи. Британо-Индійскимъ чиновникомъ, м-ромъ Манъ, сдѣлано въ «Journal of the Anthropological Institute», XII. I. 69 и II. 13, въ высшей степени любопытное описаніе теперешняго быта островитянъ—описаніе, основанное на личномъ наблюденіи. Одной изъ чертъ, на которыхъ особенно останавливается авторъ описанія, является скромность женщинъ. Передники свои изъ листьевъ онѣ не снимаютъ даже въ присутствіи однихъ только женщинъ. Другая черта—цѣломудріе замужней женщины. «По тому уваженію, которымъ они (островитяне) окружаютъ свои добродѣтели (скромность и нравственность), они приближаются къ нѣкоторымъ слоямъ цивилизованныхъ народовъ». Бракъ у нихъ является вполнѣ опредѣленнымъ институтомъ. «Браки заключаются не ранѣе того, какъ обѣ стороны достигнутъ зрѣлаго возраста: женихъ отъ 18—22, невѣста отъ 16—20 лѣтъ». Холостяки и незамужнія живутъ на противоположныхъ концахъ обширнаго общаго жилища, а брачныя пары—въ серединѣ его. Патернитетъ признается: отецъ обыкновенно присутствуетъ при рожденіи ребенка. На островахъ вовсе не встрѣчаются случаи ублюдковъ (cross-breed).

Правленіе находится въ рукахъ начальниковъ, авторитетъ которыхъ переходитъ отчасти и на ихъ женъ. «Жена начальника пользуется многими привилегіями, въ особенности если она мать; въ силу же положенія своего мужа она главенствуетъ надъ всѣми молодыми незамужними женщинами, а также и надъ тѣми изъ замужнихъ, которыя не старше ея по лѣтамъ». «Общественныя отношенія проникнуты взаимной привязанностью», говоритъ Манъ. Дѣтей учатъ быть благородными и самоотверженными. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ имъ внушается въ обязанность—проявлять почтительность и гостепріимство по отношенію къ друзьямъ и постороннимъ посѣтителямъ. Всевозможное вниманіе и уваженіе оказывается одинаково всѣмъ слоямъ населенія—и юношамъ, и слабымъ, престарѣлымъ и безпомощнымъ».

Вообще, на мой взглядъ, нѣтъ предмета, о которомъ было-бы такъ трудно получить достовѣрныя свѣдѣнія, какъ объ отношеніяхъ между полами въ обществахъ, значительно отличныхъ отъ того, къ которому принадлежитъ самъ изслѣдователь. На все то, что передается ему, легко могутъ оказать свое могущественное вліяніе два чувства—чувство стыдливости и желаніе позабавиться, и онъ самъ почти всегда видитъ факты въ невѣрномъ освѣщеніи. Въ справедливости этого легко убѣдиться, посмотрѣвъ хотя бы на тѣ ходячія предубѣжденія именно въ этой области, которыхъ такъ много въ Англіи по отношенію къ странѣ столь близкой къ ней и по положенію, и по цивилизаціи, какъ Франція.

ГЛАВА VIII.

Восточно-Европейскія семейныя общины.

Нѣтъ болѣе драгоцѣннаго пріобрѣтенія для научной археологіи, какъ всякое новое дополненіе къ тѣмъ средствамъ, которыми мы уже располагаемъ для изученія доселѣ еще погруженныхъ въ варварское состояніе обществъ арійскаго происхожденія. Въ послѣднее время нравы и обычаи дикарей, не принадлежащихъ къ циклу развитыхъ племенъ, послужили предметомъ тщательныхъ наблюденій и многочисленныхъ сравненій, на основаніи которыхъ и были сдѣланы весьма остроумныя и интересныя обобщенія; но истинное отношеніе этихъ нравовъ и обычаевъ къ нашей собственной цивилизаціи вплоть до настоящаго времени остается далеко не выясненнымъ. Древнѣйшіе обычаи нынѣ цивилизованныхъ обществъ могутъ быть до извѣстной степени возстановлены при помощи лѣтописей, преданій, и всего болѣе при посредствѣ изученія ихъ правовыхъ системъ; но связь между обычаями Арійцевъ въ эпоху ихъ варварскаго состоянія и обычаями дикарей не-арійскаго происхожденія (если такая связь существуетъ въ дѣйствительности) приходится устанавливать при помощи свидѣтельствъ, на которыя всего менѣе можно положиться, такъ какъ исторія сливается здѣсь съ поэзіей, преданіе съ легендой, а положительное право съ неопредѣленными и неясно выступающими обычаями. Что особенно необходимо здѣсь, такъ это—чтобы опытные наблюдатели занялись тщательнымъ изслѣдованіемъ тѣхъ варварскихъ обществъ, относительно арійскаго происхожденія которыхъ не можетъ быть сомнѣнія.

Индія доставила богатѣйшіе матеріалы для изученія древнѣйшихъ учрежденій, при чемъ особенно важное значеніе имѣютъ, какъ я надѣюсь показать въ этой главѣ, тѣ матеріалы, которые сдѣлались предметомъ изученія лишь въ самое послѣднее время. Многое въ общественной и семейной жизни высшихъ индусскихъ кастъ представляетъ безспорную аналогію съ тѣми стадіями общественнаго развитія, черезъ которыя проходили на зарѣ своей исторіи и цивилизованныя общества Западнаго міра. Но значеніе наблюдаемыхъ въ Индіи общественныхъ фактовъ подлежитъ нѣкоторымъ довольно существеннымъ ограниченіямъ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ очень древнихъ обычаевъ, наблюдаемыхъ въ Индіи, есть много не арійскихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сохранилось множество остатковъ отъ дѣйствительно варварскаго состоянія Арійцевъ, но не всегда легко отличить это послѣднее отъ варварства не-арійскаго, тѣмъ болѣе, что рѣшительно невозможно опредѣлить размѣры тѣхъ измѣненій, которымъ подверглось съ теченіемъ времени первобытное состояніе Арійцевъ. Постоянныя и глубокія измѣненія производятся въ немъ религіей, не имѣющей рѣшительно ничего общаго съ западными религіями; съ другой стороны, все болѣе и болѣе возростаетъ дѣйствіе новыхъ вліяній, распространяемыхъ англійскимъ владычествомъ. Какъ ни велико значеніе наблюденій надъ Индіей, они однако не производятъ на европейскихъ историковъ, занятыхъ изученіемъ древностей Западнаго общества, того дѣйствія, какого можно было бы ожидать. Существуетъ положительный предразсудокъ противъ всякихъ попытокъ выяснить ходъ общественнаго развитія ссылкой на обычаи народа, столь отдаленнаго и такъ давно уже отдѣлившагося отъ другихъ родственныхъ обществъ той же арійской группы, какимъ являются Индусы.

Особенно богатое поле для изслѣдованія первобытнаго общественнаго строя обѣщаютъ представить собою учрежденія тѣхъ народностей, которыя входятъ въ составъ Магометанскаго міра. Во всѣхъ странахъ, бывшихъ недавно или и до сихъ поръ находящихся подъ мусульманскимъ владычествомъ, подобно городамъ, засыпаннымъ нѣкогда вулканическими из-

верженіями, открываются время отъ времени своеобразныя и въ высшей степени любопытныя формы древней общественной организаціи. Замѣчаніе это относится, впрочемъ, лишь къ тѣмъ странамъ, которыя, будучи завоеваны Магометанами и сдѣлавшись ихъ данниками, не были однако обращены въ магометанскую вѣру. Съ точки зрѣнія задачъ научной археологіи, группы людей, обращенныхъ въ исламъ, не представляютъ въ сущности никакого интереса, такъ какъ съ момента своего обращенія въ новую вѣру онѣ начинаютъ жить подъ дѣйствіемъ такихъ гражданскихъ законовъ, которые являются въ то же время и религіозными и которые только въ такомъ смыслѣ и могутъ быть понимаемы При настоящемъ положеніи изслѣдованій наибольшее значеніе для изучающаго древнѣйшія учрежденія имѣютъ тѣ области древняго обычая, которыя на современномъ языкѣ обозначаются—правомъ наслѣдованія и брачнымъ правомъ. Между тѣмъ общество, принимающее магометанское наслѣдственное право, получаетъ въ немъ систему такихъ правилъ наслѣдованія, которыя въ общемъ должны быть признаны лишь строгими выводами изъ буквы текстовъ, почитаемыхъ священными, хотя нѣкоторыя изъ этихъ правилъ и являются, быть можетъ, отголоскомъ древнихъ арабскихъ обычаевъ. Эта система распредѣляетъ наслѣдователей по классамъ, совершенно непохожимъ на тѣ, которые извѣстны арійскимъ обычаямъ (въ ихъ чистой или видоизмѣненной формѣ); къ тому же это—система въ высшей степени точнаго дѣленія имущества на дробныя части. Между тѣмъ по древнѣйшимъ арійскимъ обычаямъ умершему наслѣдуетъ не отдѣльная личность, а коллективная группа родственниковъ; и именно вслѣдствіе того, что въ составѣ этой группы и въ распредѣленіи имущества между ея членами—отражаются древнѣйшіе способы общаго пользованія имуществомъ при жизни, именно вслѣдствіе этого правила о наслѣдованіи безъ завѣщанія и представляютъ для насъ такой глубокій интересъ. Первобытный Аріецъ является, далѣе, не только моногамикомъ, но и экзогамикомъ (употребляя здѣсь чрезвычайно мѣткое выраженіе Макъ-Леннана), т. е. беретъ себѣ жену внѣ круга своего племени. Таблица запрещенныхъ для вступленія въ бракъ сте-

пеней родства принимаетъ у Арійцевъ чрезвычайно широкіе размѣры. Мусульманинъ же, наоборотъ, не только полигамикъ, но и эндогамикъ, т. е. законъ резрѣшаетъ ему брать въ жены даже очень близкихъ родственницъ. Внимательные изслѣдователи Индіи замѣтили, что въ той сравнительной свободѣ междубрачія, которая допускается исламизмомъ, и кроется одна изъ причинъ его успѣшнаго распространенія. Устраняя стѣснительныя ограниченія браминскаго брачнаго права, онъ подкупаетъ въ свою пользу новыхъ прозелитовъ.

Но тамъ, гдѣ общества, покоренныя Мусульманами, не были обращены въ магометанство, владычество его содѣйствуетъ упроченію ихъ варварскаго состоянія, если они находятся въ таковомъ. Большинство ихъ организованы въ общественныя группы, связанныя между собою общимъ происхожденіемъ, дѣйствительнымъ или мнимымъ. Они, быть можетъ, никогда и не достигали высшей общественной организаціи; быть можетъ (и это предположеніе вѣроятнѣе) и то, что магометанское завоеваніе не только остановило ихъ развитіе, но и заставило ихъ отойти нѣсколько назадъ по тому пути, которымъ они шли впередъ отъ первобытнаго варварскаго состоянія. Какъ бы то ни было, но тамъ, гдѣ группы эти являются организованными въ видѣ сообществъ родственниковъ или соплеменниковъ, магометанское владычество въ сильной степени содѣйствуетъ скрѣпленію объединяющихъ эти сообщества связей. Питая непреодолимое отвращеніе къ магометанскимъ судамъ, члены христіанскихъ обществъ придаютъ вслѣдствіе этого особенно высокое значеніе своимъ общиннымъ судилищамъ. Съ другой стороны, общность жизни, основанная на началѣ кровнаго родства, влечетъ за собою всегда и общую отвѣтственность за выполненіе законныхъ обязательствъ; фискальныя требованія мусульманскаго правительства побуждаютъ родственниковъ распредѣлять налоговое бремя между возможно бо́льшимъ количествомъ лицъ. Магометанскія правительства сами прекрасно сознаютъ выгоды круговой поруки передъ индивидуальною отвѣтственностью, и потому они благопріятствуютъ сохраненію цѣлости этихъ естественныхъ союзовъ; подобно тому какъ и французскіе сеньеры, судя по средневѣковымъ юридическимъ па-

мятникамъ, поддерживали общины виллановъ, живущихъ *au même pot* (у одного очага). Магометанское владычество обнаруживаетъ также и косвенное вліяніе на предотвращеніе того естественнаго процесса разложенія, которому подлежатъ такіе союзы. Война и торговля—таковы главнѣйшіе факторы, дѣйствующіе на первобытныя общины разлагающимъ образомъ. Первая разбиваетъ ихъ на части, разсѣвая остатки въ разныя стороны, вторая также разлагаетъ ихъ, создавая неравное распредѣленіе богатствъ: нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ богатому и бѣдному братьямъ жить вмѣстѣ подъ общей кровлей. Но магометанское правительство сохраняетъ вообще миръ и, съ другой стороны—своими мѣропріятіями и своимъ бездѣйствіемъ, неправильнымъ обложеніемъ, неумѣніемъ завести удобные способы сообщенія и установить правильное отправленіе провосудія—замедляетъ или даже вовсе препятствуетъ накопленію капитала.

Развивающіяся въ послѣднее время, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, изслѣдованія провинцій Европейской Турціи уже открыли намъ почти совершенно чистый типъ одного изъ древнѣйшихъ учрежденій арійской расы—быть можетъ самаго древняго послѣ семьи. Семейная община (House Community) не есть исключительная принадлежность турецкихъ провинцій, такъ какъ она встрѣчается у всѣхъ южно-славянскихъ народностей. Но въ наиболѣе развитомъ видѣ она является именно тамъ, гдѣ южно-славянскія племена до сихъ поръ пребываютъ или недавно находились подъ мусульманскою властью, или же тамъ, гдѣ, какъ въ Черногоріи, весь ходъ историческаго развитія характеризуется безпрестанной борьбою съ Турецкимъ владычествомъ. Не трудно понять важное значеніе этихъ семейныхъ общинъ для изученія того, что я назову здѣсь общественной и политической эмбріологіей. Онѣ представляютъ собою живую форму тѣхъ учрежденій, о которыхъ сохранились одни лишь слабые намеки въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ большинства цивилизованныхъ націй. Римское право, которое одно только даетъ возможность прослѣдить постепенный переходъ отъ варварства къ цивилизаціи, изображаетъ намъ общество, состоящее изъ отдѣльныхъ семей, управ-

ляемыхъ каждое своимъ деспотическимъ главою—pater familias. Но, съ другой стороны, въ немъ замѣтны также и слѣды еще не совсѣмъ забытыхъ учрежденій—соединеній родственныхъ семей, которыя долгое время сохраняли нѣкоторые общіе интересы, а прежде когда-то жили совершенно общею жизнью. Соединенія эти наложили свою печать отчасти на правѣ, и еще болѣе на религіи; но какъ бы то ни было, въ римской юридической исторіи они являются учрежденіями мертвыми. Рядомъ съ семьей сохранились еще слѣды существованія у Римлянъ группы, не имѣющей спеціальнаго коллективнаго названія, группы агнатовъ или агнатическихъ родственниковъ: такъ назывались лица, считавшія свое родство между собою только со стороны отца—лица, находившіяся подъ дѣйствительною или вымышленной отцовской властью одного общаго предка. Рядомъ съ агнатическимъ родствомъ находимъ другую, болѣе обширную группу, происхожденіе которой теряется во мракѣ временъ, но которая, какъ думали и сами Римляне, имѣла своимъ основаніемъ, какъ и агнаты—происхожденіе отъ общаго предка и притомъ только въ мужской линіи. Это—gens, родъ. Ничто не можетъ быть интереснѣе, какъ наблюдать еще въ полной жизни эти группы, которыя въ римскомъ обществѣ являются уже мертвыми, будучи лишены корпоративнаго существованія. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что семейная община Южныхъ Славянъ соотвѣтствуетъ той или другой изъ болѣе обширныхъ римскихъ группъ, эллинскому γένος, кельтскому sept, тевтонскому kin. Еще болѣе сходства имѣетъ она съ нераздѣльной семьей (joint-family) Индусовъ — учрежденіемъ угасающимъ, хотя и до сихъ поръ продолжающимъ существовать. Что касается до того, въ какомъ отношеніи находится семейная община къ семейнымъ соединеніямъ у дикарей, имѣющимъ съ нею нѣкоторыя черты сходства, но еще болѣе—отличій, то вопросъ этотъ (особенное вниманіе къ нему возбуждено было въ высшей степени интересными изслѣдованіями Макъ-Леннана — о «Первобытномъ бракѣ» и Льюиса Моргана—о «Древнемъ обществѣ») принадлежитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ болѣе опредѣленное сужденіе возможно будетъ составить лишь послѣ того, какъ жизнь дика-

рей и арійскихъ народностей будетъ всесторонне изслѣдована [1]).

Лѣтъ пятнадцать или двадцать тому назадъ учрежденія Славянъ стали привлекать къ себѣ особенное вниманіе, и весьма вѣроятно, что они въ концѣ концовъ окажутся мостомъ, соединяющимъ между собою двѣ, столь долго разъединенныя другъ отъ друга, части вселенной и человѣчества—Востокъ и Западъ. Въ русской сельской общинѣ подмѣчено тожество съ индусской деревенской общиной, при чемъ въ первой сохранились даже болѣе рѣзкія черты архаизма, чѣмъ во второй. Впрочемъ, въ сельской общинѣ связь общаго происхожденія и родства представляется уже слабой и неясной, хотя она все-таки и проявляется въ языкѣ, а до извѣстной степени—и въ чувствахъ; это представленіе о родствѣ было слишкомъ часто толкуемо въ расширительномъ смыслѣ (благодаря юридической фикціи) для того, чтобы оно могло сохраниться во всей своей первоначальной чистотѣ. Владѣніе землею уже потеряло характеръ безусловно общаго пользованія—она разбита на участки и подлежитъ періодическимъ передѣламъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта стадія уже пройдена. Сельскія общины — на пути къ современной формѣ землевладѣнія. Но нераздѣльная семья Индусовъ и до сихъ поръ представляетъ собою довольно чистый типъ агнатической группы Римлянъ—типъ, который еще болѣе сохранилъ бы свою чистоту, если бы не противодѣйствовало тому вліяніе англійскаго законодательства и англійскихъ судовъ. Здѣсь мы и въ самомъ дѣлѣ находимъ совершенно ясное и реальное представленіе объ общемъ предкѣ, дѣйствительное родство по крови, общую собственность, общее жилище. Нераздѣльная семья Индусовъ является вполнѣ тожественной съ семейной общиной Южныхъ Славянъ, за исключеніемъ лишь того, что существованіе ея длится меньшій рядъ поколѣній. Распредѣленіе этихъ группъ по странамъ, гдѣ онѣ встрѣчаются, достойно полнаго вниманія: у Сѣверныхъ или Русскихъ Славянъ находимъ сельскую общину; община семейная составляетъ спеціальную принадлеж-

[1]) См. примѣчаніе къ настоящей главѣ—«Родъ».

ность Южныхъ Славянъ, Кроатовъ, Далматинцевъ, Черногорцевъ, Сербовъ и Болгаръ. Въ Индіи, съ другой стороны, встрѣчаемъ бокъ-о-бокъ и нераздѣльную семью и сельскую общину; иногда, впрочемъ, онѣ являются связанными одна съ другою сложными взаимными отношеніями. Но и тутъ однако замѣчено, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сильно распространены нераздѣльныя семьи, деревенская организація слабѣетъ и сельскія общины встрѣчаются рѣдко; особенно наглядно выступаетъ это явленіе въ Нижнемъ Бенгалѣ.

Семейная община такимъ образомъ есть не что иное, какъ разросшаяся семья—соединеніе нѣсколькихъ и даже многихъ родственныхъ семей, живущихъ вмѣстѣ въ общемъ жилищѣ или въ группѣ общихъ жилищъ, ведущихъ совмѣстно одинаковыя занятія и управляемыхъ общимъ начальникомъ. Законы и обычаи, подъ дѣйствіемъ которыхъ живутъ эти учрежденія, были недавно тщательно изслѣдованы замѣчательнымъ ученымъ, труды котораго, написанные по-славянски, вслѣдствіе незнанія этого языка мало доступны современному поколѣнію Англичанъ. Я говорю о профессорѣ Богишичѣ. Онъ—уроженецъ Рагузы; послѣдній трудъ его изданъ Академіей Наукъ въ Аграмѣ; онъ далѣе—профессоръ одесскаго университета и занимается кодификаціей законовъ Черногоріи. Результаты его изслѣдованій извѣстны мнѣ лишь по нѣкоторымъ извлеченіямъ изъ нихъ, переведеннымъ на нѣмецкій языкъ, и по изложенію ихъ, сдѣланному на французскомъ языкѣ Федоромъ Демеличемъ. Ничто, по моему мнѣнію, не можетъ сравниться съ ними по ихъ поучительности. Они раскрываютъ передъ нами тотъ путь, которымъ въ первобытномъ обществѣ арійской расы происходятъ измѣненія въ личныхъ отношеніяхъ и въ области идей, по мѣрѣ того какъ болѣе мелкія группы поглощаются болѣе обширными союзами, при чемъ обѣ эти группы являются взаимно связанными между собою общностью крови. Они открываютъ намъ политическую власть въ самомъ ея зародышѣ; глава домохозяйства переходитъ мало-по малу въ начальника, а государство беретъ свое первое начало въ семьѣ. Эти изслѣдованія, въ которыхъ я вижу новые и богатѣйшіе матеріалы для рѣшенія вопроса о томъ, въ ка-

комъ положеніи находились въ періодъ варварства нынѣ цивилизованныя племена—достойны занять мѣсто рядомъ съ недавними изслѣдованіями Индіи.

Повидимому, во всѣхъ южно-славянскихъ странахъ естественныя семьи переплетаются съ семейными общинами. Подъ «естественной семьей» разумѣется группа нисходящихъ потомковъ еще живаго лица, между тѣмъ какъ семейная община (почти всегда) есть соединеніе семей, которыя всѣ происходятъ отъ одного общаго и уже умершаго предка. Эти естественныя семьи изслѣдованы еще не такъ тщательно, какъ того можно бы желать; въ глазахъ наблюдателей онѣ не столь своеобразны, какъ семейная община: при томъ же этимъ наблюдателямъ, какъ кажется, неизвѣстны споры, возникшіе по вопросу о томъ, какія группы древнѣе—болѣе обширныя или болѣе мелкія, и которую изъ нихъ можно съ бо́льшимъ основаніемъ признать за клѣточку, изъ которой развилось человѣческое общество. Съ своей стороны я, опираясь на различныя указанія, не сомнѣваюсь въ томъ, что эти семьи находятся подъ полновластнымъ управленіемъ старѣйшаго по лѣтамъ восходящаго родственника. Не только юридическіе писатели, но и всѣ путешествовавшіе по южнославянскимъ землямъ указываютъ на необыкновенное уваженіе, которое питаютъ въ нихъ къ престарѣлому возрасту. «Безъ почтенія къ старикамъ нѣтъ спасенія», говоритъ сербская поговорка. «Отецъ есть земной богъ для сына», гласитъ другое славянское изреченіе. Вотъ еще одна очень распространенная поговорка: «дьяволъ знаетъ такъ много потому, что онъ очень старъ.» Сказанное находитъ себѣ еще болѣе убѣдительное подтвержденіе въ томъ, подмѣченномъ проф. Богишичемъ, фактѣ, что у Южныхъ Славянъ, какъ и у Римлянъ, существуетъ рѣзкое различіе между агнатическимъ и когнатическимъ родствомъ, что̀ они и обозначаютъ терминами — родство по большой и родство по малой крови. Такимъ образомъ люди, связанные между собою происхожденіемъ отъ общаго предка исключительно черезъ нисходящихъ (естественныхъ или пріемышей) мужескаго пола, являются родственниками большой крови; если же они признаютъ ни-

сходящихъ и по женской линіи, то они—родственники малой крови. А признаніе агнатическаго родства есть самое лучшее свидѣтельство тому, что въ данномъ обществѣ патріархальна власть или существуетъ, или существовала раньше; отцовская власть могла быть нѣкогда и тамъ, гдѣ не было агнатическаго родства, но гдѣ только есть это послѣднее, тамъ всегда есть и отцовская власть [2]). Такимъ образомъ соотношеніе между семьей и семейной общиной у Южныхъ Славянъ представляется вполнѣ тожественнымъ тому, какое мы находимъ въ Индіи между естественной семьей и нераздѣльной семьей. Когда семья не распадается вслѣдствіе разсѣянія въ разныя стороны ея членовъ, тогда она разростается въ семейную общину; община же (хотя и не такъ часто, какъ въ Индіи) разбивается на отдѣльныя естественныя семьи. Процессъ этотъ, какъ можно видѣть изъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, продолжается съ незапамятныхъ временъ.

Семейныя общины, которыя мы видимъ переплетающимися съ естественными семьями, изъ которыхъ онѣ постоянно развиваются, очень далеки отъ патріархальнаго самовластія: онѣ представляютъ собою прекрасную иллюстрацію того ослабленія отцовской власти, которое, какъ я уже неоднократно указывалъ, наступаетъ, когда семьи — вмѣсто того, чтобы распасться по смерти своего основателя — живутъ вмѣстѣ и дѣлаютъ первые шаги къ тому, чтобы стать націей. Община на первыхъ порахъ управляется скорѣе демократически, чѣмъ деспотически, и опредѣленіе характера ея управленія — признается ли оно демократическимъ, аристократическимъ или монархическимъ — зависитъ въ сущности отъ той точки зрѣ-

---

[2]) Изъ переписки съ проф. Богишичемъ я узналъ, что у Русскихъ власть отца сильнѣе, чѣмъ у Южныхъ Славянъ и что среди послѣднихъ она сильнѣе у приморскихъ, чѣмъ у центральныхъ племенъ. Проф. Богишичъ слышалъ, какъ одинъ юноша говорилъ своему отцу: — „мы не въ приморской странѣ, гдѣ отцы — все, а сыновья — ничто". Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ со вступленіемъ въ бракъ сыновья выходятъ изъ подчиненія отцовской власти; но въ этомъ случаѣ бракъ означаетъ отдѣленіе отъ отцовскаго крова и представляетъ собою вѣроятно древнѣйшую форму того явленія, которое Римляне называли эманципаціей.

нія, съ которой смотритъ на нее наблюдатель. Каждый членъ сообщества имѣетъ безусловное право на жилище, одежду и пропитаніе изъ общаго капитала. Каждая дочь при выходѣ замужъ имѣетъ право на полученіе брачнаго приданаго; каждый сынъ, вводя въ общину жену свою, имѣетъ право получить за нею извѣстное обезпеченіе. Каждый мужчина имѣетъ право голоса въ управленіи общиной. Члены общины обыкновенно ежедневно сходятся въ собраніе (скупщина), происходящее большею частью вечеромъ, по окончаніи работъ, подъ деревомъ близъ общаго жилища. Здѣсь обсуждаются всѣ дѣла общины и, теоретически, каждый можетъ принять участіе въ этомъ обсужденіи. Тѣмъ не менѣе на дѣлѣ обыкновенно только старики участвуютъ въ совѣщаніяхъ; уваженіе, которымъ, какъ я уже говорилъ, пользуются у Южныхъ Славянъ старики, придаетъ мнѣнію ихъ бо̀льшій вѣсъ; и въ болѣе обширныхъ общинахъ присутствуютъ на собраніяхъ обыкновенно лишь взрослые главы семей. Все это вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что извѣстно намъ о зачаткахъ аристократіи у народовъ арійскаго племени; при этомъ слѣдуетъ постоянно имѣть въ виду, что если бы общинамъ приходилось жить въ постоянныхъ войнахъ, то старики и молодежь отступили бы, по всей вѣроятности, на задній планъ и власть на собраніяхъ сдѣлалась бы принадлежностью того, кто являлся бы первымъ на войнѣ.

Если посмотрѣть на управленіе общины съ другой точки зрѣнія, оно окажется монархическимъ. Важнѣйшимъ членомъ ея всегда является начальникъ общины—«домачинъ». Онъ одинъ представляетъ общину въ сношеніяхъ ея съ посторонними и съ ея собственными членами. Въ его рукахъ—управленіе всѣми дѣлами общины: онъ распредѣляетъ ежедневныя урочныя работы; предсѣдаетъ за общимъ столомъ и раздаетъ пищу; дѣлаетъ выговоры за упущенія и оплошность; къ нему всегда обращаются съ величайшемъ почтеніемъ; всѣ встаютъ при его входѣ; въ его присутствіи никто не осмѣливается покрыть голову или курить; ни одно увеселеніе, ни одинъ обрядъ не начинаются прежде, чѣмъ онъ прибудетъ или предупредитъ о своемъ отсутствіи. Общинный совѣтъ не пересматриваетъ его дѣй-

ствій, а ждетъ, пока онъ самъ представитъ на его обсужденіе наиболѣе важные вопросы, что особенно имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ установленіи новыхъ порядковъ въ управленіи. Женщины, входящія въ составъ общины, не находятся подъ его непосредственной властью; у нихъ есть своя «домачица», которая и назначаетъ имъ урочныя работы: она всегда находится въ подчиненіи у домачина, женою котораго она и является обыкновенно.

Способъ назначенія домачина представляетъ большой интересъ и проливаетъ яркій свѣтъ на цѣлый рядъ проблемъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ древнѣйшей исторіи царскаго или королевскаго достоинства. Занимающемуся политической эмбріологіей извѣстны кажущіяся противорѣчія между различными фактами, въ тускломъ свѣтѣ изображающими зачатки королевской власти. Иногда санъ начальника или короля представляется исключительно избирательнымъ, и надѣленіе имъ зависитъ, повидимому, всецѣло отъ личныхъ качествъ; иногда онъ представляется наслѣдственнымъ, при чемъ весьма неопредѣленнымъ является вопросъ о томъ, къ кому онъ долженъ переходить— къ брату или къ старшему сыну умершаго суверена; королевское достоинство вообще ограничивается лицами мужескаго пола, но кое-гдѣ при извѣстныхъ условіяхъ и женщина можетъ сдѣлаться королевой. Въ послѣднее время представлено было множество очень остроумныхъ объясненій этимъ явленіямъ. Но система избранія домачина у Южныхъ Славянъ, хотя и въ ней замѣчается, повидимому, та же неопредѣленность, показываетъ съ другой стороны, что неопредѣленность эта возникаетъ вслѣдствіе вполнѣ естественной и понятной причины — изъ конфликта между чувствомъ и необходимостью, между сильнымъ уваженіемъ къ началу кровнаго родства и очень яснымъ сознаніемъ матеріальныхъ требованій жизни. Начальникъ избирается коллективнымъ сообществомъ, и обыкновенно выборъ его падаетъ на члена той семьи, которая восходитъ къ общему предку черезъ нисходящихъ по началамъ первородства. Склонность его лежитъ въ сторону избранія старшаго сына умершаго начальника, но уваженіе къ зрѣлому возрасту и сознаніе той цѣны, которую имѣетъ жизненная опытность въ дѣлѣ успѣшной борь-

бы за существованіе, приводитъ къ тому, что избирается обыкновенно братъ послѣдняго управителя. Высоко цѣня важность личныхъ способностей, оно ставитъ иногда во главѣ общины женщину, которая въ такомъ случаѣ рѣзко отличается отъ домачицы, управляющей другими женщинами подъ ближайшимъ надзоромъ общиннаго начальника. Впрочемъ, избраніе женщины на постъ начальника встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ то думали первые изслѣдователи семейныхъ общинъ, и весьма возможно, что они не съумѣли различить одну отъ другой двѣ формы власти, которой облекаются въ нихъ женщины. Но несомнѣнно встрѣчаются случаи, когда женщина получаетъ власть не только надъ другими женщинами, но и надъ мужчинами, входящими въ составъ группы: основаніемъ къ избранію женщины въ общинные начальники служитъ обыкновенно способность ея къ управленію. Какъ на наиболѣе частый случай этого, имѣющіеся у меня подъ руками источники указываютъ на тѣ, когда существенная часть общиннаго дохода получается отъ школьнаго-пансіона для дѣвицъ (boarding-school for girls), содержимаго принадлежащими къ общинѣ женщинами. Ясно, что въ первобытные вѣка или даже въ началѣ исторіи подобные мотивы къ избранію женщины въ управители не могли имѣть мѣста. Несомнѣнно, что объясненіе доступа женщины къ верховной власти въ наиболѣе ранніе вѣка слѣдуетъ искать въ широкомъ господствѣ начала кровнаго родства, когда не мѣшали этому внѣшнія условія жизни: въ случаѣ угасанія мужскаго потомства избраніе женщины предпочитали передачѣ власти въ чужекровный родъ. При всемъ томъ указанныя явленія среди Славянъ даютъ поводъ думать, что даже въ первобытныхъ военныхъ общинахъ выдающіяся способности женщины заставляли забывать о ея полѣ и что какая-нибудь Девора или Артемизія могли управлять племенемъ точно такъ же, какъ у Славянъ женщина управляетъ семейной общиной. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что иногда общиннымъ начальникомъ избирается вдова умершаго начальника, при жизни котораго она раздѣляла съ нимъ власть, а именно—управляя женщинами, входящими въ составъ общины.

Во всѣхъ семейныхъ общинахъ существуетъ, какъ кажется,

общее правило—что основной капиталъ или фондъ, нужный для веденія общинныхъ предпріятій, не подлежитъ отчужденію. Характеръ этой неотчуждаемой собственности представляется весьма разнообразнымъ; такъ, въ общинахъ, занимающихся разведеніемъ винограда, не могутъ быть отчуждаемы чаны, употребляемые для броженія винограднаго сока; въ общинахъ, занимающихся винокуреніемъ, тотъ же принципъ примѣняется къ аппаратамъ для дистиллаціи. Но большая часть общинъ—чисто земледѣльческія; и замѣчательно, что въ нихъ собственность, не подлежащая отчужденію, весьма близко подходитъ къ такъ называемымъ *res mancipi* древняго римскаго права: т. е. состоитъ изъ земли и воловъ, употребляемыхъ для распашки. Многіе, а въ томъ числѣ и я, высказывали неоднократно предположеніе, что вещами, составлявшими у Римлянъ высшую категорію, являлись предметы, наиболѣе необходимые для земледѣльческаго народа; и хотя намъ извѣстно, что римскія *res mancipi* могли быть отчуждаемы при извѣстныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе чрезвычайная сложность требуемыхъ при этомъ формальностей даетъ поводъ думать, что эти предметы составляли нѣкогда неотчуждаемый основной капиталъ древнихъ латинскихъ земледѣльческихъ общинъ. Между тѣмъ факты, подмѣченные въ послѣднее время на востокѣ Европы, возбуждаютъ нѣкоторыя новыя идеи не только по отношенію къ *res mancipi*, но и въ особенности по отношенію къ другому, низшему съ технической стороны, разряду вещей — *res nec mancipi*, къ которымъ Римляне причисляли всѣ предметы обладанія, не входившіе въ первую категорію вещей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я высказалъ предположеніе, что вещи, не включенныя въ высшій разрядъ, были отнесены къ низшему «по той причинѣ, что значеніе ихъ оцѣнили лишь въ позднѣйшую эпоху, когда списокъ наиболѣе цѣнныхъ предметовъ былъ уже составленъ. Первоначально онѣ были неизвѣстны, рѣдки, малоупотребительны, на нихъ смотрѣли только какъ на прибавленія къ предметамъ болѣе цѣннымъ». Я и теперь думаю, что эта характеристика *res nec mancipi* вѣрна по отношенію къ извѣстнымъ ступенямъ первобытнаго общества, а если подъ послѣдними словами—«прибавленія къ предметамъ

болѣе цѣннымъ»—разумѣть продукты въ отличіе отъ орудій труда, то я думаю, что сказанное будетъ вполнѣ примѣнимо къ той стадіи древняго міра, къ которой ближе всего подходятъ славянскія семейныя общины. Весьма вѣроятно, что древнѣйшія земледѣльческія общины едва только удовлетворяли свои потребности; что онѣ никогда не отчуждали орудій обработки и потребляли все то, чѣмъ земля вознаграждала ихъ труды. Но по мѣрѣ того, какъ увеличивалась ихъ производительность, становилась устойчивѣе мирная жизнь и мало по малу возникали средства обмѣна, общіе рынки — стала усиливаться и роль экономическихъ факторовъ, и *res nec mancipi* поднялись на болѣе высокую степень предметовъ, дававшихъ при обмѣнѣ барышъ. Весь излишекъ отъ общаго производства дѣлался *res nec mancipi* и то, что̀ не откладывалось въ сбереженіе, подлежало обмѣну или продажѣ. Изъ фактовъ, наблюдаемыхъ у Славянъ, мы можемъ видѣть, что на нѣкоторыя вещи, причисляемыя къ высшему разряду, въ иныхъ мѣстахъ и иногда смотрѣли, какъ на вещи, принадлежащія къ низшей категоріи. Римскія *res mancipi*—земля, рабы, лошади и волы—несомнѣнно соотвѣтствовали тѣмъ предметамъ, которые первобытные земледѣльцы почти повсюду считали неотчуждаемыми; но римская власть обобщила этотъ обычай, по всему вѣроятію, далеко за предѣлы его первобытнаго примѣненія. Для общины скотоводовъ волы являлись товаромъ, по преимуществу пригоднымъ къ обмѣну, и даже земледѣльческія общины, по всей вѣроятности, принципъ неотчуждаемости распространяли лишь на тѣхъ воловъ, которые употреблялись для обработки земли.

Peculium (нѣсколько штукъ рогатаго скота, взятыхъ отдѣльно отъ общей массы) — таково было названіе, которымъ Римляне обозначали собственность, отдѣльное и личное владѣніе которою разрѣшалось сыну или рабу. Долго въ римскомъ правѣ держался принципъ, въ силу котораго *peculium* подлежало власти pater familias или господина, если бы онъ пожелалъ проявить ее; независимое владѣніе *peculium*, даже сыновьями, было обезпечено уже позднѣйшими законодательными мѣрами. Наблюдаемые въ славянскихъ общинахъ обычаи даютъ основаніе думать, что отдѣльное владѣніе соб-

ственностью членами сообщества въ другихъ странахъ имѣло гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ то, какимъ оно пользовалось въ обществѣ, такъ благопріятствовавшемъ централизаціи власти, какъ Римляне. *Peculium*, повидимому, вездѣ является факторомъ разлагающимъ. Это дѣйствіе оказалъ онъ до нѣкоторой степени у Римлянъ, а у Индусовъ онъ является главной причиной распаденія нераздѣльныхъ семей; столь же разрушительно дѣйствуетъ онъ, повидимому, и у Южныхъ Славянъ. Гдѣ семейная община сохраняетъ свой первобытный и естественный видъ, тамъ нѣтъ *peculium*: его нѣтъ въ Черногоріи. Въ такихъ случаяхъ преобладаетъ убѣжденіе, что община, будучи отвѣтственна за дѣйствія своихъ членовъ, имѣетъ и право на весь продуктъ ихъ труда; отсюда въ такихъ общинахъ, какъ и въ индусскихъ нераздѣльныхъ семьяхъ, существуетъ основное правило, по которому членъ ея, производящій торговлю или работающій внѣ предѣловъ общины, обязанъ отдавать ей отчетъ въ своихъ заработкахъ. Но изъ этого правила возникаютъ мало-по-малу разнаго рода исключенія, какъ напримѣръ, въ Индіи; древнѣйшимъ и наиболѣе распространеннымъ изъ нихъ является, какъ кажется, тотъ случай, когда собственность, пріобрѣтенная вслѣдствіе предпріятія, сопряженнаго съ большими опасностями, дѣлается исключительною принадлежностью самого предпринимателя. Такъ, даже въ Черногоріи военная добыча удерживается захватившимъ ее, а на прибрежьяхъ Адріатическаго моря уже съ незапамятныхъ временъ мореходы сохраняютъ за собою доходы, полученные отъ торговыхъ оборотовъ въ дальнемъ плаваніи. Какъ замѣчено повсюду, нежеланіе уступать въ общую собственность индивидуальныя пріобрѣтенія все возростаетъ и, въ связи съ нѣкоторыми другими причинами, которыя будутъ указаны ниже, приводитъ въ концѣ концевъ къ разложенію общинъ. Оно является несомнѣнно однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ старый міръ, построенный на началахъ кровнаго родства, преобразился въ новый, въ основѣ котораго лежатъ экономическія отношенія.

Положеніе женщинъ въ первобытныхъ группахъ варвар-

скихъ Арійцевъ представляетъ собою вопросъ, заслуживающій болѣе широкаго и болѣе детальнаго разсмотрѣнія, чѣмъ какое я могу предложить здѣсь, не выходя изъ рамокъ настоящаго изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе я остановлюсь вкратцѣ на двухъ-трехъ сторонахъ этого важнаго вопроса. a) Семейная община Южныхъ Славянъ, подобно нераздѣльной семьѣ Индусовъ, есть прежде всего соединеніе лицъ мужескаго пола. Дочери имѣютъ право при выходѣ замужъ получить изъ общинныхъ средствъ приданое, при чемъ обыкновенно стараются выдавать ихъ замужъ до женитьбы кого-либо изъ сыновей; но онѣ не имѣютъ права ни на какую долю общаго капитала въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ передѣляется. b) Въ настоящее время имъ предоставляется извѣстная свобода въ выборѣ мужа, но и до сихъ поръ въ южно-славянскихъ земляхъ, какъ и повсюду, сохранилось множество слѣдовъ, указывающихъ на обычай заключать браки между малолѣтними. До самаго недавняго времени въ восточной Европѣ сохранялся обычай еще въ дѣтствѣ обручать дѣвушку ея будущему мужу. c) Жены членовъ общины, принятыя ими со стороны, удерживаютъ брачное приданое въ самостоятельномъ владѣніи или *peculium*, а извѣстнымъ количествомъ денегъ или движимаго имущества (что̀, судя по нѣкоторымъ обычаямъ, можно отнести къ древнему институту «моргенъ-габе»), онѣ владѣютъ независимо не только отъ общины, но и отъ своихъ мужей. d) Въ нѣкоторыхъ семейныхъ общинахъ какъ эта собственность, такъ и брачное приданое — какъ *paraphernа*, такъ и *dos*—особымъ порядкомъ переходятъ по наслѣдству, подобно индусскимъ Stridhan, къ лицамъ женскаго пола.

Подобно всѣмъ прочимъ отраслямъ арійской расы, сохранившимъ еще черты варварскаго состоянія и не принявшимъ магометанскихъ учрежденій, Южные Славяне берутъ себѣ женъ далеко за предѣлами своихъ общинныхъ группъ. Этой именно «эксогаміи» обязаны они были смѣлостью и физической силой, которые обезпечивали за ними относительный успѣхъ въ борьбѣ за существованіе—въ эпоху первобытнаго военнаго строя; да и въ настоящее время совмѣстное пребываніе въ одномъ домохозяйствѣ столькихъ лицъ обоего пола

является возможнымъ единственно потому, что въ нихъ сильно убѣжденіе въ томъ, что связь между родственниками есть кровосмѣшеніе. Таблица степеней родства, въ которыхъ бракъ не допускается, имѣетъ у Южныхъ Славянъ чрезвычайно широкіе размѣры. Бракъ, требующій церковнаго разрѣшенія, считается позорнымъ; и запретительныя правила церкви, вслѣдствіе особеннаго способа считать степени родства, представляются черезчуръ строгими, хотя они и соблюдаются безпрекословно. Этими взглядами на брачные союзы въ значительной степени обусловливается нежеланіе Южныхъ Славянъ обращаться къ турецкимъ судамъ. Магометанство, какъ я уже сказалъ — религія «эндогамическая»; въ немъ, благодаря его семитическому происхожденію, таблица запрещенныхъ степеней приняла гораздо менѣе широкіе размѣры; а потому турецкіе суды, хотя и не примѣняютъ открыто магометанскихъ правилъ о вступленіи въ бракъ, постоянно однако признаютъ законными дѣтей, рожденныхъ отъ такихъ браковъ, которые Славяне-христіане считаютъ кровосмѣшеніемъ. Никто не станетъ удивляться тому, что Славяне не любятъ обращаться въ турецкіе суды съ тяжбами, касающимися ихъ женъ; но, съ другой стороны, несомнѣнно, что нѣкоторые принципы, за примѣненіе которыхъ они порицаютъ турецкихъ судей, гораздо ближе подходятъ къ нашимъ взглядамъ, чѣмъ ихъ собственныя понятія. Помимо этого различія въ отношеніи къ бракамъ и законности дѣтей, Славяне, по увѣренію проф. Богишича, возстаютъ также и противъ примѣненія правилъ о наслѣдованіи женщинъ—правилъ, имѣющихъ магометанское происхожденіе. По мусульманскому праву, при раздѣлѣ имущества между сыновьями и дочерьми, послѣднія получаютъ половинную долю первыхъ. Между тѣмъ въ семейныхъ общинахъ, при раздѣлѣ общаго имущества, вслѣдствіе ли смерти или по какимъ-либо другимъ причинамъ, дочери совершенно устраняются отъ всякаго участія въ раздѣлѣ. По очень древнему и глубоко укоренившемуся убѣжденію, незамужняя дочь имѣетъ право лишь на поддержаніе, а выйдя замужъ — она въ приданомъ получаетъ уже окончательное и единственное обезпеченіе.

Объ обычаяхъ, которые Макъ-Леннанъ назвалъ «эксогаміей» и «эндогаміей», я упомянулъ здѣсь главнымъ образомъ для того, чтобы обратить вниманіе на разнообразныя и удивительныя фикціи, при помощи которыхъ врожденное сознаніе преимуществъ эксогаміи передъ браками между близкими родственниками — согласуется съ ученіемъ о томъ же предметѣ Восточной Церкви. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ тѣ фикціи, которыя подмѣчены въ древнихъ обществахъ, основанныхъ на признаніи общаго происхожденія — имѣютъ мѣсто и у христіанскихъ Славянъ восточной Европы. Такъ, прежде всего путемъ усыновленія создается искусственное родство, и усыновленный членъ семьи или семейной общины во всѣхъ отношеніяхъ уподобляется естественнымъ родственникамъ. Къ семейнымъ общинамъ прививаются цѣлыя подъ-семьи, которыя въ свою очередь принимаютъ въ свой составъ отдѣльныхъ личностей; а иногда случается, что даже взрослые люди, по крови совершенно чужіе общинѣ, принимаются въ нее и становятся рядомъ со стариками, отъ которыхъ уже нельзя требовать участія въ общинныхъ работахъ. Какъ кажется, у Славянъ для усыновленія требуется, какъ общее правило, чтобы у принимаемаго въ семейную общину лица или семьи не было никакихъ кровныхъ связей съ общиной, принимающей ихъ въ свой составъ: предосторожность эта напоминаетъ намъ ту чрезвычайную осмотрительность, съ которой Коллегія Понтифовъ въ Римѣ слѣдила за тѣмъ, чтобы опрометчивое усыновленіе не привело къ смѣшенію религіозныхъ обрядностей въ двухъ различныхъ семьяхъ. Но помимо искусственнаго родства путемъ усыновленія, которое совершенно равносильно естественной кровной связи, существуетъ еще множество другихъ фикцій родства, разсчитанныхъ главнымъ образомъ на то, чтобы предупредить возможность браковъ между близкими родственниками. Нѣкоторыя изъ нихъ соотвѣтствуютъ тѣмъ фиктивнымъ связямъ, которыя мы находимъ очень распространенными на противоположномъ концѣ Европы — у ирландскихъ Кельтовъ. Такъ, отношенія между пріемнымъ отцемъ и пріемышемъ составляютъ препятствіе къ заключенію браковъ между членами семей того и другаго. Кумовство, духовное

родство—связь между крестнымъ отцемъ и крестникомъ—имѣетъ у южныхъ Славянъ тѣ же послѣдствія, какія она нѣкогда влекла за собою на всемъ протяженіи христіанскаго міра. Но есть въ Восточной Европѣ и такія формы фиктивнаго родства, которыя были до сихъ поръ неизвѣстны изучающимъ древнѣйшія учрежденія. Дружка жениха не можетъ вступить въ бракъ съ кѣмъ-либо изъ семьи невѣсты — какъ если бы онъ былъ роднымъ братомъ жениха. Побратимство — искусственное отношеніе братства, какъ усыновленіе есть искусственное отношеніе сыновства—въ этихъ славянскихъ земляхъ сохраняетъ, по всей вѣроятности, тотъ видъ, который оно имѣло въ болѣе западныхъ странахъ прежде, чѣмъ сдѣлалось основнымъ правиломъ столь многочисленныхъ рыцарскихъ орденовъ. Славяно-греческая церковь освящаетъ его особаго рода обрядомъ, и для этого родства существуетъ особая таблица запрещенныхъ степеней. Но быть можетъ наиболѣе своеобразнымъ является то проявленіе тенденціи первобытныхъ идей къ искусственному расширенію родства, которое у Славянъ мы находимъ въ формахъ кумовства или духовнаго родства. Тутъ мы видимъ фикцію за фикціей. Отношеніе крестнаго отца къ крестнику есть подражаніе кровному родству; славянское кумовство — подражаніе церковному кумовству. То лицо, жизни котораго угрожаетъ опасность вслѣдствіе вражды съ кѣмъ-либо, можетъ предложить своему врагу заключить такъ-называемое «кумовство по невзгодѣ». Если на это предложеніе онъ получитъ отказъ, то убійство его, хотя бы даже измѣннническимъ образомъ, не будетъ беззаконіемъ. Если же ему будетъ выражено согласіе, то онъ становится съ своимъ прежнимъ врагомъ въ отношенія духовнаго родства и обыкновенно долженъ крестить у него слѣдующаго же ребенка. Эти оригинальныя искусственныя отношенія родства въ славянскихъ странахъ, и въ особенности въ Черногоріи, оказываются чрезвычайно полезными въ дѣлѣ прекращенія кровной мести. Когда друзьямъ или сосѣдямъ удается установить временное перемиріе между черногорскими Монтекки и Капулетти, то обыкновенно для того, чтобы упрочить миръ, заставляютъ предводителей враж-

дующихъ семей вступить другъ съ другомъ въ духовное родство. Обычай этотъ извѣстенъ подъ названіемъ «кумовства мира». Дѣло въ томъ, что чувство общественности у этихъ народовъ само по себѣ недостаточно сильно для того, чтобы упрочить связь между людьми: имъ необходимо нужно для этого фиктивное родство.

Я уже говорилъ, что семейныя общины и естественныя семьи, составляющія въ совокупности своей южно-славянское общество, постоянно переплетаются другъ съ другомъ: община, разлагаясь, переходитъ въ группу отдѣльныхъ семей, семья же, наоборотъ, разростается въ общину. Но и есть и другіе виды разложенія обѣихъ этихъ группъ, и изученіе ихъ можетъ привести къ нѣкоторымъ поучительнымъ выводамъ. Угасаніе естественной семьи есть поводъ къ практическому примѣненію тѣхъ юридическихъ правилъ, которыя трактуютъ о наслѣдованіи; и въ тѣхъ областяхъ Южно-Славянскихъ странъ, на которыя распространяется дѣйствіе законодательныхъ кодексовъ (каковы, напр., провинціи Австро-Венгерской имперіи), раздѣлъ общаго семейнаго имущества, а до извѣстной степени и регулированіе личныхъ отношеній между родственниками дѣйствительно происходятъ по закону. Но тамъ, гдѣ, какъ въ Турціи, допускается безпрепятственное примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ, соблюдаются совершенно особенныя системы наслѣдованія, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ для насъ большой интересъ. Достигнувъ зрѣлаго возраста и женившись, сынъ покидаетъ отцовской домъ и, взявъ съ собою часть семейнаго имущества, которая досталась бы на его долю по смерти отца, отправляется куда-нибудь, часто въ отдаленныя страны, искать счастья. Мало найдется такихъ вещей, которыя при первомъ взглядѣ на нихъ представляли бы болѣе отдаленное сходство между собою, какъ обычаи первородства и майората въ Англіи, съ одной стороны, и евангельская притча о блудномъ сынѣ—съ другой. И однако-же въ основѣ указанныхъ учрежденій и упомянутой притчи лежитъ одинъ и тотъ же обычай. Для раздѣла семейной собственности не дожидались смерти отца. Сынъ, желавшій покинуть семейный кровъ, бралъ свою часть и уходилъ съ тѣмъ,

чтобы или увеличить ее или же расточить. Сынъ, оставшійся дома, продолжалъ быть подъ *patria potestas*, помогая отцу и никогда не преступая его приказаній, а послѣ смерти отца имѣлъ право получить все оставшееся послѣ него имущество. «Сынъ мой, ты всегда былъ со мною, и все, что̀ я имѣю— твое», говоритъ отецъ въ притчѣ; это-то и лежало въ основаніи древняго наслѣдственнаго права. Какой именно изъ сыновей долженъ былъ оставаться дома — есть вопросъ, которому обычаи даютъ самые разнообразные отвѣты. Въ евангельскомъ примѣрѣ имъ является старшій сынъ. Первородство, какимъ его знаютъ Англичане, имѣетъ скорѣе политическое, чѣмъ гражданское значеніе и проистекаетъ изъ власти феодальнаго лорда, а вѣроятно и племеннаго начальника; но на континентѣ кое гдѣ сохранились слѣды его, какъ гражданскаго института, и въ такихъ случаяхъ переходъ наслѣдства къ старшему сыну не исключаетъ обезпеченія и младшихъ сыновей посредствомъ такъ называемыхъ «apanages» (удѣловъ). Какъ бы то ни было, но, по свидѣтельству древняго права и обычаевъ, съ отцемъ оставался дома самый младшій сынъ, который и помогалъ ему при жизни, а по смерти наслѣдовалъ всю остававшуюся послѣ него собственность; такимъ образомъ славянскій обычай вполнѣ соотвѣтствуетъ древнѣйшей формѣ англійскаго обычая, извѣстнаго подъ названіемъ Borough English [3]) (минoратъ, какъ противоположность майорату).

Если сопоставить различные славянскіе обычаи, то для насъ не останется ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что естественнымъ развитіемъ семейной общины будетъ переходъ ея въ сельскую общину. Въ Россіи она почти повсемѣстно приняла эту форму. Количество семей, входящихъ въ составъ общины, стало теперь болѣе значительнымъ. Проф. Богишичъ говоритъ, что семейныя общины рѣдко заключаютъ въ себѣ болѣе шестидесяти лицъ—число, значительно меньшее количества лицъ, входящихъ въ составъ русской или индусской

---

3) См. *Elton*. Origins of English History, стр. 184 и сл. Сочиненіе Эльтона заключаетъ въ себѣ множество новыхъ и богатыхъ данныхъ по затронутому вопросу.

сельской общины. Но съ этимъ увеличеніемъ возникаетъ цѣлый рядъ измѣненій. Вмѣсто того, чтобы обработывать землю сообща, ее раздѣляютъ между семьями, входящими въ составъ общины; участки подлежатъ періодическимъ передѣламъ между этими семьями и предоставляются имъ на правахъ собственности, которая ограничена правомъ сельчанъ наложить veto на ея продажу. Братская связь также становится менѣе сильной, ее ослабляютъ всевозможныя фикціи: въ общину принимается такъ много чужихъ по крови лицъ, что память объ общемъ происхожденіи затемняется или даже вовсе изглаживается. Общее жилище семейной общины стремится въ Южно-Славянскихъ странахъ превратиться въ группу отдѣльныхъ жилищъ; и сельская община уже по самому существу своему есть совокупность отдѣльныхъ домовъ, изъ которыхъ каждое управляется своимъ собственнымъ главою. Можно строить различныя загадки о томъ, почему именно южныя общины остались сплоченными группами, между тѣмъ какъ сѣверныя общины утратили свою сплоченность и расширились; но едва ли мы сдѣлаемъ большую ошибку, высказавъ предположеніе что здѣсь большое значеніе имѣла близость или отдаленность магометанскаго вліянія. Въ этомъ послѣднемъ кроется, несомнѣнно, причина того, что обѣ формы общины сохранились такъ долго, но южно-славянскія общины, будучи ближе къ центру оттоманскаго владычества, нуждались для защиты своихъ владѣній, учрежденій и вѣры въ болѣе сильченной организаціи, между тѣмъ какъ русскія народности подвергались татарскимъ набѣгамъ лишь по временамъ и съ значительными перерывами. До сравнительно недавняго времени семейнымъ общинамъ приходилось терпѣть главнымъ образомъ отъ нерегулярныхъ налоговыхъ вынужденій со стороны ихъ турецкихъ владыкъ; въ общемъ же турецкое правительство благопріятствовало имъ, подобно тому какъ и французскіе феодальные сеньеры поддерживали семейныя общины (существованіе которыхъ во Франціи недавно доказано), желая развить у нихъ благосостояніе и такимъ образомъ обезпечить за собою правильное поступленіе налоговъ и повинностей.

Допустивъ, что упадокъ или разложеніе семейныхъ общинъ

составляетъ предметъ сожалѣнія, мы не можемъ, съ другой стороны, сомнѣваться относительно того, въ чемъ онѣ находятъ себѣ злѣйшихъ враговъ. Не варварство представляетъ для нихъ опасность, а цивилизація. Всѣ изслѣдователи Южно-Славянскихъ общинъ одинаково сходятся въ жалобахъ на подкапывающееся и разрушающее вліяніе современныхъ законодательныхъ кодексовъ. Одинаковыя разрушительныя послѣдствія приписываются какъ старому Австрійскому кодексу, дѣйствующему на восточномъ берегу Адріатическаго моря, такъ и новымъ законамъ, которые вводятся въ славянскихъ земляхъ, подпавшихъ подъ власть Венгерской короны. Я вполнѣ довѣряю этимъ замѣчаніямъ, такъ какъ самому мнѣ неоднократно приходилось наблюдать процессъ разложенія индусскихъ нераздѣльныхъ семей подъ вліяніемъ даже менѣе насильственнаго примѣненія Англо-Индійскаго законодательства. Самыя безвредныя, повидимому, юридическія правила оказываются преисполненными многихъ опасностей. Я давно уже указывалъ на невозможность примирить архаическіе обычаи съ тѣмъ широко распространеннымъ принципомъ современнаго права, по которому «Nemo in communione potest invitus detineri»; съ своей стороны проф. Богишичъ настаиваетъ на разрушительномъ дѣйствіи извѣстной доктрины знаменитаго германскаго юриста Пухты, по которой въ случаѣ, если возникаетъ конфликтъ между закономъ и обычаемъ, то для примиренія ихъ слѣдуетъ прибѣгать къ тѣмъ же самымъ правиламъ толкованія, какія употребляются для согласованія двухъ противорѣчивыхъ отдѣловъ писаннаго законодательства. Совершенно справедливо возражаютъ на это, что законы, въ теоріи, исходятъ отъ одного законодателя, противорѣчія котораго съ самимъ собою слѣдуетъ считать чисто случайными, между тѣмъ какъ законъ и обычай всегда происходятъ изъ совершенно различныхъ источниковъ. Современные суды, примѣняющіе новѣйшее право, смотрятъ на семейныя общины, какъ на союзы добровольныхъ участниковъ и отсюда выводятъ то заключеніе, что онѣ могутъ распасться по волѣ если не одного члена, то во всякомъ случаѣ—большинства.

Дѣйствіе этихъ чисто-юридическихъ факторовъ разложенія

еще болѣе усиливается вліяніемъ экономическихъ причинъ, которыя постоянно стремятся (эта тенденція была, по всей вѣроятности, всегда присуща имъ) подорвать всякое сообщество, основанное на кровномъ началѣ. Всякому предпріимчивому и энергичному члену общины противенъ присущій ей коммунизмъ. Онъ уходитъ на-сторону, пріобрѣтаетъ себѣ состояніе и рѣзко возстаетъ противъ требованій своихъ сочленовъ отдать пріобрѣтенное въ общее достояніе; или же онъ думаетъ, что приходящуюся на его долю часть общаго имущества онъ могъ бы употребить съ гораздо большею выгодою, пустивъ ее въ торговый оборотъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ онъ становится недовольнымъ членомъ или отъявленнымъ врагомъ сообщества. И именно тамъ, гдѣ такое недовольство особенно развито, удовлетвореніе его находитъ себѣ особенно благопріятныя условія. Изъ славянскихъ странъ наилучше управляемыми являются тѣ, которыя имѣютъ законодательные кодексы. Богатство здѣсь легче накопляется и легче сохраняется; съ другой стороны и суды здѣсь отдаютъ предпочтеніе тѣмъ аргументамъ, которые роковымъ образомъ дѣйствуютъ на семейныя общины, такъ какъ они въ своей практикѣ опираются на принципы, выработанные цивилизаціей, которой чужды эти древнія естественныя сообщества Нерѣдко первую французскую революцію упрекаютъ въ томъ, что она внесла въ законодательство чрезмѣрную раздѣльность и строгую разграниченность собственническихъ правъ; полагаютъ далѣе, что вызванная противъ этихъ тенденцій реакція и породила новѣйшія теоріи соціализма и коммунизма. Но эти тенденціи присущи и римскому праву столько же, сколько и французскому кодексу; а тотъ австрійскій кодексъ, который оказался столь гибельнымъ для семейныхъ общинъ, былъ разработанъ еще до революціи—Императоромъ Іосифомъ II. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что эту особенность слѣдуетъ отнести скорѣе къ накопленію богатствъ и вообще къ постоянному возрастанію дѣйствія экономическихъ факторовъ, чѣмъ къ революціоннымъ событіямъ XVIII вѣка.

Юридическая исторія Сѣверныхъ Славянъ, какъ кажется, можетъ доставить массу драгоцѣнныхъ свѣдѣній о томъ, какъ

изъ болѣе древнихъ общественныхъ и имущественныхъ отношенія развились феодальныя отношенія и присущіе имъ виды собственности. Что же касается до южно-славянской семейной общины, то я считаю ее въ порядкѣ развитія болѣе древней, чѣмъ русскую сельскую общину, вслѣдствіе чего она и не можетъ быть большимъ подспорьемъ въ выясненіи едва ли не самой трудной изъ всѣхъ историко-юридическихъ проблемъ— возникновенія феодальнаго права собственности. Въ этомъ отношеніи сдѣлано только одно важное наблюденіе въ жизни семейныхъ общинъ на Австрійской Военной Границѣ; тамъ онѣ владѣютъ землею подъ условіемъ несенія военной службы, и власть общиннаго начальника принимаетъ все болѣе и болѣе деспотическій характеръ, такъ что иногда онъ является какъ бы единственнымъ владѣльцемъ нѣкогда общаго достоянія.

Какъ бы ни были важны для теоріи развитія арійскаго общества всѣ эти новыя данныя изъ жизни Славянскихъ странъ, въ нихъ есть одна невыгодная сторона: они говорятъ намъ о такихъ родовыхъ группахъ, которымъ въ теченіе очень продолжительнаго періода времени не приходилось переживать, во всей его силѣ, процессъ естественнаго подбора. Магометанскія правительства, которымъ были подвластны эти группы, служили имъ препятствіемъ къ занятію войной или разбойничествомъ; если имъ и приходилось браться за оружіе, такъ это обыкновенно—противъ общаго имъ всѣмъ врага, мусульманъ. Къ счастью, съ данными изъ жизни Славянскихъ племенъ мы теперь въ состояніи сопоставить другой рядъ новыхъ фактовъ, собранныхъ въ Индіи однимъ изслѣдователемъ на основаніи наблюденій надъ такимъ арійскимъ обществомъ, въ которомъ и до сихъ поръ не прекратились еще жестокія смуты. Эти результаты, добытые изъ ближайшаго изученія Раджпутаны, страны раджпутскихъ клановъ, находятся къ результатамъ, полученнымъ проф. Богишичемъ, въ такомъ же отношеніи, въ какомъ явленія варварскихъ и въ то же время воинственныхъ обществъ находятся къ явленіямъ обществъ также варварскихъ, но мирныхъ. Персоналъ индійской администраціи никогда не страдалъ недостаткомъ въ опытныхъ наблюдателяхъ, но Альфредъ Ляйелль, о которомъ я говорю, отличается осо-

бенной способностью понимать истинный характеръ проблемъ, выдвинутыхъ новѣйшими археологическими изысканіями и можно сказать, что съ назначеніемъ его коммиссаромъ въ дикую провинцію Бераръ въ центральной Индіи и на высокую должность уполномоченнаго генералъ-губернатора въ Раджпутану—началась новая эпоха въ изслѣдованіяхъ индо-арійскихъ обычаевъ на той ступени ихъ развитія, которая всего удачнѣе обозначается терминомъ «варварской». Нижеслѣдующимъ я обязанъ его сочиненіямъ, собраннымъ недавно въ одинъ томъ, подъ заглавіемъ «Asiatic Studies»; въ особенности же главѣ VII-й—объ «Образованіи клановъ и кастъ» и главѣ VIII — о «Государствахъ Раджпутовъ въ Индіи».

Общественная система Раджпутаны представляетъ собою чистый типъ родовыхъ союзовъ: общество связано здѣсь всецѣло кровнымъ началомъ; съ другой стороны, не можетъ быть серьезнаго сомнѣнія и въ томъ, что ядро его составляютъ Арійцы, хотя и варварскіе до сихъ поръ, но все же чистѣйшей крови. Хотя брамины и утверждаютъ противное, тѣмъ не менѣе Раджпуты продолжаютъ считать себя представителями древней царской и военной касты, которая въ санскритской религіозной литературѣ носитъ названіе Кшатріевъ. То обстоятельство, что раджпутскія селенія, часто въ ужасно бѣдственномъ положеніи, встрѣчаются и во многихъ мѣстностяхъ Сѣверной Индіи, объясняется весьма просто. Являясь первоначально завоевательнымъ и воинственнымъ племенемъ, Раджпуты были съ теченіемъ времени сначала обезсилены нападеніями туземныхъ племенъ болѣе низкаго происхожденія, а затѣмъ и окончательно завоеваны Магометанами. Нѣкоторые изъ нихъ склонились подъ игомъ завоевателей и остались мирными земледѣльцами въ долинахъ Индіи; остальные же выселились въ большую естественную крѣпость, получившую отъ нихъ названіе Раджпутаны, и основали тамъ общественные союзы—всѣ на одинъ образецъ. Благодаря своей храбрости и выгодному положенію занимаемой ими страны, Раджпуты очень долго сохраняли свою самостоятельность и не подпали подъ власть великаго Могола; еще болѣе обязаны они этимъ сильному и горделивому сознанію своего знатнаго и древняго происхожденія.

Ни съ одной принцессой правители Агры и Дели не добивались такъ брака, какъ съ кѣмъ-либо изъ дочерей Удейпора или Джейпора; и до сихъ поръ брачный союзъ съ ними считается у Индусовъ величайшей честью. Величіе Раджпутовъ пало какъ разъ передъ завоеваніемъ Сѣверной Индіи Англичанами; нѣтъ государствъ, которыя столь многимъ были бы обязаны британскому оружію и правителями которыхъ являлись бы принцы, столь преданные британской коронѣ.

Раджпутскіе кланы уже давно признаны явленіемъ въ высокой степени интереснымъ и достойнымъ самаго тщательнаго изученія. Какъ я сказалъ выше, общественныя явленія въ Индіи всегда находили себѣ отличныхъ наблюдателей, но по отношенію къ Раджпутанѣ истолкованіе явленій было, къ сожалѣнію, сильно извращено, благодаря приложенію къ нимъ невѣрной исторической теоріи. Однимъ изъ самыхъ тщательныхъ, ученыхъ и драгоцѣнныхъ сочиненій, когда либо написанныхъ объ Индіи, является книга Тода «Раджастанъ» (*Tod*—«Rajasthan»); но авторъ исходитъ изъ ошибочнаго представленія о томъ, что древнѣйшимъ типомъ общества является то, которое мы называемъ феодальнымъ. Общество Раджпутаны или Раджастана не есть, однако, феодальное; оно — до-феодальное; самое большее, что можно подмѣтить въ немъ, такъ это—зачаточные признаки феодализма, такъ что совершенно ошибочны постоянные ссылки Тода на болѣе извѣстные типы феодальнаго строя. Въ настоящее время Альфредъ Ляйелль показалъ, что поучительная сторона изученія Раджпутаны заключается въ освѣщеніи ею — не феодальнаго механизма, а процесса образованія и развитія родовыхъ союзовъ, иначе говоря тѣхъ стадій, въ которыхъ кровное начало у Арійцевъ достигло наиболѣе совершенной формы выраженія.

Изъ наблюденій и изслѣдованій Альфреда Ляйелля видно, что въ Раджпутанѣ, странѣ клановъ, и въ болѣе дикихъ частяхъ Индіи, находящихся подъ вліяніемъ Раджпутовъ — постоянно дѣйствуютъ двѣ категоріи силъ или факторовъ: факторы разлагающіе и факторы созидающіе, сила разсѣянія и сила сцѣпленія. Всѣ эти факторы дѣйствуютъ съ незапамятныхъ временъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ успѣли уже утра-

тить свою активность подъ вліяніемъ британской администраціи и, можетъ быть, окончательно исчезнутъ.

Факторами разлагающими являются главнымъ образомъ — война, эпидемія и голодъ. Война въ странахъ, находящихся подъ британскимъ управленіемъ, приняла въ настоящее время видъ разбойничества, а эпидемія и голодъ уже по самому существу своему не допускаютъ особенно сильнаго воздѣйствія на себя. «Изъ исторіи», говоритъ Ляйелль, «а до нѣкоторой степени и изъ современнаго опыта хорошо извѣстно, какъ подъ вліяніемъ голодовъ, разрушительныхъ вторженій, эпидемій и всѣхъ великихъ соціальныхъ катастрофъ—разбиваются въ дребезги восточныя общества, и разсѣянныя по сторонамъ обломки ихъ, подобно сѣменамъ, разнесеннымъ вѣтромъ, пускаютъ свои корни въ новыхъ мѣстахъ». Существуютъ кланы, которые имѣютъ, повидимому, общее происхожденіе и въ то же время являются кланами туземными, занимающими и по нынѣ тѣ пространства, которыми онѣ когда-то овладѣли или въ которыя они выселились цѣлымъ сообществомъ; но многіе родственные союзы были разъединены и до сихъ поръ остаются такими, при чемъ всѣ они вмѣстѣ или по частямъ должны были уйти въ такое мѣсто, гдѣ могли найти надежное убѣжище или необходимыя средства къ существованію. Фундиръ (Fuidhir) или «изгой»— одинокій, оторванный отъ своихъ близкихъ человѣкъ—явленіе столь же обычное въ центральной Индіи, какъ и въ древней Ирландіи. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы первоначальное родство, разрушаемое de facto, забывалось и въ идеѣ. Каждый бѣглецъ или переселенецъ сохраняетъ память о томъ союзѣ, изъ котораго онъ произошелъ; выражается она частью въ горделивомъ сознаніи своего кровнаго происхожденія, частью же въ соблюденіи требованій касательно брачныхъ союзовъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ счелъ бы за кровосмѣшеніе бракъ въ предѣлахъ запрещенныхъ степеней родства. Такимъ образомъ, гдѣ бы онъ ни поселился, онъ становится корнемъ новаго γένος, *gens* или септа, центромъ новаго родственнаго союза. Въ результатѣ всего этого получается общество, по строенію своему близко подходящее къ тому, которое мы встрѣчаемъ на первыхъ ступеняхъ классической исторіи. Въ

одно и то же время для бѣглеца, съ одной стороны, возникаетъ новый рядъ отношеній съ сосѣдними семьями, съ которыми онъ находится въ постоянномъ соприкосновеніи, но съ другой стороны—онъ не утрачиваетъ связи съ своей естественной родней, подобно тому какъ нѣкогда римскій или аѳинскій гражданинъ, въ какомъ бы пунктѣ Ager Romanus или Аттической территоріи ни поселился онъ, продолжалъ считать себя членомъ своей патриціанской семьи или рода эвпатридовъ.

Весьма вѣроятнымъ представляется мнѣ, что эти разсѣевающія силы дѣйствовали на древнюю родовую организацію болѣе сѣверныхъ отраслей арійской расы. Но дѣйствовали онѣ, какъ мнѣ кажется, съ меньшею силою и въ меньшихъ размѣрахъ. Войны были, по всей вѣроятности, столь же часты и кровопролитны у предковъ Римлянъ и Аѳинянъ, какъ и у Раджпутовъ, но эпидеміи и голода въ тропическихъ странахъ всегда производили бо́льшія опустошенія. Бѣглецу не представлялось, такимъ образомъ, надобности уходить слишкомъ далеко. Съ другой стороны, одинаково вѣроятными являются—какъ то предположеніе, что аѳинская семья, поселившаяся въ какой-нибудь мѣстности Аттики, была нѣкогда изгнана изъ своего первоначальнаго родоваго мѣстожительства, такъ и то, что позднѣе аѳинскій гражданинъ считалъ себя бозвозвратнымъ изгнанникомъ въ Коринфѣ или Мегарѣ. Чтобы понять древнѣйшее состояніе человѣческаго общества, слѣдуетъ забыть о разстояніяхъ и смотрѣть на человѣчество, такъ сказать, съ обратнаго конца историческаго телескопа.

Какимъ образомъ пересилившійся или бѣжавшій Раджпутъ, не порывая связи съ тѣмъ родомъ, изъ котораго онъ произошелъ, вступаетъ въ то же время въ новыя отношенія съ тѣми семьями, среди которыхъ онъ поселяется? Здѣсь, въ видахъ уясненія себѣ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе интересныхъ наблюденій Альфреда Ляйелля, мы должны остановиться на различіи, которое онъ устанавливаетъ между родами чистыми и смѣшанными.

Чистый родъ есть родъ нисходящихъ, живущихъ обыкновенно вмѣстѣ въ одной мѣстности и имѣющихъ подлинную родословную. Эти роды и до сихъ поръ образовываются такимъ же образомъ, какъ они образовывались всегда. «Подобно тому какъ

въ новое время», говоритъ Альфредъ Ляйелль, «люди, прославившіеся великими подвигами, основываютъ династіи или знатныя семьи, которыя передаютъ имя своего основателя изъ рода въ родъ — точно такъ же и въ до-историческія времена люди, одаренные такими же высокими качествами, основывали кланы или роды (septs), къ которымъ примыкали не только дѣйствительные родственники, слѣдовавшіе за ними, но и вообще всѣ, принимавшіе какое-либо участіе въ ихъ предпріятіяхъ». Всѣ такіе кланы въ Раджпутанѣ выдаютъ себя за потомковъ одного родоначальника, и родословныя даже тѣхъ изъ нихъ, которые претендуютъ на очень глубокую древность, можно до извѣстной степени признать подлинными. Въ Раджпутанѣ до сихъ поръ сохранились литературные слѣды древнѣйшей формы этихъ родословныхъ, а именно—пѣсни наслѣдственнаго барда, прославляющаго подвиги и въ особенности древнее происхожденіе семьи, къ которой онъ имѣетъ честь принадлежать. Этимъ генеалогіямъ бардовъ можно до извѣстной степени вѣрить; но даже наименѣе неправдоподобныя изъ нихъ не избѣгли, конечно, примѣси вымысла. Родословныя эти упоминаютъ не только о родственникахъ героя, основателя рода, но къ числу ихъ относятъ также и всѣхъ, кто только сопровождалъ его въ его похожденіяхъ. Родословное древо разростается подчасъ вслѣдствіе неумышленной ошибки, состоящей въ отнесеніи къ послѣдовательнымъ поколѣніямъ тѣхъ членовъ племени, которые жили одновременно, подчасъ же—вслѣдствіе умышленнаго поэтическаго преувеличенія. Главный стволъ генеалогическаго древа заканчивается не дѣйствительнымъ основателемъ рода, а ведется гораздо далѣе и находитъ свои корни въ какомъ-нибудь божествѣ или небесномъ созвѣздіи. Самыя надменныя княжескія династіи въ Раджпутанѣ претендуютъ на происхожденіе отъ солнца и луны, но обыкновенно бываетъ легко открыть дѣйствительнаго основателя—въ лицѣ какого-нибудь предпріимчиваго и ловкаго воина. Типичнѣйшимъ образцомъ основателя чистаго рода является, по словамъ Альфреда Ляйелля, Давидъ, сынъ Іессея, съ его доблестными родственниками, сыновьями Зеруйя.

Наиболѣе оригинальную сторону въ изслѣдованіяхъ Альфреда

Ляйелля представляетъ опредѣленіе того пути какимъ создаются нечистые, смѣшанные кланы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ сочиненіи своемъ «Древнее право» я высказалъ заключеніе, къ которому приводили извѣстныя въ то время данныя, а именно: «не то, чтобы всѣ общества образовались путемъ происхожденія отъ одного родоначальника, но что всѣ тѣ, которыя отличались извѣсной жизненностью или устойчивостью, *или* дѣйствительно произошли такимъ путемъ, *или* приписывали себѣ такое происхожденіе. Подъ дѣйствіемъ безчисленнаго количества причинъ первобытныя группы могли разлагаться, но всюду, гдѣ только составныя части ихъ вступали въ новую комбинацію, эта послѣдняя создавалась по типу или по принципу родственнаго союза». Смѣшанный, нечистый родъ или кланъ представляетъ собою не союзъ дѣйствительныхъ родственниковъ, а союзъ, образовавшійся по типу или по принципу ассоціаціи родственниковъ. Альфреду Ляйеллю удалось наблюдать эти союзы въ самомъ процессѣ ихъ зарожденія. «Разбойничьи группы», говоритъ онъ, «пополняютъ свои ряды новыми членами не только въ періоды смутъ: къ нимъ постоянно приливаютъ какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлыя семьи, вынужденныя — вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ или преступленій, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія или внутреннихъ безурядицъ—оставить осѣдлую жизнь и уйти за предѣлы своихъ обществъ. На это разнузданное скопище безначальныхъ людей снова начинаетъ дѣйствовать идея родства, подъ вліяніемъ которой они и организуются въ систематическія группы. Каждый новый пришелецъ входитъ въ составъ новаго рода, но онъ въ то же время до такой степени остается вѣрнымъ своему происхожденію и своимъ прежнимъ обычаямъ, что старается образовать отдѣльный союзъ, который и получаетъ названіе его прежняго клана, касты, семьи, или покинутой имъ мѣстности. Подобно тому, какъ Англичанинъ, сосланный въ Ботани-Бей или добровольно переселившійся въ Западную Америку, для того, чтобы сохранить воспоминаніе о родныхъ мѣстахъ, даетъ своему новому пепелищу названіе роднаго города, такъ и Раджпутъ, вынужденный уйти въ непроходимую чащу лѣса, такимъ-же обра-

зомъ старается сохранить отдаленныя воспоминанія о своемъ родѣ».

Такимъ-то путемъ создаются постоянно новые кланы, подъ главенствомъ или гегемоніей какой-нибудь семьи, которой счастье особенно благопріятствуетъ; и механизмъ общественныхъ распорядковъ въ нихъ представляетъ собою точный снимокъ съ внутреннихъ отношеній первональной главной группы. Стоящая во главѣ клана семья часто состоитъ изъ истинныхъ Раджпутовъ—эмигрантовъ, и въ такомъ случаѣ весь кланъ претендуетъ на раджпутское происхожденіе, хотя падменные представители древнихъ раджпутскихъ родовъ признаютъ эту претензію лишь послѣ тщательной провѣрки родословной переселенцевъ. Иногда личность, сдѣлавшаяся ядромъ новаго союза, есть не болѣе, какъ атаманъ разбойничьей шайки, но уже по прошествіи одного или двухъ поколѣній его нисходящіе указываютъ на свое раджпутское происхожденіе, опираясь подчасъ на чрезвычайно сомнительныя данныя. Множество ходячихъ въ Индіи разсказовъ о любовныхъ похожденіяхъ боговъ, о похищенныхъ въ дѣтствѣ принцахъ и принцессахъ, были придуманы именно для того, чтобы разукрасить вымышленныя родословныя: таково несложное и довольно пошлое происхожденіе многихъ народныхъ преданій, которымъ сравнительная миѳологія старалась дать болѣе величественное объясненіе. Не слѣдуетъ думать, однако, чтобы всѣмъ такимъ сообществамъ удавалось сплотиться въ кланъ. «Значительное количество зарождающихся клановъ», говоритъ Альфредъ Ляйелль, «уже въ самомъ началѣ своего образованія оказываются лишенными жизнеспособности и распадаются подъ давленіемъ тѣхъ или иныхъ изъ безчисленныхъ бѣдствій, окружающихъ первобытное человѣчество,... чистота крови пропадаетъ, родословная забывается, братья расходятся по разнымъ сторонамъ, ведутъ иной образъ жизни, поддерживаютъ свое существованіе, прибѣгая къ недозволеннымъ средствамъ, поклоняются чужимъ богамъ и искажаютъ религіозные обряды. Но разъединенныя группы снова возсоединяются. И такъ какъ большая часть ихъ теряетъ свое наружное очертаніе или, не успѣвъ сплотиться, снова распадается на отдѣльные атомы,

то здѣсь и происходитъ постоянная смѣна состояній—разложенія и новаго возсозданія группъ на различныхъ ступеняхъ ихъ развитія, вслѣдствіе чего и получается такое множество болѣе или менѣе близкихъ другъ къ другу союзовъ, образующихъ собою смѣшанный составъ индусскаго общества».

Для того, чтобы понять совершенно чуждую намъ теперь ступень общественнаго развитія, мы должны представить себѣ тогдашнее состояніе умовъ, на которомъ я и остановился нѣсколько лѣтъ тому назадъ, описывая древнее ирландское общество [4]). Въ томъ умственномъ состояніи, какое мы находимъ въ центральной Индіи, запасъ понятій очень ограниченъ и увеличивается онъ крайне скудно и медленно. Вопросъ о томъ, почему люди поддерживаютъ взаимныя отношенія и симпатіи другъ съ другомъ — вопросъ, занимавшій человѣчество съ тѣхъ поръ, какъ оно стало мыслить, рѣшается при помощи идеи родства. Основнымъ положеніемъ является здѣсь то, что всѣ люди, не связанные съ вами по крови — или ваши враги или рабы. Находиться на началахъ равноправія или дружбы съ человѣкомъ, который въ извѣстномъ смыслѣ не братъ вашъ — считалось неестественнымъ; и въ концѣ концовъ сосѣдъ вашъ становился вашимъ братомъ. Мотивъ, лежащій въ основѣ современныхъ обществъ— принадлежность къ одному территоріальному верховенству— для Раджпутаны и мѣстностей, находящихся подъ ея вліяніемъ, показался бы страннымъ и даже чудовищнымъ. Правда, британское правительство Индіи принципомъ, объединяющимъ человѣческіе союзы, признаетъ не что иное, какъ территоріальное верховенство. Для министерства иностранныхъ дѣлъ въ Калькуттѣ — Магарана Удейпоры, Магараджи Джейпоры и Джодпоры являются не чѣмъ инымъ, какъ правителями извѣстныхъ территорій; но для всѣхъ туземныхъ обывателей центральной Индіи они — полусвященные начальники чистокровныхъ клановъ, получившіе свою патріархальную власть отъ предковъ — героевъ или боговъ. У Альфреда Ляйелля приведено нѣсколько любопытныхъ примѣровъ

[4]) Древнѣйшая исторія учрежденій, лек. VIII.

той непопулярности, какою пользуется въ центральной Индіи принципъ территоріальнаго верховенства. Онъ еще допускается для британскаго правительства, которое избавило раджпутскія племена отъ угнетеній и спасло ихъ, быть можетъ, отъ окончательнаго исчезновенія; но подчиненіе чистокровныхъ Раджпутовъ низкой кастѣ Махраттовъ (Mahrattas) или мусульманскихъ вѣроотступниковъ считается вопіющей несправедливостью. Извѣстно, какъ Камероны и Макдональды относились къ необходимости повиноваться графу Аргайллю—не потому, что онъ былъ Макъ-Каллумъ Моръ, а потому, что Шотландскій король пожаловалъ ему феодальное верховенство надъ ними; но индусскіе принцы, коимъ подвластны многіе Раджпуты, каковы напримѣръ Синдіа-туфленосецъ и Гокаръ-пастухъ, въ глазахъ подданныхъ своихъ являются не болѣе, какъ выскочками изъ рабскихъ племенъ.

Въ числѣ болѣе спеціальныхъ причинъ, содѣйствующихъ развитію процесса родовыхъ соединеній, является вытекающее изъ такого устройства удобство для людей, у которыхъ обычай и религія требуютъ болѣе или менѣе строгой эксогаміи. У истаго Раджпута таблица запрещенныхъ степеней имѣетъ подавляющіе размѣры; но, съ другой стороны, у него есть опредѣленный кругъ, за предѣлами котораго онъ не можетъ жениться. Не будучи въ правѣ жениться на комъ-либо изъ своего спеціальнаго клана, онъ съ другой стороны обязанъ взять себѣ жену непремѣнно изъ своей касты. Встрѣчая множество затрудненій въ отысканіи женъ для своихъ сыновей, еще бо́льшія трудности встрѣчаетъ онъ въ отысканіи мужей для дочерей своихъ. Эти ограниченія брачнаго права для чистыхъ клановъ оказываются чрезвычайно пагубными: бу́дучи поставлены въ необходимость соблюдать ихъ, они въ значительной степени обезсиливаются и даже постепенно вовсе вымираютъ отъ недостатка производительности. И для раджпутскаго переселенца чрезвычайно выгодно находиться въ широкой родовой связи съ извѣстнымъ количествомъ такихъ семей и родовъ, которыя въ его глазахъ еще не являются вполнѣ однокровными съ нимъ. Употребляя римскую фразеологію, онъ долженъ жениться въ

предѣлахъ своей трибы, но не можетъ жениться въ кругѣ своего *gens*'а. Когда родовой союзъ уже настолько окрѣпъ, что онъ является своего рода кастой, и когда входящія въ составъ его роды представляются отдѣльными одинъ отъ другаго — тогда плодовитость клана вполнѣ обезпечена и онъ съ бо̀льшимъ успѣхомъ можетъ выдерживать борьбу за существованіе. Будучи на первыхъ порахъ не болѣе, какъ шайкой разбойниковъ, онъ страдаетъ недостаткомъ въ женщинахъ, и потому здѣсь прибѣгаютъ ко всевозможнымъ фикціямъ для того, чтобы похищаемыхъ дѣвушекъ ввести въ родовой кругъ. Съ другой стороны и въ развитомъ состояніи кланъ снова испытываетъ тоже неудобство, такъ какъ всѣ входящіе въ его составъ семьи и роды считаются родственными другъ другу, а потому и браки между ними оказываются невозможными. Такимъ образомъ наиболѣе удобнымъ являѐтся тотъ періодъ развитія, который лежитъ между двумя указанными крайностями.

Но самую любопытную сторону этихъ изслѣдованій о происхожденіи смѣшанныхъ клановъ представляетъ та основная фикція, которая играетъ большую роль въ образованіи ихъ. Эту фикцію находимъ мы и въ Западномъ мірѣ, гдѣ она оживилась въ феодальной и муниципальной аристократіи. Та нѣсколько пошлая окраска, которую пріобрѣла она здѣсь, можетъ затемнить ея истинное значеніе въ первобытномъ обществѣ: на Западѣ она̀ является не болѣе не менѣе, какъ притязаніемъ на лучшее происхожденіе и болѣе длинную родословную, чѣмъ какія есть на самомъ дѣлѣ. Въ настоящее время на Западѣ она утратила свое значеніе; но на Востокѣ въ обществахъ, организованныхъ на началѣ родства, она и до сихъ сохраняетъ его. Вотъ что говоритъ Ляйелль о затронутомъ нами предметѣ: «Различные роды подъ давленіемъ извѣстныхъ обстоятельствъ соединяются и стремятся составить племя и въ средѣ его — кланы, принимая названіе и подчиняясь вліянію группъ, наиболѣе выдѣляющихся изъ всѣхъ». Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что употребляемый въ Индіи способъ приданія фикціи характера дѣйствительности существенно отличается отъ пріемовъ, упот-

ребляемыхъ въ нашей части свѣта. Онъ заключается не въ голомъ утвержденіи знатности своего происхожденія и не въ стремленіи быть занесеннымъ въ списки *nobiliaire* или пэрства. Въ Индіи сословное положеніе лица измѣряется не его богатствомъ или властью, и даже не тѣмъ, что пишутъ о немъ, а тѣмъ—можетъ или не можетъ онъ дѣлать извѣстныя вещи. Семья, желающая подняться по сословной лѣстницѣ, строго воздерживается отъ извѣстныхъ видовъ пищи и питія, отъ различныхъ поступковъ, чрезвычайно разборчива въ бракахъ дочерей и ежедневно до мелочей выполняетъ всѣ церемоніи домашняго богослуженія. Она приглашаетъ брамінскаго священника и нанимаетъ брамина-повара; такимъ образомъ все браминское духовенство какъ-бы приглашается поддерживать ея притязанія на происхожденіе отъ высшей касты. А разъ только фикція вступаетъ подъ покровительство браманизма, ее уже трудно отличить отъ дѣйствительнаго факта.

Въ результатѣ вышеизложенныхъ наблюденій получается возможность намѣтить теорію происхожденія и развитія общества среди высшихъ племенъ человѣчества—теорію, представляющую весьма существенныя отличія отъ любой изъ предлагавшихся до сихъ поръ, хотя, впрочемъ, съ нѣкоторыми изъ ходячихъ теорій она и имѣетъ кое-какія черты сходства. Альфредъ Ляйелль слѣдуетъ Карлейлю, когда говоритъ, что «смѣшанные элементы, изъ которыхъ состоитъ первобытное общество, ведутъ свое происхожденіе отъ многихъ корней; но историческій герой (Него)—главный корень, отъ котораго въ значительной степени питается и развивается все остальное». Какой-нибудь человѣкъ, выдающійся по своей силѣ, вмѣстѣ съ своими родственниками и сподвижниками основываетъ родъ. На первыхъ же порахъ самый фактъ успѣха обезпечиваетъ этотъ родъ отъ тѣхъ бѣдствій, которыя проистекаютъ изъ численнаго неравенства половъ — и вотъ здѣсь-то, по моему мнѣнію, и кроется истинный ключъ къ объясненію тѣхъ пагубныхъ обыкновеній, которыя приписываются новѣйшими теоріями всему человѣчеству. Образовавшійся такимъ образомъ родъ становится чистымъ родомъ, имѣющимъ подлинную родословную, въ которой происхожденіе отъ славнаго осно-

вателя или основателей его представляется уже на первыхъ порахъ несомнѣннымъ. Онъ можетъ быть притомъ родомъ эксогамическимъ, вслѣдствіе того ли, что всегда въ добычу его входило большее или меньшее количество плѣненныхъ женщинъ, или же просто потому, что возникшее такъ или иначе обыкновеніе брать женъ за предѣлами рода укрѣпляло его физическія силы и обезпечивало за нимъ преобладаніе въ борьбѣ за существованіе. Образованіе такого рода уже само по себѣ могло быть событіемъ и, по крайней мѣрѣ насколько намъ извѣстно, было бы чрезвычайно неосновательно предполагать массовое образованіе такихъ родовъ. И вотъ мы видимъ, какъ дѣйствуетъ на окружающихъ людей такой родъ. Онъ возбуждаетъ въ нихъ процессъ броженія и кристаллизаціи, вслѣдствіе котораго всѣ сосѣднія или находящіяся въ сферѣ его вліянія племена или простыя человѣческія соединенія начинаютъ группироваться въ союзы, по возможности, сходные съ героическимъ типомъ. Первобытныя человѣческія соединенія могли принимать всевозможныя формы: при современномъ состояніи изслѣдованій нѣтъ въ этой области такихъ догадокъ и обобщеній, которыя нельзя было бы счесть за вполнѣ правдоподобныя. Но цѣлый рядъ доказательствъ заставляетъ думать, что эта «смѣшанная масса» («miscellany») первобытнаго общества оформлялась именно подъ вліяніемъ господствовавшихъ типовъ, дѣйствовавшихъ на подражательную способность, которая всегда была присуща человѣчеству. Общества, которымъ суждено было пойти по пути цивилизаціи, стремились приблизиться къ одному типу—чистому роду, характерными чертами котораго — будетъ ли онъ эксогамическимъ, какъ у Арійцевъ, или эндогамическимъ, какъ у Семитовъ—всюду являются чистота происхожденія и стремленіе вести его отъ какого-нибудь бога или героя..

ПРИМѢЧАНІЕ

(къ гл. VIII й).

Родъ (Gens).

То мѣсто въ текстѣ настоящей главы, въ которомъ говорится о древнихъ группахъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ и понынѣ существующей семейной общинѣ, нѣсколько измѣнено мною съ тѣхъ поръ, какъ глава эта появилась въ видѣ отдѣльной статьи въ журналѣ «Nineteenth Century».

При настоящемъ состояніи изслѣдованій въ этой области, я не считаю совершенно вѣрнымъ ни то объясненіе, какое даетъ происхожденію рода Макъ-Леннанъ, ни то, какое даетъ Морганъ. И я не рѣшаюсь не согласиться съ тѣмъ воззрѣніемъ, какое имѣли на исторію этой своеобразной группы сами Римляне. Въ чемъ состоитъ это воззрѣніе, можно увидѣть изъ часто цитируемаго мѣста въ сочиненіи Варрона («De Lingua Latina», VIII. 4). Грамматикъ замѣчаетъ, что между самими словами можно подмѣтить существованіе связи съ одной стороны — «агнатической», съ другой — «родовой». Всѣ имена «Эмиліевъ» происходятъ отъ именительнаго падежа, какъ будто бы всѣ члены Эмиліева рода, всѣ Эмиліи, произошли отъ одного первоначальнаго Эмилія. Римляне, слѣдовательно, смотрѣли на «родовую связь» («gentility») какъ на не отличающуюся существенно отъ «агнатической» («agnatio»). Агнатами являлась группа дѣйствительныхъ или адоптированныхъ нисходящихъ, ведущихъ свое происхожденіе по мужской линіи отъ одного предка, о которомъ сохранилось воспоминаніе: родичами (gentiles) являлась подобная же группа нисходящихъ отъ предка уже давно забытаго. Правда, нѣкоторые образованные Римляне, повидимому, сознавали что родство между gentiles было въ извѣстной степени фиктивнымъ; но вообще оно являлось для нихъ видомъ родства, возникающаго вслѣдствіе происхожденія по мужской линіи отъ общаго предка мужескаго пола. Въ силу соображеній,

изложенныхъ въ главѣ VII, я думаю, что римская теорія происхожденія у Римлянъ gens'a — по меньшей мѣрѣ правдоподобна. Не вижу никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что—хотя нѣкоторые роды и были совсѣмъ, а другіе отчасти фиктивными — у большинства ихъ были однако на лицо существеннѣйшіе элементы агнатическаго родства. О вѣроятномъ характерѣ окружавшихъ его фикцій можно судить по тому, что изложено мною во второй половинѣ восьмой главы. Въ виду того, что сдѣланное Альфредомъ Ляйеллемъ описаніе способа образованія группъ, всего болѣе подходящихъ къ чистому типу родовыхъ группъ, напечатано нынѣ въ его «Asiatic Studies», я могъ бы выпустить вовсе представленное мною сокращенное изложеніе его; но я сохранилъ его, такъ какъ, по моему мнѣнію, ничто не оказывало на первобытное общество такого сильнаго дѣйствія, какъ подражательная способность (imitative faculty), которой человѣкъ обладалъ всегда и дѣйствительное проявленіе которой въ жизни варваровъ наблюдалъ Альфредъ Ляйелль; а между тѣмъ роль этой способности совершенно игнорируется теоретиками первобытнаго общества.

При поверхностномъ взглядѣ на дѣло можно подумать, что подражательная способность человѣка не идетъ далѣе предметовъ вкуса и личныхъ обыкновеній. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ такой удачной, замѣчательной или просто модной вещи, которой бы люди, на самыхъ различныхъ ступеняхъ своего развитія, не старались бы подражать. «Дай намъ царя, который бы судилъ насъ, подобно тому, какъ это есть *у всѣхъ народовъ*», говорили Израильтяне Самуилу. (Сам. I. VIII. 5). «Дайте намъ въ видахъ обезпеченія свободы конституцію въ родѣ той, какая есть у такого-то народа» —вотъ современное требованіе, которое можно поставить въ параллель съ желаніемъ древнихъ Израильтянъ. Если кто склоненъ думать, что процессъ копированія образцевъ цѣлыми обществами уже не имѣетъ болѣе мѣста, тотъ пусть обратитъ вниманіе хотя бы на то, какимъ образомъ англійская конституція—которую когда-то считали эксцентричною и странною политическою формою — въ какія-нибудь семьдесятъ лѣтъ была разнесена по всей почти Ев-

ропѣ. Дѣйствительное значеніе, какое имѣетъ процессъ подражанія на варварскихъ ступеняхъ развитія общества—вотъ что изобразилъ Альфредъ Ляйелль на основаніи личныхъ наблюденій. Въ варварскомъ состояніи люди готовы перенять всякій удачный или просто «модный» (fashionable) общественный укладъ—племя, септъ, родъ, деревенскую общину, обычаи «эксогаміи» и «эндогаміи», дѣтоубійства и сожиганія вдовъ. Подражаніе это осуществляется при помощи фикціи, иногда въ высшей степени смѣлой: благодаря ей старый строй уступаетъ мало-по-малу свое мѣсто новому, и даже безпорядочныя орды, простыя скопища людей, превращаются въ опредѣленныя общественныя формы, которыя впослѣдствіи могутъ показаться ведущими свое происхожденіе отъ корней, таящихся въ глубинѣ прошедшаго.

Отсюда вытекаетъ очень важное поучительное заключеніе, что въ соціологическомъ изслѣдованіи никогда невозможно открыть ничего болѣе, какъ тотъ путь, какимъ шло образованіе какого-нибудь общественнаго типа. Учрежденіе, разъ оказавшееся удачнымъ, распространяется и далѣе благодаря подражательной способности, которая у варвара сильнѣе, чѣмъ у цивилизованнаго человѣка. Отсюда слѣдуетъ, что ни одна общая теорія, стремящаяся объяснить развитіе общественныхъ формъ путемъ одной лишь внутренней эволюціи, не можетъ вполнѣ согласоваться съ фактами дѣйствительности. Человѣкъ, незнакомый совершенно съ Европейской исторіей, можетъ предположить, что англійская конституція и бельгійская конституція, очень похожія одна на другую, развивались совершенно аналогичными путями; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ бельгійская конституція есть въ сущности копія съ копіи, истинное же развитіе конституціонализма можно прослѣдить только въ исторіи англійской конституціи.

Названные мною выше знаменитые писатели—если я вѣрно понялъ ихъ—держатся того взгляда, что римскій gens и всѣ подобныя ему группы безъ исключенія произошли отъ болѣе древнихъ группъ, которыя и понынѣ можно наблюдать у дикарей. Среди такъ называемыхъ аборигеновъ Австраліи, среди сѣверныхъ и южныхъ американскихъ Индѣйцевъ и вообще во

всѣхъ нецивилизованныхъ обществахъ существуютъ группы мужчинъ и женщинъ, считающихъ родство исключительно по матери, а не по отцу. Въ тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ имѣются какія либо преданія о происхожденіи, послѣднее, по словамъ Моргана, ведется отъ предка-женщины, а не мужчины. Наиболѣе отличительныя особенности ихъ состоятъ въ томъ, что они дѣлаютъ на своемъ тѣлѣ какую-нибудь общую помѣтку или «тотемъ» и что члены одной и той-же группы не могутъ вступать между собою въ бракъ; такимъ образомъ, какъ я говорилъ уже въ текстѣ, онѣ напоминаютъ собою отношеніе между полами болѣе, чѣмъ какую бы то ни было другую изъ извѣстныхъ намъ комбинацій человѣческихъ существъ. Съ другой стороны, во многихъ нынѣ варварскихъ или полуварварскихъ обществахъ мы можемъ наблюдать, а въ древней исторіи многихъ цивилизованныхъ или полу-цивилизованныхъ обществъ можемъ открыть — другой рядъ группъ, имѣющихъ большое сходство съ римскимъ gens. Происхожденіе свое эти группы приписываютъ одному общему предку-мужчинѣ и родство считаютъ только по отцу, дѣйствительному или адоптирововшему. Члены такихъ группъ вступаютъ между собою въ бракъ гораздо чаще, чѣмъ это дѣлаютъ члены группъ, господствующихъ у дикарей; но иногда и у нихъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, не допускаются браки между членами одной группы. Такова индусская теорія въ отношеніи къ родственникамъ и родственницамъ, принадлежащимъ къ одному и тому же gotra; есть нѣкоторыя указанія на то, что и въ римскомъ gens нѣкогда существовало то же правило. Даже у дикарей встрѣчаются случаи, гдѣ группы, ведущія родство исключительно черезъ мужчинъ, являются перемѣшанными съ группами, признающими только нисходящихъ женскаго пола; Морганъ настаиваетъ на томъ, что первыя группы представляютъ собою просто видоизмѣненія послѣднихъ и что такая трансформація имѣла мѣсто всюду, какъ въ нынѣ цивилизованныхъ обществахъ, такъ равно и въ тѣхъ, которыя и до сихъ поръ пребываютъ въ дикомъ или варварскомъ состояніи. Онъ нѣсколько разъ характеризуетъ этотъ процессъ слѣдующимъ выраженіемъ: «происхожденіе въ gens

измѣнялось отъ женской линіи въ сторону мужской», при чемъ обѣ группы онъ обозначаетъ одинаково словомъ gens.

Каковы бы ни были факты, но то, что говоритъ объ нихъ Морганъ, какъ мнѣ кажется, открыто весьма существеннымъ возраженіямъ. Ни одна изъ этихъ группъ въ сущности не слѣдовала за другою, а обѣ онѣ существовали испоконъ вѣка и всегда отличались другъ отъ друга. Въ теоретическихъ разсужденіяхъ о такихъ предметахъ слѣдуетъ быть осторожнымъ и не смѣшивать умственныхъ операцій съ наличной дѣйствительностью. «Агнатическія» родовыя группы, состоящія изъ всѣхъ нисходящихъ, по мужеской линіи, отъ общаго предка мужескаго пола имѣли мѣсто во всякомъ соединеніи мужчинъ и женщинъ, которое только длилось болѣе одного поколѣнія. Они существовали потому, что сама природа приводила къ этому. Равнымъ образомъ группа, состоящая изъ нисходящихъ, по женской линіи, отъ одного предка-женщины, продолжаетъ держаться и до сихъ поръ, такъ что дальнѣйшія развѣтвленія могли бы быть указаны съ точностью, еслибы къ тому представлялась необходимость. На извѣстной ступени исторіи всей человѣческой расы или нѣкоторой ея доли должно было произойти нѣчто новое, но оно касается не родовой группы, а семьи. У каждаго появлявшагося на свѣтъ ребенка всегда былъ родитель мужчина, но господствовавшіе нравы не требовали индивидуальнаго его обозначенія. Съ теченіемъ времени измѣнились обстоятельства и патернитетъ, существовавшій всегда, сталъ мыслимымъ и, въ результатѣ этого признанія, стало мыслимымъ также и родство по общему происхожденію отъ отца. Что же касается новыхъ обстоятельствъ, которыя привели къ этому признанію, то объ нихъ мы можемъ сказать, по моему мнѣнію, только то, что они должно быть были таковы, что открывали полный просторъ могучей эмоціопальной силѣ. Такъ какъ я признаю, что патернитетъ при первомъ же появленіи своемъ соединялся съ властью и покровительствомъ, то я не нуждаюсь въ объясненіи того факта, почему родство считалось по происхожденію только отъ лицъ мужескаго пола.

По моему мнѣнію, Морганъ весьма неудачно обѣимъ груп-

памъ даетъ одно и то же названіе: при такомъ обозначеніи теряются изъ виду существенныя различія между этими двумя группами. Трудно понять обособленное существованіе среди дикарей группы, представляющей собою не что иное, какъ простое соединеніе для матримоніальныхъ цѣлей. Мужчины, рожденные отъ женщинъ, принадлежащихъ къ такой группѣ, сами являются членами ея, но сыновья этихъ мужчинъ уже выходятъ изъ ея предѣловъ, такъ какъ они принадлежатъ къ тѣмъ группамъ, въ составъ которыхъ входятъ ихъ матери. Наоборотъ, въ другой группѣ, состоящей изъ исходящихъ мужескаго пола по мужской же линіи, постоянно сохраняется весь цвѣтъ мужской силы, постоянно воспроизводящей себя. Отсюда эта группа имѣетъ тенденцію стать независимымъ соединеніемъ, способнымъ отстоять свое самостоятельное существованіе. А потому вполнѣ правдоподобнымъ является знаменитый подвигъ рода Фабіевъ въ Римѣ, когда они коллективно отражали нападеніе Вейевъ и почти всѣ легли на мѣстѣ битвы. Говорятъ, что иногда и австралійскіе дикари принимаютъ живѣйшее участіе въ распряхъ лицъ, имѣющихъ одинаковый «тотемъ»; но эти распри людей, не имѣющихъ никакихъ общихъ между собою интересовъ, являются не болѣе, какъ рукопашными схватками лицъ, носящихъ различные цвѣта. При всемъ томъ необходимо, на мой взглядъ, собрать побольше точныхъ свѣдѣній о томъ, какое значеніе имѣютъ эти своеобразныя организаціи въ практической жизни обществъ, среди которыхъ распространены онѣ; и мнѣ остается только сожалѣть о томъ, что смерть помѣшала Моргану сообщить мнѣ результаты нѣкоторыхъ изслѣдованій его въ этой области, которыя онъ обѣщалъ предпринять. Что касается южно-славянскихъ общинъ, то дѣйствительное происхожденіе ихъ такъ или иначе, но все же извѣстно. Имѣя въ виду указанныя въ текстѣ VIII главы ограниченія, можно установить, что онѣ состоятъ изъ исходящихъ, по мужской линіи, отъ общаго предка мужескаго же пола.

Выше я сказалъ, что изслѣдователи, работающіе въ новой области, открываемой изученіемъ жизни и обычаевъ дикихъ народовъ, бываютъ иногда, повидимому, склонны смѣшивать

свои умственныя операціи съ наличной дѣйствительностью. Морганъ, какъ извѣстно, думалъ, что обычай дикарей соединять родственниковъ, безъ различія въ степени родства, въ обширныя группы (такъ, напр., отца извѣстнаго человѣка и его дядей соединять вмѣстѣ и называть ихъ всѣхъ его отцами, или же соединять въ одну группу его братьевъ родныхъ и двоюродныхъ и называть ихъ всѣхъ одинаково братьями его), что обычай этотъ есть остатокъ отъ того общественнаго состоянія, въ которомъ отношенія между полами были совершенно отличны отъ современныхъ намъ. Эта теорія «классифицированнаго родства» уже успѣла вызвать оживленные, горячіе споры, и въ различное время были дѣлаемы остроумныя попытки возстановить первобытныя, нынѣ уже забытыя, формы брака. Мнѣ кажется, что при объясненіи обычаевъ дикарей непремѣнно надо имѣть въ виду низкую степень ихъ умственнаго развитія. Тотъ, кто прочтетъ замѣчательную статью Макфэрлана — «Анализъ кровнаго родства и свойства» [5]), легко убѣдится въ томъ, что отчетливое представленіе объ обширной группѣ сложныхъ родственныхъ отношеній требуетъ громаднаго умственнаго усилія, и даже въ настоящее время оно можетъ быть успѣшно выработано не иначе, какъ съ помощью особаго рода чертежей и выкладокъ. Нѣкоторыя общества преодолѣли до извѣстной степени эту трудность, придавъ особыя названія болѣе близкимъ родственнымъ отношеніямъ, создавъ такимъ образомъ то, что Морганъ назвалъ «описательной системой» (Descriptive System); но есть ли какое-нибудь основаніе подозрѣвать, что классификація родства у дикарей являлась не чѣмъ инымъ, какъ грубой и несовершенной попыткой составить умственное представленіе о довольно многочисленной группѣ близкихъ между собою лицъ? Не представляетъ ли она собою нѣчто бо̀льшее, чѣмъ концепцію сложнаго родства—концепцію, при составленіи которой принимаются въ соображенія одни поколѣнія, а близость или степень родства оставляются безъ внима-

[5]) Dr. Macfarlane, «Analysis of Relationships of Consanguinity and Affinity» (въ «Journal of Anthropological Institute», XII. 1).

нія? Грубое воззрѣніе на общество, какъ состоящее изъ цѣлаго ряда поколѣній—явленіе довольно обыденное. Оно проглядываетъ одинаково и въ индусскомъ распредѣленіи жизни на періоды ученичества, домохозяйства и аскетизма, и въ прелестной греческой военной пѣсни Дорійцевъ, въ которой мужчины зрѣлаго возраста гордятся тѣмъ, что они — воины, дѣти — тѣмъ, что они со временемъ будутъ воинами, а старики — тѣмъ, что они были когда-то воинами.

ГЛАВА IX.

Распаденіе феодальной собственности во Франціи и въ Англіи.

Если принять во вниманіе то великое значеніе, какое имѣла первая французская революція въ глазахъ непосредственно слѣдовавшаго за ней поколѣнія, то нельзя не поразиться тою небрежностью, съ которой въ теченіе нѣкотораго времени относились къ автентичнымъ матеріаламъ для изученія ея причинъ, развитія и характера. Поистинѣ неисчерпаемыя въ этомъ отношеніи богатства представляютъ *cahiers*, содержащія въ себѣ жалобы, которыя, по стародавнему обычаю французскихъ Генеральныхъ Штатовъ, были посланы всѣми административными подраздѣленіями Франціи въ собраніе, сдѣлавшееся затѣмъ первымъ Учредительнымъ Собраніемъ. Однако лишь въ сравнительно недавнее время этотъ и другіе, подобные ему, запасы историческихъ богатствъ стали предметомъ тщательныхъ изслѣдованій. Существуетъ разсказъ (не знаю, нашелъ-ли онъ себѣ мѣсто въ печати), что одинъ весьма извѣстный нѣмецкій историкъ выразилъ великое изумленіе, когда ему во время пребыванія его въ Парижѣ показали нѣсколько запыленныхъ связокъ бумагъ, съ замѣчаніемъ, что онѣ лежатъ нетронутыми съ тѣхъ поръ, какъ ихъ помѣстили въ архивъ, въ эпоху созданія печальной извѣстности комитетовъ Общественнаго Спасенія и Общей Безопасности. «Но вы же имѣете классическій исторіи революціи», сказалъ онъ: «развѣ авторы ихъ не изслѣдовали

этихъ документовъ»?—«Нѣтъ», отвѣчали ему: «эта пыль считаетъ свои дни съ 1794 года».

Тѣмъ не менѣе до нѣкоторой степени можно объяснить себѣ это равнодушіе, въ особенности же по отношенію къ *cahiers*. Одна изъ причинъ его кроется, несомнѣнно, въ томъ пристрастіи къ общимъ объясненіямъ явленій, которое всегда составляло одну изъ наиболѣе слабыхъ сторонъ французскаго генія; и дѣйствительно, такихъ общихъ объясненій первой французской революціи расплодилось во Франціи множество. Другая и, быть можетъ, важнѣйшая причина лежитъ въ самой близости революціи. Токквилль, который впервые подвергъ тщательному изслѣдованію эти *cahiers* и показалъ, къ какимъ великимъ результатамъ можетъ привести всесторонняя эксплуатація этого богатѣйшаго рудника, высказалъ между прочимъ замѣчательную мысль, что ни одинъ иностранецъ не въ состояніи сдѣлать истинную оцѣнку настроенія той части французскаго общества, въ кругу которой едва-ли можно найти хотя бы одну семью, которая не хранила бы воспоминанія о гильотинированіи отца или кого-либо изъ близкихъ родственниковъ; а однимъ изъ результатовъ этого и является сильное нежеланіе ставить въ причинную связь Францію революціонную съ Франціей временъ монархіи. Другая же и гораздо болѣе значительная часть населенія къ этой именно кровопролитной эпохѣ пріурочиваетъ происхожденіе своихъ политическихъ и соціальныхъ правъ; и вотъ, отсюда возникаетъ вполнѣ понятное стремленіе смотрѣть на революцію, какъ на историческую катастрофу — ужасную, но неизбѣжную, и считать общество, слѣдовавшее за ней, стоящимъ не въ бо̀льшей связи съ предшествовавшимъ ей, чѣмъ въ какой находится на скатахъ Везувія растительность, вызванная къ жизни послѣ изверженія, къ той, которую истребилъ потокъ лавы. Вслѣдствіе этого нежеланія видѣть родство революціи со старымъ порядкомъ и неохоты дать полное освѣщеніе ея преступленіямъ, въ теченіе слишкомъ долгаго времени оставалось въ пренебреженіи самое первое условіе исторической науки — критическое изслѣдованіе ея источниковъ. Но въ послѣднее время, и главнымъ образомъ благодаря влія-

нію того неоцѣнимаго сочиненія объ отношеніяхъ между старой и новой Франціей, надъ которымъ трудился Токквилль вплоть до самой смерти, быстро двинулась впередъ работа исправленія предразсудковъ и предвзятыхъ мнѣній съ помощью автентичныхъ историческихъ матеріаловъ. Въ результатѣ возобновившихся изслѣдованій *cahiers* явились весьма интересныя книги Шассена (Chassin — «Le Génie de la Révolution») и Доніоля (Doniol — «La Révolution Française et la Féodalité»); наконецъ Тэнъ въ трехъ недавно вышедшихъ томахъ «Origines de la France contemporaine» представилъ сочиненіе, которое, не говоря уже о блестящихъ литературныхъ качествахъ его, достойно будетъ, какъ кажется, стать рядомъ съ книгою Токквилля. Доніоль говоритъ, что подлинники большей части *cahiers* находятся во французскихъ архивахъ; хотя нѣкоторыя изъ нихъ и были напечатаны отдѣльно въ 1789 г., я не знаю однако болѣе полнаго собранія ихъ, какъ то, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ было издано Прюдомомъ и Лоранъ-де-Мэзіеромъ (Prudhomme et Laurent de Mézières).

Хотя такія тщательныя изысканія въ области исторіи французской революціи начались сравнительно недавно, однако уже достигнуты весьма существенные результаты. Открыты нѣкоторые новые факты, на другіе, уже извѣстные, пролитъ новый свѣтъ, обнаружено не мало ошибокъ. Нѣкоторыя прежде темныя, нынѣ же болѣе правильно понятыя стороны французской революціи заслуживаютъ особеннаго вниманія.—Враждебныя отношенія крестьянъ земледѣльцевъ къ поземельной аристократіи во всѣхъ провинціяхъ Франціи, за исключеніемъ Бретани и Анжу, обыкновенно считаются не только одной изъ причинъ революціи, но даже главной причиной ея быстраго развитія и той непоколебимости, которая проявилась въ ней. Провинціальные города и мѣстечки втягивались въ общее движеніе мало-по-малу, благодаря дѣятельности постепенно распространившихся по странѣ якобинскихъ клубовъ, которые получали инструкціи изъ центральнаго парижскаго клуба — истиннаго горнила революціонной агитаціи. Но крестьяне, опять-таки за исключеніемъ тѣхъ же западныхъ провинцій, съ самаго начала революціи съ энтузіазмомъ принялись за

разрушеніе старыхъ учрежденій и дѣйствовали въ этомъ духѣ вплоть до момента окончательнаго достиженія своихъ цѣлей. Однимъ изъ послѣдствій этой повсемѣстной ненависти крестьянъ явилось такое ужасное положеніе страны, которое безъ сомнѣнія поражаетъ читателя историческихъ сочиненій. По прошествіи нѣкотораго времени Франція была какъ бы отрѣзана отъ всего остальнаго міра, и избѣжать гильотины становилось почти невозможнымъ. Нѣкоторые писатели, стараясь объяснить это, приписывали Робеспьерру особенный полицейско-организаторскій талантъ; но истинное объясненіе этому явленію кроется, какъ кажется въ томъ, что земледѣльческіе классы, сначала съ удовольствіемъ наблюдавшіе эмиграцію знати, впослѣдствіи сами образовали изъ себя добровольную полицію съ тѣмъ, чтобы, удерживая дворянъ во Франціи, получить возможность отправить ихъ на эшафотъ. Общія основанія недостаточны для объясненія такой крайней ненависти. Сообщничество крестьянъ съ дѣятелями временъ террора несомнѣнно обусловливалось желаніемъ сохранить за собою тѣ преимущества, которыя выпали на ихъ долю какъ разъ въ то время, когда Франція стала республикой; точно такъ же и цѣлый рядъ болѣе раннихъ событій, въ которыхъ проявилось такое же озлобленіе, въ настоящее время находитъ себѣ объясненіе скорѣе въ частныхъ, чѣмъ въ общихъ причинахъ. Въ третьей части своего послѣдняго сочиненія, озаглавленной «L'Anarchie spontanée», Тэнъ живо описалъ тѣ ужасные взрывы насилія, которые начались съ самаго 1789 года и которымъ придаютъ иногда коллективное названіе «пожары замковъ». Что въ настоящее время стало яснымъ и о чемъ прежде только догадывались, такъ это то, что поджигатели имѣли въ виду спеціальную цѣль [1]). Поджигая замки, они стремились

[1]) См. Тэна, томъ 1-й *La Révolution* (составляющій вторую часть сочиненія „Les Origines de la France contemporaine"), стр. 94 и сл. Изъ него видно, какъ часто нападеніе на замокъ сопровождалось сожженіемъ или разграбленіемъ фамильныхъ архивовъ. Тэнъ замѣчаетъ, что анархія рано или поздно должна была принять повсемѣстный характеръ. „Remarquez", пишетъ онъ, „que les chartriers et les titres féodaux sont encore intacts dans les trois quarts de France, que le paysan a besoin de les voir disparaître, et qu'il est toujours armé".

сжечь хранившіеся тамъ архивы, а сжигая архивы—истребить владѣнныя грамоты, титулы феодальныхъ сеньеровъ. Все это едва-ли было бы понятно, если бы въ настоящее время не былъ установленъ тотъ фактъ (объясненія его надо искать скорѣе у юристовъ, чѣмъ у историковъ), что французскіе дворяне повсемѣстно были вовлечены въ безпрестанныя тяжбы съ крестьянами. Большинство французскихъ дворянъ—и это особенно надо имѣть въ виду—весьма мало или даже совершенно не походили на то, что разумѣютъ подъ поземельной аристократіей Англичане. Нѣкоторые изъ нихъ, сравнительно весьма немногіе, имѣли обширныя помѣстья; большинство же мало или совсѣмъ не отдавали земель ни въ долгосрочныя, ни въ краткосрочныя арендныя владѣнія. Мелкіе дворяне въ массѣ жили на тѣ денежные платежи, которые несли зависимые владѣльцы; такъ, они имѣли свои *finances*, «fines», родъ оброковъ, платимыхъ сеньеру крестьяниномъ-собственникомъ, въ случаѣ смерти послѣдняго или отчужденія его земельнаго участка. Они имѣли также свои монополіи: такъ, наприм., крестьянинъ обязанъ былъ молоть свой хлѣбъ на мельницѣ сеньера, выставлять для продажи свой скотъ не иначе, какъ на его же рынкѣ. Кромѣ того они имѣли различные, не поддающіеся точному опредѣленію, источники дохода, какъ напримѣръ, исключительное право имѣть голубятни, голуби которыхъ питались зернами крестьянъ. Касательно юридическихъ основаній такихъ привилегій возникъ сильный споръ среди французскихъ юристовъ за полвѣка до революціи. Одни поддерживали юридическую доктрину, которая была въ особенномъ ходу въ эпоху наиболѣе сильнаго развитія феодализма—Nulle terre sans seigneur. Сторонники этой доктрины высказывались въ пользу безусловнаго признанія феодальныхъ повинностей и утверждали, что право на нихъ всегда могло быть установлено давностью. Но другая школа юристовъ, несомнѣнно находившаяся, хотя бы и безсознательно, подъ вліяніемъ экономическихъ доктринъ, возбудившихъ къ себѣ такой интересъ среди образованныхъ классовъ второй половины XVIII столѣтія, утверждала, что собственникъ долженъ доказать свой титулъ, и доходила почти до полнаго отрицанія

того, чтобы феодальныя права могли имѣть иное юридическое основаніе, кромѣ документальныхъ доказательствъ titre'a. Борьба этихъ враждебныхъ другъ другу направленій порождала подавляющую массу судебныхъ процессовъ, въ которыхъ перевѣсъ оказывался то на той, то на другой сторонѣ. Какъ бы то ни было, сеньеріальные титулы получили громадную важность, и легко представить себѣ тѣ выгоды, которыя должны были получить арендаторы съ ихъ уничтоженіемъ. Позднѣе онѣ утратили свою цѣну въ глазахъ крестьянъ, такъ какъ были придуманы болѣе дѣйствительныя средства противъ окружавшихъ ихъ бѣдствій. Законы Учредительнаго Собранія уничтожили бо́льшую часть феодальныхъ повинностей и возмѣстили убытки лишь по нѣкоторой части ихъ. Второе или Законодательное Собраніе уничтожило и послѣдніе остатки этихъ повинностей, при чемъ отвергло всякое вознагражденіе. Третьему собранію или Конвенту уже не оставалось почти ничего разрушать, хотя оно съ особенною яростью относилось къ ненавистному учрежденію и хотя среди его членовъ преобладали революціонные юристы—истинные авторы юридическихъ постановленій, вошедшихъ впослѣдствіи въ Наполеоновъ кодексъ, который навсегда избавилъ Францію отъ возможности возрожденія феодальной собственности. Переходъ собственности отъ одного класса къ другому, вслѣдствіе уничтоженія феодальныхъ правъ, имѣетъ гораздо бо́льшее значеніе и оказалъ на ходъ революціи гораздо бо́льшее вліяніе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ только революція перестала быть соціальнымъ движеніемъ, она утратила значительную долю своего *raison d'être,* и дѣятелямъ ея оставалось только разорвать другъ друга на клочки.

Въ то время, однако, какъ изученіе *cahiers* поставило внѣ всякаго сомнѣнія характеръ бѣдствій французскихъ крестьянъ, оно возбудило и нѣкоторыя новыя проблемы. Какъ ни сильно давали себя чувствовать эти бѣдствія, были-ли они на самомъ дѣлѣ такъ ужасны по своимъ размѣрамъ? Приводитъ-ли сравненіе отношеній французскаго крестьянина къ его сеньеру съ подобными же отношеніями въ другихъ странахъ къ тому заключенію, что мелкому земледѣльцу во Франціи приходи-

лось нести дѣйствительно безпримѣрныя и невыносимыя тягости?

Если бы я сказалъ, что первая французская революція произошла отъ того, что въ значительной части французской территоріи господствовало владѣніе землей на началахъ зависимости (Copyhold Tenure), то утвержденіе это, безъ сомнѣнія, звучало бы парадоксомъ. Люди, практически знакомые съ системой *copyhold*, конечно, считаютъ ее неудобной формой земельной собственности, но они по всей вѣроятности считаютъ ее, какъ и всякую собственность, скорѣе просто привилегіей, а не какимъ-либо особеннымъ источникомъ недовольства. Тѣ же, которые вглядывались въ ея исторію, вѣроятно, имѣли случай убѣдиться, что владѣніе по системѣ *copyhold* произошло изъ прекарныхъ владѣній крѣпостныхъ крестьянъ—положеніе, къ которому, какъ полагаютъ, приведена была большая часть англо-саксонскаго населенія, послѣ предполагаемаго уничтоженія древняго поземельнаго права Англіи и конфискаціи ея территоріи Вильгельмомъ Завоевателемъ. Обычная теорія происхожденія *copyhold*'а, или во всякомъ случаѣ теорія, въ которой воспитано большинство юристовъ, весьма обстоятельно изложена въ трактатѣ «Use of the Law» («Практика права»), который обыкновенно печатается въ собраніи сочиненій лорда Бэкона. Вильгельмъ Завоеватель, говорится тамъ, «путемъ завоеванія овладѣлъ, на правахъ вотчины, всею землею королевства (за исключеніемъ церковныхъ земель и земель Кента), отобравъ у всѣхъ лицъ все ихъ имущество, права владѣнія, собственность и свободу». Затѣмъ онъ распредѣлилъ англійскую территорію между своими прямыми вассалами (tenants in capite), «оставивъ за собою и своими наслѣдниками нѣкоторое вознагражденіе въ видѣ рентъ или службъ, или же одновременно и тѣхъ и другихъ»; «по примѣру короля и изъ подражанія его политикѣ въ дѣлѣ установленія такихъ владѣній, лорды и прочіе поземельные собственники королевства «сдѣлали то же, насколько могли». Каждый изъ нихъ, оставивъ за собою землю, непосредственно прилегавшую къ его усадьбѣ, извѣстную часть «наиболѣе отдаленныхъ участковъ» (utter-

most parts) своего имѣнія отдавалъ «вѣрнымъ слугамъ подъ условіемъ, чтобы каждый изъ нихъ поставлялъ боеваго коня и сопровождалъ его каждый разъ, какъ онъ призывался королемъ къ участію въ военномъ походѣ.... такой ленникъ назывался *tenant of knight-service* (владѣлецъ подъ условіемъ рыцарской службы)». Болѣе мелкіе участки онъ отдавалъ такъ-называемымъ *socage-tenants*, свободнымъ владѣльцамъ, которые были обязаны воздѣлывать часть его помѣстья и убирать жатву; остальную же часть своего помѣстья, «которую онъ сохранялъ за собою», онъ обработывалъ крѣпостными (bondmen); «въ своемъ помѣстномъ судѣ онъ опредѣлялъ условія владѣнія, которыя и записывались въ судебный протоколъ (roll of the court); при чемъ за лордомъ все же сохранялось право отнимать владѣнія; такимъ образомъ, владѣльцы эти, будучи по своему происхожденію не болѣе, какъ крѣпостными, получили названіе *tenants at will*, т.-е. владѣльцевъ, не обезпеченныхъ въ срокѣ владѣнія; достигнувъ личной свободы, они получили названіе copyholders и стали пользоваться такой охраной обычая, что лордъ уже не можетъ прогнать ихъ». Авторъ прибавляетъ, что «такая организація помѣстья сама собою вызывала необходимость существованія у каждаго лорда помѣстнаго суда, который и является не чѣмъ инымъ, какъ собраніемъ его владѣльцевъ, созываемымъ въ опредѣленные періоды времени.... Этотъ судъ называется Court-Baron и вѣдаетъ тяжбы, возникающія изъ долговыхъ обязательствъ, а также и всякіе полицейскіе проступки, наказаніе за которые не превышаетъ уплаты 40 шиллинговъ; рѣшеніе постановляютъ свободные владѣльцы (freeholders) на основаніи доказательствъ, представленныхъ обѣими сторонами».

Трактатъ «Use of the Law», какъ кажется, ошибочно приписывается лорду Бэкону, который въ своихъ сочиненіяхъ обнаружилъ гораздо болѣе здравое пониманіе исторіи англійскихъ учрежденій. Какъ бы то ни было, но объясненіе, которое даетъ авторъ названнаго трактата происхожденію помѣстій и зависимыхъ владѣній, является вообще господствующимъ и находитъ въ свою пользу не мало, повидимому,

основательныхъ доводовъ у признанныхъ авторитетовъ по этому вопросу. Однако объясненіе это невѣрно, и эта невѣрность является, быть можетъ, наименьшимъ недостаткомъ его, такъ какъ, давая вмѣсто истины цѣлый рядъ правдоподобныхъ фикцій, оно приводитъ къ ложному заключенію по нѣкоторымъ весьма поучительнымъ урокамъ политической исторіи, и кромѣ того оказываетъ косвенный вредъ, какъ бы закрывая передъ нами то обстоятельство, что и учрежденія, подобно формамъ органической жизни, подлежатъ дѣйствію великаго закона эволюціи.

Мало-по-малу, хотя и медленно, новѣйшія изслѣдованія установили истинные факты, которые и составятъ предметъ дальнѣйшаго изложенія.

Когда въ западной Европѣ водворилось сравнительное спокойствіе послѣ ожесточенной борьбы, сопровождавшей, сначала, вторженіе германскихъ племенъ въ римскія провинціи, а затѣмъ — разчлененіе карловингской имперіи, когда, наконецъ, упрочился феодальный порядокъ, то съ внѣшней стороны онъ представлялъ такое сильное разнообразіе и такую безпорядочность, которыя рѣзко отличали его отъ видимаго единообразія Римской Имперіи. Но тщательное изслѣдованіе показало, что феодальное общество есть не болѣе, какъ воспроизведеніе одной и той же типичной формы. Эта *единица* состоитъ изъ группы людей, живущихъ на опредѣленномъ пространствѣ земли и образующихъ собою то, что Англичане называютъ «Manor» (помѣстье), а Французы — «Fief» (феодъ). Громадная ошибка, проходящая чрезъ все описаніе этой группы, которое мы заимствовали изъ трактата, приписываемаго лорду Бэкону, состоитъ въ слѣдующемъ: авторъ смотритъ на Manor исключительно, какъ на видъ собственности, на помѣстную организацію—просто какъ на извѣстную систему владѣнія землей. Но Manor или Fief, по своему происхожденію, были столько же политическимъ, сколько и экономическимъ учрежденіемъ, приближаясь какъ къ государству, такъ и къ помѣстью. Даже при своемъ паденіи они сохраняли еще нѣкоторые характерные и особенно твердые признаки арійскихъ политическихъ

организмовъ. Лордъ есть βασιλεύς, rex, король [2]). Свободные владѣльцы, это — γερουσία, сенатъ, совѣтъ. Вилланы, это — народная масса; еще ниже ихъ стоятъ настоящіе крѣпостные, рабы и thralls или, выражаясь юридическимъ языкомъ позднѣйшихъ эпохъ, *villeins in gross*. Сеньеріальный судъ, the Court Baron, есть древнее деревенское собраніе, въ которомъ отправленіе правосудія получило преобладаніе надъ прочими общественными интересами, но въ которомъ эти интересы все же продолжаютъ обсуждаться, при чемъ лордъ, сеньеръ предсѣдательствуетъ, свободные наниматели играютъ совѣщательную роль, а вилланы лишь присутствуютъ, безъ опредѣленнаго участія или права голоса въ обсужденіяхъ, подобно толпѣ въ гомеровской ἀγορά. Оброки, повинности и монополіи, до сихъ поръ отягощающіе англійскаго copyholder'a, которые во Франціи привели къ первой революціи и отъ которыхъ надо было отдѣлаться при первомъ же удобномъ для переворота случаѣ, прежде чѣмъ Пруссія начала борьбу за освобожденіе отъ французскаго деспотизма — въ своемъ происхожденіи носили на себѣ характеръ скорѣе налоговъ, чѣмъ ренты. Они представляютъ собою древнюю форму платежей на удовлетвореніе всѣхъ нуждъ маленькаго деревенскаго государства. Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ обязаны своимъ происхожденіемъ захватамъ и насилію сеньера, другіе — соглашенію съ нимъ; но большая часть ихъ не имѣютъ другаго источника происхожденія, какъ уста-

[2]) Въ рядѣ статей, подъ заглавіемъ «Souvenirs d'enfance», которыя Ренанъ помѣстилъ въ «Revue des Deux Mondes», онъ описываетъ, между прочимъ, группу помѣстныхъ дворянъ, которыхъ встрѣчали въ Бретани наканунѣ революціи и которые рѣзко отличались отъ позднѣйшаго дворянства королевскаго созданія. Они впали въ сильную бѣдность, но встрѣчали большое уваженіе со стороны крестьянъ, смотрѣвшихъ на нихъ, какъ на свѣтскихъ главъ приходовъ, духовнымъ главою которыхъ являлся священникъ. Ренанъ приводитъ любопытный фактъ, будто они исцѣляли отъ различныхъ сыпныхъ болѣзней и между прочимъ отъ золотухи. Объ одномъ изъ нихъ онъ говоритъ: «On croyait que comme chef il était dépositaire de la force de son sang, qu'il possédait éminemment les dons de sa race, et qu'il pouvait avec sa salive et ses attouchements la relever quand il était affaiblie. On était persuadé que pour opérer des guérisons de cette sorte il fallait un nombre énorme des quartiers de noblesse». *Rev. d. Deux Mondes*, 15 mars, 1876.

новленіе ихъ правительственной властью этого небольшаго государственнаго тѣла.

Англійскій лордъ, французскій сеньеръ отвѣтственъ за дѣйствія всѣхъ членовъ помѣстной группы передъ сосѣдями и высшимъ начальствомъ. Онъ—хозяинъ или управитель этого маленькаго общества, по совѣту своихъ свободныхъ нанимателей. Онъ рѣшаетъ его дѣла въ сеньеріальномъ судѣ. Онъ не есть владѣлецъ всей земли помѣстья: вообще онъ владѣетъ лишь нѣкоторою частью ея, какъ личнымъ доменомъ. Многіе изъ его доходовъ, однако, а въ иныхъ случаяхъ большая часть ихъ, составляются изъ разнообразныхъ повинностей, платимыхъ ему владѣльцами всѣхъ категорій. Непосредственно за лордомъ слѣдуютъ его свободные наниматели (freeholders), которые обязаны нести военныя и другія почетныя службы, а также участвовать въ судѣ, при чемъ это участіе состоитъ въ выраженіи мнѣнія по судебнымъ и другимъ, возникающимъ въ Court Baron, вопросамъ. Наибольшая же часть земли, входящей въ составъ Manor или Fief, находится въ рукахъ виллановъ. Положеніе этого слоя помѣстнаго населенія не могло быть понято надлежащимъ образомъ, пока на этотъ вопросъ не пролилъ свѣта сравнительный методъ изслѣдованія при посредствѣ наблюденія тѣхъ болѣе отсталыхъ обществъ, которыя до нашихъ дней сохранили нравы и соціальныя формы XI и XII вв. Виллаиы обязаны уплачивать сеньеру всевозможныя повинности и нести службы, къ которымъ относится и обязанность обработывать земли, входящія въ составъ его домена; они не могутъ оставлять помѣстье безъ его разрѣшенія; никто изъ нихъ не можетъ, помимо его согласія, унаслѣдовать землю отъ другаго; существуетъ даже юридическая теорія, по которой движимая собственность виллана принадлежитъ лорду. Однако, благодаря новѣйшимъ изысканіямъ, можетъ быть признано несомнѣннымъ, что ни одна изъ этихъ тягостей не свидѣтельствуетъ о безусловно рабскомъ состояніи виллановъ, и всякую изъ нихъ можно объяснить, не прибѣгая къ этой гипотезѣ. [3]) Тѣ, которые припомнятъ, что двадцать пять лѣтъ

[3]) Брактонъ рѣшительно утверждаетъ, что въ XIII столѣтіи крѣпостное состояніе (Villenage) являлось видомъ поземельнаго держанія,

тому назадъ русскіе крѣпостные считались въ Англіи въ одинаковомъ положеніи съ рабами-неграми миссиссипскаго плантатора, и примутъ во вниманіе, что благодаря великой реформѣ 1861 г. крѣпостные, а не помѣщики, получили большую часть земель—тѣ уже подготовлены къ тому, чтобы признать, что средневѣковые вилланы никогда не были рабами въ истинномъ значеніи этого слова и никогда не переставали быть въ извѣстномъ смыслѣ поземельными собственниками.

Описанная мною типическая форма приближается столько же и къ королевствамъ, сколько къ помѣстьямъ. Суверенъ, ставшій наиболѣе могущественнымъ въ Европѣ, король Франціи, былъ сеньеромъ перваго помѣстья. Свободными владѣльцами (free tenants) его были герцоги Нормандскій и Бургундскій, графы Тулузскій и Шампани; доменъ его состоялъ изъ Парижа и прежняго герцогства французскаго. Эти континентальныя учрежденія нашли себѣ мѣсто и въ Англіи, но, какъ это часто случалось, съ нѣкоторыми *различіями*. Сильная власть англо-норманскихъ королей развилась вслѣдствіе того, что они не допускали никакого посредника (какимъ во Франціи являлся, напримѣръ, герцогъ Бургундскій) между собою и подданными, и отъ всѣхъ Англичанъ требовали вѣрности, а слѣдовательно и военной службы (Фриманъ, «Norman Conquest», IV, 694). Черты помѣстной группы мы можемъ подмѣтить еще въ болѣе ранней соціальной формѣ — деревенской общинѣ, группѣ людей, управляющихся на демократическихъ или скорѣе аристократическихъ началахъ, въ которой свободные вла-

---

а не личнымъ состояніемъ. Владѣть крѣпостною землею могли одинаково, какъ лично-свободный человѣкъ (freeman), такъ и лично-зависимый (bondman): «поземельное держаніе нисколько не измѣняетъ положенія свободнаго человѣка, какъ не измѣняетъ оно и положенія раба. Ибо свободный человѣкъ можетъ владѣть землею и въ крѣпостной зависимости, отправляя всѣ относящіяся сюда повинности, и не смотря на это, онъ все-таки остается свободнымъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ это въ силу владѣнія крѣпостной землею, а не въ силу личной принадлежности его къ крѣпостному состоянію».—Соотвѣтствующее мѣсто изъ Брактона я цѣликомъ привожу въ примѣчаніи къ настоящей главѣ — «Деревенскія общины и помѣстья.»

дѣльцы еще не имѣли сеньера [4]). Мы можемъ, далѣе, прослѣдить постепенное распаденіе общины вплоть до того момента, когда установились присущія намъ теперь формы поземельной собственности. Въ настоящее время передъ нами стоитъ вопросъ, почему распаденіе помѣстья сопровождалось такими различными послѣдствіями въ Англіи и Франціи? Почему его разложеніе въ одной странѣ окончилось революціей, составившей эпоху въ исторіи, а въ другой — результатомъ его явилась лишь нѣсколько неудобная форма поземельной собственности?

Прежде всего надо замѣтить, что поземельныя владѣнія французскихъ крестьянъ 1789 года, *съ внѣшней стороны*, очень сходны съ тѣми зависимыми владѣніями (copyhold), которыя имѣли мѣсто въ Англіи въ ту же эпоху и которыя до сихъ поръ продолжаютъ держаться, хотя площадь ихъ значительно сократилась. Мои собственныя изслѣдованія заставляютъ меня усомниться въ томъ, чтобы можно было у французскихъ крестьянъ отмѣтить хотя бы одну, вполнѣ достовѣрную, повинность, которой, или, по крайней мѣрѣ, слѣдовъ которой нельзя было бы найти въ строѣ англійскихъ copyholds. Артуръ Юнгъ, путешествовавшій по Франціи наканунѣ и сейчасъ же послѣ революціоннаго взрыва, описываетъ нѣкоторыя повинности, которыя особенно поразили его своей необычайностью; близко подходящія ко многимъ изъ нихъ феодальныя обязанности были указаны также и нѣкоторыми экспертами, спрошенными особой коммиссіей Палаты Общинъ по вопросу о copyhold, въ 1850 и 1851 гг. Въ организаціи французскихъ владѣній, есть, правда, нѣкоторыя детали, которыя свидѣтельствуютъ о крайней подавленности владѣльца и которыхъ не встрѣчали въ Англіи, хотя и думаютъ, что ихъ можно найти въ полу-легендарной исторіи Шотландіи; но достовѣрность этихъ деталей въ послѣднее время подвергнута сильному сомнѣнію, такъ какъ основаніемъ ея служило ошибочное пониманіе смысла древнихъ французскихъ юридическихъ терминовъ. Въ общемъ же сходство французскихъ и англійскихъ владѣній замѣчательно; и ничто не могло возбудить такого изумленія въ Доніолѣ—какъ

[4]) См. примѣчаніе къ настоящей главѣ — «Деревенскія общины и помѣстья».

кажется, первомъ изъ французовъ, замѣтившемъ это сходство—какъ то, что тѣ бѣдствія, которыя, по признанію авторитетовъ, привели во Франціи къ великой революціи, въ Англіи не имѣютъ никакого политическаго значенія. Доніоль придумалъ слѣдующую остроумную иллюстрацію неудобствъ англійскаго владѣнія землей по системѣ *copyhold*. Онъ предполагаетъ капиталиста южной Англіи, который начинаетъ переговоры о покупкѣ имѣнія въ сѣверной Англіи. Его повѣренный говоритъ ему, что въ сѣверныхъ графствахъ преобладаютъ помѣстья (manors), что тамъ господствуетъ система *copyhold*. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ онъ узнаетъ, что земля тамъ обложена произвольными оброками—*finances* древне-французскаго права—и что собственнику помѣстья уплачивается извѣстная сумма всякій разъ, какъ *copyholder* умираетъ или продаетъ свою землю; равнымъ образомъ всякій разъ, какъ умираетъ собственникъ помѣстья, такая же сумма уплачивается его преемнику. Эти оброки когда-то были дѣйствительно *произвольны*, но Королевскій Судъ уже давно постановилъ, что (кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ) они должны быть умѣренны (reasonable) и не должны превышать двухгодичнаго дохода съ земли. Однако же всякій разъ, какъ умираетъ кто-либо изъ цѣлаго ряда наслѣдующихъ другъ другу copyholder'овъ (отецъ, сынъ, внукъ), и всякій разъ, какъ смерть постигаетъ кого-либо изъ такого же ряда собственниковъ помѣстья, долженъ быть выплачиваемъ двухгодичный доходъ съ земли. Предполагаемый покупщикъ такимъ образомъ уже знаетъ, что не стоитъ тратить время на земельныя улучшенія, такъ какъ они только поднимутъ сумму оброковъ, платимыхъ въ указанныхъ случаяхъ. Далѣе онъ узнаетъ также, что послѣ его смерти самую лучшую часть движимаго имущества его лордъ можетъ присвоить себѣ подъ видомъ *Heriot*; извѣстно, что алмазъ Питта (Pitt Diamond) и знаменитая картина Рубенса «Chapeau de Paille»—этотъ перлъ коллекціи Пиля въ Національной Галлереѣ—были просто случайно спасены отъ захвата ихъ въ качествѣ Heriots, а замѣчательнѣйшая въ свое время породистая лошадь и дѣйствительно была отобрана — только потому, что въ числѣ имущества ихъ владѣльцевъ было нѣ-

сколько клочковъ copyhold'а. Повѣренный Доніоля перечисляетъ затѣмъ цѣлый рядъ второстепенныхъ неудобствъ этой системы. Одно изъ нихъ во Франціи сдѣлалось однимъ изъ главныхъ бѣдствій крестьянъ. По первому требованію, выраженному въ установленной формѣ, copyholder обязанъ доставить лорду человѣка, который бы помогалъ въ уборкѣ помѣщичьей жатвы. Въ дореволюціонной Франціи крестьянинъ шелъ самъ, въ Англіи же эта повинность сводится къ тому, что copyholder теряетъ рабочій день одного изъ своихъ работниковъ; лордъ же, съ другой стороны, ничего отъ этого не выигрываетъ, такъ какъ отправленный къ нему работникъ дѣлаетъ какъ можно меньше, а между тѣмъ по установившемуся обычаю онъ имѣетъ право на харчи, стоимость которыхъ, конечно, превышаетъ стоимость его труда.

Въ заключеніе Доніоль спрашиваетъ, кому, въ здравомъ разсудкѣ, придетъ охота купить подобную собственность. Приведенныя имъ подробности дѣйствительно существуютъ и очень хорошо извѣстны юристамъ; многія другія, столь же поражающія иностраннаго наблюдателя, были изображены передъ особой коммиссіей Палаты Общинъ. Тѣмъ не менѣе, какъ то признаетъ и самъ Доніоль, въ его очеркѣ есть нѣкоторыя погрѣшности. Въ интересахъ иллюстраціи онъ допускаетъ, что всякое владѣніе по системѣ copyhold повсемѣстно обременено такими тяжелыми обязательствами. Въ дѣйствительности же нарисованная Доніолемъ картина является лишь сведеніемъ во едино тягостей, разсѣянныхъ по большому числу помѣстій; вообще же слѣдуетъ признать, что въ южныхъ графствахъ Англіи маноріальныя обязательства не имѣютъ особеннаго значенія, да и повсюду они въ значительной степени ослабли въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, благодаря дѣятельности особыхъ коммиссаровъ (Copyhold Commissioners).

Конечныя основанія, которыя могутъ привести къ принудительному освобожденію, на справедливыхъ условіяхъ, всей англійской земли, владѣемой на зависимыхъ условіяхъ, заключаются вовсе не въ неудобствахъ, выпадающихъ на долю copyholder'а. Если бы онъ сталъ жаловаться на нихъ, то ему можно было бы отвѣтить, что онъ долженъ почитать себя счастливымъ,

владѣя хотя бы и не совсѣмъ удобнымъ видомъ собственности, и что онъ имѣетъ право на общественное сожалѣніе ничуть не болѣе, чѣмъ акціонеръ желѣзнодорожной компаніи, которому послѣдняя иногда выдаетъ дивидендъ, а иногда и вовсе нѣтъ. Весьма вѣроятно, ему возразили бы, что каковы бы ни были неудобства его собственности, они выпадаютъ на него въ видѣ цѣны, которую онъ или его предшественники должны были бы уплатить за нее. Если и есть какія-либо основанія къ освобожденію, такъ они заключаются въ томъ, что зависимое владѣніе есть преграда земледѣльческимъ улучшеніямъ, что оно уменьшаетъ производительность почвы, а потому заслуживаетъ прямаго осужденія. Надо замѣтить, однако, что это разсужденіе, или, по крайней мѣрѣ, его сила—весьма недавняго происхожденія. Двѣсти лѣтъ тому назадъ одинъ наблюдатель, не очень чувствительный къ интересамъ ближнихъ, описывалъ бѣдствія copyholder'овъ въ выраженіяхъ, замѣчательно близкихъ къ тѣмъ, которыя употреблялись для изображенія бѣдствій французскихъ крестьянъ въ *cahiers*, представленныхъ во французскіе Генеральные Штаты. Роджеръ Норсъ, въ своей прекрасной книгѣ «The Lives of the Norths», сообщаетъ, между прочимъ, что лордъ хранитель печати (министръ юстиціи) Гильфордъ готовился къ судебной практикѣ исполняя обязанности управляющаго нѣсколькихъ помѣстій; нѣкоторые разсказы его о маноріальныхъ правахъ и приводитъ Норсъ въ своей книгѣ. Гильфордъ сообщаетъ, что ему самому нерѣдко приходилось быть исполнителемъ жестокихъ мѣръ лордовъ и лэди помѣстій по отношенію къ бѣднымъ людямъ; что небольшія состоянія и клочки земли, переходившіе по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе, пожирались оброками; что надо удивляться, какъ парламентъ, уничтоживший королевскія владѣнія *in capite*, не освободилъ бѣднѣйшихъ землевладѣльцевъ отъ вымогательствъ и тягостей, и что надо уничтожить эту систему землевладѣнія. Въ этихъ описаніяхъ слышится тотъ же грохотъ вулкана, что и передъ взрывомъ французской революціи; разница лишь въ томъ, что классъ, возбуждавшій сожалѣніе Норса, былъ столь же немногочисленъ, какъ бѣденъ, ибо, по его собственнымъ словамъ, значитель-

ное число помѣстій вполнѣ или отчасти уже исчезли въ Англіи того времени.

Если бы, далѣе, сто лѣтъ тому назадъ большая часть того класса, который на самомъ дѣлѣ состоялъ изъ земледѣльческихъ рабочихъ, и значительная доля того класса, который въ дѣйствительности состоялъ изъ арендаторовъ, представляли бы собою продуктъ описанныхъ Норсомъ отношеній copyholder'овъ къ собственникамъ помѣстій, и еслибы подъ вліяніемъ закона о равномъ раздѣлѣ имущества эти copyholder'ы постоянно возростали въ числѣ, не теряя связей съ землею, то мы получили бы для Англіи приблизительно такой же аграрный строй, какой существовалъ во Франціи. Вы согласитесь, я думаю, съ тѣмъ, что если не послѣдовало никакого сотрясенія, то причина этого кроется ужь никакъ не въ недостаткѣ горючаго матеріала. И въ самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго французской революціи не произошло, да и самая идея англійской революціи изъ-за тягостнаго положенія зависимыхъ владѣльцевъ поразитъ всякаго своею абсурдностью. Какимъ же образомъ случилось, что феодальное зданіе, абрисъ котораго такъ сходенъ во Франціи и въ Англіи, вылилось въ столь различныя формы? Какимъ образомъ одно и то же учрежденіе сдѣлалось величайшимъ бѣдствіемъ въ одной странѣ, и по большей мѣрѣ неудобствомъ — въ другой. Отвѣтъ на этотъ вопросъ разбивается на множество отдѣловъ; нѣкоторые изъ нихъ я не могъ бы разсмотрѣть безъ предварительнаго изслѣдованія длинной и сложной исторіи англійскаго поземельнаго права и не прибѣгая къ строго техническому языку, но очеркъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не будетъ здѣсь неумѣстнымъ.

Одна изъ главныхъ причинъ этого различія кроется въ существенной разницѣ между судебной организаціей Франціи и Англіи. Въ обѣихъ странахъ значительная доля народнаго права (popular law)—права, всего болѣе затрогивавшаго интересы народной массы—примѣнялась нѣкогда мѣстными (сеньеріальными и маноріальными) судами, предсѣдателемъ которыхъ въ теоріи былъ сеньеръ-лордъ, на дѣлѣ же имъ являлся особый уполномоченный — управитель, атторней, или *bailli*. Во Франціи сеньеріальный судъ изчезъ; единственное, сохранив-

шееся до настоящаго времени изображеніе его, правда, въ каррикатурномъ видѣ, находимъ въ пьесѣ Бомаршэ *Mariage de Figaro*. Но и въ очеркѣ Бомаршэ мы видимъ въ своемъ родѣ могучій и вліятельный трибуналъ, совершенно отличный отъ англійскихъ *Manor Courts*, которые хотя и до сихъ поръ еще созываются для рѣшенія различныхъ дѣлъ, но уже находятся въ періодѣ окончательнаго паденія. Сто лѣтъ тому назадъ англійскій *Manor Court* былъ почти то же, чѣмъ онъ является теперь; но во Франціи сеньеріальный судъ находился въ то время въ полномъ своемъ разцвѣтѣ. Англійскій собственникъ помѣстья — въ административномъ отношеніи — былъ весьма авторитетнымъ и вліятельнымъ лицомъ; но юрисдикція его, прежде обширная, чрезвычайно съузилась, и единственной, цѣнной для него, судебной властью являлась, по всему вѣроятію, та, которую онъ получалъ отъ короля въ качествѣ мироваго судьи. Французскій сеньеръ, съ другой стороны, въ административномъ отношеніи былъ нуль; какъ доказалъ это Токквилль, агенты центральной королевской власти соединяли въ себѣ всѣ сколько нибудь важныя административныя функціи; но сеньеріальный судъ, не смотря на то, что и его коснулись ограниченія, все же сохранялъ въ то время еще весьма существенную долю своей прежней власти и значенія.

Различное положеніе мѣстныхъ юрисдикцій въ обѣихъ странахъ обусловливалось, несомнѣнно, различнымъ воздѣйствіемъ на нихъ со стороны судовъ, стоявшихъ выше ихъ. Въ Англіи Королевскіе Суды въ Вестминстеръ-Голлѣ постоянно регулировали юрисдикцію помѣстныхъ судовъ, съуживая область ея, ограничивая ее лишь точно-обозначенными случаями и предписывая способы ея осуществленія. Лица, стоявшія во главѣ маленькихъ помѣстныхъ обществъ, долго боролись противъ того, что они считали узурпаціей. До сихъ поръ издано еще очень мало помѣстныхъ реэстровъ (rolls), но и въ тѣхъ, которые уже сдѣлались доступными публикѣ, можно нерѣдко встрѣтить, какъ лордъ и *homage* (т.-е. собраніе свободныхъ владѣльцевъ) принимали мѣры противъ аппеллированія въ королевскій судъ. Такъ, на стр. 239 «Исторіи по-

мѣстья Castle-Combe» м-ра Скропа находимъ случай наложенія ареста на имущество одного copyholder'a за нарушеніе существовавшаго въ помѣстьѣ правила (communis ordinatio), по которому «ни одинъ владѣлецъ никоимъ образомъ и ни подъ какимъ видомъ не можетъ ни искать съ другаго владѣльца, ни отвѣчать по иску послѣдняго ни передъ какимъ посторонниимъ судомъ». Королевскіе суды не только не обращали никакого вниманія на всѣ подобнаго рода рѣшенія, но даже установили принципъ, по которому лордъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за всякое превышеніе его власти или созданныхъ обычаемъ привилегій. Такимъ путемъ были проведены въ жизнь принципы, сильно ограничившіе маноріальныя права, и между прочимъ—та доктрина (оказавшаяся очень выгодной для copyholder'овъ), по которой всѣ такъ-называемые произвольные оброки должны быть умѣренны и не должны превышать двухгодичнаго дохода съ земли. Наиболѣе разрушительное вліяніе на маноріальную юрисдикцію королевскіе суды оказали своимъ стремленіемъ—ограничить площадь земель, владѣніе которыми основывалось на остаткахъ древняго крѣпостнаго права. Королевскій Судъ требовалъ отъ лорда самыхъ точныхъ доказательствъ того, что извѣстная часть земли его есть *copyhold*. Такимъ образомъ свободное владѣніе, имѣющее свое техническое названіе «socage», постоянно расширялось въ ущербъ зависимымъ владѣніямъ; и Роджеръ Норсъ съ особымъ удареніемъ указываетъ, что въ то время, когда онъ писалъ (т.-е. около середины XVII стол.), «многія помѣстья въ Англіи были на пути къ полному упадку».

Чѣмъ были суды Вестминстеръ-Голля для англійскаго Manor, для французскаго Fief были Парламенты. Они были созданіемъ короля; родословную свою парижскій Парламентъ, такъ же какъ и Судъ Королевской Скамьи, ведетъ отъ древней Curia Regis; первоначально Парламенты, точно такъ же, какъ и суды англійскихъ королей, не взирая на самые горячіе протесты французскаго дворянства, неустанно работали надъ расширеніемъ области королевской юрисдикціи въ ущербъ мѣстной. Въ борьбѣ съ сеньеріальными судами они употреб-

ляли не только то же оружіе, что и англійскіе суды, но заимствовали изъ римскаго права еще спеціальное средство нападенія, опираясь на своемъ правѣ выслушивать аппелляціи на всѣ, ниже ихъ стоящіе суды. Несомнѣнно, однако, что съ теченіемъ времени эта вражда стихла. Хотя, какъ я уже замѣтилъ, во второй половинѣ XVIII в. обозначилось новое направленіе въ рѣшеніяхъ судовъ, тѣмъ не менѣе вообще во французскихъ Парламентахъ позднѣйшаго періода господствовала доктрина «*Nulle terre sans seigneur*», а слѣдовательно существовало постоянное предубѣжденіе противъ свободнаго владѣнія, весьма близко подходившаго къ англійскому *socage*. Передъ самой революціей парижскій Парламентъ постановилъ предать публичному сожженію сочиненіе Бонсерфа (Boncerf) «О неудобствахъ феодальныхъ правъ»; и это постановленіе является, безъ сомнѣнія, весьма наглядным выраженіемъ тѣхъ взглядовъ, которыхъ упорно держалось большинство французскихъ судей.

Историки французскаго права вообще согласны въ томъ, что эта нѣжность французскихъ Парламентовъ позднѣйшаго періода къ сеньеріальнымъ правамъ и сеньеріальной юрисдикціи объясняется тою выгодой, которую «noblesse de robe» извлекала для себя изъ сеньеріальныхъ привилегій. Перемѣна въ настроеніи Парламентовъ связывается съ тѣмъ нововведеніемъ (признаваемымъ вообще плачевнымъ), благодаря которому должности въ большихъ французскихъ судахъ стали продажными и наслѣдственными. Съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ Фюстель-де-Куланжъ, судья былъ почти всегда человѣкъ богатый; а въ тогдашней Франціи единственнымъ помѣщеніемъ богатства являлась собственность на землю или различныя владѣльческія права. Я не имѣю въ виду опровергать этотъ взглядъ; замѣчу только, что изучавшій англійскую исторію усомнится въ томъ, чтобы продажность судебныхъ должностей во всѣхъ общественныхъ состояніяхъ была безусловнымъ зломъ. Нѣкоторое сходство французскихъ Парламентовъ съ одноименнымъ англійскимъ учрежденіемъ имѣло своимъ послѣдствіемъ не совсѣмъ справедливую оцѣнку ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ того времени, когда власть законодательная

и судебная не были еще строго отграничены одна отъ другой, Парламенты унаслѣдовали право сдерживать законодательную власть французскихъ королей, отказываясь регистрировать тѣ эдикты ихъ, которые были такъ-сказать неконституціонны. Не всегда благоразумныя и почти постоянно слабыя усилія ихъ противодѣйствовать высокомѣрному правительству приводятъ къ невыгодному для нихъ сравненію съ ними того славнаго собранія, которое въ теченіе столь долгаго времени издаетъ законы для Англичанъ. Но какъ судебные трибуналы, Парламенты весьма замѣчательны, въ особенности же своей независимостью, которая считается естественнымъ и необходимымъ качествомъ всякой легислатуры. Самые недостатки ихъ организаціи содѣйствовали развитію этой независимости. Въ то время, когда юстиція англійскихъ судовъ съ самыхъ древнихъ временъ болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой изъ европейскихъ странъ, была юстиціей королевской, въ то время, когда каждый изъ четырехъ Стюартовъ нисколько не стѣснялся наполнять англійскіе суды своими креатурами—французскіе Парламенты были переполнены людьми, сохранявшими значительную долю самостоятельности, и именно потому, что они купили или унаслѣдовали свои должности. Во многомъ справедливо можно упрекнуть французскіе Парламенты, но они никогда не были рабскими орудіями, покорными слугами короля, вплоть до того дня, когда не созывавшіеся съ 1614 года Генеральные Штаты снова собрались въ 1789 году и превратили въ порошокъ и королевскую власть, и Парламенты, и всѣ французскія учрежденія.

Помимо тенденціи, сказавшейся въ рѣшеніяхъ королевскихъ судовъ, были и другія причины, предупредившія въ Англіи развитіе того недовольства, которое разразилось среди французскихъ крестьянъ въ 1789 и 1790 гг. Я ни мало не сомнѣваюсь, что одной изъ нихъ слѣдуетъ признать концентрацію земельной собственности въ большія состоянія—явленіе довольно ранняго происхожденія, которое въ болѣе поздняя эпохи лишь ускорилось въ своемъ развитіи. Эта концентрація породила, быть можетъ, массу другихъ золъ, но она

довела до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ то спеціальное зло, о которомъ идетъ рѣчь. Всестороннее выясненіе этого процесса завело бы насъ въ техническую область исторіи поземельнаго права; но одну изъ его экономическихъ причинъ здѣсь вполнѣ умѣстно будетъ указать. Англійскіе Lords of Manors—классъ, который (надо твердо запомнить это) явился предшественникомъ какъ англійской знати, такъ и англійской джэнтри—первоначально были гораздо бѣднѣе, чѣмъ соотвѣтствующій имъ классъ во Франціи. Предки французскихъ дворянъ жили въ богатѣйшихъ, густо населенныхъ и наиболѣе цивилизованныхъ провинціяхъ Римской Имперіи; налоги, которые впослѣдствіи стали ихъ феодальными повинностями, обезпечивали за ними весьма большое богатство. Англія же представляла собою страну, покрытую обширными лѣсами и пустынями, въ чемъ можно убѣдиться, между прочимъ, изъ знаменитой третьей главы Маколея, которая изображаетъ положеніе Англіи въ сравнительно недалекомъ прошломъ. Одной изъ наиболѣе замѣтныхъ ступеней въ развитіи феодализма былъ переходъ пустыхъ земель въ руки лордовъ — переходъ, который получилъ особенное значеніе подъ вліяніемъ одного частнаго обстоятельства. Дѣло въ томъ, что въ средневѣковой Англіи былъ одинъ источникъ національнаго богатства, который можно сравнить развѣ съ теперешнимъ ея углемъ и желѣзомъ, съ винами современной Франціи или съ золотомъ Австраліи и Калифорніи. Почва, климатъ и, конечно, поземельныя держанія Англіи особенно благопріятствовали производству шерсти — этихъ «wools of England», которыя король, въ своей «Roll of the Ordinance of the Staple» [5]), называетъ «первымъ товаромъ и перломъ нашего королевства» («the sovereign merchandise and jewel of our realm»). Англійская шерсть заполняла собою промышленные города Фландріи, являясь матеріаломъ для ихъ ткачей, и вывозилась во всѣ торговые пункты Средиземнаго побережья. Вотъ что сдѣлало бѣдное дворянство богатымъ; и когда окончились

---

[5]) Статутъ, установлявшій монополію торговли шерстью въ извѣстныхъ городахъ.

войны Алой и Бѣлой Розы, англійскіе помѣстные лорды стали быстро пріобрѣтать земли въ видахъ развитія овцеводства и земледѣлія. Но французское дворянство, какъ кажется, никогда не было въ состояніи сосредоточить въ своихъ рукахъ, путемъ покупки, владѣнія своихъ прежнихъ вилановъ. Нѣкоторые изъ дворянъ имѣли весьма обширныя состоянія, которыя описалъ Тэнъ въ первомъ томѣ своего послѣдняго сочиненія, но если взять Францію въ ея цѣломъ и не принимать въ разсчетъ церковныхъ и коронныхъ земель, то надо будетъ признать, что чувство собственности на землю олицетворялось не въ сеньерѣ, а въ крестьянинѣ. Весьма грубую ошибку дѣлаютъ думающіе, что мелкая собственность во Франціи ведетъ свое происхожденіе лишь со времени революціи: еще наканунѣ ея одинъ изъ самыхъ наблюдательныхъ англійскихъ путешественниковъ, Артуръ Юнгъ, былъ пораженъ ея распространенностью. И количество этихъ мелкихъ владѣній все возростало, такъ какъ крестьяне постоянно скупали помѣстья богатой знати, разорявшейся вслѣдствіе придворной жизни въ Версалѣ. Но вся эта масса мелкихъ собственниковъ должна была нести феодальныя повинности и терпѣть отъ различныхъ мелкихъ монополій; и мы легко поймемъ то недовольство, которое вызвала эта система, если припомнимъ тѣ времена, когда англійскій земледѣлецъ долженъ былъ отдавать сборщику десятины каждый десятый снопъ съ своего поля. Быть можетъ, вымыселъ въ данномъ случаѣ будетъ поучительнѣе исторіи. Если вы обратитесь къ «Bride of Lamermoor» [6]) и вникнете во взгляды феодальныхъ владѣльцевъ лорда Равенсвуда на набѣги Калеба Бальдерстона на Вульфопъ, если вы распространите ихъ на все населеніе и примете во вниманіе, что Франція кишѣла легіонами Калебъ-Бальдерстоновъ, то вы поймете, чѣмъ были для французскихъ крестьянъ тѣ учрежденія, подъ которыми они жили.

Что касается до Англіи, то есть основаніе думать, что въ концѣ прошлаго столѣтія соотвѣтствующій французскимъ крестьянамъ классъ состоялъ въ ней изъ земледѣльческихъ

---

[6]) Романъ Вальтеръ-Скотта.

рабочихъ и арендаторовъ — фермеровъ. Многое, безъ сомнѣнія, можно бы сказать о чрезвычайной многочисленности въ Англіи, сравнительно съ другими странами, первой части этого класса — земледѣльческихъ рабочихъ; но арендаторы-фермеры, хотя не держали въ тайнѣ своего недовольства, никогда не были опасны въ политическомъ отношеніи. Не надо думать, что и въ настоящее время нельзя найти copyholder'a, лично обработывающаго свою землю; по всей вѣроятности, часть весьма значительнаго количества мелкихъ землевладѣльцевъ, о существованіи которыхъ говоритъ такъ-называемая новая Domesday-Book, состоитъ именно изъ этого класса. Нѣкоторые изъ нихъ были спрошены коммиссіями Палаты Общинъ, изслѣдовавшими владѣніе по системѣ copyhold; при чемъ даже возбужденъ былъ между прочимъ вопросъ о томъ, не въ лучшемъ ли во всякомъ случаѣ положеніи находятся они, чѣмъ фермеръ, нанимающій землю и платящій ренту не въ иррегулярные періоды, а правильно каждые полгода. Строго говоря, копигольдеръ—не наниматель, а собственникъ земли, хотя заключающееся въ указанномъ вопросѣ сопоставленіе все же имѣетъ свое значеніе. Положеніе арендатора-фермера, безъ сомнѣнія, имѣло большое вліяніе на настроеніе копигольдеровъ—обработывателей. Оно служило имъ мѣриломъ для оцѣнки ихъ собственнаго положенія, и теперь уже положительно извѣстно, что въ XVI и XVII вѣкахъ копигольдеры нерѣдко ухудшали свое юридическое положеніе, принимая отъ лорда помѣстья договоры на свою землю. Но французскій крестьянинъ, владѣвшій землею на положеніи раба, никогда не сравнивалъ себя съ фермерами доменіальныхъ земель дворянства, которые составляли совершенно особый классъ, *métayers*, не только нанимая землю у сеньера, но и получая отъ него же хозяйственныя принадлежности. Крестьянинъ сравнивалъ свою участь съ положеніемъ самихъ дворянъ и съ горечью сознавалъ полный контрастъ.

Мнѣ остается упомянуть еще объ одной причинѣ, которая, быть можетъ, болѣе всякой другой предохранила въ Англіи не только маноріальныя права, но и всѣ вообще права на

землю отъ того отношенія, въ которое стали къ нимъ на континентѣ въ концѣ прошлаго вѣка. Фактъ великой политической и юридической важности составляетъ то обстоятельство, что въ Англіи съ древнѣйшихъ временъ поземельная собственность переходила изъ рукъ въ руки путемъ купли-продажи гораздо чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Исключительныя *юридическія* условія, облегчавшія этотъ процессъ въ Англіи, относятся къ той технической области права, въ которую, какъ и раньше, я не вхожу; но этому, безъ всякаго сомнѣнія, въ сильной степени содѣйствовало древнее богатство страны. Нѣкоторые юристы утверждаютъ, какъ бы въ видѣ общаго принципа, что всякое пріобрѣтеніе собственности основывается на предварительномъ контрактѣ или соглашеніи. Исторически это, конечно, невѣрно, но ошибка эта одна изъ тѣхъ, которыя тѣсно связаны съ нѣкоторыми изъ наиболѣе распространенныхъ въ XVIII столѣтіи идей. Святость договора была однимъ изъ основныхъ догматовъ французской философской вѣры и оказала сильное вліяніе на тѣ средства, путемъ которыхъ были уничтожены феодальныя права французскаго дворянства. Въ концѣ концовъ дворяне не получили никакого вознагражденія за утрату этихъ правъ; когда вспыхнуло пламя революціи, все, что они могли сдѣлать, это—спасти свою жизнь. Но первое или Учредительное Собраніе вовсе не имѣло этого въ виду. Оно оставляло безъ вознагражденія лишь тѣ права, которыя имѣли своимъ источникомъ безпомощное положеніе крѣпостныхъ; что же касается до правъ, основаніемъ которыхъ считалось соглашеніе между сеньеромъ и вассаломъ, то, уничтожая ихъ, оно обезпечивало за сеньеромъ денежный эквивалентъ. Это различеніе дѣлаетъ честь духу справедливости, присущему первому Собранію, но опиралось оно на исторической ошибкѣ. Нѣтъ никакого основанія думать, что феодальныя права возникли изъ простаго насилія, но столь же мало основанія предполагать, что какая-либо часть ихъ явилась результатомъ соглашенія.

Хотя это и невѣрно для Франціи, однако по отношенію къ Англіи это до извѣстной степени справедливо. Титулъ лорда

помѣстья и титулъ копигольдера тогда, какъ и теперь, опирались на соглашеніе гораздо болѣе, чѣмъ во всякой другой чисто-феодальной странѣ. Нерѣдко лордъ—лично или черезъ своихъ предковъ—покупалъ свои права, и наоборотъ, копигольдеръ постоянно пріобрѣталъ землю, связанную маноріальными правами, путемъ покупки у другаго лица. Англійская политическая экономія и англійскія народныя воззрѣнія весьма сильно проникнуты убѣжденіемъ, что всякая собственность пріобрѣтается путемъ предварительной сдѣлки о куплѣ и что, каковы бы ни были сопряженныя съ нею неудобства, они должны быть признаны въ силу первоначальной сдѣлки. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что это, въ значительной степени справедливое, убѣжденіе есть весьма дѣйствительная охрана собственности; и въ наши дни она, быть можетъ, не менѣе дѣйствительна, чѣмъ общее сознаніе ея цѣлесообразности и то чувство (столь же древнее, какъ и самыя древнія основы цивилизаціи), которое проявляется въ юридическихъ нормахъ давности и въ уваженіи наиболѣе сильной части всякаго общества къ его сложившимся учрежденіямъ. Если это дѣйствительно такъ, то непосредственный практическій выводъ отсюда тотъ, что мы должны встрѣчать съ самыми лучшими пожеланіями всѣ попытки, до сихъ поръ малоуспѣшныя, которыя направлены къ развитію перехода земель изъ рукъ въ руки. Если онѣ когда-либо увѣнчаются успѣхомъ, то результатомъ этого будетъ облегченіе одного изъ наиболѣе консервативныхъ и благодѣтельнѣйшихъ процессовъ — пурификаціи права собственности посредствомъ соглашенія.

Я вовсе не имѣю въ виду утверждать, чтобы контрастъ между феодальными обязанностями и правами въ Англіи и Франціи всецѣло объяснялся разсмотрѣнными мною въ этой главѣ причинами. Мнѣ думается, что именно эти причины до сихъ поръ оставались на заднемъ планѣ, а потому я и счелъ не безполезнымъ обратить на нихъ особенное вниманіе. Цивилистъ-историкъ долженъ освѣтить другія причины, переплетающіяся съ общимъ строемъ французскаго общества. Токвилль высказалъ, а другіе, по всей вѣроятности, докажутъ, ту мысль, что необыкновенное обаяніе французскаго двора и

его постоянная страсть къ военнымъ затѣямъ превратили французское поземельное дворянство въ особую касту, которая столь же сильно отличалась отъ земледѣльцевъ-крестьянъ, какъ и Раджпуты отъ Судра и бѣлый плантаторъ Южныхъ Штатовъ отъ негра, работавшаго въ его тростниковыхъ плантаціяхъ. Послѣдствіемъ этого глубокаго отчужденія было полное извращеніе нормальнаго, естественнаго характера той соціальной группы, о которой шла рѣчь — *Manor* или *Fief*. Сама по себѣ эта группа — одно изъ наиболѣе консервативныхъ учрежденій. Въ Англіи *Manor* находится въ полномъ упадкѣ и сохраняется лишь въ своей церковной формѣ, каковой является приходъ (parish). Во Франціи *Fief* покончилъ свое существованіе съ революціей, послѣ которой онъ сдѣлался простымъ административнымъ подраздѣленіемъ — commune (община). Но чѣмъ дальше мы подвигаемся, черезъ германскія и славянскія страны, къ востоку, тѣмъ все болѣе и болѣе прочнымъ является этотъ первобытный соціальный организмъ. Его легко подмѣтить подъ внѣшней оболочкой мусульманскихъ учрежденій, а въ Индіи онъ является въ своей наиболѣе древней формѣ — деревенской общины, братскаго союза мнимыхъ родственниковъ, занимающихъ опредѣленное пространство земли. Повсюду онъ оказываетъ болѣе или менѣе упорное сопротивленіе перемѣнамъ: все равно, чѣмъ бы ни вызывались онѣ—военнымъ ли завоеваніемъ, или централизующей дѣятельностью благожелательныхъ правителей, которые смотрятъ на народы лишь какъ на смѣшанные аггрегаты отдѣльныхъ лицъ и въ лучшемъ случаѣ стремятся къ наибольшему счастію наибольшаго числа ихъ. Никто изъ знающихъ Англію не по однимъ только городамъ не рѣшится утверждать, чтобы уваженіе къ сквайру или пастору было явленіемъ, способнымъ вызвать лишь сарказмъ или насмѣшку. Ни одинъ французъ, кромѣ парижанина, не станетъ смѣяться надъ тѣмъ, что французы называютъ *esprit de clocher*. Но во второй половинѣ XVIII вѣка нормальная жизнь Fief'а была парализована во Франціи. Многія причины и, между прочимъ, личныя столкновенія (отчаяніе всѣхъ, которымъ хотѣлось бы исторію сдѣлать наукой) породили среди крестьянъ такую не-

нависть къ сеньерамъ, что они готовы были искать союзниковъ противъ нихъ гдѣ бы то ни было — до революціи въ деспотическомъ королѣ и его чиновникахъ, послѣ революціи — въ Конвентѣ, якобинскомъ клубѣ, Директоріи, первомъ консулѣ, который не замедлилъ сдѣлаться Императоромъ. Даже до сихъ поръ память о феодальныхъ повинностяхъ и опасеніе ихъ возрожденія имѣютъ первостепенное политическое значеніе и дѣлаютъ значительную часть націи готовой (по выраженію одного великаго французскаго оратора) броситься въ объятія перваго ловкаго капрала, который съумѣетъ увѣрить ее, что онъ можетъ сохранить учрежденія, созданныя революціей, не прибѣгая къ ней самой.

ПРИМѢЧАНІЕ

(Къ гл. IX-й).

Деревенскія общины и помѣстья.

Хотя ни одинъ вопросъ не былъ предметомъ столь тщательныхъ изысканій среди германскихъ и англійскихъ ученыхъ, однако же дѣйствительный процессъ возникновенія помѣстья (Manor) или Феода изъ предшествовавшихъ ему общественныхъ формъ до сихъ поръ представляетъ собою еще весьма темную проблему. Въ изданномъ мною десять лѣтъ тому назадъ трудѣ («Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ») я представилъ краткій очеркъ всего, что въ этой области было въ то время извѣстно или о чемъ можно было, по крайней мѣрѣ, догадываться; съ тѣхъ поръ наши знанія по этому предмету постоянно обогащаются—быть можетъ, отчасти благодаря вышеназванному сочиненію—при чемъ особенно многаго надо ожидать отъ изслѣдованія Россіи, гдѣ развитіе помѣстій и наиболѣе существенныхъ сторонъ крѣпостнаго права относится къ сравнительно недалекому прошлому и гдѣ, повидимому, существуютъ богатѣйшіе матеріалы для автентичной исторіи этой общест-

венной трансформаціи. Надѣюсь, что Маккензи Уоллесъ не замедлитъ опубликовать тѣ результаты спеціальныхъ его изысканій, о которыхъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своему сочиненію о Россіи. На другую сторону того же вопроса много свѣта прольетъ имѣющее выйти сочиненіе Фредерика Сибома, съ которымъ я, благодаря любезности автора, имѣлъ уже случай ознакомиться *).

Изслѣдованія въ этой области принадлежатъ къ числу тѣхъ, гдѣ особенно необходима осторожность, о которой мы говорили въ примѣчаніи «Родъ», къ главѣ VIII. Здѣсь мы особенно должны имѣть въ виду подражательную способность человѣчества. Деревенскія общины, встрѣчаемыя въ большомъ числѣ въ разныхъ частяхъ свѣта, и помѣстья, которыя въ значительномъ количествѣ и до сихъ поръ еще существуютъ въ Англіи, хотя правда въ состояніи полнѣйшаго упадка—первоначально были, должно быть, простыми воспроизведеніями одного типа, развитіе котораго было поставлено въ благопріятныя условія. Значительная часть пустынныхъ земель Индіи, находившихся прежде въ неопредѣленномъ общемъ владѣніи, была занята группами людей, которые и установили у себя деревенскія общины—потому что они не знали никакой другой формы общаго пользованія землей; съ другой стороны, обширныя земельныя площади Европы воздѣлывались поселенцами, организованными въ помѣстныя группы, въ видѣ религіозныхъ корпорацій или же отдѣльныхъ лицъ, получившихъ обширныя земельныя пожалованія. Вполнѣ естественно, что поселенцы, занимавшіе въ различныхъ странахъ свѣта новыя территоріи, разселялись именно такими группами, подобно тому какъ и современные намъ Англичане или Шотландцы, выселяясь въ Канаду или Новую Зеландію, устанавливаютъ у себя отдѣльныя фермы, которыя и обрабо-

*) Упоминаемое Мэномъ сочиненіе Сибома уже вышло въ свѣтъ во второй половинѣ минувшаго года, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „The English Village Community, examined in its Relations to the Manorial and Tribal System, and to the Common or Open-field System of Husbandry". An Essay in Economic History. By Frederick Seebohm.—London, Longmans.—*Прим. пер.*

тываютъ или своимъ собственнымъ, или же наемнымъ трудомъ. Такимъ образомъ все, что только мы можемъ надѣяться открыть, это — типичную форму. А типичная деревенская община—группа мнимыхъ родственниковъ, имѣющихъ свое собственное управленіе и, на основаніи опредѣленныхъ правилъ, совмѣстно обработывающихъ землю — представляетъ собою черезчуръ своеобразную общественную группу для того, чтобы она могла возникнуть случайно или же явиться по чьему-либо личному капризу. Весьма убѣдительныя свидѣтельства приводятъ къ тому заключенію, что первоначальное возниковеніе ея относится къ отдаленному періоду варварскаго состоянія, хотя, по всей вѣроятности, оно имѣло мѣсто все же не ранѣе той эпохи, когда люди начали воздѣлывать зерновые хлѣба или соединять воздѣлываніе ихъ съ пастьбою скота. Для того, чтобы составить себѣ понятіе о широкой распространенности деревенской общины, въ ея болѣе архаическихъ формахъ, достаточно упомянуть о томъ, что ее наблюдали не только въ большей части Индіи, но и на Фиджійскихъ островахъ (Артуръ Гордонъ), и у Берберовъ Сѣверной Африки (Эрнестъ Ренанъ), и что въ вышедшемъ въ прошломъ году четвертомъ томѣ *United States Survey of the Rocky Mountain region* Морганомъ описана особенная форма ея, господствующая среди болѣе южныхъ племенъ Сѣверо-Американскихъ Индѣйцевъ. Для меня несомнѣнно и то, что типическая форма помѣстья (Manor) возникла именно изъ деревенской общины. Всякій, кто мысленно составитъ себѣ отчетливую картину деревенской общины, замѣтитъ, что она заключаетъ въ себѣ все то, что находимъ мы и въ болѣе раннихъ помѣстьяхъ: вся разница сводится къ одному явленію—замѣнѣ народнаго авторитета властью индивидуальной и послѣдствіямъ этой замѣны. Все, что можетъ дѣлать лордъ, могъ дѣлать совѣтъ взрослыхъ сельчанъ или деревенскій старѣйшина (village-headman), съ тою разницей однако, что послѣдніе являлись отвѣтственными передъ общиной, между тѣмъ какъ лордъ все болѣе и болѣе стремится стать исключительнымъ собственникомъ—точь въ точь подобно тому, какъ французскій король съ теченіемъ времени сталъ нызываться юристами «Королемъ-Собственникомъ всей

французской земли». Идти же далѣе этой характеристики отношенія между обоими типами—не безопасно. Оба типа—какъ деревенской общины, такъ и помѣстья—много разъ были копируемы [1]), кое-гдѣ даже въ очень недавнее время. Широкое распространеніе ихъ при посредствѣ колонизаціи, думаю я, и есть источникъ того парадоксальнаго мнѣнія, будто наиболѣе отличительныя особенности ихъ относятся всецѣло къ новому времени.

Вопросъ о происхожденіи помѣстій или феодовъ, установившихся въ Западной Европѣ и затѣмъ распространившихся вширь и вдоль искусственнымъ путемъ, представляется чрезвычайно неяснымъ. Въ одномъ изъ предыдущихъ трудовъ своихъ я доказывалъ, что все то, что въ совокупности своей составляетъ феодализмъ, должно было возникнуть или изъ варварскихъ обычаевъ или изъ римскаго права («Древнее право», стр. 364 и сл.); изъ какого же источника ведутъ свое начало зародыши помѣстной власти? Съ одной стороны, изученіе Ѳеодосіева кодекса приводитъ къ тому заключенію, что большія владѣнія римскихъ собственниковъ (ихъ *villae*, воздѣлывавшіяся колонами и рабами) имѣютъ нѣкоторое сходство съ помѣстьемъ — сходство, которое я съ своей стороны вообще склоненъ объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что въ числѣ ихъ воздѣлывателей было много лицъ варварскаго происхожденія. Я всегда съ недовѣріемъ относился къ утвержденію римскихъ юристовъ, что римскіе рабы, которые были столь многочисленны, не имѣли никакихъ учрежденій; и думаю, что обширная земельная площадь, заселенная варварами, естественно должна была подвергнуться такой системѣ обработки, которая имѣла сходство съ механизмомъ одного изъ наиболѣе распространенныхъ варварскихъ учрежденій. Хотя я, конечно, и не могу согласиться съ тѣмъ заключеніемъ, въ пользу котораго склоняются нѣкоторые французскіе ученые, что будто помѣстья европейскаго континента по своему происхожденію

[1]) Наиболѣе ранніе поселенцы Новой Англіи разселялись, какъ кажется, по округамъ (townships), имѣющимъ большое сходство съ деревенскими общинами. Помѣстья были основываемы въ Южныхъ поселеніяхъ. См. *John Hopkins University Studies*, H. C. Adams, 1882.

суть не что иное, какъ римскія *villae*, тѣмъ не менѣе весьма вѣроятно, что въ прежнихъ римскихъ провинціяхъ организація *villae* оказала извѣстное вліяніе на то, что земледѣльческія группы охотнѣе приняли помѣстную, манріальную форму, чѣмъ форму сомоуправляющихся деревенскихъ общинъ. Въ то же время слѣдуетъ замѣтить, однако, что древнѣйшій изъ варварскихъ кодексовъ—Lex Salica—въ своихъ болѣе раннихъ и подлинныхъ частяхъ ничего не знаетъ о помѣстной власти. *Potestas dominica*, о которой говорится въ немъ, есть «королевская» власть. Деревенскую общину кодексъ этотъ знаетъ подъ названіемъ *villa* (см. титулъ 45, «De Migrantibus»); описывая одну изъ ея наиболѣе характерныхъ особенностей, суровую исключительность, онъ подразумѣваетъ, что община есть союзъ свободныхъ людей, имѣющихъ право вести тяжбы передъ свободнымъ Сотеннымъ Судомъ. Однако составителямъ позднѣйшихъ Leges Barbarorum помѣстье, какъ кажется, было уже извѣстно.

Едва-ли нужно и говорить о невозможности—происхожденіе англійскихъ помѣстій приписывать римской *villa*. Отдѣльныя тевтонскія племена, завоевавшія Англію, пришли туда изъ сѣверныхъ областей, такъ что едва-ли они могли знать большое римское помѣстье; если-же они и были знакомы съ нимъ, то не легко будетъ понять, почему предпріимчивые воины въ своихъ заморскихъ завоеваніяхъ устроивались на началахъ рабства и крѣпостнаго права. Этотъ вопросъ чрезвычайно подробно разработанъ въ вышеназваннымъ сочиненіи Сибома.

Не лишнимъ будетъ привести цѣликомъ то мѣсто изъ Брактона, въ которомъ онъ излагаетъ господствовавшую въ его время теорію крѣпостнаго права. «Поземельное держаніе (tenement) нисколько не измѣняетъ положенія свободнаго человѣка, какъ не измѣняетъ оно и положенія раба. Ибо свободный человѣкъ можетъ владѣть землею и въ крѣпостной зависимости, отправляя всѣ относящіяся сюда повинности, и не смотря на это онъ все-таки остается свободнымъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ это въ силу владѣнія крѣпостной землей, а не въ силу личной принадлежности его къ крѣпостному состоянію. Чистый типъ крѣпостнаго состоянія есть владѣніе, соеди-

ненное съ неопредѣленными и неограниченными услугами, когда наканунѣ вечеромъ неизвѣстно, какую службу придется нести завтра—т. е., когда владѣлецъ обязанъ дѣлать все, что бы ни было ему приказано» (folio 26a). И далѣе: «Другой видъ крѣпостнаго держанія есть смѣшанное, соединяющее въ себѣ черты и полнаго и привилегированнаго крѣпостничества. Чистое крѣпостное состояніе есть то, въ которомъ владѣющій на крѣпостномъ правѣ, будетъ-ли онъ лично свободенъ или нѣтъ, долженъ дѣлать изъ крѣпостной службы все, что бы ни было ему приказано; наканунѣ вечеромъ онъ можетъ не знать, что̀ придется ему дѣлать завтра, и всегда онъ можетъ быть призванъ къ исполненію неопредѣленныхъ повинностей; онъ можетъ быть облагаемъ платежами большими или меньшими, по благоусмотрѣнію лорда.... и однако же такимъ образомъ, что если онъ свободный человѣкъ, то онъ дѣлаетъ это въ силу требованій крѣпостнаго права, а не въ качествѣ личной повинности...; если же онъ вилланъ (по крови), то онъ долженъ дѣлать все это столько же въ качествѣ личныхъ повинностей, сколько и въ силу крѣпостнаго права» (folio 208в). Единственное отличіе въ повинностяхъ состояло въ томъ, что *merchetum* при выдачѣ замужъ дочери не требовался отъ свободнаго лица, владѣвшаго на крѣпостномъ началѣ, такъ какъ онъ представлялъ собою чисто личную повинность (какъ бы штрафъ, уплачиваемый лорду за лишеніе его раба). См. статью Ф. Поллокъ—F. Pollock «Notes on Early English Land Law», въ майской книгѣ журнала «Law Magazine and Review» за 1882 годъ. Весьма цѣнная статья Поллока цѣликомъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

ГЛАВА X.

Классификаціи собственности.

Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей права, извѣстны различія, которыя проводятся между отдѣльными вещами или болѣе или менѣе значительными группами ихъ и вслѣдствіе которыхъ различные предметы обладанія, смотря потому, къ какой категоріи принадлежатъ они, относятся, съ точки зрѣнія юриста, къ совершенно различнымъ отдѣламъ права. Въ числѣ этихъ различій находимъ прежде всего то, которое древніе римскіе юристы проводили между Res Mancipi и Res nec Mancipi — т. е. между вещами, для передачи которыхъ требовалась манципація и вещами, передача которыхъ не требовала этой сдѣлки; далѣе слѣдуетъ западно-европейское средневѣковое различіе между аллодомъ и феодомъ, землей аллодіальной и феодальной; затѣмъ идетъ и по нынѣ еще держащееся англійское дѣленіе собственности на реальную и личную (Realty and Personalty); наконецъ — позднѣйшее римское и современное европейское дѣленіе вещей на Res Mobiles и Res Immobiles, на движимую и недвижимую собственность.

Различіе между движимостью и недвижимостью представляется сравнительно новымъ какъ въ римскомъ государствѣ, такъ и въ остальной Европѣ. Оно явилось результатомъ стремленія римскихъ юристовъ оставить старыя историческія классификаціи и распредѣлить вещи, собственность, предметы обладанія—по ихъ дѣйствительной природѣ. Сдѣланное ими обоб-

щеніе потребовало впослѣдствіи лишь самыхъ незначительныхъ поправокъ; возникавшія при пользованіи имъ неудобства были несущественны и встрѣчались лишь на самой границѣ между обоими классами вещей. Подъ вліяніемъ, можетъ быть, того факта, что дерево, вещь недвижимая, пріобрѣтаетъ цѣнность лишь будучи срѣзано и ставъ движимостью, а быть можетъ и подъ вліяніемъ какого-нибудь мѣстнаго обычая— употреблять при постройкѣ домовъ передвижные деревянные срубы, средневѣковые излагатели нѣсколькихъ древнихъ германскихъ юридическихъ системъ пришли къ мысли подъ понятіе движимости подвести все то, что̀ можетъ быть уничтожено огнемъ; а въ болѣе новое время сильныя сомнѣнія и горячіе споры возбудилъ вопросъ о томъ, къ какому классу отнести вещи, получившія особенно важное значеніе съ развитіемъ современной мануфактурной промышленности, а именно то, что̀ Англичане называютъ *fixtures* (все, что составляетъ необходимую принадлежность недвижимаго имущества), а во французскомъ правѣ обозначается терминомъ *immeubles par destination*. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что еслибы положительное право дѣйствительно имѣло въ своемъ основаніи тѣ принципы, которые въ прошломъ столѣтіи считались его базисомъ, а именно — принципы простоты или цѣлесообразности или здраваго смысла, то весьма вѣроятно, что скорѣе всякихъ другихъ классификацій вещей люди усвоили бы себѣ именно ту, которая дѣлитъ ихъ на движимыя и недвижимыя. Между тѣмъ, какъ извѣстно, долженъ былъ пройти цѣлый періодъ римской исторіи отъ Законовъ XII Таблицъ вплоть до реформы Юстиніана, прежде чѣмъ это, повидимому столь очевидное, дѣленіе заступило мѣсто стараго историческаго дѣленія вещей на Res Mancipi и Res nec Mancipi, изъ которыхъ къ первой категоріи относились земля, рабы, лошади и быки, а ко второй — все остальное; и замѣчательно, что страны, въ которыхъ господствуетъ англійскій языкъ (Англія, ея колоніи и большая половина Штатовъ Американскаго Союза) до сихъ поръ отвергаютъ усовершенствованную римскую классификацію и, выдѣляя изъ общей массы недвижимой собственности срочныя поземельныя аренды, относятъ ихъ къ *personalty* или

движимости. Такъ упорно держатся старыя историческія классификаціи. Но если мы и установимъ тотъ фактъ, что эти историческія классификаціи означаютъ лишь то, что вещи, относимыя ими къ высшему классу, были въ то или иное время единственными цѣнными предметами обладанія, а остальныя или вовсе не существовали или имѣли лишь ничтожную цѣнность—то, съ другой стороны, мы не можемъ не признать и того, что было нѣкогда время, когда такъ называемыя историческія классификаціи сами были новыми. Старѣйшей изъ нихъ, быть можетъ древнѣйшей сознательной попыткой провести такого рода дѣленіе, является классификація, которую завѣщали намъ Римляне. Но земля, рабы, лошади и быки не могли всѣ одновременно являться предметами индивидуальнаго обладанія. Было, вѣроятно, время, когда прирученное животное, представлявшее собою рѣдкость, имѣло бо̀льшую цѣнность, чѣмъ сотни акровъ земли, которая имѣлась въ изобиліи. Занятая какимъ-нибудь племенемъ территорія, на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія, ревниво охранялась имъ, какъ исключительное мѣсто охоты, за предѣлы котораго не могъ переступить, подъ страхомъ смерти или рискуя быть ограбленнымъ, никто кромѣ членовъ этого племени, или—на позднѣйшихъ ступеняхъ развитія — территорія извѣстнаго племени предназначалась имъ для пастьбы; но приходившаяся изъ нея на долю каждаго члена часть представляла для него, индивидуально, меньшую цѣнность, чѣмъ рабъ, лошадь, быкъ или даже кремневый топоръ или копье. Все это вытекаетъ изъ простѣйшихъ экономическихъ аксіомъ; но въ одномъ автентичномъ памятникѣ архаическихъ обычаевъ, въ древнемъ ирландскомъ правѣ, ясно отпечатлѣлись слѣды еще болѣе древняго (и все-таки, вѣроятно, не самаго древняго) положенія первобытныхъ объектовъ обладанія; эти же слѣды возможно, какъ кажется, подмѣтить и въ древнемъ тевтонскомъ кодексѣ, Lex Salica, который — что бы ни представлялъ онъ собою въ иныхъ отношеніяхъ — есть прежде всего собраніе правилъ, защищающихъ обладаніе коровами, свиньями, овцами, баранами, лошадьми и даже пчелами.

Перехожу къ тому дѣленію, которое получило особенное

значеніе въ вѣкъ, близкій къ нашему времени — различію между *аллодомъ* и *феодомъ*, между аллодіальной и феодальной землей. *Аллодъ* въ той или иной формѣ есть институтъ, по всей вѣроятности столь же старый, какъ и институтъ индивидуальной поземельной собственности, и мы можемъ признать его эквивалентомъ или непосредственно происшедшимъ изъ той доли, которую каждый получалъ въ земельной площади той группы, къ которой онъ принадлежалъ—племени, нераздѣльной семьи, деревенской общины, или нарождающагося города. Но многочисленные факты (число ихъ все болѣе и болѣе увеличивается) доказываютъ, какъ мнѣ кажется, что первоначально доля эта не была какою-либо опредѣленною площадью, а представляла собою то, что̀ мы могли бы назвать теперь извѣстной фракціей или аликвотной частью подлежащаго раздѣлу земельнаго пространства. Доли земельнаго владѣнія, на которыя имѣла право каждая семья или домохозяйство, переходили отъ одного домохозяйства къ другому по очереди или по жребію, и лишь съ теченіемъ времени каждая доля становилась принадлежностью опредѣленныхъ семей. Общественный строй римской Республики мы узнаемъ лишь въ тотъ моментъ, когда онъ достигъ послѣдней изъ указанныхъ стадій развитія; и въ самомъ дѣлѣ, та голодная борьба изъ-за публичныхъ доменовъ, которой открываются страницы достовѣрной римской исторіи, показываетъ, что раздѣлъ общинныхъ земель, который полвѣка тому назадъ еще не совсѣмъ завершился въ Англіи, среди римскаго свободнаго крестьянства уже давнымъ-давно отжилъ свой вѣкъ; слѣды же болѣе древняго экономическаго состоянія слѣдуетъ искать въ богатомъ и сложномъ правѣ сервитутовъ или правъ пользованія (easements), въ которомъ, какъ въ неисчерпаемомъ рудникѣ, копаются новѣйшіе юристы всѣхъ національностей и которое, какъ кажется, свидѣтельствуетъ о томъ, что воздѣлываемая земля каждаго Римлянина была дѣйствительно, употребляя техническое выраженіе, *serviens* для его сосѣдей, въ отношеніи къ праву проѣзда, провоза, права снабженія водой и массы другихъ правъ, идущихъ далеко за предѣлы правъ, признаваемыхъ въ этой области въ настоящее время. Многочисленные римскіе серви-

туты относятся, по моему мнѣнію, къ тому же общинному пользованію землей, которое составляетъ характерную принадлежность и всѣхъ другихъ арійскихъ расъ; но тотъ ранній періодъ, въ который земля свободнаго римскаго крестьянина стала признаваться опредѣленной и исключительной собственностью его семьи, весьма сильно повліялъ на юридическую и экономическую исторію римскаго общества и этимъ самымъ сдѣлался фактомъ великой важности въ развитіи и всего Западнаго міра.

Судя по нѣкоторымъ указаніямъ, первоначально владѣніе аллодіальной землею было повсюду отличительной привилегіей свободнаго человѣка. Вплоть до первой французской революціи владѣніе землей на правахъ *franc-alleu* — владѣніе, уцѣлѣвшее кое-гдѣ отъ общаго процесса феодализаціи, пользовалось у Французовъ большимъ почетомъ. Не смотря на это, позднѣйшая исторія аллодіальной земли есть по преимуществу исторія землевладѣнія крѣпостныхъ или низшихъ классовъ населенія. Свою характерную особенность — раздѣлъ земли по смерти владѣльца между всѣми дѣтьми или всѣми сыновьями — аллодъ передалъ по наслѣдству и зависимому феодальному землевладѣнію, при чемъ неизвѣстно, произошло ли это вслѣдствіе того, что въ крѣпостное состояніе были обращены прежде свободныя общины, или же потому, что *аллодъ* являлся типомъ всякаго пользованія землей и практиковался въ колоніяхъ изъ крѣпостныхъ, основанныхъ римскимъ *dominus*'омъ или тевтонскимъ лордомъ. Всѣ крестьянскія владѣнія во Франціи до самой революціи пріурочиваются именно къ этому типу; такими же являлись до значительно болѣе поздняго времени и германскія крестьянскія владѣнія. Слѣды особенностей, присущихъ этому типу, находимъ мы и въ Кентскомъ Гавелькиндѣ, и въ организаціи большей части зависимыхъ владѣній (copyhold land); а сравненіе трактатовъ Гланвилля и Брактона даетъ намъ возможность опредѣлить даже время, когда именно господствовавшія въ Англіи системы свободнаго владѣнія — *socage* — утратили характерныя черты аллода и пріобрѣли особенности феода. Но нынѣ дѣйствующее въ Англіи право поземельной собственности (Real Property Law) насквозь про-

никнуто феодальнымъ воззрѣніемъ на землю—воззрѣніемъ, по которому земля, находящаяся въ индивидуальномъ обладаніи, никоимъ образомъ не подлежитъ раздѣлу. Система поземельнаго права, опирающаяся на этотъ феодальный принципъ, отъ котораго, впрочемъ, верховная власть дѣлаетъ иногда отступленія, есть въ сущности система правилъ, регулирующихъ землевладѣніе высшихъ классовъ. Аллодіальное владѣніе, которое, какъ полагаютъ, первоначально было принадлежностью свободныхъ людей, въ средніе вѣка стало владѣніемъ крѣпостныхъ. Феодальное же владѣніе, бывшее первоначально владѣніемъ слугъ (servants), которые впрочемъ только по сравненію съ ихъ господиномъ могутъ быть названы рабами, въ средніе вѣка сдѣлалось владѣніемъ знатныхъ классовъ, дворянъ. То обстоятельство, что въ Англіи поземельное право высшихъ классовъ сдѣлалось поземельнымъ правомъ народа, представляетъ исключеніе, и исключеніе замѣчательное.

Извѣстно, что первые зачатки феодальной системы, въ которой феодальное поземельное право является лишь частью, имѣли различное происхожденіе. На окраинахъ Римской Имперіи земля находилась во владѣніи у солдатъ земледѣльцевъ, которые пользовались ею на условіяхъ несенія военной службы и это обстоятельство не лишено было извѣстнаго значенія. Съ нимъ въ тѣсной связи находится тотъ отдѣлъ римскаго права, который регулировалъ отношенія между патрономъ и кліентомъ; а эти отношенія во многомъ напоминаютъ собою обычныя отношенія между лордомъ и вассаломъ. Этому именно обстоятельству слѣдуетъ приписать многое изъ первобытныхъ или варварскихъ обычаевъ арійскихъ расъ — обычаевъ, оживленныхъ въ Римской Имперіи Германцами. Общество у нихъ состояло изъ компактныхъ группъ семей или родовъ, изъ которыхъ первыми управляли старшіе члены, подлежавшіе особому избранію, а вторые если не всегда, то часто находились подъ управленіемъ какого-либо изъ членовъ правящей семьи, избиравшагося особымъ порядкомъ, извѣстнымъ у Ирландцевъ подъ названіемъ Tanistry. Начальники же эти, или короли, имѣли обыкновеніе покупать или вознаграждать услуги непосредственныхъ своихъ приверженцевъ — путемъ

пожалованій. Мы легко можемъ распознать различные ингредіенты феодализма, распространившагося по обширной площади. И тѣмъ не менѣе, при всемъ богатствѣ нашихъ знаній въ этомъ отношеніи, одинъ пунктъ до сихъ поръ еще остается невыясненнымъ. Какимъ образомъ понятіе поземельной собственности подверглось столь полному видоизмѣненію? Трудно найти что-либо менѣе сходное одно съ другимъ, какъ юридическую сторону аллодіальной земли—или, какъ назвали бы ее Римляне, земли, принадлежащей *in dominium* — и юридическую сторону земли феодальной. Переходя отъ первой ко второй, вы замѣчаете совершенно иной строй правовыхъ идей.

Надо быть юристомъ, чуткимъ къ технической сторонѣ права и хорошо знакомымъ съ позднѣйшимъ римскимъ и древнѣйшимъ феодальнымъ правомъ—для того, чтобы вполнѣ оцѣнить глубину этой перемѣны. Здѣсь не мѣсто входить въ детальное разсмотрѣніе ея; но если взять только одну сторону ея, то невозможно найти ни одного переворота въ области юридическихъ идей, который былъ бы поразительнѣе замѣны римскаго воззрѣнія на землю (которое является и развитымъ аллодіальнымъ воззрѣніемъ), какъ по существу своему дѣлимую — феодальнымъ представленіемъ о землѣ, въ существѣ своемъ нераздѣльной. Какъ на основное различіе между недвижимой и движимой собственностью, римскіе юристы указывали на то, что земля дѣлима *ad infinitum* и можетъ быть мыслима таковою всегда, хотя бы она и являлась въ дѣйствительности нераздѣленной, между тѣмъ какъ движимость не допускаетъ дѣленія. Они могли представить себѣ землю владѣемою, такъ сказать, на различныхъ юридическихъ основаніяхъ: одному лицу она принадлежитъ въ квиритскую собственность, другому—въ качествѣ бонитарнаго владѣнія—различіе, нѣсколько сходное съ тѣмъ, которое, по мѣрѣ упадка феодализма, установилось въ Англіи между *the legal and the equitable estate*. Но нѣтъ никакихъ признаковъ тому, чтобы римскій юристъ могъ представить себѣ то, что Англичане называютъ *a series of estates*—т. е. извѣстное количество владѣльцевъ, имѣющихъ одинъ за другимъ право преемственнаго пользованія однимъ и тѣмъ же участкомъ земли и допускаю-

щихъ совокупное о нихъ представленіе. Замѣчательно, что когда этимъ великимъ юридическимъ мыслителямъ нужно было оформить идею современнаго намъ пожизненнаго поземельнаго владѣнія, то имъ пришлось прибѣгнуть къ аналогіи съ правомъ сервитутовъ. Римскій поземельный узуфруктъ по своимъ практическимъ послѣдствіямъ является приблизительно тѣмъ же, что̀ и англійское *estate for life* (пожизненное владѣніе); но римскіе юристы относили его къ правамъ прохода по чужой землѣ и черпанія воды изъ чужаго колодезя. Судя по нѣкоторымъ римскимъ юридическимъ памятникамъ, я думаю, что если бы римскому юристу предложили представить себѣ мысленно извѣстное количество лицъ, имѣющихъ совмѣстныя права на одну и ту же собственность, то онъ представилъ бы себѣ не преемственное (поочередное) пользованіе ею, а единовременное раздѣленіе ея между всѣми владѣльцами. Такъ далекъ былъ онъ отъ возможности представить себѣ владѣніе одною и тою же земельною площадью раздѣленнымъ между пожизненными владѣльцами и остальными, между *tenants in tail male* и *tenants in tail female, doweresses, tenants by the courtesy of England, and reversioners*. Этотъ длинный рядъ лицъ, изъ коихъ всѣ имѣютъ опредѣленныя права, могущія сосуществовать въ одной и той же собственности, это длинное преемство частныхъ владѣній, въ совокупности своей составляющихъ одно полное владѣніе, *feodum* или феодъ — нельзя было и вообразить себѣ до тѣхъ поръ, пока не возникло совершенно новое представленіе о поземельной собственности. Когда, нѣсколько столѣтій спустя послѣ возникновенія феодализма, юристы старались для обозначенія феодальныхъ отношеній употреблять термины римскаго права, то истинный смыслъ ихъ пришлось исковеркать; какъ это и было, напримѣръ, съ правомъ *fidei-commissa*, или «*testamentary gifts in trust*».

Одинъ изъ факторовъ, который, по крайней мѣрѣ отчасти, повліялъ на ходъ этой великой революціи правовыхъ идей, послужилъ недавно предметомъ споровъ между нѣкоторыми изъ ученѣйшихъ людей нашего времени; и въ спорѣ этомъ — къ сожалѣнію приходится сказать — въ сильной степени про-

явилось раздраженіе, присущее тѣмъ диспутамъ. которые до сихъ поръ ограничиваются кругомъ ученыхъ и не сдѣлались еще общедоступными. По общему признанію, *beneficium* или бенефицій, пожалованіе землей, которое производилось обыкновенно тевтонскими королями, какъ бы въ награду или въ уплату за военныя услуги—оказало большое вліяніе на юридическую сторону вопроса. Былъ-ли бенефицій всегда пожалованіемъ изъ общественной земли (какъ на томъ настаиваетъ Фюстель де-Куланжъ по отношенію къ странамъ, находившимся подъ властью династіи Хлодвига), или же онъ являлся пожалованіемъ изъ конфискованной земли (какъ это, во всякомъ случаѣ, возможно утверждать по отношенію къ нѣкоторымъ изъ покоренныхъ провинцій Римской Имперіи)—какъ бы то ни было, но онъ открылъ собою новую стадію въ исторіи поземельнаго права. Въ наиболѣе ранней формѣ своей бенефицій не походилъ на помѣстья развитаго періода феодализма, такъ какъ (согласно болѣе основательному воззрѣнію) первоначально онъ не былъ вообще наслѣдственнымъ; еще менѣе, съ другой стороны, походилъ онъ на аллодіальный участокъ тевтонскаго вольноотпущенника и на *fundus* гражданъ римскихъ провинцій. Одна изъ формъ римской поземельной собственности, однако, довольно близко подходитъ къ нему, это—*emphyteusis;* я продолжаю держаться того взгляда, что въ немъ мы имѣемъ одинъ изъ источниковъ новой юридической концепціи. Но хотя это объясненіе и вѣроятно, однако оно является не болѣе, какъ частичнымъ объясненіемъ, и это тѣмъ болѣе, что симптомы переворота въ юридическихъ воззрѣніяхъ на поземельную собственность не ограничиваются предѣлами тѣхъ странъ, которыя входили въ составъ Римской Имперіи, а находятся и въ странахъ чисто тевтонскихъ

Feodum—терминъ, которымъ позднѣе Тевтонцы стали называть *beneficium*—произведенъ, какъ полагаютъ въ настоящее время, отъ стараго готскаго слова «*fihu*», или «*fiu*», что значитъ—скотъ. Терминъ этотъ сталъ служить къ обозначенію «собственности», какъ думаютъ, точно такимъ же путемъ, какимъ подобное же значеніе пріобрѣло слово *pecunia* отъ *pecus*. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоря о томъ ве-

ликомъ значеніи, какое выпало на долю скота въ процессѣ обращенія ирландскихъ племенныхъ владѣній въ нѣчто, подобное феодальнымъ держаніямъ, я высказалъ между прочимъ предположеніе, что *feodum* находится со скотомъ въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ это можно заключить изъ этимологическаго строенія этого слова. Лавелэ, комментируя это сопоставленіе, замѣтилъ, что для него оно не представляетъ никакихъ сомнѣній; далѣе онъ прибавилъ, что смыслъ первоначальнаго контраста между аллодомъ и феодомъ можно свести къ слѣдующему различію: al—od есть полная собственность, fe—od право собственности на скотъ. Какъ ни правдоподобна эта догадка, я однако же нерѣшился бы опереться на нее, какъ на базисъ—если бы не тѣ замѣчательные результаты, къ которымъ приводитъ изслѣдованіе Салическаго права. Оно не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что древнее право движимой собственности оказывало сильное вліяніе на поземельное право. Извѣстно, что у Германцевъ, по наблюденіямъ Тацита, предводители (chiefs) получали отъ короля или республики награды въ видѣ пожалованій скотомъ и зерновымъ хлѣбомъ; ближайшіе сотоварищи предводителя, жившіе въ его домѣ, получали, въ видѣ вознагражденія, лошадь и оружіе. Точь въ точь такая же система господствуетъ и въ настоящее время при дворѣ старѣйшины Каффировъ въ Сѣверной Африкѣ. Представимъ же себѣ эту систему въ томъ ея видѣ, какой она получила подъ вліяніемъ естественнаго роста населенія или завоеваній, при чемъ допустимъ, что во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ она оставалась неизмѣнной. Въ первомъ случаѣ цѣнность земли ростетъ вслѣдствіе естественныхъ экономическихъ причинъ. Во второмъ—члены тевтонской дружины становятся собственниками земель, за долго до того времени населенныхъ и преисполненныхъ богатствъ, накопленныхъ въ періодъ Pax Romana. Если мы допустимъ далѣе, что въ завоевываемыхъ провинціяхъ сразу, а на тевтонской территоріи болѣе постепенно пожалованія землей стали заступать мѣсто пожалованій скотомъ и оружіемъ, при чемъ прежнія представленія, соединявшіяся съ пожалованіемъ движимости, продолжали связываться съ бенефиціемъ на землю, то этотъ переносъ идей—

на мой взглядъ, во всякомъ случаѣ—лучше чѣмъ что-либо иное объяснитъ переворотъ, происшедшій въ юридическихъ воззрѣніяхъ на поземельную собственность. При такихъ условіяхъ для меня становится понятнымъ, почему бенефицій первоначально не былъ наслѣдственнымъ; почему иногда, когда онъ уже сдѣлался наслѣдственнымъ, даритель могъ выбирать сына, который наслѣдовалъ бы пожалованный бенефицій; почему даритель послѣ смерти владѣльца могъ заставить, чтобы бенефицій *остался* (*remain*) за кѣмъ-либо инымъ; почему, подобно лошади или военному наряду или стаду скота, онъ могъ перейти послѣдовательно черезъ нѣсколько рукъ и затѣмъ снова *вернуться* (*revert*) къ дарителю; почему онъ былъ недѣлимъ, такъ какъ прежнее пожалованіе движимостью отдавалось цѣликомъ или *in genere* или *in specie*, и наконецъ—переходя къ болѣе технической сторонѣ дѣла—почему древнѣйшее феодальное право придавало такое значеніе *seisin*, или вводу во владѣніе, и почему пожалованіе феодальнымъ помѣстьемъ сопровождалось обезпеченіемъ титула на него, чего никогда не дѣлалось при пожалованіи аллодіальной земли.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ ирландскихъ обычаяхъ, изученіе которыхъ сдѣлалось возможнымъ лишь весьма недавно, мы видимъ какъ разъ ту систему, которую мы, конечно, нашли бы и въ тевтонскихъ обычаяхъ въ періодъ между первымъ и пятымъ столѣтіями (если бы они дошли до насъ), а именно—феодальную систему, въ основѣ которой лежали не земля и строй владѣнія ею, а скотъ и принципъ родства. Я не стану повторять здѣсь описаніе того любопытнаго общественнаго строя, который раскрываютъ намъ законы Брегоновъ—описаніе, сдѣланное мною ранѣе въ другомъ мѣстѣ; тѣ, кто тщательно займется изученіемъ этого строя, найдетъ, что значительное количество чисто-феодальныхъ правилъ гораздо проще объясняется отношеніями между ирландскимъ клановымъ начальникомъ и членами клана, чѣмъ какой бы то ни было теоріей, опирающейся на требованіяхъ военной службы или на произвольныхъ измѣненіяхъ права поземельной собственности.

Да не подумаетъ читатель, что я стремлюсь дать полный

очеркъ сложной системы правъ и обязанностей — частью личныхъ, частью владѣльческихъ — совокупность которыхъ составляетъ то, что̀ мы называемъ феодализмомъ. Одѣтый въ кольчугу рыцарь былой эпохи и въ исторіи, и въ историческихъ романахъ изображался прежде, какъ продуктъ извѣстнаго вѣка и извѣстной страны; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ элементы, изъ которыхъ сложилось то великое значеніе, какое въ теченіе долгаго времени принадлежало ему въ Западной Европѣ, имѣютъ различное и разновременное происхожденіе. Желѣзные доспѣхи его заимствованы были отъ придворной кавалеріи Византійскихъ Цезарей; стремена, безъ помощи которыхъ онъ не могъ бы носить ихъ, сидя верхомъ на конѣ, были вмѣстѣ съ подковами занесены изъ отдаленнѣйшихъ степей Азіи татарскими наѣздниками. Точно также и феодализмъ, который въ XII вѣкѣ представлялъ собою нѣчто цѣльное, законченное, на самомъ дѣлѣ имѣетъ очень сложную генеалогію. Здѣсь мы касаемся только феодальнаго поземельнаго права, и приписывать его какому-либо единому источнику происхожденія—положительно немыслимо. Прежде всего слѣдуетъ взвѣсить истинное значеніе чисто римскихъ идей—какъ тѣхъ, которыя связаны съ эмфитевтической формой собственности, такъ и тѣхъ, которыя возникли въ военныхъ колоніяхъ на германской границѣ, такъ наконецъ и тѣхъ, которыя ведутъ свое происхожденіе отъ того отдѣла римскаго права, который регулировалъ отношенія между патрономъ и кліентомъ. Но рядомъ съ этими римскими идеями дѣйствовали другія, даже болѣе могущественныя идеи варварскаго или первобытнаго происхожденія. Для меня несомнѣнно, что когда бенефицій или феодъ сдѣлался наслѣдственнымъ, порядокъ наслѣдованія въ существенныхъ его чертахъ былъ взятъ изъ того, который былъ распространенъ среди первобытныхъ Арійцевъ и который, въ одной изъ стадій его развитія, Ирландцы называли *Tanistry*. Столь же мало могу я усомниться и въ томъ, что всеобщее замѣшательство, объявшее Западный міръ въ эпоху распаденія Карловингской монархіи, содѣйствовало, съ одной стороны, развитію наслѣдованія на началахъ первородства, съ другой—способствовало нарожденію крѣпостничества. Ежедневно грозив-

шая опасность заставляла небольшія общества группироваться вокругъ ихъ естественнаго вождя или какого-нибудь вояки, заступавшаго его мѣсто; всеобщее же обѣднѣніе принижало людей до положенія вьючныхъ животныхъ. Безспорно, что провинціямъ Римской Имперіи, даже наканунѣ ея паденія, вовсе не была присуща та отчаянная нищета, какую мы видимъ въ началѣ среднихъ вѣковъ. Сильно заблуждаются думающіе, что римскіе провинціалы обѣднѣли вслѣдствіе непосильнаго обложенія; и Фюстель де Куланжъ, какъ мнѣ кажется, вполнѣ убѣдительно доказалъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, что, по крайней мѣрѣ, Галлія, даже въ то время, когда ее уже окончательно заняли варвары, была преисполнена богатствомъ и великолѣпіемъ. Никакое разореніе не могло такъ быстро уничтожить вѣками накопленныя богатства, какъ та анархія, которая сопровождала распаденіе Карловингской державы. Сопоставивъ Индію, какою нашли ее Англичане, съ впечатлѣніями, вынесенными изъ нея европейскими авантюристами, Маколэй замѣтилъ, что она дѣйствительно очень бѣдная страна; но трудно повѣрить такому отзыву о столь обширной площади плодородной земли, заселенной притомъ предпріимчивымъ народомъ. Истинной причиной бѣдности Индіи, отъ которой она мало по малу оправляется, я считаю опустошительный характеръ тѣхъ разбойническихъ войнъ, которыя вели между собою около 2000 различныхъ князьковъ послѣ того, когда распалось Монгольское владычество. Я думаю, что въ эпоху Акбара и Джегангира Индія дѣйствительно была такой богатой страной, какою ее и считали въ Западномъ мірѣ; но впослѣдствіи заботливо накопленныя ею богатства постигло точно такое же разрушеніе, какому подверглись и богатства Римской Имперіи. Между распаденіемъ Монгольскаго владычества и разложеніемъ Карловингской державы есть нѣкоторыя весьма поразительныя аналогіи—какъ въ постепенномъ ходѣ того и другаго, такъ еще болѣе въ ихъ соціальныхъ послѣдствіяхъ. Здѣсь однако не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ явленій.

Однимъ изъ результатовъ того переворота правовыхъ идей, который начался съ уподобленія недвижимой собственности

движимой, явилось, несомнѣнно, значительное осложненіе поземельнаго права. Сложное поземельное право феодальныхъ вѣковъ на европейскомъ континентѣ было въ сущности правомъ высшихъ классовъ; въ Англіи, какъ я уже говорилъ, оно стало общимъ поземельнымъ правомъ лишь по исключенію. Въ числѣ многихъ предложеній, которыя дѣлались въ видахъ реформированія его со временъ Бентама, очень часто выдвигается впередъ одно, которое можетъ быть названо — предложеніемъ довести до конечныхъ результатовъ то измѣненіе, съ котораго началось развитіе феодализма. А именно—неоднократно совѣтовали недвижимую собственность уподобить вполнѣ движимости, особенно же въ дѣлѣ перехода ея изъ рукъ въ руки. Передача земельнаго участка, говорятъ сторонники этого предложенія, не должна бы представлять бо̀льшихъ затрудненій, чѣмъ простая продажа лошади. Сравненіе это кажется мнѣ неосновательнымъ и предлагаемая мѣра—ошибочной. Въ данномъ случаѣ гораздо большаго можно ожидать отъ противоположенія двухъ принциповъ, чѣмъ отъ ихъ отожествленія—отъ воззрѣнія на землю, какъ на нѣчто существенно отличное отъ движимости, и отъ возвращенія къ древнимъ способамъ передачи аллодіальной земли. Вопросъ этотъ во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ полнаго вниманія.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что первоначально существеннѣйшей чертой, отличавшей передачу аллодіальной земли, была ея публичность. Прежде чѣмъ принадлежать какому-нибудь индивидуальному домохозяйству, земля принадлежала племени, нераздѣльной семьѣ или деревенской общинѣ; и даже тогда, когда она стала частной собственностью, общинное начало продолжало сохранять въ ней свое значеніе и безъ согласія коллективной группы она не могла быть передаваема. И до сихъ поръ еще въ значительной части арійскаго міра для продажи земли требуется публично выраженное согласіе деревни. Хотя Mancipatio въ томъ видѣ, въ какомъ она извѣстна намъ изъ римской юридической исторіи, и есть форма собственно частной передачи, однако и въ ней рѣзко выступаютъ слѣды первоначальной ея публичности. Въ присутствующихъ при манципаціи пяти свидѣтеляхъ слѣдуетъ

видѣть прежнюю общину, выражающую свое согласіе; къ нимъ примѣненъ принципъ представительства пятью лицами—обычая, широко распространеннаго среди первобытныхъ расъ. Какъ сдѣлка частнаго характера, манципація является чрезвычайно грубой, и для меня несомнѣнно, что римское общество значительно выиграло отъ того, что рядомъ съ этой древней формой стала практиковаться традиція, или простая передача, которая и вытѣснила совершенно манципацію. И не смотря на это, въ новое время обратились къ принципу такого способа передачи, который является еще болѣе древнимъ, чѣмъ манципація: сдѣланныя въ послѣднее время упрощенія перехода земель представляютъ собою не что иное, какъ воспроизведеніе первобытной публичной передачи ея въ присутствіи общины, только въ новой формѣ, приноровленной къ обществамъ обширнымъ и со смѣшаннымъ составомъ.

Во Франціи и въ странахъ, вошедшихъ въ составъ Имперіи Наполеона I, со времени введенія въ дѣйствіе названнаго именемъ его Кодекса, была установлена система публичной регистраціи земельныхъ продажъ и ипотекъ. Въ нѣкоторыхъ изъ Германскихъ странъ долгое время не хотѣли заимствовать этотъ порядокъ; но въ настоящее время онъ является общепринятымъ на континентѣ и, какъ это часто случается, наиболѣе совершенной новая система оказалась тамъ, гдѣ въ принятіи ея всего болѣе медлили. Наибольшія похвалы со стороны юридическихъ писателей вызываетъ поземельная регистрація нѣкоторыхъ маленькихъ тевтонскихъ обществъ—какъ напр., Гессенъ-Дармштадта и въ Швейцаріи—Цюрихскаго кантона. Здѣсь я могу дать лишь краткое описаніе этого механизма. Вся земля данной страны раздѣляется на извѣстное количество небольшихъ по размѣру округовъ. Для каждаго округа устраивается центральное управленіе, съ штатомъ должностныхъ лицъ, являющихся до извѣстной степени экспертами, и въ каждомъ управленіи имѣется реэстровая книга, въ которой для отдѣльныхъ земельныхъ пространствъ отведены соотвѣтственныя группы страницъ. Здѣсь, между прочимъ, возникъ споръ о томъ, что̀ принять за единицу земельной площади, имѣющей особое мѣсто въ книгѣ — извѣстное-ли про-

странство земли, опредѣляемое при посредствѣ измѣренія, или же *владѣніе*, какъ аггрегатъ земель, въ совокупности своей составляющихъ единую собственность; на практикѣ, какъ кажется, болѣе цѣлесообразной представляется историческая система, берущая за единицу имѣнія, а не земельныя пространства, устанавливаемыя землемѣрами. Какъ только открывается реэстровая книга, въ нее записывается юридическая исторія каждаго клочка каждой земельной площади: всѣ продажи или закладныя должны быть заносимы въ этотъ реэстръ, подъ угрозой недѣйствительности незанесенныхъ въ него сдѣлокъ. Вопросъ о томъ, имѣетъ-ли лицо—желающее продать или заложить землю—право сдѣлать это, рѣшается совѣтомъ экспертовъ. Безусловно необходимыми элементами этой системы являются, во-первыхъ, полная доступность реэстра, и во-вторыхъ, простота и дешевизна самыхъ формальностей регистраціи.

Въ Англіи ближайшую этимъ новымъ порядкамъ аналогію слѣдуетъ искать въ записяхъ помѣстныхъ судовъ (Court Rolls of Manors); и нѣкоторые юристы утверждаютъ, что многоразличныя невыгоды, связанныя съ зависимой собственностью (copyhold property), выкупаются многочисленными удобствами, проистекающими изъ ея регистраціи въ этихъ записяхъ. Что касается свободной собственности (freehold property) въ Англіи, то по отношенію къ ней юристы вообще признаютъ вполнѣ цѣлесообразнымъ вести регистрацію ея, при чемъ однако замѣчается сильное разногласіе касательно наиболѣе пригоднаго способа ея, а нѣкоторые считаютъ даже непреодолимыми могущія представиться здѣсь практическія трудности. И въ самомъ дѣлѣ, въ Англіи трудностей этихъ значительно болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Англійское поземельное право гораздо многосложнѣе поземельнаго права континентальныхъ странъ, въ которыхъ если и встрѣчается что-либо подобное сложнымъ поземельнымъ отношеніямъ Англіи, то только въ формѣ заповѣдныхъ владѣній ограниченнаго числа дворянскихъ родовъ; между тѣмъ англійское поземельное право осложняется еще болѣе тою свободою передачъ и раздѣловъ, которой Англичане стали пользоваться сравнительно уже очень рано. Въ Англіи весьма значительныя трудности можетъ пред-

ставить самый процессъ предварительнаго удостовѣренія, имѣетъ ли право продать или заложить землю лицо, желающее сдѣлать это; въ большинствѣ же континентальныхъ странъ производство этого удостовѣренія упрощается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нихъ большая часть земель вплоть до начала настоящаго столѣтія находилась во владѣніи на опредѣленныхъ началахъ крѣпостной зависимости, или, какъ сказалъ бы Англичанинъ, во владѣніи *in copyhold*.

Впрочемъ, моя непосредственная задача состоитъ вовсе не въ восхваленіи порядка передачи недвижимыхъ имуществъ съ занесеніемъ ея въ реэстръ и не въ оцѣнкѣ преимуществъ одной системы регистраціи передъ другой. Я желаю обратить вниманіе на тѣ любопытныя стороны регистраціи, которыя имѣютъ большое отношеніе къ спеціальному предмету моего изслѣдованія. Вопросъ объ обезпеченіи правъ имѣетъ громадное значеніе во всѣхъ отдѣлахъ юриспруденціи. Что дѣлать въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, на самомъ дѣлѣ пользующійся всѣми правами владѣльца, не можетъ доказать юридическаго титула на это? Находится ли онъ въ волѣ каждаго, кто пожелаетъ причинить ему вредъ или обезпокоить его? Римское право рѣшило этотъ вопросъ путемъ установленія многочисленныхъ правилъ, въ совокупности своей составившихъ отдѣлъ о Possessio. Что дѣлать съ тѣмъ, кто совершилъ покупку съ соблюденіемъ требуемыхъ формальностей, но не у дѣйствительнаго собственника, или—у дѣйствительнаго собственника, но безъ соблюденія требуемыхъ формальностей? На эти вопросы римское право даетъ отвѣтъ въ доктринахъ о *bona fide possessio* (о добросовѣстномъ владѣніи) и о владѣніи *in bonis*—бонитарномъ или основанномъ на началахъ *aequitas*. Всегда ли бонитарный собственникъ или владѣлецъ — будетъ ли онъ добросовѣстный или нѣтъ — имѣетъ неполный титулъ? На этотъ вопросъ отвѣтъ даютъ тѣ отдѣлы римскаго права, которые касаются *usucapio* и *prescriptio*. Если кто-либо закладываетъ свою собственность нѣсколькимъ кредиторамъ, то въ какомъ порядкѣ получаютъ они удовлетвореніе? Различныя системы юриспруденціи разрѣшаютъ этотъ вопросъ различно, при чемъ относящіяся сюда

правила составили бы въ своей совокупности подавляющую по своимъ размѣрамъ массу правовыхъ нормъ. И замѣчательно, что всюду, гдѣ существуетъ правильная система поземельной регистраціи, обнаруживается сильная тенденція вернуться къ доктринамъ римскаго права въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ онѣ являлись прежде, чѣмъ развились институты *possessio, usucapio* и бонитарная собственность. Въ виду крайней простоты, быстроты и дешевизны регистраціи поземельныхъ продажъ и закладовъ, законодатели склонны обратиться къ населенію со слѣдующими словами: «регистрируйте ваши продажи и заклады, или заставьте ихъ регистрировать, — не то вы не будете имѣть никакихъ правъ. Если вы пренебрежете выполнить то, что̀ сдѣлать вы можете въ любой моментъ и притомъ съ ничтожной затратой времени и денегъ, вы будете лишены преимуществъ, доставляемыхъ институтами possessio, бонитарной собственностью, usucapio и prescriptio. При лучшемъ исходѣ вы подвергаетесь опасности предъявленія противъ васъ иска о совершеніи договора (action of contract) — иска, которымъ продавецъ земли призывается къ производству регистраціи, а покупатель—къ уплатѣ покупной суммы. Что касается закладовъ, то они будутъ идти въ порядкѣ постепенности ихъ регистраціи, и если вы замедлите сами выполнить или заставить выполнить требуемыя формальности, то передъ вами, кредиторомъ по закладной, получатъ предпочтеніе кредиторы, болѣе васъ заботливые, и вы получите удовлетвореніе уже послѣ нихъ». Говоря, что такова юридическая доктрина, къ которой приближается значительная часть Германіи, я опираюсь на авторитетныхъ германскихъ писателей. При такихъ условіяхъ нѣкоторые изъ наиболѣе запутанныхъ и неудобныхъ отдѣловъ права утратятъ все или, по крайней мѣрѣ, многое въ своемъ значеніи. Публичная регистрація является чисто механическимъ способомъ, и уже очень рано человѣчество практиковало порядокъ, весьма сходный съ нею въ принципѣ. При всемъ томъ всюду, гдѣ установлена публичная регистрація поземельныхъ продажъ и закладовъ, нѣкоторыя изъ наиболѣе знаменитыхъ отраслей права обнаруживаютъ тенденцію исчезнуть. Possessio, usuca-

ріо, бонитарная собственность и гипотека въ римской юриспруденціи занимаютъ громадное мѣсто; въ другихъ правовыхъ системахъ институты, соотвѣтствующіе только-что названнымъ, также занимаютъ большое мѣсто; и если уменьшить настоящіе размѣры ихъ, то произойдетъ чрезвычайное сокращеніе законодательныхъ кодексовъ, и сокращеніе это будетъ произведено самымъ неожиданнымъ образомъ.

На континентальныхъ системахъ регистраціи и тѣхъ послѣдствіяхъ, какія связываетъ съ нею германская юридическая доктрина, я остановился по двумъ основаніямъ. Во-первыхъ, уже самъ по себѣ любопытенъ фактъ, что позднѣйшія усовершенствованія въ механизмѣ земельныхъ передачъ и закладовъ представляются какъ бы возвращеніемъ къ первобытному публичному характеру продажныхъ сдѣлокъ. Публичный регистраторъ, исполняющій свои обязанности въ открытомъ мѣстѣ, гдѣ должны быть занесены въ списки всякаго рода сдѣлки, подъ страхомъ потери всѣхъ проистекающихъ отъ нихъ выгодъ, сильно напоминаетъ собою первобытный сельскій сходъ, передъ которымъ должны были совершаться всѣ передачи земельныхъ надѣловъ въ тѣхъ видахъ, чтобы члены общины выразили на нихъ свое согласіе, а при случаѣ могли бы засвидѣтельствовать ихъ совершеніе. Правда, цѣль, которую имѣли въ виду древнія формальности, не имѣетъ ничего общаго съ тою, какая преслѣдуется современнымъ порядкомъ регистраціи. Первобытный публичный характеръ поземельныхъ передачъ имѣлъ своимъ основаніемъ суровую исключительность, и необходимое для нихъ общее согласіе употреблялось въ тѣхъ видахъ, чтобы не допускать къ покупкѣ посторонннхъ. Исчезновеніе первобытнаго порядка публичныхъ передачъ произошло, по всей вѣроятности, вслѣдствіе измѣненія условій, лишившихъ общины возможности или отнявшихъ у нихъ охоту поддерживать коллективный контроль надъ принадлежавшими имъ землями. Въ современной Индіи матеріальное развитіе, накопленіе богатствъ въ сильной степени возбуждаетъ духъ индивидуализма; и покупатели и продавцы земель одинаково начинаютъ мало-по-малу возставать противъ необходимости получать со стороны сельчанъ согласіе на ихъ сдѣлки; со-

временное англо-индійское право также относится неблагопріятно къ этимъ архаическимъ ограниченіямъ; и вслѣдствіе всего этого первобытные публичные способы отчужденія повсемѣстно уступаютъ свое мѣсто передачамъ приватнымъ [1]). Въ древнемъ мірѣ къ тѣмъ же результатамъ приводили завоеванія и поглощеніе первобытныхъ владѣльческихъ группъ другими, болѣе ихъ сильными. Въ римскомъ государствѣ, населеніе котораго пріобрѣтало все болѣе и болѣе смѣшанный характеръ, уже въ началѣ юридической исторіи его мы видимъ въ *mancipatio* не болѣе, какъ тѣнь старинныхъ формъ передачи; и задолго еще до окончательнаго уничтоженія ея Юстиніаномъ, манципація была вытѣснена простой передачей или *traditio*, при чемъ замѣнѣ этой содѣйствовали всевозможными принудительными средствами. И однако же traditio, даже въ то время, какъ она стала уже единственнымъ способомъ передачи, все же продолжала сохранять въ себѣ нѣкоторые слѣды институтовъ, изъ которыхъ она развилась. Римское право до самаго послѣдняго времени никогда не допускало, чтобы *dominium* или право собственности переходило отъ одного лица къ другому въ силу простаго договора: безусловно необходимо было, чтобы договоръ сопровождался дѣйствительной передачей вещи, составлявшей его предметъ. Эта особенность неоднократно приводила въ смущеніе лицъ, которыя обращались къ римскому законодательству о передачахъ, не зная, что въ основѣ его лежитъ принципъ, не нашедшій себѣ приложенія ни въ англійскомъ правѣ, ни во французскомъ кодексѣ.

Другой фактъ, на который я хочу обратить вниманіе, не только любопытенъ, но и въ высокой степени поучителенъ. Отмѣченная мною тенденція германской юридической мысли показываетъ, что намъ грозитъ опасность—придавать черезчуръ высокую цѣну устойчивости юридическихъ концепцій. Правда, юридическія концепціи очень консервативны, многія

[1]) Въ видахъ смягченія неудобствъ, возникающихъ изъ такихъ приватныхъ и притомъ часто разнородныхъ по своей формѣ передачъ, въ индійскомъ законодательствѣ имѣются два важныхъ акта — „Registration and Transfer of Property Acts“.

изъ нихъ имѣютъ въ своей основѣ наиболѣе неизмѣнныя особенности нашей природы, а тѣ, съ которыми мы особенно свыклись, въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій находились подъ покровительствомъ сильной верховной власти. Великая устойчивость ихъ можетъ навести на мысль. что онѣ абсолютно перманентны и несокрушимы; и это убѣжденіе, какъ кажется, высказывается иногда не только суевѣрными умами, но и сильными и ясными интеллектами. Я не вполнѣ увѣренъ въ томъ, чтобы даже такіе мыслители, какъ Бентамъ и Остинъ, были вполнѣ свободны отъ него. Читая ихъ, думаешь, что не смотря на затемненіе юридическихъ концепцій ложными теоріями, дурной логикой и невѣрнымъ констатированіемъ фактовъ, эти концепціи, въ ихъ глазахъ, могутъ быть обнаружены опытнымъ взоромъ, и къ нимъ долженъ быть пріуроченъ всякій раціонально составленный законодательный кодексъ. Сказанное мною о значеніи для права простаго механическаго усовершенствованія въ области поземельной регистраціи есть лучшее доказательство тому, что это положеніе весьма сомнительно, а быть можетъ и вовсе не вѣрно. Юридическія понятія, упадокъ и окончательное исчезновеніе которыхъ я описывалъ, всегда считались составляющими самый остовъ юриспруденціи: и тотъ фактъ, что и они оказываются преходящими, ярче всего свидѣтельствуетъ о томъ, что и юриспруденція не можетъ избѣжать воздѣйствія на нее великаго закона эволюціи.

ГЛАВА XI.

Классификаціи правовыхъ нормъ.

Всякому, изучающему римское право, на первыхъ же порахъ приходится узнать, что римскіе классическіе юристы раздѣляютъ всю совокупность правовыхъ нормъ на право личное, право вещное и право исковое. Хотя такимъ образомъ изученіе права въ томъ видѣ, какъ оно поставлено въ настоящее время, и вводитъ начинающаго сразу въ горячіе споры о значеніи юридической классификаціи, тѣмъ не менѣе можетъ пройти много времени, пока онъ сознаетъ всю великую важность литературы этого вопроса. Въ XVII столѣтіи, въ блестящую эпоху юриспруденціи, теоріи классификаціи права, повидимому, заступали мѣсто законодательныхъ реформъ, которыми такъ богаты послѣднія десятилѣтія. Непрерывная законодательная дѣятельность—явленіе сравнительно новое: до этого великіе умы, въ родѣ Бентама, вмѣсто изысканія возможности привести законодательство въ соотвѣтствіе съ наибольшимъ счастіемъ наибольшаго числа людей, или съ другимъ какимъ-нибудь принципомъ, размышляли больше о возможности классификаціи права по новой и болѣе философской системѣ. Въ то время стремились къ реформированію скорѣе законодательныхъ сводовъ, чѣмъ самыхъ законовъ. Наиболѣе любопытный примѣръ подобныхъ теорій представляетъ попытка Домата распредѣлить все право по «двумъ великимъ заповѣдямъ», какъ онѣ изложены въ двѣнадцатой главѣ Евангелія Матѳея—заповѣдямъ о любви къ Богу и любви къ ближнему. Для большин-

ства же юридическихъ классификацій точкой отправленія являлась система, въ которой составители Институцій Юстиніана слѣдовали Гаю, раздѣляя всю совокупность права на право личное, вещное и исковое. Послѣ долгаго пренебреженія къ этой системѣ, на нее стали смотрѣть, какъ на выраженіе абсолютной правды, и явилось убѣжденіе, что есть существенное, фундаментальное различіе между тремя большими отдѣлами, на которые Римляне раздѣляютъ все право. Англійская юриспруденція, впрочемъ, мало подверглась вліянію этого убѣжденія, хотя и англійскимъ юристамъ все таки приходилось иногда сталкиваться съ выводами изъ него, особенно когда они имѣли дѣло съ частнымъ международнымъ правомъ или, другими словами, съ условіями, при которыхъ данное общество признаетъ и примѣняетъ извѣстную часть иностраннаго законодательства. Позднѣе были замѣчены нѣкоторыя неудобства точнаго примѣненія римской доктрины, и много остроумія было потрачено на ихъ устраненіе и разъясненіе. Въ концѣ концовъ эта система была признана невыдерживающею критики, и за нею стали признавать лишь историческій интересъ. По общему мнѣнію современныхъ писателей по юриспруденціи, римское раздѣленіе права на личное, вещное и исковое должно считаться отнынѣ отвергнутымъ.

Совершенная классификація правовыхъ нормъ должна распредѣлить ихъ сообразно ихъ дѣйствительнымъ отношеніямъ между собою и, слѣдовательно, она должна основываться на глубокомъ анализѣ всѣхъ юридическихъ концепцій. Изслѣдованія Остина (Austin) о классификаціи занимаютъ почти всѣ извѣстные намъ труды его. Обстоятельный очеркъ этихъ изслѣдованій читатель найдетъ у Д. С. Милля во второмъ томѣ его «Разсужденій и изслѣдованій». На европейскомъ континентѣ эти вопросы имѣютъ болѣе практическій интересъ, въ виду стремленія кодифицировать право—стремленія, охватившаго всѣ цивилизованные народы, за исключеніемъ Англичанъ и тѣхъ странъ, которыя находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ англійскаго законодательства; кодексъ долженъ быть систематизированъ такъ или иначе, и едва-ли кто будетъ отрицать, что болѣе философская систе-

матика будетъ и лучшая. Но значительное большинство писателей по этому предмету, каковы бы ни были права ихъ на наше вниманіе, согласны въ непригодности римской и всѣхъ, на ней основанныхъ, классификацій, при чемъ приговоры ихъ отличаются иногда даже чрезмѣрною строгостью. Порицанія и даже издѣвательства надъ классификаціей римскихъ Институцій угрожаютъ произвести нѣкоторую реакцію, признаки которой я вижу въ смѣлой попыткѣ возвращенія къ прежней классификаціи—попыткѣ, сдѣланной въ Америкѣ. Безполезно было бы останавливаться на изданной въ Чикаго книгѣ профессора права въ университетѣ штата Іова; лучшая, на мой взглядъ, защита классическаго раздѣленія права есть предисловіе Гаммонда къ американскому изданію сочиненія Сэндерса (Sandars) объ Институціяхъ Юстиніана. По моему мнѣнію, обычное униженіе этого раздѣленія не столько ошибочно, сколько неумѣстно. Классификаціи, предлагаемыя большинствомъ современныхъ мыслителей, суть классификаціи *«законныхъ правъ»* (правъ въ субъективномъ смыслѣ—legal Rights). Каждая изъ нихъ имѣетъ своимъ основаніемъ какое-нибудь «закономъ охраняемое *право*». Но—какъ ни страннымъ можетъ показаться это—Римляне не достигли, или не вполнѣ достигли пониманія законнаго права, которое кажется намъ такимъ элементарнымъ. На языкѣ римскихъ юристовъ «jus» означаетъ не «право» (right), а «законъ» (law) и обыкновенно какую-нибудь отдѣльную отрасль закона. Правда, есть нѣкоторые случаи употребленія «jus» въ смыслѣ, близко подходящемъ къ понятію «права», но вообще нужно признать, что Римляне построили свою знаменитую систему безъ помощи понятія «закономъ охраняемаго права». Нѣкоторые современные писатели, говоря о Римлянахъ, какъ бы порицаютъ ихъ за то, что они не имѣли яснаго представленія о «законномъ правѣ»; Милль называетъ ихъ языкъ въ этомъ отношеніи «неудачнымъ» (unhappy); все дѣло, однако въ томъ—и это особенно важно — что идея законнаго права развивалась очень медленно. Въ умахъ римскихъ юристовъ она перепутывалась съ другими понятіями, которыя затемняли ее. Въ средніе вѣка, благодаря тщательнымъ изслѣдованіямъ схоластиковъ, она сдѣлалась болѣе ясною. Но вполнѣ ясное

и точное опредѣленіе понятія «права» впервые было дано глубокимъ анализомъ Бентама и Остина. Въ виду этого нельзя не упрекнуть тѣхъ писателей, которые употребляютъ слишкомъ надменныя выраженія для характеристики римской классификаціи права, обвиняя такимъ образомъ лицъ, еще недостигшихъ понятія «законнаго права», въ томъ, что они не антиципировали пріемовъ классификаціи, основанной на такомъ пониманіи права. Чтобы воздать должное древнимъ юристамъ, которые впервые раздѣлили право на личное, вещное и исковое, мы должны постараться представить себѣ то положеніе права, въ замѣну котораго явилось это дѣленіе; тогда я думаю, мы увидимъ, что эта новая система была великимъ шагомъ въ развитіи отвлеченнаго юридическаго мышленія. Задача настоящей главы—показать, каково было первоначальное римское пониманіе области права; интересъ же этого изслѣдованія будетъ заключаться въ томъ свѣтѣ, который оно проливаетъ на нѣкоторыя примитивныя идеи о правѣ и правосудіи — идеи, которыя нѣкогда были достояніемъ значительной части человѣчества.

Уваженіе, одно время доходившее до благоговѣнія предъ классификаціей права въ римскихъ Институціяхъ, происхожденія недавняго, хотя оно уже успѣло пережить періоды апогея и упадка. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы римскіе юристы придавали своей классификаціи какое-нибудь особенное значеніе. Примѣненіе ея ограничивалось ихъ институціонными трактатами, учебными руководствами для начинающихъ. Изучающій право скоро доходилъ до Преторскаго Эдикта и наибольшая часть его обученія проходила въ тщательномъ изученіи Эдикта и въ чтеніи многочисленныхъ комментаріевъ къ тексту. Но Преторскій Эдиктъ даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изданъ былъ Юстиніаномъ, не раздѣлялъ права на личное, вещное и исковое. Ни законы Двѣнадцати Таблицъ, болѣе древніе, чѣмъ Эдиктъ, ни одинъ изъ позднѣйшихъ компендіумовъ римскаго права, не слѣдуютъ этой классификаціи. Грегоріанскій и Гермогеніанскій Кодексы были систематизированы по другому началу; точно такъ же Кодексъ Ѳеодосія Втораго; то же было и съ Кодексомъ и Дигестами Юстиніана.

Когда въ средніе вѣка возродилось изученіе римскаго права, то не система Институцій регулировала занятія цѣлыхъ тысячъ изучавшихъ римское право. Какъ можно видѣть изъ предисловія Гаммонда, средневѣковые учителя слѣдовали такъ-называемому «законному порядку» (legal order), т.-е. дѣйствительному порядку изложенія, принятому въ изучаемомъ трактатѣ. Вліяніе классификаціи Институцій имѣетъ своей причиной недовольство этимъ «законнымъ порядкомъ», который, по словамъ Гаммонда, продолжалъ держаться въ юридическихъ школахъ вплоть до конца XVIII ст.—слѣдовательно, до времени Блэкстона. «Но возроставшее значеніе Институцій въ программѣ занятій мало-по-маму привело къ признанію ихъ системы за основаніе всѣхъ научныхъ системъ юриспруденціи». Теперь, однако, стало ясно—и это по отношенію къ предметамъ даже болѣе важнымъ, чѣмъ классификація права — что многое изъ того, что̀ XVIII вѣкъ отвергъ именемъ науки или по какимъ-либо другимъ не менѣе уважительнымъ причинамъ, нужно вернуть и изслѣдовать вновь. Каковъ-же былъ этотъ «законный порядокъ» (legal order), который является въ римскихъ Дигестахъ и Кодексѣ, и который, когда эти сборники были собраны вмѣстѣ, продолжалъ держаться въ теченіе около десяти столѣтій въ юридическихъ памятникахъ общества, столь славнаго своимъ юридическимъ геніемъ? Вопросъ этотъ, думается мнѣ, способенъ возбудить болѣе, чѣмъ просто техническій или антикварный интересъ.

Систематика юридическихъ понятій, такъ долго господствовавшая въ римскомъ правѣ, впервые появляется въ фрагментахъ Двѣнадцати Таблицъ, которыя послужили теоретической основой всего дальнѣйшаго развитія права. Содержаніе всѣхъ таблицъ, за исключеніемъ XI-й и XII-й, стало извѣстно уже со временъ Готофреда; но намъ, въ данномъ случаѣ, необходимо заняться лишь первыми тремя Таблицами и, въ особенности, первой. Эта первая Таблица содержитъ въ себѣ рядъ правилъ *de in jus vocando*, о первыхъ стадіяхъ судебной процедуры, о призывѣ отвѣтчика въ судъ и объ его извиненіяхъ (excuses) — или, употребляя болѣе позднее германское слово, перешедшее и въ англійское древнее право—о свидѣтельствахъ (essoins),

которыя онъ могъ представить въ оправданіе своей неявки въ судъ. Вторая Таблица, прежде всего, трактуетъ о процедурѣ, которой нужно было слѣдовать, когда дѣло было уже передъ судомъ, и затѣмъ (таково, по крайней мѣрѣ, общее убѣжденіе) трактуетъ о воровствѣ; отъ судебной процедуры она прямо переходитъ къ обманному захвату движимости. Третья Таблица содержитъ въ себѣ правила о поклажѣ. Намъ не зачѣмъ идти дальше; нужно помнить только, что древнѣйшій римскій кодексъ трактуетъ прежде всего о судебной процедурѣ и затѣмъ о воровствѣ и поклажѣ; порядокъ изложенія другихъ отдѣловъ права въ остальныхъ Таблицахъ отличается тѣмъ же случайнымъ характеромъ. Обратимся теперь къ Преторскому Эдикту или къ такъ-называемому Edictum Perpetuum, кодексу римской юриспруденціи, основанной на Aequitas въ отличіе отъ римскаго общаго права, которое образовалось изъ Двѣнадцати Таблицъ и изъ массы выведенныхъ изъ нихъ юридическихъ правилъ. Эдиктъ, безспорно, имѣлъ свою оригинальную систему, время и условія происхожденія которой я не буду излагать здѣсь. Начинается Эдиктъ титуломъ, соотвѣтствующимъ первой Таблицѣ Децемвировъ, хотя и названъ онъ иначе—*de actione danda*. Второй титулъ, какъ и вторая Таблица, трактуетъ о судебной процедурѣ. О поклажѣ трактуется въ третьемъ титулѣ; но воровство, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за процедурой, какъ, по общему убѣжденію, это было въ примитивномъ кодексѣ, занимаетъ послѣднее мѣсто въ четвертомъ титулѣ, гдѣ ему предшествуютъ постановленія о приданомъ и объ опекѣ. Въ остальныхъ титулахъ замѣчается общее, хотя и не совсѣмъ полное сходство съ Двѣнадцатью Таблицами, и, въ цѣломъ, классификація Эдикта есть какъ бы передѣлка, согласно обстоятельствамъ времени, стараго порядка Двѣнадцати Таблицъ. Извѣстно, что принятая въ Эдиктѣ систематика замѣчается во многихъ памятникахъ римской юридической литературы и что она повліяла на первыя попытки кодификаціи, но долго спорили о томъ, она-ли опредѣлила порядокъ, принятый въ Кодексѣ и Дигестахъ Юстиніана. На первый взглядъ здѣсь нѣтъ никакого сходства и соотношенія; но дѣло въ томъ, что самой классификаціи въ обоихъ знаменитыхъ сводахъ пред-

шествуетъ большое количество предварительныхъ замѣчаній. Въ Кодексѣ—предисловіе экклезіастическое; въ Дигестахъ же сначала излагаются нѣкоторыя общія положенія о правѣ и затѣмъ перечисляются различныя должностныя лица, участвующія въ администраціи имперіи и имѣющія какую-нибудь юрисдикцію. Самые же Дигесты начинаются съ четвертаго титула второй книги и прежде всего трактуютъ о предметѣ первой Таблицы законовъ Децемвировъ — *de in jus vocando*. Тѣсное соотвѣтствіе между этимъ древнѣйшимъ и позднѣйшими памятниками римскаго права можетъ быть прослѣжено не менѣе, какъ въ девятнадцати книгахъ Дигестъ; только воровство заняло несоотвѣтствующее мѣсто.

Изъ этого краткаго очерка вопроса, занимавшаго умы многихъ поколѣній ученыхъ, можно бы заключить, что форма римскаго права въ теченіе всей исторіи его развитія находилась подъ сильнымъ вліяніемъ первобытной системы, принятой въ Двѣнадцати Таблицахъ. Имѣемъ-ли мы какой-нибудь принципъ этой древней классификаціи, какой-нибудь ключъ къ опредѣленію ея смысла? На первый взглядъ это настоящая сумятица, не поддающаяся никакому руководящему понятію, даже менѣе, чѣмъ система англійскихъ классическихъ Дигестъ — Бэконова *Abridgement* (перечень), который начинается съ «иска объ уничтоженіи юрисдикціи суда» (Plea in Abatement to the Jurisdiction of a Court), далѣе трактуетъ о послахъ (Ambassadors) и атторнэ, но который, по крайней мѣрѣ, представляетъ удобство алфавитнаго порядка. Мысль о томъ, что нѣкоторый свѣтъ на систему Двѣнадцати Таблицъ можетъ пролить то, что̀ недавно названо «сравнительной юриспруденціей», не нова. Уже съ тѣхъ поръ, какъ стали изслѣдовать древнѣйшій и наиболѣе чистый изъ тевтонскихъ кодексовъ—франкскій *Lex Salica*, стали замѣчать, что онъ представляетъ нѣкоторыя любопытныя общія черты съ планомъ, принятымъ во всѣхъ памятникахъ римскаго права, за исключеніемъ Институцій. Первый титулъ салическаго закона, «*de mannire*», о вызовѣ въ судъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ первой Таблицѣ и первому титулу Эдикта. Слѣдующіе семь титуловъ трактуютъ о воровствѣ, точно такъ же какъ и вторая часть второй Таблицы. Титулы салическаго за-

кона о кражѣ свиней, коровъ, домашнихъ птицъ и т. д. слѣдуютъ одинъ за другимъ вплоть до девятаго титула, гдѣ говорится о нарушеніи чужой недвижимой собственности; но вслѣдъ за симъ составитель кодекса возвращается къ воровству и, хотя прерываетъ себя, трактуя объ убійствѣ и другихъ тяжкихъ преступленіяхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, постоянно возвращается къ воровству въ значительной части кодекса. Титулъ, наиболѣе сотвѣтствующій римской поклажѣ, находится въ серединѣ салическаго кодекса: онъ стоитъ подъ цифрою «пятьдесятъ» и озаглавленъ варварскою латынью *de fides factas*; онъ былъ тщательно обработанъ и доставилъ богатую пищу современному нѣмецкому ученому міру. Фактъ остается тотъ, что германскій салическій кодексъ начинается, какъ и Двѣнадцать Таблицъ, съ постановки во главѣ системы—искового права, что, по современнымъ юридическимъ понятіямъ, составляетъ паралогизмъ; что, подобно Двѣнадцати Таблицамъ, онъ удѣляетъ очень большое мѣсто воровству, одному изъ самыхъ незначительныхъ предметовъ современнаго права; что онъ тщательно разсматриваетъ договорныя обязательства, но не удѣляетъ имъ такого мѣста, которое соотвѣтствовало бы мѣсту, удѣляемому договорному праву въ римскихъ Институціяхъ. Эти сходства, какъ я замѣтилъ, были уже подмѣчены нѣсколько времени тому назадъ; но еще составляетъ предметъ спора, доказываютъ-ли эти сходства что-нибудь болѣе того, что франкскому кодификатору извѣстно было кое-что о римскомъ «законномъ порядкѣ». Съ одной стороны, весьма вѣроятно, что Ѳеодосіевъ кодексъ имѣетъ нѣчто общее съ франкской кодификаціей; но съ другой стороны, можно сказать, что существенная часть салическаго закона не носитъ на себѣ никакихъ признаковъ происхожденія отъ римскаго права. Салическій кодексъ вполнѣ варварскій. Къ тому же, порядокъ изложенія, принятый въ салическомъ законѣ, не есть порядокъ позднѣйшаго римскаго права, который Франки могли бы съ удобствомъ заимствовать, но есть скорѣе порядокъ древнѣйшаго римскаго права, о которомъ едва ли они могли знать что-нибудь. Вслѣдъ за процедурой салическій законъ трактуетъ о воровствѣ. То же было, по общему мнѣнію, и въ Двѣнадцати Таблицахъ; но въ позднѣйшемъ рим-

скомъ правѣ воровство сдѣлалось простымъ уголовнымъ преступленіемъ и не представляло собою ничего особенно важнаго. Выдающееся мѣсто, отведенное воровству, есть отличительный знакъ варварскаго права. Это свойственно періоду, когда движимое имущество имѣетъ бо́льшую цѣнность, чѣмъ недвижимое, личная собственность болѣе, чѣмъ поземельная. Изъ особеннаго вниманія, удѣленнаго законодателемъ воровству, не можетъ быть сдѣлано болѣе вѣроятнаго заключенія, какъ то, что общество, для котораго онъ составлялъ законы, имѣло земли болѣе, чѣмъ было достаточно для обработки, и что предметомъ кражи или мошенничества обыкновенно была движимость: рабы, домашнія животныя, украшенія, утварь и т. п.

Аргументы противъ выведенія салической системы изъ римской всегда казались мнѣ вѣскими, даже независимо отъ новыхъ данныхъ, которыя ставятъ дѣло внѣ всякаго сомнѣнія. Правда ирландское право, недавно ставшее предметомъ изслѣдованія, само по себѣ едва-ли могло бы подвинуть насъ въ рѣшеніи этого вопроса. Характерная особенность ирландскаго права состоитъ въ томъ необыкновенномъ значеніи, которое оно придаетъ процедурѣ. Главный ирландскій законодательный сборникъ, претендующій быть кодексомъ и заявляющій въ предисловіи, что онъ созданъ въ то время, когда «Θеодосій былъ повелителемъ міра», почти всецѣло занятъ законами о задержаніи имуществъ (Distress). Несомнѣнно, мы имѣемъ здѣсь то, что въ первой Таблицѣ названо *de in jus vocando*. Задержаніе имущества въ древнемъ ирландскомъ правѣ, какъ это, вѣроятно, было нѣкогда у Грековъ, Римлянъ, Германцевъ и Индусовъ, а быть можетъ и во всемъ мірѣ, было способомъ *vocatio in jus*, способомъ принужденія отвѣтчика явиться въ судъ и предоставить тяжбу рѣшенію третейскимъ судомъ или судебному разбирательству. О положеніи вещей въ то время мы имѣемъ лишь слабые слѣды въ римскомъ и индусскомъ правѣ, но въ тевтонскомъ правѣ слѣды его болѣе обильны: вы, претерпѣвшіе какой-нибудь вредъ, пользуетесь первобытнымъ естественнымъ средствомъ возмездія силой и, при терпимости или подъ контролемъ закона, употребляете его для того, чтобы заставить вашего противника явиться въ судъ. Но, хотя соотвѣт-

ствіе въ этомъ отношеніи очевидно, дальнѣйшаго сходства между римскими Двѣнадцатью Таблицами и ирландскимъ правомъ невозможно открыть. Вслѣдъ за задержаніемъ имущества большой кодексъ, Senchus Mor, трактуетъ о «залоговыхъ обезпеченіяхъ» (Hostage-securities), и можно положительно утверждать, что это должно было быть важною отраслью права въ постоянно воюющемъ обществѣ, каково было древнее ирландское. Большая часть права изложена въ Senchus Mor въ главѣ о задержаніи и вообще надо признать, что ни въ этомъ кодексѣ, ни въ какомъ-либо другомъ законодательномъ памятникѣ ирландскаго права нѣтъ никакого прямаго признака указанной классификаціи. Все, что мы можемъ положительно утверждать—и это особенно важно—это то, что ирландскіе юристы—бригоны смотрѣли на способъ приведенія отвѣтчика въ судъ, какъ на юридическое правило, которое вполнѣ правильно и естественно предшествуетъ всѣмъ другимъ.

Я думаю, что ключъ къ разрѣшенію этихъ темныхъ вопросовъ можетъ быть найденъ въ тѣхъ юридическихъ книгахъ Индусовъ, которыя извѣстны подъ совершенно неподходящимъ къ нимъ названіемъ кодексовъ. Одна изъ нихъ уже давно доступна англійскимъ читателямъ, благодаря Вильяму Джонсу; этотъ такъ-называемый кодексъ Ману до сихъ поръ считается всѣми чистыми Индусами истиннымъ собраніемъ «священныхъ законовъ», которые Ману, «могущество коего было неизмѣримо», возвѣстилъ, «божественнымъ мудрецамъ», подошедшимъ къ нему въ то время, когда онъ «сидѣлъ наклонившись, погруженный всѣмъ своимъ вниманіемъ въ созерцаніе одного предмета». Но священные законы, обнародованные при такихъ обстоятельствахъ, никоимъ образомъ не соотвѣтствуютъ нашему представленію о кодексѣ. Они изложены въ книгѣ, которая кромѣ того есть трактатъ о мірахъ видимомъ и невидимомъ, объ искусствѣ управленія и о различныхъ классахъ индусскаго общества. Подобнымъ же образомъ и христіанскіе брегонскіе законы являются смѣшанными съ различными разсужденіями изъ области космогоніи и логики; да и римскія Двѣнадцать Таблицъ въ нѣкоторыхъ частяхъ носятъ явные слѣды ритуала. Кодексъ Ману заставляетъ думать, что законъ,

какъ предметъ сознательнаго мышленія, есть результатъ постепеннаго развитія. Не сразу онъ освобождается отъ различнаго рода сказаній о предметахъ, касающихся жизни въ этомъ мірѣ и въ будущемъ. Санскритологи нашего времени, думается мнѣ, вовсе не склонны признавать за этимъ индусскимъ законодательнымъ памятникомъ ту глубокую древность, которая когда то приписывалась ему. Слѣдуя теоріи профессора Макса Мюллера, ритмическіе тексты этихъ кодексовъ они объясняютъ тѣмъ, что кодексы эти являлись собраніями правилъ, выраженныхъ языкомъ, настолько понятнымъ, чтобы удержаться въ памяти. Но эти книги законовъ съ теченіемъ времени претерпѣли дальнѣйшую спеціализацію. Ритуалъ, ясные слѣды котораго находятся въ Двѣнадцати Таблицахъ, сохранился и въ компендіумѣ правилъ, извѣстномъ подъ названіемъ Эугубинскихъ Таблицъ, которыя до послѣдняго времени никто не могъ прочесть; и въ книгѣ Нарада, нынѣ доступной англійскимъ читателямъ, можно видѣть лишь версію «священныхъ законовъ» Ману, при чемъ въ ней право было выдѣлено отъ другихъ предметовъ и разсматривалось такъ, какъ это сдѣлалъ бы и современный кодификаторъ.

Въ средневѣковыхъ Дигестахъ индусскаго права, источникахъ нынѣ дѣйствующаго въ Индіи права, Нарада цитируется иногда, какъ имѣющій одинаковый съ Ману авторитетъ. На самомъ же дѣлѣ какъ Ману, такъ и Нарада — вполнѣ миѳическія личности и книги, получившія отъ нихъ свои названія, суть, вѣроятно, не болѣе, какъ компендіумы, учебники, употреблявшіеся въ индусскихъ юридическихъ школахъ, организованныхъ по образцу *Gens'a* или клана. Обѣ эти книги законовъ претендуютъ на происхожденіе отъ священныхъ законовъ, возвѣщенныхъ тѣмъ Ману, который участвовалъ въ сотвореніи міра; но авторъ чрезвычайно обширнаго трактата, имѣющаго цѣлью представить все ученіе Ману, изображаетъ «Ману», какъ совершенно другую личность, а предисловіе къ книгѣ Нарада обстоятельно изображаетъ самый процессъ, путемъ котораго считающійся оригинальнымъ кодексъ Ману постепенно спеціализировался, пока, наконецъ, сдѣлался трактатомъ по гражданскому праву. Ману, говоритъ авторъ, соста-

вилъ трудъ, въ которомъ, между прочимъ, онъ говоритъ и о сотвореніи міра, и о распредѣленіи въ немъ различныхъ существъ, а также перечисляетъ различныя страны; твореніе это содержитъ въ себѣ 100,000 *slokas*, юридическихъ правилъ или изреченій. Ману передалъ свое изреченіе Нарадѣ, который справедливо замѣтилъ, что «эта книга не можетъ быть легко изучена человѣческими существами по причинѣ ея обширности». Въ виду чего онъ и сократилъ ее до 12,000 изреченій, а ученикъ его, Сумати, сократилъ ее еще до 4,000. Только богамъ, говоритъ введеніе, доступенъ первоначальный кодексъ. Люди же читаютъ второе сокращеніе, ибо ихъ способности уменьшились вслѣдствіе сокращенія жизненнаго срока.

Интересъ книги Нарада, которая недавно переведена на англійскій языкъ д-ромъ Юліусомъ Джолли (Jolly) изъ Вюрцбурга, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что ея авторъ гораздо болѣе юристъ, чѣмъ авторъ Ману, и трудъ его ближе подходитъ къ трактату о правѣ. Оба они, конечно, брамины. Авторъ кодекса Ману — ревностный жрецъ и смотритъ на гражданскую, земную санкцію только какъ на дополненіе и пособіе карамъ духовнымъ. Между тѣмъ авторъ книги Нарада полагается почти всецѣло на гражданскую санкцію; религіозный же характеръ его проявляется главнымъ образомъ въ его настойчивыхъ и часто очень выразительныхъ увѣщаніяхъ соблюдать законы и нравственныя обязанности, налагаемыя вмѣстѣ съ юридическими. Для моей настоящей задачи я ограничусь однимъ замѣчаніемъ, что эти браминскіе кодификаторы, явно расходясь въ нѣкоторыхъ взглядахъ, при чемъ, вѣроятно, каждый изъ нихъ отражаетъ ученіе какой-нибудь цѣлой школы, вполнѣ сходятся въ пониманіи порядка и содержанія кодекса. Классификація предметовъ, которой они слѣдовали, можетъ быть намѣчена по восьмой главѣ кодекса Ману, въ переводѣ В. Джонса; она проходитъ и черезъ всю книгу Нарада. Я опишу ее на основаніи послѣдней, такъ какъ она представляется чисто юридическимъ трактатомъ. На страницѣ 6-й перевода Джолли (въ *slokas* 16—20) мы находимъ слѣдующій перечень:

«Въ составъ законнаго судопроизводства входятъ восемь элементовъ — царь, его чиновникъ, ассессоры, книга законовъ, докладчикъ и писецъ, золото и огонь для ордалій и вода для освѣженія».

«Возвращеніе долга, поклажа, отношенія между участниками (partners), отнятіе дара, нарушеніе даннаго обѣщанія, невыдача заработной платы, продажа чужой вещи, невыдача проданнаго товара, уничтоженіе договора купли, нарушеніе порядка, споры о границахъ, обязанности мужа и жены, законъ о наслѣдованіи, насиліе, обида и оскорбленіе, игра (Gambling), различныя мелкія пререканія».

«Таковы восемьнадцать предметовъ тяжбъ».

Это распредѣленіе предметовъ соблюдается во всемъ трактатѣ, отъ него сдѣлано лишь одно отступленіе. Прежде всего обстоятельно описывается самый механизмъ суда и его процедуры. Царь сидитъ на тронѣ съ книгой закона въ рукахъ; но хотя юстиція представляется «царской», царь явно приглашается слѣдовать мнѣнію главнаго судьи или ассессора. Послѣ подробнаго описанія акта правосудія, авторъ (въ виду одного обстоятельства, которое я сейчасъ изложу) переходитъ къ свидѣтельству, которое заключаетъ въ себѣ ордаліи; затѣмъ, изложивъ то, что мы, по Бентаму, могли бы назвать *охранительнымъ правомъ* *) (Adjective Law), онъ переходитъ къ раздѣленію *права опредѣлительнаго* (Substantive Law) на восемьнадцать отдѣловъ, которые онъ называетъ «предметами тяжбы». Порядокъ, въ которомъ онъ излагаетъ ихъ, тотъ же, что и въ приведенномъ выше отрывкѣ, за тѣмъ исключеніемъ, что первый предметъ тяжбы—«возвращеніе долга»—онъ вставляетъ между актомъ правосудія и свидѣтельствомъ. Быть можетъ, это результатъ просто случайной безпорядочности древнѣйшихъ компендіумовъ индусскаго права, но нужно замѣтить, что нѣчто подобное этому неумѣстному помѣщенію «возвращенія долга» встрѣчается и въ трактатѣ Ману; весьма вѣроятно, что это произошло вслѣдствіе трудности излагать

*) При передачѣ на русскій языкъ выраженій «adjective law» и «substantive law» переводчикъ воспользовался терминологіей Дюмона, французскаго переводчика и комментатора Бентама. — *Прим. перев.*

охранительное право безъ обращенія къ праву опредѣлительному, и вотъ въ интересахъ иллюстрированія текста одинъ изъ «предметовъ тяжбы» перестановленъ.

Принципъ и внутренній смыслъ этой древней классификаціи поражаютъ своей ясностью. Компиляторъ Нарада или самъ авторъ знаетъ, что люди спорятъ между собою и вотъ—онъ установляетъ способъ, которымъ эти споры должны обсуждаться и прекращаться безъ насилія и пролитія крови. Постоянно стоящая предъ ними руководящая идея — не законъ, не право, не санкція, не различіе между положительнымъ и естественнымъ правомъ, между лицами и вещами, а правосудіе и его органы. Этимъ является возможность замѣнить частныя репрессаліи; есть иной способъ прекращенія личной или наслѣдственной кровной вражды, а не кровопролитіе или грабежъ. Посему, прежде всего онъ даетъ описаніе суда, его механизма, процедуры, способовъ доказательства обнаруживаемыхъ фактовъ. Начавши такимъ образомъ съ описанія того великаго института, который рѣшаетъ споры, онъ переходитъ къ распредѣленію права сообразно предметамъ споровъ, сообразно тѣмъ отношеніямъ между людьми, которыя порождаютъ споры. Такъ, долгъ, товарищество, брачный союзъ, наслѣдованіе и дареніе разсматриваются, какъ предметы, по которымъ люди на извѣстной степени цивилизаціи имѣютъ споры, — и различныя права или обязательства (какъ мы могли бы назвать ихъ), ими порождаемыя, установляются просто, какъ руководство къ опредѣленію сужденія, которое судъ долженъ дать, когда онъ призывается разобрать тяжбу.

Мнѣ кажется, это объясненіе относится до всей задачи, возбуждаемой классификаціей предметовъ, принятыхъ въ указанныхъ мною древнѣйшихъ кодексахъ. Всѣ они начинаютъ съ отправленія правосудія и распредѣляютъ опредѣлительное право по «предметамъ тяжбъ». Ирландское право и не идетъ дальше начальныхъ ступеней процедуры. Все знаніе и искусство брегоновъ-юристовъ было употреблено на опредѣленіе правилъ, по которымъ спорящія стороны могутъ подлежать контролю института, который римскій и индусскій кодексы предполагаютъ уже давно существующимъ и правильно дѣй-

ствующимъ. Есть еще болѣе поразительное свидѣтельство той великой важности, которую имѣлъ судъ въ древности. Какъ мы видѣли, римскій, франкскій и индусскій кодексы одинаково раздѣляютъ предметы тяжбъ, которые являются матеріалами для разнаго рода процессовъ, и порядокъ, въ которомъ эти предметы тяжбъ излагаются, мнѣ кажется, зависитъ отъ ихъ относительной важности въ то время, когда установлялся этотъ порядокъ. Я нисколько не сомнѣваюсь, что система кодексовъ до извѣстной степени случайна, но мнѣ кажется, что должно быть какое-нибудь основаніе, по которому въ римскомъ и индусскомъ правѣ отведено выдающееся мѣсто поклажѣ, а у Салическихъ Франковъ, а также и у Римлянъ — воровству. О причинахъ особеннаго значенія договора поклажи мы можемъ только догадываться, но, какъ я уже замѣтилъ, преобладающее значеніе воровства зависитъ отъ особенностей извѣстной ступени экономическаго и соціальнаго развитія. Въ римскомъ правѣ мы уже можемъ замѣтить признаки уменьшенія преобладающаго значенія воровства, что̀, какъ и слѣдовало ожидать, произошло отъ роста населенія, поднявшейся цѣнности земли, отъ избытка капитала, наконецъ, отъ болѣе свободнаго производства движимыхъ предметовъ необходимости и роскоши и, слѣдовательно, ихъ относительной дешевизны. Любопытно, что хотя воровство и не составляетъ отдѣльнаго вида тяжбы въ книгѣ Нарада, однако случайные намеки на него встрѣчаются при изложеніи договора поклажи, составляя, быть можетъ, остатокъ отъ болѣе древняго состоянія права.

И такъ, моя мысль та, что роль правосудія и его органовъ заслоняло собою всѣ другія понятія и соображенія въ умахъ составителей древнѣйшихъ кодексовъ, принадлежавшихъ къ народамъ арійской расы, сталъ отдаленнымъ и столь отличнымъ другъ отъ друга. Очевидность такого положенія основывается не только на вѣроятностяхъ и не на простомъ заключеніи изъ содержанія древнихъ законодательныхъ памятниковъ. Есть цѣлая литература, исландская, которая даетъ намъ наиболѣе яркое свидѣтельство великаго могущества суда въ древнемъ обществѣ. Можно сказать, что въ Исландіи, рас-

крытой намъ трудами Конрада Маурера, нѣтъ кромѣ суда ни одного института, который заслуживалъ бы вниманія; все общество группируется вокругъ него, всѣ понятія концентрируются въ немъ. Онъ вліяетъ на всю литературу, какъ поэтическую, такъ и прозаическую; онъ находится въ тѣснѣйшей связи съ каждымъ случаемъ, съ каждымъ волненіемъ повседневной жизни. А такъ какъ въ описываемомъ обществѣ царитъ насиліе и произволъ, то становится яснымъ, что это не тотъ судъ, который мы знаемъ, а судъ, являющійся взамѣнъ насильственной расправы, принимающій на себя отмщеніе за ея жертвы,—вотъ почему онъ и получилъ такое великое значеніе. Намъ нѣтъ надобности обращаться къ историческимъ памятникамъ для доказательства того, что это — естественное условіе человѣческихъ умовъ. Аналогичныя явленія могутъ воспроизводиться и на самомъ дѣлѣ воспроизводятся въ странѣ, которая только недавно вышла изъ того анархическаго состоянія, въ которое она впала послѣ того, какъ законы Ману и Нарада перестали примѣняться описываемыми въ нихъ трибуналами. Какъ только провинція, до тѣхъ поръ особенно плохо управлявшаяся, была присоединена къ Британской Индіи, первымъ послѣдствіемъ этого было не удовлетворенность и не недовольство, не мирное слѣдованіе старымъ обычаямъ и не внезапное принятіе новыхъ, но необыкновенный наплывъ судебныхъ процессовъ въ британскіе суды, которые немедленно были тамъ введены. Этотъ фактъ на первый взглядъ кажется слишкомъ страннымъ для того, чтобы не привлечь къ себѣ нашего вниманія; на него указывали съ сожалѣніемъ и, по прошествіи извѣстнаго времени, достаточнаго для того, чтобы забыть прежнее положеніе присоединенной территоріи, стали приводить въ доказательство того, что отъ перемѣны своей самобытности на британское господство населеніе не получило никакихъ особенныхъ благъ. Но истинное заключеніе отсюда есть то, которое я уже сдѣлалъ въ настоящей главѣ, а именно, что судъ оказывалъ необычайное вліяніе на человѣческіе умы и имѣлъ для нихъ особенную прелесть, являясь средствомъ рѣшенія споровъ, которые до тѣхъ поръ рѣшались силою, или же оставались совсѣмъ неразрѣшаемыми.

Другая фаза въ исторіи правосудія иллюстрируется положеніемъ другихъ, лучше управляемыхъ частей Британской Индіи. Повелѣнія британско-индійскаго правительства исполняются болѣе безпрекословно, чѣмъ приказанія какой-либо прежде существовавшей въ Индіи власти, гораздо болѣе безпрекословно, чѣмъ повелѣнія наиболѣе могущественныхъ монгольскихъ властителей. Законъ соблюдается въ Индіи такъ же однообразно, какъ и въ Англіи, но болѣе сознательно. Въ настоящее время (и такъ будетъ, вѣроятно, еще долго) фактъ существованія судовъ, правильнымъ образомъ принуждающихъ соблюдать законы, до такой степени дѣйствуетъ на умы обитателей Индіи, что мы съ трудомъ можемъ понять это. То великое значеніе, которое имѣютъ здѣсь законъ и судъ, можно объяснить однимъ очень важнымъ обстоятельствомъ, а именно, что во многихъ частяхъ Индіи юноши заучиваютъ тексты уголовнаго и процессуальнаго кодексовъ, какъ молодые Римляне временъ Цицерона выучивали *cantilena* законовъ Двѣнадцати Таблицъ. Что же касается до насъ, то едва ли нужно и говорить, что мы повинуемся законамъ почти безсознательно. Законъ такъ проникъ всѣ наши привычки и понятія, что суды рѣдко нуждаются въ призывѣ повиноваться имъ и, такимъ образомъ, какъ бы отходятъ на задній планъ. Только когда законъ кажется сомнительнымъ или когда факты, въ которыхъ мы заинтересованы, необыкновенно запутаны, только тогда большая часть изъ насъ, не-юристы, прибѣгаютъ къ администраціи закона. Несомнѣнно, принудительная сила закона до сихъ поръ существуетъ; но она стоитъ въ сторонѣ и принимаетъ форму, которая даетъ возможность какъ бы скрывать ее. Вообще, миръ и цивилизація имѣютъ своимъ послѣдствіемъ уменьшеніе сознательнаго благоговѣнія передъ судомъ.

Весьма вѣроятно, что значеніе древнихъ судовъ проистекало отчасти изъ того, что, съ современной точки зрѣнія, было бы сочтено за ихъ слабую сторону. Рядомъ съ ними въ теченіе долгаго времени существовали многія переживанія, уничтожить которыя и было ихъ задачею. Снисходительность древней судебной процедуры къ традиціонной жестокости выражается въ

признанія того средства взысканія, который Англичане называютъ *distraint* (наложеніе запрещенія на имущество), а нѣмцы «selbst hülf», средства частнаго характера, направленныя на имущество противной стороны; кромѣ того, есть прямыя указанія на то, что древніе трибуналы не имѣли принудительной власти. Всякій, кто не повиновался рѣшенію суда, становился внѣ закона; его родственники переставали отвѣчать за его дѣйствія, и родственники того, кто нанесъ ему вредъ, становились также неотвѣтственными. Такимъ образомъ, мы не можемъ сомнѣваться, что насиліе и кровопролитіе, которыя законъ разрѣшалъ въ извѣстныхъ случаяхъ, вообще были обыкновенны въ раннюю эпоху развитія судовъ и первѣйшая ихъ заслуга передъ человѣчествомъ состояла не въ полномъ уничтоженіи жестокости, а въ представленіи возможности избѣгать ея. Благодѣтельное вліяніе судовъ кажется тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что ихъ власть была не велика и дѣятельность нерегулярна. Но мало-по-малу, по мѣрѣ того какъ развивалась верховная власть государства и болѣе и болѣе предоставляла себя въ распоряженіе органовъ правосудія, ихъ рѣшенія становились непреклонно дѣйствительными. Повиновеніе имъ стало безпрекословнымъ и слѣпымъ; образовалось множество привычекъ и понятій, въ основѣ которыхъ лежитъ безпрекословное соблюденіе закона. Образованіе чувства законности и отступленіе уголовныхъ санкцій закона на задній планъ объясняютъ намъ многое въ юридическихъ теоріяхъ. Мы видѣли, что «законный порядокъ» римскихъ Двѣнадцати Таблицъ, свидѣтельствующій о значеніи первобытной процедуры, продолжалъ держаться еще долго послѣ того, какъ потерялъ свой смыслъ; но въ римскомъ государствѣ, которое всегда отличалось относительно хорошимъ управленіемъ и представляетъ типъ порядка и спокойствія, сила, какъ орудіе закона, рано отступила на задній планъ. Классификація римскихъ Институцій, удѣляющая исковому праву не первое, а третье и послѣднее мѣсто, свидѣтельствуетъ о томъ, что привычка повиновенія закону укрѣпилась до такой степени, что оно стало какъ бы безсознательнымъ; другое, еще болѣе яркое доказательство тому представляетъ собою возникновеніе понятія естествен-

наго права, которое, собственно говоря, есть не что иное, какъ право безъ уголовныхъ санкцій. Упущеніе изъ виду, если можно такъ выразиться, принудительной силы закона гораздо болѣе замѣтно теперь, чѣмъ у Римлянъ, и это, несомнѣнно, вслѣдствіе долгаго вліянія теорій, прямо или косвенно связанныхъ съ римскимъ *jus naturale*. Современные юристы аналитики, Бентамъ и Остинъ, затруднялись въ отысканіи той силы, которая даетъ санкцію закону. Они указывали, что она не исчезла и не могла исчезнуть, а существуетъ только въ скрытомъ состояніи, превратившись въ привычку повиноваться закону Даже теперь ихъ утвержденіе многимъ кажется парадоксомъ, что̀, я думаю, исчезнетъ, когда анализъ обратится къ исторіи.

Основное различіе между древней, грубой и современной, развитой классификаціями состоитъ въ томъ, что правила объ искахъ и процедурѣ занимаютъ въ послѣдней второстепенное положеніе и составляютъ то, что̀ Бентамъ называетъ *охранительнымъ* правомъ. Составители римскихъ институцій уже приблизились къ этому взгляду, помѣстивъ исковое право въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ своей системы. Никто лучше Англичанина не знаетъ, насколько неудобна такая система. Въ ранній періодъ развитія судовъ исковое право оказываетъ такое вліяніе, что опредѣлительное право на первый взглядъ кажется скрытымъ въ тонкостяхъ процедуры; древніе юристы могли разглядѣть его только черезъ оболочку техническихъ формъ. Цивилизованныя общества какъ бы возвращаются къ такому положенію. Еще у многихъ на памяти, какъ стремленіе къ законодательной реформѣ, которое составляетъ часть великаго движенія, связаннаго съ актомъ 1832 года о парламентской реформѣ, прежде всего выразилось въ энергическомъ возвращеніи къ чрезмѣрной точности въ судопроизводствѣ, такъ что на долгое время важнѣйшіе вопросы были заслонены вопросомъ о надлежащемъ способѣ веденія дѣлъ въ судахъ. Это было совершенно такое же положеніе, какъ и въ то время, когда германскіе сотенные суды примѣняли грубый салическій законъ. Вліяніе «новыхъ правилъ о судопроизводствѣ» (New Rules of Pleading) проникало въ жизнь очень медленно

и только недавно судебные акты, которые еще не успѣли оказать всего своего вліянія, отвели судопроизводству мѣсто, вполнѣ соотвѣтствующее ему тамъ, гдѣ на него смотрятъ только какъ на *охранительное* право.

Современные классификаторы, далѣе, распредѣляютъ право не на основаніи различія между лицами и вещами, а на основаніи различій между видами (kinds) правъ. Я уже замѣтилъ, что понятіе «законнаго права» не древнее и даже не римское, а всецѣло принадлежитъ нашему времени. Понятно, прежде чѣмъ оно могло явиться, значеніе суда, царившаго надъ всей областью права, должно было ослабѣть. Что касается до большаго отдѣла правъ, вытекающихъ изъ договора и деликта, то Римляне, очевидно, смѣшиваютъ здѣсь понятія права и обязанности. Стороны, по ихъ возрѣнію, связаны своего рода *vinculum juris*, связью или цѣпью права, и «обязательство» — слово, употребляемое для обозначенія этой связи,—означаетъ собою какъ права, такъ и обязанности; такъ, напримѣръ, въ одно и то же время обязательство означало, какъ право требовать уплаты долга, такъ и обязанность выплатить его. Какъ я замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ, «Римляне представляли себѣ связь, установленную закономъ во всей ея полнотѣ, и придавали одинаковое значеніе какъ началу ея, такъ и концу». Судъ же соединилъ оба конца этой цѣпи и какъ это, такъ и многія другія запутанныя понятія, встрѣчающіяся въ римской юридической терминологіи, по моему мнѣнію, объясняются тѣмъ, что преобладающее значеніе суда надъ всѣми юридическими понятіями еще продолжало вліять на римское воззрѣніе на право. Хотя авторы римскихъ Институцій не создали и не могли создать системы, основанной на классификаціи *правъ*, однако они, какъ мы видѣли, достигли пониманія права, какъ чего-то отличнаго отъ процедуры и признали возможнымъ раздѣлить его на право личное и вещное. Дѣйствительное отношеніе этихъ двухъ отдѣловъ между собою возбудило горячіе споры среди современныхъ писателей, и здѣсь не мѣсто разсматривать ихъ; но всякій, кто усвоитъ себѣ древнія идеи о правѣ, на которыя я старался пролить нѣкоторый свѣтъ, быть можетъ, убѣдится, что понятіе вещнаго права, во вся-

комъ случаѣ, есть уже большой шагъ впередъ, и что долженъ былъ быть юридическимъ геніемъ тотъ, кто впервые распозналъ, что положительное право мыслимо и развивается, съ одной стороны, отдѣльно отъ судовъ, которые примѣняютъ его, и съ другой — отдѣльно отъ различныхъ соціальныхъ категорій, къ которымъ оно примѣняется.

УКАЗАТЕЛЬ.

Австрійскій кодексъ въ Славянскихъ провинціяхъ, 204.
Агнатическіе родственники, 185, 186.
Agnatio, система—у Римлянъ; agnatio, какъ терминъ, 218 примѣчаніе къ главѣ VIII.
Адамсъ, его *Historical Studies*, 256.
Адопція, значеніе ея въ Римѣ и въ Аѳинахъ, 73; современная роль ея на континентѣ, 73; практика ея у Индусовъ и вообще въ Индіи, 74, 117;
Адъ, буддистское изображеніе мученій въ аду, 24, 25.
Aequitas у Римлянъ, 91.
Актъ о Престолонаслѣдіи, 108.
«Alice in Wonderland», ссылка на эту повѣсть, 26.
Аллодъ, опредѣленіе, 262 и сл.; отличіе его отъ феода, 263; какъ онъ обратился въ феодъ, 266.
Аматонго, души умершихъ, поклоненіе имъ, 41.
Англійская конституція, 220, примѣчаніе къ главѣ VIII.
Андаманскіе островитяне, описаніе ихъ быта, 176 и сл., примѣчаніе къ главѣ VII.
Апастамба, индусскій юридическій трактатъ, цитаты изъ него, 10, 13, 32, 55, 61, 68, 71, 97; общія ссылки на него, 32, 81, 82.
Appointment, институтъ «назначенія», опредѣленіе его, 69; жреческая формула его, 69; обычаи, сходные съ нимъ, 69 и сл.; практика его у Аѳинянъ, 70; въ средневѣковомъ правѣ, 70; appointment, какъ теорія, на которой опирался Эдуардъ III англійскій въ своихъ притязаніяхъ на французскій престолъ, 70; значеніе его въ исторіи наслѣдованія женщинъ, 71; индусскіе писатели о наслѣдованіи женщинъ, 71.
Аристотель, отношеніе его къ патріархальной теоріи общества, 150, 151; упоминаніе объ его трактатѣ «Варварскіе обычаи», 151.
Аѳоризмы, какъ критерій опредѣленія древности происхожденія индусскихъ сводовъ, 7, 8.

Баудхайана, ссылки на юридическіе трактаты, 32, 81, 82, 83 пр.; взглядъ Баудхайана на усыновленіе, 66.
Бельгійская конституція, 220, примѣчаніе къ главѣ VIII.
Beneficium, характеризуетъ собою стадію въ исторіи поземельнаго права, 267; сходство его съ эмфитевзисомъ, 267; разногласія по вопросу объ его характерѣ 220; отожествленіе его съ феодомъ, 258.
Бентамъ, англійскій юристъ, 272, 278.
Богишичъ, профессоръ, ссылка на него, 149, 187, 188 189.
Бомаршэ, ссылка на его *Mariage de Figaro*, 243.
Бонитарная собственность. См. Possessio.
Boulnois и Rattigan, ссылки на ихъ сочиненіе *Notes on Punjab Law*, 87.
Брактонъ, англійскій юристъ, ссылка на его юридическія трактаты, 236; цитаты изъ его трактата о крѣпостной зависимости, 257 и сл.; причаніе къ главѣ IX.
Браманизмъ, система его, живучесть и постепенное развитіе ея, 36, 37.
Брамины, указанія на юридическія школы браминовъ, 10 и сл.; отношенія между наставниками и воспитанниками, 10; сходство браминскихъ школъ съ кланомъ Гомеридовъ и съ ирландскими школами брегоновъ, 11, 12; вліяніе браминовъ, 35; самоотверженность ихъ, 35 и сл.; матеріальное положеніе ихъ, 62; сравненіе его съ положеніемъ древнѣйшихъ христіанскихъ церквей, 64.
Брамины—юридическіе писатели, жреческій характеръ ихъ сочиненій, 21, 22.
Братоубійство у Магометанъ, 104.
Брегоны, юридическія школы ихъ, 11, 12; ссылка на законы брегоновъ, 63.
Броссъ, президентъ де —, ссылка на его *Lettres écrites de l'Italie*, 84, примѣчаніе В къ главѣ IV.
Будда, буддизмъ, 23, 24.
Бюлеръ, д-ръ, цитата изъ предисловія его къ *Sacred Books of the East*, 66.
Бэконъ, лордъ, ссылка на его *Abridgement*, 268.

Варронъ, римскій писатель-грамматикъ, ссылка на его *De Lingua Latina* 218, примѣчаніе къ главѣ VIII.
Васишта, индусскій сводъ, 8.
West и Bühler, ссылка на ихъ *Digest of Hindu Law*, 8 *пр.*
«Villa», значеніе этого слова въ древнѣйшихъ германскихъ кодексахъ и въ *Lex Salica*, 257, примѣчаніе къ главѣ IX.
«Villae» у Римлянъ, 256, примѣчаніе къ главѣ IX.
Виланы, положеніе ихъ, 236.
Вишну, индусскій сводъ, общія ссылки на него, 8, 47, 85 *пр.*, 97; цитаты изъ него, 23, 25, 28, 53, 54, 55, 71.
Вольтеръ, насмѣшки его надъ *Lex Salica*, 110.

Воровство, почему оно занимало такое видное мѣсто въ древнихъ римскихъ и франкской классификаціяхъ, 287, 288.
Вселенная, представленіе о ней Индусовъ, 62 и сл.
Второзаконіе, цитаты изъ него, 44, 76.

Гакстгаузенъ, нѣмецкій писатель, ссылка на его сочиненія, 149.
«Гамлетъ» трагедія Шекспира, ссылка на нее, 111.
Гаммондъ, предисловіе его къ американскому изданію *Institutes of Justinian* Сэндерса, 284.
Гарди, сэръ Т. Д., историкъ, ссылка на его *Itinerary of King John*, 139.
Гаутама, индусскій сводъ, 8, 13; цитаты изъ него, 61, 63, 68, 69, 74, 77, 78, 81, 85, 93.
Gens, см. Родъ.
Геріотъ, 239.
Германія, Lex Salica, 120; дѣйствительное происхожденіе его, 128; отношеніе его къ явленіямъ обыденной жизни, 128.
Германскій король, отношеніе его къ гражданскому правосудію, 127 и сл.
Гессельсъ, см. Кернъ.
Гессенъ-Дармштадтъ, его поземельная регистрація, 273.
Гейвордъ, англійскій писатель, цитаты изъ его *Biographical and Critical Essays* 118 *пр.*
Гипотека, 277.
Гланвилль, англійскій юристъ, ссылка на его юридическіе трактаты, 236.
Гомме, англійскій писатель, указаніе на его *Primitive Folk-Moots*, 129.
Гордонъ, сэръ Артуръ, изслѣдованіе его объ островахъ Фиджи 255, примѣчаніе къ главѣ VIII.
Графъ, представитель короля, 131.
Гриммъ, нѣмецкій писатель, цитата изъ его *Deutsche Rechtsalterthümer*, 136 *пр.*
Гротъ, англійскій историкъ, взглядъ его на гомеровскую поэзію, 11; ссылка на его *History of Greece*, 136.

Давность, 276.
Данте, ссылка на его поэму, 24.
Дарвинъ, Чарльзъ, цитата изъ его сочиненія *Descent of Man*, 158, 159.
Дайа-Бага, индусскій сводъ, 88 и сл.
Дайа-Крама-Санграха, индусскій сводъ, 88, 91.
Джеббъ, профессоръ, цитата изъ его *Attic Orators*, 71 *пр.*
Джемисонъ, цитата изъ его статьи въ *China Review*, 171.
Джолли, ссылка на его переводъ Вишну, 8.
Джонсъ, сэръ Вильямъ, его *Oriental Studies*, 1—5; проэктъ реформы англо-индійской судебной администраціи, 2, 3; переводъ свода Ману, 3, 389, 291; выводы изъ его изслѣдованій, 5, 6.

Joint Families, нераздѣльныя семьи, см. Семьи.
Династическія распри, мѣры къ ихъ искорененію, 102, 103.
Діодоръ Сицилійскій, ссылка на него, 87.
Divortio, 152.
Доматъ, средневѣковый юристъ, его теорія классификаціи правовыхъ нормъ, 280.
Домачинъ, положеніе его въ семейной общинѣ, 190; способъ назначенія его 191; домачиномъ иногда бываетъ и женщина, 192.
Dominio, 152.
Доніоль, французскій писатель, указаніе на его сочиненіе *La Révolution Française et la Féodalité*, 228; воззрѣнія его на неудобства англійскаго зависимаго владѣнія, 239 и *сл.*
Дочери, обезпеченіе ихъ, 82 и *сл.*
Дрью, цитата изъ его статьи *Kashmir and Jummoo*, 141 *пр.*

Женщины, собственность ихъ по ученію Гаутама, 83; обезпеченіе женщинъ у Римлянъ и въ Индіи, 83, 84.

Законы Двѣнадцати Таблицъ, 3, 4, 5, 50, 87, 283 и *сл.*.
Земля, поземельное право римское, англійское и континентальное, 274 и *сл.*; поземельная регистрація на континентѣ, 273 и *сл.*; аналогія съ римской манципаціей, 272; переходъ земель въ современной Индіи путемъ частныхъ передачъ, 278; континентальные поземельные реэстры, сравненіе ихъ съ записями англійскихъ помѣстныхъ судовъ, 274.

Изображеніе колеса, символическое, у Индусовъ, 23, 37, примѣчаніе къ главѣ II.
Индусскіе ученые, ихъ юридическая теорія, 13; древность ихъ юридическихъ трактатовъ, 4, 9; постепенное развитіе жреческаго права, 9, 10; священные юридическіе своды, 27; наиболѣе важныя части ихъ, 34, 35.
Ирландія, законы брегоновъ, 123; сходство брегоновъ съ брамінами, 124.
Ирландская «Книга Правъ», цитата изъ нея, 137.
Исей, греческій ораторъ, цитата изъ него, 59.
Исковое право, мѣсто, удѣляемое ему римскими юристами, 284 и *сл.*

Cahiers, пренебрежительное отношеніе къ изслѣдованію ихъ, 226; объясненіе его, 227; взглядъ на это Токквилля, 227; собраніе *Cahiers*, изданное Прюдомомъ и Лоранъ-де-Мэзіеромъ, 228.
Каллауэй, каноникъ, цитата изъ его наблюденій, 41.
Канцлерскій Судъ въ Англіи, 145; сходство съ Звѣздной Палатой и отличіе отъ нея, 145.

Капетинги, королевская династія, 105, 106, 109, 116, 117, 118, 119.
Карловингская имперія, распаденіе ея, 270; сравненіе его съ упадкомъ могущества великаго Могола, 271.
Карпентеръ, физіологъ, ссылка на его наблюденія, 157 *пр.*
Квиритская собственность, 265.
Кернъ и Гессельсъ, ссылка на изданіе ихъ *Lex Salica*, 129 *пр.*
Классифицированное родство, теорія его, 154, 224, примѣчаніе къ главѣ VIII.
Кольбрукъ, лейтенантъ, цитата изъ его *Asiatic Researches*, 177, примѣчаніе къ главѣ VII.
Комментарія Гая, открытіе ихъ Нибуромъ, 151.
Common Pleas, англійскій судъ, 143.
Коммуна, административная единица современной Франціи, 252.
Consanguine Marriage, 201.
Контъ, Огюстъ, 127.
Copyhold, система зависимаго владѣнія, происхожденіе ея, 232 и сл.
Копигольдеръ, разница въ положеніи его и арендатора, 238.
Copyhold Commissioners, значеніе ихъ, 240.
County Courts, суды графствъ въ Англіи, 144.
Court-Baron въ Англіи и феодальные суды на континентѣ, 236; аналогія его съ гомеровской ἀγορά, 235.
Коксъ, сэръ Джорджъ, 152.
Король, отношеніе его къ гражданскому правосудію, 129 и сл.
Королевство, общественная форма того же типа, что и помѣстье, 234.
Коуэлль, профессоръ, цитата изъ него, 37.
Крестьяне во Франціи въ эпоху революціи, враждебное настроеніе ихъ по отношенію къ дворянамъ, 229.
Куланжъ, Фюстель де —, общія указанія на его взгляды, 50, 57, 60, 80 *пр.*, 90, 91, 155, 267, 271; спеціальная ссылка на *La cité antique*, 43; взгляды его на бенефицій, 267.
Культъ предковъ, обязанность наслѣдниковъ выполнять его, 40; теорія его происхожденія, 50 и сл.; признаніе патернитета предшествуетъ возникновенію культа предковъ, 56, 57; культъ предковъ содѣйствуетъ разложенію семьи, 58; связь его съ наслѣдованіемъ, 39, 59, 60; возникающее подъ вліяніемъ культа предковъ желаніе имѣть мужское потомство, 64; культъ предковъ у Китайцевъ, 45 и сл.; издержки его, 45; культъ предковъ у Христіанъ и Магометанъ, 44; отношеніе его къ Конфуціанизму и Буддизму, 47; культъ предковъ у Римлянъ въ сравненіи съ Индусами, 43; культъ предковъ у Евреевъ, 43, 44; въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ говорить о культѣ предковъ у Индусовъ, 40; существенная черта его—близость по времени умершихъ предковъ, 40; поклоненіе отдаленнымъ предкамъ, 41; богослуженіе и ритуалъ культа предковъ, 41; зависимость отъ него наслѣдственнаго права, 42; вліяніе его на повседневную жизнь, 42; отличіе между

общимъ культомъ и повседневнымъ, 42; поклоненіе предкамъ, называемымъ Питрисъ, 42; трудность согласить теорію культа предковъ съ теоріями очищенія грѣха и переселенія душъ, 52, 53; первоначально женщинамъ не воздавались загробныя почести, 54, 55; описаніе культа предковъ у Вишну, 55, 56; существованіе его въ Пенджабѣ, 57; культъ предковъ и погребальные обряды, 61; роль его въ области права, 61 и сл.; аналогія ея съ значеніемъ средневѣковой церкви, 64; сильное желаніе имѣть мужское потомство и послѣдствія его. 65; въ честь умершаго отца жертвоприношеніе совершаетъ старшій по возрасту законный сынъ, 66, 67; отношеніе этого духовнаго первенства къ первородству и порядку наслѣдованія, 68; при отсутствіи законнаго сына отъ умершаго отца жертвоприношеніе совершаетъ старшій сынъ жены умершаго, 68; при отсутствіи того и другаго жертвоприношеніе совершаетъ сынъ „назначенной“ дочери, 68, 69; модификаціи этого порядка, 92; культъ предковъ у Римлянъ, 48, 49; сравненіе его съ Индусскимъ, 49, 50; постепенный упадокъ приватнаго культа, 48; значеніе его для гражданскаго права, 49; переживанія его въ англійскомъ и континентальномъ наслѣдственномъ правѣ, 50

Куммингъ, цитата изъ статьи *Ningpo and Buddhist Temples*, 45.

Кумовство, обычай, у Южныхъ Славянъ, 199.

Larvae, 48.

Лавеле, бельгійскій писатель, ссылка на его взгляды, 286.

Лёббокъ, сэръ Джонъ, англійскій ученый, цитаты изъ его сочиненія *Origin of Civilization*, 50, 51, 54; изъ *Prehistoric Times*, 177.

Ле-Бонъ, французскій ученый, цитата изъ его сочиненія *L'Homme et les Societés*, 160.

Левиратъ, 154; у Индусовъ, 76, 77, 80; у Спартанцевъ и Аѳинянъ, 6, 78, 79; у Евреевъ, 76.

Левитъ, въ сравненіи съ трактатомъ Ману, 4.

Леджъ, д-ръ, цитата изъ *Sacred Books of the East*, 44.

Летурно, французскій ученый, цитата изъ его *Sociologie*, 160.

Ляйелль, Альфредъ, цитаты изъ его *Asiatic Studies*, 208 и сл.; общія указанія на него, 211 и сл.

Magna Charta, значеніе ея въ исторіи англійскаго процесса, 143.

Магометанство, отношеніе его къ обществамъ, находящимся подъ мусульманскимъ владычествомъ, 183 и сл.

Маколэй, лордъ, ссылка на его *History of England*, 247; взглядъ его на бѣдственное положеніе Индіи, 271.

Максъ Мюллеръ, профессоръ, установленный имъ критерій для опредѣленія древности индусскихъ сводовъ, 8; его теорія индусскихъ юридическихъ трактатовъ, 12; изданные имъ *Sacred Books of the East*, 8.

Макферланъ, д-ръ, ссылка на его статью въ *Journal of Auttrosogical Institute*, 224, примѣчаніе къ главѣ VIII.

Макъ-Леннанъ, его теорія, 80, 94, 114 *пр.*, 149, 153, 154, 156, 157, 161, 198; ссылка на его *Studies in Ancient History*, 150; его *Primitive Marrige*, 185.

Мальмсбюри, лордъ, ссылка на его бумаги, 108.

Ману, индусскій сводъ, цитаты изъ него, 25, 30, 31, 48, 63, 71, 93, примѣчаніе А; общія ссылки на него, 3, 4, 12, 81, 97, 122, 289 и сл.; происхожденіе свода, 32, 33; время его происхожденія, 4, 7, 9.

Manus въ римскомъ правѣ, 152.

Манципація, сдѣлка, въ римскомъ правѣ, замѣна ея традиціей, 278.

Манъ, цитата изъ его статьи въ *Journal of Anthropological Institute*, 178 и сл.

„Материнское право“, 56.

Матѳей, цитата изъ Евангелія отъ Матѳея, 76.

Мауреръ, Конрадъ, изслѣдованія объ Исландіи, 295.

Милль, Джонъ Стюартъ, ссылка на его статьи объ юридической классификаціи, 281.

Міssі, 140.

Митакшара, дигесты, 87, 90

Монтескье, 110.

Морганъ, Л. Г. его теорія, 199, 153, 159, 156, 157, 159, 161, 162, 163, 165, 167, 168, 173 и сл; ссылка на его *Ancient Society*, 185.

Морганъ, ссылка на его статью въ *United States Survey of the Rocky Mountain*, 255, примѣчаніе къ главѣ IX.

Мужчины, неравночисленность мужчинъ и женщинъ, 161 и сл.; египетская надпись, 164; предпочтеніе мужчинъ въ области наслѣдованія въ Индіи, Греціи и Римѣ, 87 и сл.

Мульвіи, 1, 2.

Мэйнъ, цитаты изъ его *Hindu Law and Usage*, 87, 88, 90; общія ссылки на него, 58, 62, 63, 64, 84 *пр.*, 94.

Нарада, индусскій сводъ, 290; отличіе его отъ Ману 290; цитаты изъ него, 292.

Народное собраніе, отношеніе его къ королю, 131, 132; тожественность его съ народнымъ судомъ, 132.

Наслѣдованіе женщинъ у Аѳинянъ, 71, 72; въ Пенджабѣ, 72; связь наслѣдственнаго права съ культомъ предковъ у Индусовъ и Римлянъ, 91; у Магометанъ, 83; наслѣдственное право въ южно-славянскихъ провинціяхъ, 199 и сл.; наслѣдованіе въ боковой линіи на континентѣ и у древнихъ и современныхъ Индусовъ, 84, 85, 86.

Наслѣдственность, теорія, 119.

Нельсонъ, ссылки на его сочиненія *View of the Hindu Law* и *Scientific Study of Hindu Law*, 7 *пр.*, 9; цитаты изъ него, 93, примѣчаніе А.

Нійога, обычай, 76, 78, 80, 81.
Нормандія, кутюмы ея, 115 *пр.*
Норсъ, Роджеръ, цитата изъ его *Lives of the Northes*, 241.

Общество, патріархальная теорія общества, 147 и сл.; происхожденіе ея, 150 и сл.
Общины, сельскія, у Сѣверныхъ Славянъ, 186 и сл.; общины семейныя, какъ одно изъ древнѣйшихъ учрежденій Арійцевъ, 184; семейныя общины у Южныхъ Славянъ, 185, 187; аналогія съ римскими учрежденіями, 185; сходство ихъ съ кельтскимъ *sept*, эллинскимъ γένος, тевтонскимъ *kin*, индусской *joint-family*, 185; отличіе ихъ отъ сельскихъ общинъ Россіи и Индіи, 186; семейныя общины — разросшіяся семьи, 187; демократическій и монархическій характеръ ихъ управленія, 189, 190; неотчуждаемость общинной собственности и параллель съ римскими *res mancipi* и *res nec mancipi*, 193; различное развитіе семейныхъ общинъ у Сѣверныхъ и Южныхъ Славянъ, 204, 205: послѣдствія этого, 205; упадокъ общинъ, 205.
Описательная система родства, ссылка на нее, 224, примѣчаніе къ главѣ VIII.
Орда, теорія развитія общества изъ неорганизованной орды, 152, 153; противоположность ея съ теоріей патріархальной, 152, возраженія противъ нея, 156, 159.
Orphan Heiress, „сирота-наслѣдница“, въ аттическомъ правѣ, 79.
Остинъ, взгляды его на юридическую классификацію, 281 и сл.

Палата, Звѣздная, англійскій судъ, 126, 145.
Палата Лордовъ и верхнія палаты вообще, 19.
Палата Общинъ, работы коммиссіи ея по вопросу о зависимомъ владѣніи, 238, 240.
Паралипоменонъ, цитата, 102.
Парламентъ, судъ во Франціи, 244 и сл.
Патернитетъ, признаніе его по теоріямъ Макъ-Леннана и Моргана, 167; дѣйствительное происхожденіе его, 167.
Patria potestas, 152; у Индусовъ, 92 и сл., примѣчаніе А къ главѣ IV.
Патріархальная теорія, 147 и сл.; половая ревность, какъ источникъ развитія отцовской „власти“, 165 и сл.
Peculium, въ римскомъ правѣ, у Южныхъ Славянъ и у Индусовъ, 194 и сл
Пенджабъ, его юридическая система, 6, 20; обычное право Пенджаба, 72.
Первородство, 101 и сл.; параллель его съ притчей о блудномъ сынѣ,
Переселеніе душъ, 25 и сл.
Платонъ, его отношеніе къ патріархальной теоріи, 150, 151.
Плутархъ, цитата изъ него, 78.
„Пожары замковъ“, значеніе ихъ въ исторіи французской революціи, 229.

Покаянія и кары въ индусскомъ правѣ, 28, 29; изъятія въ области наказаній по отношенію къ браминамъ, 30, 35, 36.
Поліандрія, 80, 94.
Поллокъ, ссылка на его статью *Notes on Early English Land Law*, 258 примѣчаніе къ главѣ IX.
Помѣстье, *manor*, происхожденіе его, 234; различныя послѣдствія упадка его въ Англіи и во Франціи, 238; помѣстный судъ и отличіе его отъ сеньеріальнаго суда, 236; лордъ помѣстья, 237.
Пословицы, см. Афоризмы.
Possessio у Римлянъ, 275.
Право, появленіе юридическаго элемента въ браминскихъ книгахъ, 28, 29; римское право и англійское—наиболѣе распространенныя юридическія системы, 126; Кодексы Грегоріанскій, Германскій, Юстиніановъ, Ѳеодосіевъ, 283; раздѣленіе римскаго права на личное и вещное, 281; естественное право, 91.
Правовыя нормы, ихъ классификація въ Институціяхъ Юстиніана и у Гая, 281; отношеніе къ ней современныхъ юристовъ и реакція въ ея пользу, 282; систематика другихъ римскихъ кодексовъ, 283 и сл.; Двѣнадцать Таблицъ, 284; Преторскій Эдиктъ, 285; Lex Salica, 286; древнѣйшее ирландское право, 289; сводъ Ману, 289; сводъ Нарада, 290; общій принципъ системы, 293; различія между древними и современной классификаціями, 298.
Prescriptio, см. Давность.
Престарѣлые люди у Индусовъ, 14 и сл.
Престолонаслѣдіе, въ Индусскомъ правѣ, 96, 97; восточныя системы престолонаслѣдія, 95 и сл.; у Евреевъ, 100; распри изъ-за престолонаслѣдія, 98, 99 и сл.
Псаломъ CV, цитата изъ него, 44.
Punaluan Marriage, 154
Пундиты, 1, 2.
Пухта, нѣмецкій юристъ, 203.
Пэльгревъ, Франсисъ, ссылка на его *Rise of the English Commonwealth*, 138, 143.

Раджкумаръ Сарвадикари, профессоръ, цитата изъ его сочиненія *Hindu Law fo Inheritance*, 42.
Раджпутана, см. Раджпутскіе кланы.
Раджпутскіе кланы, происхожденіе ихъ, 207; общественное строи ихъ, 206; факторы разлагающіе и сплачивающіе, 208 и сл.; Альфредъ Лайелль о раджпутскихъ кланахъ, 207.
Расинъ, ссылка на «Аталію», 102.
Ренанъ, Эрнестъ, цитата изъ его *Souvenirs d'Enfance*, 225; Ренанъ объ общинахъ у Берберовъ въ Сѣверной Африкѣ 255
Римскій Преторъ, его Эдиктъ, 90, 91.

Родство, агнатическое, 90, 91, 106, 110, 115, 116; когнатическое, 73, 90, 105, 110, 112, 144; искусственныя формы родства у Южныхъ Славянъ, 198; родство боковое, 90, 91.

Родъ, *gens*, у Римлянъ, 185.

Розы бѣлая и алая, символы королевскихъ династій, 107.

Рёмсей, Альмарикъ, ссылка на его *Mahomeddan Law of Inheritance*, 96.

Руѳь, книга священнаго писанія, 77.

Салическое право, 109, 114, 127 и сл.; общая характеристика Салическаго кодекса и отношеніе его къ частной собственности, 110; отношеніе его къ престолонаслѣдію, 109, 110, 119 и сл.; роль Салическаго кодекса въ исторіи Франціи и взгляды на нее французскихъ историковъ, 120, 121.

Самуилъ, цитата изъ первой книги Самуила, 219, примѣчаніе къ главѣ VIII.

Сапанда въ индусскомъ правѣ, 85 пр.

Семья, теоріи Макъ-Ленана и Моргана о развитіи семьи изъ неорганизованной орды, 152, 153; естественная семья и семейная община 187 и сл.; нераздѣльныя семьи, 17, 89 и сл.; нераздѣльныя семьи и деревенскія общины, 186.

Сеньеръ, см. Помѣстный лордъ.

Сеньеріальный судъ, см. Court Baron.

Сибомъ, Фредерикъ, его сочиненіе о помѣстьяхъ и общинахъ, 254.

Скоттъ, Вальтеръ, ссылки на *Bride of Lamermoor*, 248; на *Kenil-worth*, 138.

Скропъ, цитата изъ его *History of the Manor Castle-Combee*, 214.

Славяне, Южные, различіе между агнатическимъ и когнатическимъ родствомъ, 188; уваженіе къ старикамъ, 188; положеніе женщины въ отношеніи къ браку и собственности, 196.

Смѣшанные кланы, 211 и сл.

Собственность, юридическія классификаціи ея, 259 и сл.; регистрація поземельной собственности, 273; наслѣдованіе собственности у Магометанъ, 96; способы передачи ея въ Индіи, 278

Socage-tenure, система свободнаго владѣнія землей, 233 и сл.

Софоклъ, его «Аяксъ», 48, 49 пр.

Спенсеръ, Гербертъ, цитата изъ его *Principles of Sociology*, 51.

Спенсеръ, Эдмундъ, 137, 138.

Стеббсъ, профессоръ, ссылка на его *Constitutional History*, 134.

Степени родства, въ предѣлахъ которыхъ воспрещается бракъ, у Магометанъ и у Южныхъ Славянъ, 196; степени родства по «побратимству», 199.

Стихотворная форма, какъ критерій для опредѣленія времени появленія индусскихъ юридическихъ памятниковъ, 7.

Судебная администрація въ современной Англіи и во Франціи, 144, 145.
Суды, феодальные во Франціи, 135; народные суды, постепенный переходъ ихъ въ комитеты экспертовъ, 135 и сл.; преимущества королевской юстиціи передъ народными судами, 141, 142; значеніе судовъ въ глазахъ древнѣйшихъ кодификаторовъ, 249; положеніе судовъ въ древней Исландіи, 295.
Судъ Сотни, 128, и сл.; особенность его, 129; отношеніе его къ королевской власти, 129 и сл.; обязанность присутствовать въ Сотенномъ Судѣ, 133, 134.
Sunis въ древнемъ Германскомъ правѣ, 133, 135.
Сыновья, искусственное усыновленіе, 89.

Tanistry, система наслѣдованія, 105, 111.
Тодъ, ссылка на его сочиненіе *Rajasthan*, 207.
Токквилль, ссылка на его выводы, 227; какъ онъ объясняетъ враждебное настроеніе французскихъ крестьянъ къ дворянству передъ революціей, 227.
Тотемизмъ, 153.
Трактатъ *Use of the Law*, цитаты изъ него, 233; ошибочное объясненіе, даваемое имъ происхожденію помѣстій и зависимаго владѣнія, 236.
Thunginus, Thingman, 129, 131.
Тупперъ, цитата изъ его сочиненія *Punjab Customry Law*, 6.
Тэйлоръ, Эдуардъ, цитаты изъ его *Primitive Culture*, 41, 46.
Тэнъ, Ипполитъ, ссылка на его сочиненіе *d'Anarchie Spontanee*, 219; на *La Revolution*, 229; на *Origines de la France contemporaine*, 228.

«Fang-Nien», китайская литургическая ода, 55.
Феодализмъ, основная черта его, 113.
Феодъ, см. Beneficium и Аллодъ.
Феодальныя повинности во Франціи, 238.
Фиктивные сыновья, 72, 73 и сл.
Fief, см. Помѣстье.
Finances до-революціонной Франціи, 239.
Французскій Гражданскій Кодексъ 84, 126.
Французскіе Парламенты, происхожденіе ихъ, 244; отношеніе ихъ къ сеньеріальнымъ правамъ, 245.
Французская революція, 228; нѣкоторыя изъ ея причинъ, 228 и сл.
Фриманъ, Эдуардъ, ссылка на *Comparative Politics*, 18; на *Historg of Federal Government*, 133; на *Norman Conquest*, 237.

Цицеронъ, цитата изъ его трактата *De Legibus*, 5.
Цюрихъ, поземельная регистрація, 273.

Чистилища, описаніе ихъ у Индусовъ, 23 и сл.
Чистые клапы, 209 и сл.

Шассенъ, ссылка на его *Le Génie de la Révolution* 228.
Шекспиръ, ссылка на его трагедію «Генрихъ V», 109.
Шинтоизмъ, 44.
Shire-Courts, 129, 144.
Шрадда, жертвоприношенія, 48.

Юнгъ, Артуръ, его наблюденія, 248.
Юридическія концепціи, ихъ устойчивость, 278.
Юристы, происхожденіе ихъ по индусскимъ священнымъ книгамъ, 20; древніе юристы—жрецы, 21.
Jus gentium, 91.
Юстиніановъ Кодексъ и Дигесты, ихъ система въ отношеніи къ системѣ Двѣнадцати Таблицъ, 283 и сл.; 118-ая Новелла Юститіана, 50.

Эврипидъ, цитата изъ него, 155 пр.
Эксогамія и эндогамія, 170; у Китайцевъ, 172; у Индусовъ, 171; у Римлянъ, 171; у Западныхъ народовъ, 172; эксогамія у Южныхъ Славянъ, 196; роль эксогаміи въ теоріяхъ Макъ-Леннанна и Моргана, 173, 174.
Эльтонъ, ссылка на его сочиненіе *Origins of English History*, 201.
Эмфитевзисъ, см. Beneficium.
Essoin, см. Sunis.